

Александр Николаевич Яковлев

От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века

Предисловие

"Наша судьба предначертала нашу политику: мировая торговля должна быть и будет нашей... Американский закон, американский порядок, американская цивилизация и американский флаг прочно утвердятся на берегах, которые пока еще погружены в кровавые войны и мрак невежества, но будут превращены руками божьего провидения в прекрасные и светлые".

(Сенатор А. Беверидж в 1897 году. С. J u l i e n, America's Empire. 1971, p. 416.)

"Воздействовать на мир всей силой нашего влияния ради достижения тех целей, которые мы считаем достойными, и такими методами, которые нам покажутся подходящими... Подумайте же о XX веке. Он наш не только в том смысле, что мы живем в нем, но наш и потому, что это первый век Америки как господствующей силы в мире".

(Г. Люс — миллионер, издатель. H. Luce. American century. 1941, pp. 22—27.)

"Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром".

(Президент Г. Трумэн в 1945 году. Цит. по: Ф о с т е р У. Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 674.)

"Судьба возложила на нашу страну ответственность за руководство свободным миром".
(Президент Д. Эйзенхауэр в 1953 году. "New York Times", Jan. 31, 1953.)

"Некоторые нации, можно сказать, рождены для власти, другие достигают ее или пытаются сделать это. Только о Соединенных Штатах будет справедливым заявить, что власть возложена на них".

(Дж. Даллес — государственный секретарь США при президенте Д. Эйзенхауэре. J. Dulles. America 's Rise to World Power. 1955, p. XIII.)

"Америка обладает людскими и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить национальную безопасность и выполнить свои обязательства мирового лидерства...".
(Президент Дж. Кеннеди в 1961 году. J. Kennedy. To Turn the Tide. 1962, p. 81.)

"В джунглях современной международной политики мы являемся львом. Некоторые американцы, их мало, могут и сейчас предпочитать другую международную роль — мыши, попугая или, быть может, улитки. Но, как представляется, большинство американцев, если дать им возможность выбора, предпочтут вести за собой, а не быть ведомыми и воспользоваться нашей огромной мощью, чтобы построить такой мир, в котором мы хотели бы жить, а не передавать кому-то другому ответственность за создание мира".

(Г. Кливленд — политолог, H. Cleveland. The Obligations of Power. 1966, p. 16.)

"Мгновение — и исчезли плоды строительства социализма".

(Р. Фрикланд — политолог. R. F r y k l u n d. 100 Million Lives. 1962, p. 4.)

"Мы унаследовали благородную миссию, миссию, которая является лучом надежды для всех народов земли".

(Президент Р . Рейган в 1983 году . Dept. of State bulletin, N 2079, Oct. 1983, p. 30.)

"На нас лежит ответственность гарантов свободы и мира".

(Р . Рейган в 1983 году . "New York Times", Sept. 11, 1983.)

Подобного не счесть. Американские политические лидеры, законодатели, верноподданные политологи любят рассуждать на тему об "американском веке" и "американской империи". Ничего оригинального, если подходить к подобного рода "откровениям" с точки зрения исторического опыта, здесь в общем-то нет. Имперская идеология с органически присущей ей жадной грабежа, насилия, порабощения своего и чужих народов родилась века назад и уйдет в небытие, станет достоянием историков лишь с исчезновением последнего эксплуататорского общества — капиталистического. Однако в памяти человечества останутся древние и средневековые империи, крестовые походы, позор колониализма, борьба за передел уже поделенного мира, уничтоженные цивилизации и народы, нищета и невежество — нескончаемый ряд преступлений, содеянных господствующими классами — рабовладельцами, феодалами, буржуа — во имя наживы, стремления увековечить свою власть.

Двадцатый век принес две мировых войны. Они унесли десятки миллионов людей.

Пролиты реки крови и слез. Нет таких слов, которые могли бы выразить глубину горя, пронзительность страданий, громадность несчастий, обрушившихся на страны и континенты, города и деревни, на все человечество.

Заправила гитлеровской Германии во всеуслышание объявили, что их цель — владычество над миром. Ради осуществления ее они были готовы уничтожить все человечество, кроме арийцев как "расы избранных", "очистив" ее от "расово неполноценных" — коммунистов, социал-демократов, инаковерующих, атеистов, тех, кто не может доказать арийское происхождение вплоть до пятого колена, и т. д. и т. п.

Многим миллионам из "низших рас" была уготована участь рабов. Известно, чем закончилась кровавая авантюра для главарей фашизма. Гитлера сожгли, облив бензином, а соучастников повесили. Урок, что называется, нагляден до предела.

Казалось бы, он мог и должен был послужить убедительным предостережением тем, кого вновь охватила жажда мирового господства. Но в том-то, однако, и состоит суть капиталистического строя, что его олигархия ненасытна в стремлении к богатству и власти. Такова чудовищная природа общества, обращающего слезы, страдания и кровь в золото.

Не успели отгреметь залпы второй мировой войны, как американский империализм, не скрывавший, впрочем, и до этого своих имперских воцелений, теперь, опьяненный разрушительной силой атомных взрывов, напролом пошел к осуществлению бредовой, не раз опозоренной в глазах человечества идеи мирового господства. На протяжении всей истории Соединенных Штатов последовательно развивалась и обосновывалась концепция "американской исключительности", согласно которой сам Всевышний

сотворил США для "управления народами", "руководства миром". Властвующая клика страны всегда стремилась перевести эту концепцию из области риторики в сферу практических действий.

Особенно выпукло это проявилось в связи со вступлением США в первую мировую войну. Бывший тогда президентом В. Вильсон извергал потоки обличительных речей, бичующих "погрязшую в пороках", "грешную" Европу, спасти которую от "тевтонских варваров" под силу только руководимой божественным провидением Америке. Мутная волна великодержавного шовинизма, замешенного на мессианских концепциях, захлестнула общественное мнение, превратившись в реакционную утопию "крестового похода за справедливость". Естественно, что после такого "спасения" Европе оставалось лишь следовать в фарватере американской политики, покорно выслушивать поучения из-за океана. Само собой подразумевалось, хотя и не акцентировалось в риторике президента и его присных, что основа могущества европейских держав — их колонии— должны были перейти под "разумное" управление США.

Выдвинутые В. Вильсоном пресловутые "четырнадцать пунктов" и были направлены на международно-правовое оформление этого захвата. Но более сильные тогда в военном отношении Англия и Франция по-империалистически "отблагодарили" США. В. И. Ленин писал о Версальском договоре, завершившем первую мировую войну, что "Вильсон там оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд Джордж вертели, как пешкой"[1]. Очень показательно, что В. И. Ленин в сложнейшей обстановке осени 1919 года нашел время, чтобы проанализировать политику США в отношении их собственных союзников, видя в этом истоки будущих межимпериалистических противоречий. "Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, у Америки", а это вызывает вполне определенную реакцию — "наблюдается невиданная вспышка ненависти к американцам" [2].

Идея мессианства, проходящая через всю историю США, нашла свой особый отклик у воинствующих пуритан, шаг за шагом утверждавшихся на территории первых тринадцати колоний. Эта идея, обладавшая мистифицирующей силой самоутверждения, укрепляла фанатичную веру колонистов в предопределение судьбы, забросившей их на край тогдашнего света. Но по мере роста богатства и могущества США росли и аппетиты правящих кругов этой страны, а идея мессианства удобно трансформировалась в политическую концепцию, освящающую стремление к мировому господству. За проповедями провинциальных политиканов, сменявших друг друга в Белом доме, выстраивались гегемонистские устремления господствующих сил. Кровавыми вехами мессианства, отражавшего интересы растущей плутократии, стали уничтожение миллионов индейцев, разграбление и аннексия половины мексиканской территории, политика диктата и неприкрытого грабежа стран Карибского бассейна и Латинской Америки. Уже в 1895 году сенатор Г. Лодж, подводя внушительные итоги экспансионистской политики США, сказал, что его страна держит рекорд "по захватам, колонизации, экспансии, равного которому не знает ни один народ в XIX столетии"[3]. Соединенные Штаты еще в 1823 году первыми ввели в практический обиход понятие "сферы исключительных жизненных интересов", провозгласив таковой всю Латинскую Америку. Ради утверждения этого "права" они развязали в 1898 году первую в истории империалистическую войну, приведшую к оккупации и последующему закабалению Кубы. На Дальнем Востоке США сыграли крайне неблагоприятную роль, провоцируя и разжигая русско-японскую войну, а затем предложив себя в роли

посредника-миротворца. Ретроспективно оценивая действия США в этом регионе, можно сказать, что именно они дали "зеленый свет" японской агрессии, в конечном счете закончившейся Пирл-Харбором. Американский империализм был одним из наиболее активных организаторов и вдохновителей антисоветской интервенции, экспедиционный корпус США принимал непосредственное участие в гражданской войне в Сибири. На протяжении всего межвоенного периода, прикрываясь маской изоляционизма, США беспощадно подавляли освободительные движения в странах Латинской Америки, активно вмешивались во внутренние дела государств этого региона, бесцеремонно выталкивая оттуда европейских конкурентов. Американские монополии вскармливали и взращивали германский реваншизм, надеясь получить "свое" при следующей схватке европейских хищников. Участвуя во второй мировой войне, США, особенно активно после смерти президента Ф. Рузвельта, преследовали свои традиционные империалистические цели, которые в связи с разгромом держав фашистской оси и резким ослаблением военно-политической мощи Англии и Франции, казалось, были близки к осуществлению. Монополия на ядерное оружие кружила голову стратегам из Вашингтона, подстегивала их к тому, чтобы ускорить "утверждение" своего господства в мире.

Соединенные Штаты первыми применили атомное оружие, уничтожив сотни тысяч мирных жителей японских городов Хиросима и Нагасаки. Цель была очевидной: шантажировать весь мир ядерной угрозой. С этого момента США, взяв на вооружение политику ядерного устрашения, первыми разрабатывали и производили все новые типы соответствующих вооружений, поднимая тем самым опасность войны каждый раз на все более высокий уровень. США без устали сколачивали агрессивные блоки во всех регионах земного шара (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗАМ, АНЗЮС и т. д.). Они создали первую в истории глобальную сеть иностранных военных, в том числе ядерных, баз и оккупационных сил в Западной Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, на океанских островах[4]. Эти базы выполняют тройную функцию: создают реальную военную угрозу Советскому Союзу и всему социалистическому содружеству; осуществляют режим военной оккупации в целях сохранения угодных США правительств; защищают экономические интересы американских монополий. Тем самым шаг за шагом формируется военный фундамент американской империи. В этом же контексте надо рассматривать и заявления американских лидеров о применении ядерного оружия первыми, о возможности "затяжной" и "ограниченных" ядерных войн, о "победе" в ядерной войне.

Мессианская страсть правящих кругов США способствовала гипертрофированному росту в стране двух чудовищ: милитаризма и шовинизма. Немногом более 15 лет назад Роберт Леки написал книгу "Войны Америки". Некоторые ее страницы дают известное представление о роли милитаризма в американской жизни.

В большей мере с помощью войн, чем мира, пишет Леки, были "провозглашены и защищены наши институты, развита промышленность, обогащена культура, наша история стала национальной, наше искусство и наука развились, но наши сердца были разбиты". По силе оружия, продолжает автор, мы сейчас самая мощная держава на земле. Но какой ценой! "Вокруг нас угрозы и ненависть. Наши европейские союзники колеблются и отходят. Наши новые союзники в Азии не любят нас". Куда же мы, спрашивает Леки, в таком случае идем? Станем ли мы всемирным полицейским? Ответ автора разумен: при всей своей мощи даже США "не располагают ресурсами, людской

силой, волей и правом для такой работы"[5].

Впрочем, сомневающимся в этой стране хватает, но на политике правящей верхушки страны это отражается слабо или не отражается совсем. Истекшие со времени исповеди Леки 15 лет характерны особенно опасным разгулом милитаризма. В целом, по подсчетам института Брукинса, с 1946 по 1975 год США 215 раз прямо или косвенно использовали вооруженные силы в политических целях, в 33 случаях были на грани применения ядерного оружия, в том числе 4 раза — против Советского Союза. В сущности, в послевоенном мире все более или менее крупные военные конфликты лежат на совести США — Корея, Вьетнам, Гватемала, Куба, Сальвадор, Никарагуа, Ливан, провоцирование войны между Ираном и Ираком и, наконец, оккупация Гренады. Американский интервенционизм на всем своем длинном пути сопровождался бахвальством, купеческой активностью по "продаже" на мировом рынке "ценностей" американского образа жизни. А по мере усиливающейся реакционной трансформации общества все отчетливее и нагляднее обнаруживались античеловеческие черты его экономической и социальной структуры — господство кучки миллиардеров, поработивших страну, социальное неравенство, расизм, милитаризм, аморальность и лицемерие политической жизни, ненасытная жажда наживы. Но чем сильнее навязывались претензии на руководство миром, тем меньше оказывалось желающих лезть под крыло американского орла, если не считать марионеточных режимов, фашистских, тоталитарных, автократических хунт, которые, в сущности, обречены на гибель без американских штыков.

Сегодня в США на подъеме неизменный спутник милитаризма — шовинизм, выступающий в качестве прикрытия идеологии мессианства. Его назначение — одурманить американцев идеями "божественного предназначения" этой страны, понудить их принять концепцию силы в качестве инструмента международной политики, оправдать любые действия "нации-лидера", взрастить чувство превосходства "нации" и ее образа жизни, который, мол, спасает от ошибок прошлого и обеспечивает счастливое будущее. Администрация Рейгана особенно активно играет на идее "возрождающейся Америки".

Для возбуждения шовинистических настроений цинично используются алармистские методы — ложь и запугивание "советской угрозой". Расчет понятен: в обстановке массовой истерии и страха легче получить деньги на оружие и ублажить военные корпорации. Ложная интерпретация чувства "национальной гордости" находит, одурманивая сознание, определенный отклик в стране. Иными словами, все идет по известной схеме, уже использованной в прошлом нацизмом.

В современной Америке шовинизм практически обрел одну из своих крайних форм — форму джингоизма[6], определение которому дал еще английский мыслитель Дж. Гобсон. Он писал: "Джингоист весь поглощен риском и слепой яростью борьбы... Вполне очевидно, что зрительное сладострастие джингоизма является весьма серьезным фактором империализма. Фальшивое драматизирование как войны, так и всей политики империалистической экспансии в целях возбуждения этой страсти в среде широких масс занимает немалое место в искусстве истинных организаторов империалистических подвигов — маленьких групп дельцов и политических деятелей, которые знают, чего хотят и как этого добиваться.

Ослепленный действительным или мнимым ореолом военного геройства и претензиями на строительство империй, джингоизм становится душой особого рода патриотизма,

который можно двинуть на какое угодно безумие или преступление"[7].

Достаточно вспомнить внутривнутриполитические последствия недавней агрессии Великобритании против Аргентины, американскую интервенцию против Гренады, чтобы понять опасность шовинизма, маскируемого ультрапатриотической фразеологией.

Требуется очень сильный болевой шок, как, скажем, во Вьетнаме, чтобы джингоистский угар сменился чувством стыда и разочарования. Но вирус шовинизма постоянно культивируется всем укладом жизни буржуазного общества, распространяется и тиражируется колоссальной, всепроникающей и всеподавляющей пропагандистской машиной.

Современный американский джингоизм полон энтузиазма и надежд навязать законы Дикого Запада всему цивилизованному миру. Р. Рейган, например, выступая в сентябре 1983 года, заявлял: "Мы верим в миссию Америки", "С Америкой связывает человечество самые светлые свои надежды", "Наша страна является лидером свободного мира, и мы в силу требований морали не можем уклониться от этой ответственности"[8].

Об этом президент говорит без конца. В подобных утверждениях — и фанфаронство, и банальное словоблудие, и позерство — всего понемногу. Но опасность в другом: американская правящая верхушка видит в достижении мирового господства свою цель, и не так уж мало американцев верят в эту идею. Что же касается выбора средств для ее реализации, то любые из них приемлемы, будь то прямая интервенция, контрреволюция, подрывная деятельность, убийство неудобных лидеров, война во всех ее вариантах. Шовинизм, доведенный до абсурда, к сожалению, не вызывает заметного морального протеста американского общественного мнения. Такова степень националистического угара, охватившего страну.

В этих условиях опасность милитаризма, планов завоевания мирового господства, которые вынашиваются правящей олигархической элитой США, умножается тем, что идея американского мессианства возведена на уровень добродетели и потому оказывается психологически приемлемой. Немалая заслуга в превращении "порока в добродетель" принадлежит американской политологии и пропаганде. О том, как сеется страх перед внешней опасностью, возбуждается шовинизм, оправдывается угар милитаризма и агрессии, промываются людям мозги, с тем чтобы в них не застревала ненужная, с точки зрения правящих сил, информация, как создается обстановка предвоенной истерии, и рассказывает эта работа.

Недавно достоянием мировой общественности стали официальные документы правительства США по подготовке ядерной войны против СССР.

Изучение этих чудовищных планов свидетельствует о том, что их содержание знали особо доверенные специалисты по ведению психологической войны, которые в бесконечном потоке публикаций конца 40-х — начала 50-х годов готовили общественное мнение США к будущей войне с Советским Союзом, приучали к мысли о ее неизбежности, внушали уверенность в американской победе, настойчиво "продавали" концепцию моральной оправданности и необходимости первого ядерного удара и т. д. Эта сторона дела заслуживает серьезного внимания, поскольку доказывает определенную взаимосвязь реальных военных замыслов с их пропагандистским и психологическим обеспечением. И ныне, в середине 80-х, американская политология, особенно правоконсервативная, еще с большим размахом ведет атаку на принципы мира и мирного сосуществования, обсуждает различные варианты войн и конфликтов,

конфронтационных ситуаций, сочиняет все новые и новые концепции силы в международных отношениях, подтверждая свою служебную роль поставщика "теоретических" оправданий маниакальных планов ядерных атак, планов, скрытых пока в сейфах Пентагона.

Часть I. Истоки

Глава первая. Внешняя политика начинается дома

Говорят, в каждом веке есть свое мрачное средневековье. Яркое тому свидетельство — американские планы ядерного уничтожения человечества, о которых мы расскажем позднее. Это серьезные обвинительные документы, и нужно, чтобы о них знали все. Но при ознакомлении с этими планами не может не возникнуть и такой вопрос. Почему их появление стало возможным именно в Соединенных Штатах Америки? И почему, когда документы оказались опубликованными, американцы в своей массе проявили равнодушие к их варварскому содержанию?

Здесь много причин, но не последнее место среди них занимает и та, что США — страна в массе своей малоинформированных людей, равнодушных к чужим бедам и чужим заботам.

Эта страна управляется скорее обманом и демагогией, чем убеждением, скорее силой, чем законом, скорее мертвящими привычками и традициями, чем уважением и интересом к новому, скорее ненавистью, подозрительностью, нетерпимостью, чем способностью признавать возможность иного образа жизни и мышления. Стереотипы и мифы здесь предпочтительнее объективной информации и знаний. Податливость к "промыванию мозгов", охотное согласие перекладывать ответственность за судьбы страны на власти, какие бы они ни были, что используется правящими кругами в своих целях, делает значительную часть населения слепым орудием сил, преследующих лишь свои корыстные интересы. Ложью, пропитавшей это общество, приучили людей считать иллюзии реальностями, шовинизм — патриотизмом, демагогию — достоинством, продажу сенсаций на рынке новостей — свободой информации. Мало озабоченности вызывает и то, что телевизионный ширпотреб, низкопробные боевики, книги, сеющие расовую и национальную ненависть, в значительной мере формируют массовое сознание и культуру общества, примитивизируя духовный мир человека.

Подобная удушливая атмосфера не возникает стихийно, сама по себе. Она осознанно и целенаправленно создается правящими силами, ибо наилучшим способом служит их коренным интересам, делает людей восприимчивыми к идеям "американской исключительности", "мессианского долга". Именно этот комплекс идей в сочетании с последовательно насаждаемым культом насилия, тщательно формируемым в массовом сознании образом "врага", угрожающего самому существованию США, обуславливает и восприятие войны как способа уничтожения "врага" и обеспечения собственного выживания.

Много на этой ниве трудятся, как уже говорилось, политическая наука монополий, средства массовой информации, вся служба обмана американского народа.

Буржуазия всегда цепко держала в своих руках средства массовой пропаганды, рассматривая их в качестве важнейшего инструмента реализации и упрочения своей политической власти. Пользуясь практически монопольным положением на рынке

информации несоциалистического мира, контролируя интерпретацию событий, буржуазия не ограничивается простым распространением своей идеологии, она все активнее формирует массовое сознание в собственных целях, манипулирует им. Политология, средства массовой информации, особенно в США, потеряли остатки былой относительной объективности, они отдали себя на службу реакции, воспитания у людей приверженности ценностным ориентациям буржуазного общества, выработке устойчивых стереотипов антикоммунизма и антисоветизма. Искусно извращая действительность, подменяя правду правдоподобием, прибегая к сильнодействующим, построенным на эксплуатации эмоций и иррациональных элементов сознания методам воздействия, буржуазная пропаганда играет все более пагубную роль в обществе, выступает в качестве мощного рычага реального подчинения труда капиталу, духовного порабощения народных масс.

Империализм не хочет уходить с исторической сцены. Всеми силами он старается продлить свою затянувшуюся жизнь в общественной структуре мира. Демонстрируя готовность ради этого начать термоядерную войну, уничтожить цивилизацию вообще, он в то же время все настойчивее пытается решить непримиримый спор двух социально противоположных систем в свою пользу и средствами "психологической войны", развертывая ее по самому широкому фронту — от обычной пропаганды до провокаций и подрывных действий.

Ныне эта деятельность приобрела особенно большие размеры (в частности, по программам "Истина" и "Демократия"), особенно лживый характер по существу и омерзительный по форме. Что же касается ее принципиальных направлений, они остались неизменными. Как и прежде, она концентрируется на том, чтобы изобразить США носителем и защитником общечеловеческих ценностей; на воспитании ненависти ко всему неамериканскому, и прежде всего к социализму и коммунизму, ко всем тем людям, группам, партиям и государствам, которые не идут в фарватере американской политики; на поддержке фашистских, тоталитарных режимов, автоматически проявляющих солидарность с центральным штабом мировой реакции — США; компрометации демократических, прогрессивных, революционных движений; на создании такой атмосферы в мире, которая способствовала бы согласию или пассивному примирению людей с американскими претензиями на мировое господство. Все это показывает, носителем и защитником каких ценностей выступают сегодня Соединенные Штаты. Безусловно прав американский ученый и публицист Н. Чомски, когда пишет о том, что США превратились в "высокоцентрализованное милитаристское капиталистическое государство"[9].

Американцы привыкли к обману, цинизму, демагогии в политической жизни. Все это приобрело характер нормальной повседневности, стандартной неизбежности. Поведение стереотипизируется, его восприятие тоже. Сознание людей замусоривается словами-мифами, которые преподносятся как отражающие реальную действительность. Особый упор делается на такие мифы, как "защита от советской угрозы", "защита национальных интересов", "защита свободного мира" и т. д.

В ком нуждается нация, чтобы выжить, так это в убийцах, деловито заметил один из американских политических деятелей. Воспитанием убийц посредством воспевания войны, ее неизбежности занимается и вся система пропаганды, хотя роли между ее составными частями распределены более или менее четко. Если средства массовой пропаганды не особенно озабочены поисками аргументов, то претендующей на

"объективность" суждений политологии приходится стремиться к известной респектабельности. Исследования якобы "независимых" авторов должны выглядеть убедительными. Они вынуждены искать обходные пути обмана, подчас банальные положения из обычного антисоветского набора формулировать как теоретические откровения, обрамляя их разного рода терминологической шелухой.

Конечно, буржуазные идеологи неодинаково подходят к рассмотрению проблем политики. Определенное различие во взглядах зависит прежде всего от того, интересы какой группы монополий представляет тот или иной автор, чьим вольным или невольным пособником он является. Не последнюю роль играют конъюнктурные соображения, задачи политического момента, обстоятельства сложившейся ситуации, избирательные соображения партии, находящейся у власти или, напротив, стоящей в данное время в оппозиции. Среди буржуазных пропагандистов, политических деятелей, журналистов, представителей деловых кругов немало таких, которые открыто стоят на "охранительно-патриотических" позициях, защищают самые реакционные действия правительства, призывают к применению силы, к войнам, захватам и интервенциям, к созданию американской "мировой империи", не отягощая себя ни логикой изложения, ни сколько-нибудь убедительной аргументацией. Но немало социологов, историков, публицистов стремятся выдать себя за "беспристрастных" наблюдателей, используют самые различные словесные и логические ухищрения с целью защиты принципиальных основ американской политики милитаризма и войны. Словесная благопристойность нередко помогает восприятию идей и лозунгов, которые в конечном счете формируют консервативные конформистские взгляды, выгодные правящим силам.

Буржуазная политическая наука четко ориентирована на обслуживание капиталистического строя и с большой старательностью выполняет его социальный заказ.

Под лозунгом защиты "свободы личности" культивируется равнодушие, эгоизм, индивидуализм. Романтизируются жестокость, убийства, садизм. Всеми силами возбуждается корыстолюбие, жадность, накопительство, культ денег и вещей. Много делается, и небезуспешно, для того, чтобы ввести человека в мир иллюзорных, мистических представлений о жизни, воспитать чувство ее безысходности и бессмысленности, дабы "освободить" личность от ответственности за настоящее и будущее человечества.

Американец буквально бомбардируется пропагандой, которая затемняет его взгляды, апеллирует к его предрассудкам, умышленно дезинформирует его в определенных целях. Г. Шерф в книге "Истины, полуистины и трескучие фразы в американской цивилизации" обращает внимание на то, что в США широко распространены френология, хиромантия, спиритизм, астрология, гадания и всякие суеверия. "Наука, — замечает автор, — слишком холодна для нас, мы предпочитаем мифы и легенды" [10]. За тридцать с лишним лет, прошедших после выхода этой книги, сознательно культивируемое и насаждаемое увлечение гороскопами, гаданиями, предсказаниями и тому подобным приняло в США характер массовой эпидемии. Даже президент Р. Рейган верит в таинственных духов и аккуратно читает астрологические издания. С каждым годом нарастает поток литературы, теле и кинофильмов, посвященных таким сюжетам, как "нечистая сила", "изгнание дьявола" и пр.

Огромный размах получили всякого рода секты, в том числе проповедующие обряды, вредные для физического и психического здоровья. Во главе их — шарлатаны и

преступники, выкачивающие из одураченных ими людей материальные пожертвования, принуждающие отчаявшихся и слепо верящих заниматься воровством, попрошайничеством, проституцией и т. д. Немало среди "основателей новых религий" и отъявленных мракобесов, человеконенавистников, примером чему может служить трагедия, происшедшая в Гайане. Известно, что за этим контингентом "духовных пастырей", как правило, стоят соответствующие спецслужбы США.

Продолжая характеристику буржуазной политологии, следует обратить внимание еще на одну ее черту. Это ложь. Ложь, пропитавшая средства массовой информации — от бульварных газетенок и коммерческих радиостанций до респектабельных журналов и правительственного "Голоса Америки". Надо сказать, американские средства пропаганды, включая политологию, достигли в этом большого бесстыдства.

Характеризуя методы американской пропаганды, Д. Кэйтер в книге "Четвертая власть в государстве" признает, что самая грубая фальсификация фактов, дезинформация, клевета — ее излюбленные приемы. В подтверждение автор приводит слова видного американского журналиста Севарайда, который заявил однажды, что "циничные утверждения о так называемой объективности, нагромождение всего, что печатается в газетах и говорится по радио, плоская, однобокая подача новостей придают лжи такую же весомость и значимость, как и правде"[11]. Мало кто может себе представить, "как причудлива бывает подача фактов или же что вообще выдается за факты" [12].

Ложь в этом обществе возводится в принцип морали и политики, а когда оказывается абсолютно очевидной, уже не вызывает сегодня былого возмущения. Она оказывается даже динамичнее и предпочтительнее правды. Человек перестает трепетать перед правдой. Границы рушатся. Теперь в представлении человека возможность лжи содержится и в любой действительной правде. Как замечает М. Чукас, "пропагандист лжет и тогда, когда говорит правду"[13]. Воспитанию одинакового равнодушия к правде и лжи американская пропаганда посвящает много сил, выполняя тем самым свою важнейшую функцию по вымыванию моральных ценностей человека. Ложь уже не является средством манипуляций, стоящим где-то рядом с другими. Она уже не выступает преимущественно в стыдливых одеждах разных оговорок. Ложь сегодня принцип политической, идеологической, информационной деятельности, пронизывающий всю общественно-политическую жизнь США.

Еще с десятков лет назад господствующая элита и ее аппарат исполнителей должны были как-то ловчить, разбавлять ложь о внутренней политике правительства полуправдой или отделяться общими рассуждениями о "несовершенстве" информации, "недостатках" профессионализма, "сложности" обстановки, "праве" каждого на свою интерпретацию событий и т. д. Вспомним, как изворачивался президент Эйзенхауэр, когда стала известна правда о полете шпионского самолета У-2 над территорией СССР. Вспомним так называемую "Тонкинскую резолюцию"[14], о которой сенатор Дж. Макговерн позднее сказал, что "сенат надули". А один из серьезных исследователей дипломатии США, У. Лафебер, писал, что конгресс совершил одну из самых серьезных ошибок в формировании внешней политики страны[15]. Вспомним трагедию у берегов Гренландии, когда США заявили, что на борту самолета, потерпевшего крушение, не было атомных бомб, затем — что бомбы все-таки были, но затонули и не взорвались. Когда же обманывать стало невозможно, сообщили, что опасность радиоактивного заражения есть, но она будто бы минимальна и т. д. и т. п. Ныне политическая машина США еще более "спрогрессировала", освободившись от

бремени какой-либо стеснительности. Президент США говорит о применении Советским Союзом химического оружия, зная, что лжет. Его бывший государственный секретарь А. Хейг с помощью "научно-исторических" изысканий профессионального антисоветчика Р. Пайпса развязал, как известно, крикливую кампанию о том, что СССР якобы является организатором международного терроризма. Он тоже знал, что лжет. Кстати, американская разведка позднее сообщила, что фактов, которые бы подтверждали заявления А. Хейга, да и президента, не существует. Сразу же после победы национально-освободительной революции на Гренаде в США по команде началась злобная кампания — до двухсот статей в месяц с призывом устранить угрозу "национальной безопасности" США. Бандитское нападение на Гренаду объяснялось якобы "угрозой" для жизни американских студентов, обучавшихся на этом маленьком острове. Такой "угрозы", естественно, не было, что и подтвердилось после оккупации. Тогда президент США сменил пластинку — теперь он говорит, что американские "чудо-герои" в порыве "благородства" и "гуманизма" освободили "целый народ". Готовя интервенцию против Никарагуа, американские лидеры лгут, заявляя, что эта страна представляет угрозу для США. Подхлестывая гонку вооружений, раздувая в стране шовинизм, Р. Рейган аргументирует эту линию утверждениями о "советском военном превосходстве" и "советской угрозе". Что это ложь, известно всем, в том числе и политическим лидерам США.

В конечном счете политология, извращая события, подтасовывая факты, играя в объективность либо клеветца, угрожая или уговаривая, в изобилии поставляя правителям страны различные теории и доктрины, мифы и легенды, активно мобилизует мнение людей на сторону реакционной внутренней и внешней политики правящих сил страны. Судя по всему, это сейчас особенно необходимо, ибо, как признает американский социолог А. Вилдавски, уже "к тому времени, когда разразился Уотергейт, слабая вера в то, что правительством руководят деятели, исходящие из благородных побуждений, полностью исчезла"[16].

Стержнем мировоззрения политической элиты, а под воздействием манипуляций сверху во многом и массового сознания американского обывателя, все откровеннее становится антикоммунизм, что отражает ныне, пожалуй, многие традиционные черты американского общества. Антикоммунистическая вакханалия служит как бы оправданием националистической идеологии американизма.

По ту сторону океана кумиром публики долгое время был актер Джон Уэйн. Ему посмертно присуждена золотая медаль "Джон Уэйн — Американец". Он удостоен высшего титула, символизирующего, что актер воплотил в своих героях образцовых американцев. В чем же состоит послание к человеку, которое несли с экрана герои Уэйна?

Жизненная установка его героев довольно проста, я бы сказал, примитивна. Они знали всего лишь два цвета — черный и белый, два типа людей — хороших и плохих, два символа, разделяющих мир, — Добро и Зло, но своеобразно понятых. Их абсолютная человеческая ценность — насилие. Под Добром они понимали лишь то, что хорошо для Америки, а силы Зла — это люди или государства, которые не разделяют идеалов этой страны. Несогласные в фильмах Уэйна изображались варварами и недочеловеками, людьми низшего сорта, а коль так, то они подлежали уничтожению.

Герои Уэйна — идолы, которым надлежит подражать, не рассуждая, не вникая ни в историческую ретроспективу, ни в последствия упрощенного деления мира на Добро и

Зло. Зритель вслед за героями-идолами наслаждается агониями смертей, страданиями своих братьев во Христе, его охватывает жажда убивать тех, кого он, в сущности, не знает. Но это уже не имеет значения — аудитория ослеплена дурманом ненависти. Киногерои Джона Уэйна невольно приходят на ум, когда вдумываешься в зловещий смысл антикоммунистических заявлений Р. Рейгана, для которого мир также состоит из Зла и Добра. Буржуазная пропаганда пытается сейчас отнести слова президента на эту тему к разряду лишь обычной риторики, не имеющей реального политического содержания. Это, конечно, неверно. Подобные заявления отнюдь не личная ностальгическая дань Голливуду, а вполне осознанное послание, адресованное реальным силам современной Америки. В обществе все взаимосвязано. Когда во главу угла ставится рассмотрение всех мировых проблем в свете антикоммунизма, исчезают все тона, кроме черно-белого.

При нынешней администрации антикоммунизм в американской политике как внутри страны, так и за ее пределами достиг неслыханного разгула. Сопровождаемый усилением тоталитаризма внутри страны, антикоммунизм нацелен на создание обстановки истерии и шовинизма, на психологическую подготовку к войне. Но сама возможность взлета милитаризма подготовлена задолго до Р. Рейгана. За послевоенное время политология пустила в пропагандистский оборот десятки антисоветских доктрин, сочиненных по одному рецепту: чем "страшнее" информация, тем легче она оседает в голове человека. Американцы предпочитают, если пользоваться выражением Платона, "мир теней" "миру вещей", фикции — реальностям. Кроме того, принцип стереотипизации выгоден экономически. "Коммунистическая опасность должна постоянно поддерживаться в американском сознании, если от страны хотят добиться горы денег на вооружение"[17], — пишет Ленз.

Долгие годы кропотливой и упорной работы по психологической обработке человека не прошли бесследно. Правящий класс приучил американца верить политикам, их речам, газетам, книгам, всем другим средствам пропаганды. Просто верить, не особенно вникая в существо дела. Буржуазная пропаганда держит в идейном плену значительную часть народа. В одних случаях она замалчивает факты, те или иные события, в других извращает или просто измышляет их. Как пишет М. Чукас, "при постоянной бомбардировке пропагандистскими идеями индивидуум рано или поздно обособляется от действительности... Одна за другой рушатся его связи с реальным миром, и пропагандист постепенно снабжает его всеми ответами, которые удовлетворяют любопытство индивидуума. Любая инициатива исчезает, мысленный горизонт индивидуума стабилизируется. Замораживается и становится статичным все индивидуальное"[18]. Добавим, и опустошается, Индивидуальность стандартизируется. Вскоре после второй мировой войны, в феврале 1947 года, газета "Сатэрдей ивнинг пост" опубликовала итоги опроса, проведенного Принстонским университетом. Они показали удивительную картину того, насколько извращенными являются представления американцев о Советском Союзе и его народах. Из 90 миллионов опрошенных 63 процента верили в то, будто абсолютно все, в том числе и предметы личного обихода, обобществлено в нашей стране; 64 процента американцев не знали, что зарплата в СССР не является равной, а зависит от количества и качества затраченного труда; 83 процента полагали, что все советские люди состоят в Коммунистической партии. Подавляющее большинство и не догадывалось о том, что США принимали активное участие в интервенции против Советской Республики в годы гражданской войны,

участвовали в создании "санитарного кордона" против молодого социалистического государства, не признавали нашу страну в течение 16 лет и т. д.

Заметим, что подобное невежество было продемонстрировано вскоре после достаточно долгого периода сотрудничества во время войны. Казалось бы, американцы должны были знать хотя бы элементарные сведения о своем союзнике, который положил на алтарь победы миллионы своих граждан, сражаясь за свободу не только своей страны, но и всего человечества. Но в том-то и дело, что американские правящие круги никогда не были заинтересованы в правдивой информации о Советском Союзе, его истории, действительной жизни его народа.

Мечта Г. Трумэна, выраженная им еще в 1941 году, о том, чтобы русские и немцы как можно больше убивали друг друга, поражает своим цинизмом. Но она точно отражала политическое кредо американских властителей в отношении советского народа. Планы экономического истощения или военного сокрушения всегда господствовали в экспансионистской стратегии империализма, доминировали в его правящей среде. Даже в период Великой Отечественной войны американская печать, выражая настроения господствующей элиты, публиковала то сдержанно-настороженные, то враждебные статьи о Советском Союзе. Известный английский писатель Дж. Олдридж пишет по этому поводу: "В то время как на развороченной взрывами земле Подмосковья решалось будущее планеты и вопрос о нашей жизни или смерти, я получил хороший урок, связанный с войной, властью политиканов и деятельностью „желтой прессы“". Писатель работал в то время во влиятельном американском журнале. Уже в первый год войны, в разгар битвы под Москвой, хозяева еженедельника провели совещание, на котором определили свой курс по отношению к СССР. Речь шла, по свидетельству Олдриджа, о том, поддерживать Советский Союз или нет. По-бухгалтерски прикинув соотношение опубликованных в журнале антинацистских материалов и статей, посвященных событиям в Советском Союзе, издатели пришли к выводу, что материалов против Гитлера было „слишком много“. Нежелательный крен подлежал устранению. Приказ главного редактора предписывал помещать впредь лишь небольшие статьи и сугубо о медицинской помощи Советскому Союзу. Никакого морального сочувствия, только факты о бинтах и лекарствах. Такая позиция, по свидетельству Олдриджа, господствовала во многих американских газетах и журналах того времени. Как следствие, „американская пресса с большим недоверием восприняла первые сообщения о контрударе под Ростовом. Тогда Соединенные Штаты еще поддерживали дипломатические отношения с Германией, и газеты ежедневно публиковали военные сводки, присланные из Берлина... Печать США так долго публиковала статьи о победах германских полчищ сначала в Западной Европе, а потом на Востоке, что многие американцы поверили в непобедимость Гитлера"[19]. Органы массовой информации сумели сформировать "нужную" для правящих сил точку зрения. Пусть они убивают как можно больше!

А что о той же войне, но после войны? В 1953 году в первом томе серии "Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941 —1942 гг." еще признавалось, что Германия совершила вооруженную агрессию против СССР. Второй том вышел в 1959 году. Но в нем уже другое: "Сегодня, когда мы можем более здраво судить о роли Советского Союза во второй мировой войне, становится очевидным, что оборона СССР против Германии была просто паузой в одновременных советских усилиях обеспечить свою безопасность и продолжить экспансию"[20].

Все становится на свои места. В годы "холодной войны", после нее и до наших дней в США издаются сотни книг, в которых иногда исподволь, а чаще без ухищрений реабилитируются намерения Гитлера в отношении СССР и тем самым расчищаются пути для новых претендентов на мировое господство.

Любые выдумки и небылицы о Советском Союзе американская пропаганда распространяет с наслаждением, многократно и в разных вариантах повторяет их. Что до правдивой информации, то здесь можно рассчитывать только на сообщение голого факта, если, разумеется, о нем умолчать невозможно. Американские буржуазные газеты не упустят возможности не печатать "невыгодную" информацию.

Написано много учебников и учебных пособий по антикоммунизму. Для них характерно воинствующее невежество, полное пренебрежение здравым смыслом. Основной задачей этих программ и пособий, как признают и американские авторы, "совершенно очевидно является подготовка молодого поколения к войне с Советским Союзом"[21].

Анализ американских школьных учебников, проведенный организацией "Каунсл он интернэшнл букс фор чилдрен" в 1983 году, показал, что они заполнены прославлением войны и милитаризма. В 10 из 11 учебников, например, даже не упоминаются Хиросима и Нагасаки. Все американские войны называются "героическими" и "великолепными".

Чего только не говорят и не пишут о нашем народе! Несколько примеров. Дж. Колдуэлл утверждает, что в "лагерях" Советского Союза находится до 25 миллионов человек", что коммунисты пытаются уничтожить всю семейную жизнь[22]. Р. Сверинген в книге "Мир коммунизма" следующим образом отвечает на вопросы студентов. Коммунисты, пишет он, считают, что "любое действие, даже убийство собственных родителей... оправданно, если это служит целям мирового коммунизма", что "русские лишены права свободно путешествовать по Советскому Союзу", что молодежь танцует только с разрешения комсомольских организаций, поскольку "танцевальные группы организуются комсомолом"[23]. В книге "Древо зла" А. Мэрфи, рекомендованной, как и работа Колдуэлла, для изучения в школах и университетах, написано, что нынешний мир насчитывает четыре зла: атеизм, диалектический материализм, натурализм, классовую борьбу. Диалектический материализм не видит "существенной разницы между человеком и диким животным". Но затем, утомившись от столь сложных сюжетов, Мэрфи переходит к практическим вопросам и договаривается до невероятных нелепостей. Так, она утверждает, что коммунисты организовали торговлю наркотиками в США, делают все, чтобы превратить Америку в "страну неграмотных, не умеющих писать, читать, думать или опровергать"[24]. На короткой ноге с наукой был и бывший "фюрер" бэрчистов Уэлч. Он заявил однажды, что учение Павлова о высшей нервной деятельности помогает коммунистам "превращать американцев в политических идиотов"[25].

Почему же все-таки пропаганда опускается ниже самых дешевых базарных сплетен, когда заходит речь о СССР? Какова цель?

Если учесть крайнюю односторонность информации, которую получает американец, то расчет простой: от страны, то есть от Советского Союза, где существуют нравы и порядки, описанные в "пособиях по коммунизму", ожидать можно всего, что угодно, вплоть до нападения на США. На такой волне и пропагандируется ложь "об угрозе агрессии" со стороны СССР. Радио, телевидение, кино, книги, газеты, журналы стараются убедить американский народ, что ему угрожает опасность "истребления" или в лучшем случае "завоевания".

Эта неумная выдумка лежит в основе американской антикоммунистической пропаганды, выполняет роль дымовой завесы, прикрывающей колониальную, захватническую политику империализма США, борьбу за "мировую империю".

Мутная волна страха захлестывает общество, мешает людям разобраться в событиях, помогает наиболее реакционным кругам страны усиливать свое влияние на жизнь государства. Она является как раз тем "благоприятным условием", которое дает возможность Пентагону устанавливать военный контроль над нацией.

Как подчеркивает Дж. Реймонд в книге "Власть Пентагона", ответственность военных "распространяется практически на все стороны американской социально-экономической жизни", в результате чего происходит милитаризация психологии населения США.

Американские милитаристы "крепко" зажали в тиски всю нацию"[26], свидетельствует Р. Лэпп. Генерал в отставке Д. Шоуп пишет, что американский народ "все больше привыкает к милитаризму, военной форме, культу пушек"[27]. Н. Чомски, один из немногих критиков милитаристской политики США, отмечает, что нагнетание антисоветской истерии превратилось в стандартный прием, помогающий Вашингтону решать целый комплекс внешнеполитических задач, которые, по существу, не связаны с деятельностью Советского Союза на международной арене, а главное — обеспечивать предпосылки для собственной военно-политической экспансии[28].

Обстановка опасности, нагнетаемая ежедневно и ежечасно на протяжении десятилетий милитаристской пропагандой, помогает правящим кругам страны держать в узде трудящиеся массы, без особых усилий выкачивать деньги из карманов налогоплательщиков, активизирует фашистские силы. Оголтелый антикоммунизм, господствующий в стране, душит политическую мысль, ведет к "внутренней эмиграции", способствует тому, что люди уклоняются от общественной ответственности, в том числе и в области внешней политики.

Бездумных солдат готовят в США не только ложью, но и всепроникающей пропагандой насилия. В американском обществе царит такая распущенность, что для людей с позитивным образом мышления остается единственный выход — уйти в себя и жить вне современной культуры. Быстро идет процесс морального вырождения. Растут воровство, хищения, широко распространяются обман и продажность. И это закономерно.

Большому бизнесу нужны не люди с высокими моральными принципами, а механические потребители и исполнители. Но борьба за эту механическую псевдомораль требовала маскировки. Она была найдена в разгуле антикоммунизма, в "охоте за ведьмами", процессах по обвинению в измене государству, расследованиях конгресса, чистках госаппарата и т. д.

В этой обстановке сумятицы, неразберихи, страха легко расправлялись с людьми, которые пытались противодействовать быстрому процессу морального падения общества. Им затыкали рот, их всячески дискредитировали, выбрасывали с работы, приклеивали ярлыки предателей, заговорщиков, коммунистических попутчиков. В повседневную бытовую атмосферу вошли доносы, общество впало в затянувшуюся эпилепсию маккартизма.

Французскому писателю XVII века Ларошфуко принадлежит фраза, что лицемерие всего лишь дань, которую порок платит добродетели. В американском обществе в уплате такой дани отпала всякая надобность, ибо "порок" вполне может стать "добродетелью", если постараться подать его умело. И людям приятнее видеть добродетель вместо порока.

Отсюда и фарисейская мораль: все, что бы ни делали американцы, объявляется добром, по крайней мере на этом стоит настаивать.

Романтизация жестокости, одобрение насилия, смакование сексуальных историй, изображение убийства как обычного и нормального явления — характерные черты деятельности массовых средств информации и культуры. Они несут куда больше крови, чем света. Насилие уже давно определяет внутренний климат государства, пронизывает до крайних пределов всю общественную атмосферу, все более неоспоримо претендует на роль движущей пружины общества. Главный герой, которого американец встречает всюду: в кино, на телеэкране, в книгах, журналах и газетах, — это гангстер, шпик, садист. Смакуются преступления, кровожадность, всяческие извращения, подстрекательство к преступлению и прославление его. Знаменитые американские комиксы, которым телевидение обеспечивает многомиллионные тиражи, — это гнусная демонстрация кровопускания, убийств, духовной и физической агонии, мошенничества, ужасов.

В книге Р. Тобиаса, посвященной все более распространяющемуся в США явлению — "безмотивной снайперской стрельбе", утверждается, что ежегодно регистрируется около восьми тысяч подобных случаев. По мнению автора, "такие стрелки не представляют собой определенного стереотипа. Они могут происходить из всех социальных слоев и групп и оказаться и преступниками-рецидивистами и добропорядочными гражданами, одиночками и семейными, не окончившими среднюю школу и выпускниками колледжа"[29]. Однако, пишет Р. Тобиас, все эти случаи имеют одну общую черту — стремление к разрушению. Каждый "стрелок" нуждается в том, чтобы нанести удар по силам, которые он не всегда полностью осознает. В книге описывается убийство, совершенное неким Эттибари в апреле 1979 года в Техасе. Убийца, забаррикадировавшись в автоприцепе, застрелил 57 человек, участвовавших в праздничной манифестации. Перед тем как открыть огонь, он крикнул: "Что это за общество? Предатели!" Не менее страшен, чем содержание книги, вывод автора, который считает, что "Соединенные Штаты должны научиться воспринимать рост насилия как цену, которую они должны заплатить за право их граждан свободно хранить и носить огнестрельное оружие"[30].

Эти чудовищные преступления — не отдельные трагические случаи. Почти 40 миллионов американцев, или один из каждых пяти, хотя бы раз в жизни подвергались аресту за те или иные преступные или хулиганские действия. За последнее десятилетие среднегодовое количество заключенных в тюрьмы США удвоилось. К началу 80-х годов число опасных преступлений перевалило уже за 5,5 миллиона[31]. Если в 1960 году в стране произошло, по данным официальной статистики, 8464 убийства, в 1965 году — 10 712, то в 1979 году — уже 22 550[32]. Если в первой половине 60-х годов в стране совершалось примерно 4,8 убийства на каждые 100 тысяч человек, то к концу 70-х годов — по 9,4. Это в 3,8 раза больше в расчете на душу населения, чем в Канаде, в 7,2 раза больше, чем в Англии, в 7,8 раза превышает аналогичный показатель в ФРГ[33].

Американцы убивают в 25 раз больше людей (в расчете на душу населения), чем ирландцы, в 16 раз больше, чем голландцы, в 7 раз больше, чем шведы, и в 6 раз больше, чем испанцы. Как сообщается в книге "Право носить оружие", только в 1964 году в США было зарегистрировано 2 604 400 опасных преступлений, то есть 5 — за одну минуту[34]. В 1965 году убийство совершалось каждодневно, изнасилование — каждые 23 минуты, угон автомобилей — ежеминутно.

К началу 80-х годов положение изменилось, но в еще худшую сторону. По данным одного

из исследований, проведенных под занавес 70-х, 26 процентов американских женщин хотя бы один раз в жизни становились жертвами изнасилования; причем сами авторы опроса признают, что эта цифра, вероятнее всего, серьезно занижена — ведь далеко не каждая женщина согласится ответить на подобный вопрос даже в анонимной, неподписываемой анкете.

В 1984 году стало известно об очередном злодействе, которому нет оправданий в любом цивилизованном обществе, ибо объектом его являются дети. В Калифорнии была раскрыта преступная группа, орудовавшая в дошкольном центре города Манхэттен-Бич. "Воспитатели" занимались растлением малолетних детей — мальчиков и девочек от двух до десяти лет — и предоставляли их за соответствующую плату частным клиентам. Главный доход приносила созданная при детском садике киностудия, где создавались порнографические фильмы.

Эти неслыханные злодеяния происходили на протяжении последних десяти лет, то есть еще в бытность Р. Рейгана губернатором, под аккомпанемент его самовосхвалений об "очищении" морали и нравов солнечного штата. По данным Американской академии педиатрии, каждый пятый ребенок в США становится жертвой сексуального преступления. Более полутора миллионов американцев в возрасте до 16 лет вовлечены в проституцию и детскую порнографию. Каждый год в США пропадают многие тысячи детей. Большинство из них исчезают навсегда. Одних находят убитыми. Другие попадают в липкие щупальца сексбизнеса.

О том, что общество поощряет насилие, ясно говорят программы телевидения. Эти программы по структуре схожи и повторяются изо дня в день. Обычно где-то пополудни демонстрируется убийство в том или ином Риде. Вечером можно увидеть несколько полицейских лент, в которых беспрерывно идет пальба. Покажут также пару ковбойских боевиков с кровопролитием и резней, фильм о мальчишке-головорезе, что-нибудь о войне, обязательно фильм ужасов. Эта кровавая и мучительная агония смертей, парад насилия повторяется вечер за вечером, неделя за неделей, год за годом, отравляя страхом сознание народа. Подсчитано, что школьники проводят у телевизоров от 10 до 80 часов в неделю, пожирая глазами череду кровавых насилий. Каждый американский ребенок к 14 годам становится свидетелем "ликвидации" в телепередачах в среднем 13 тысяч человек[35].

В пропаганде насилия телевидению принадлежит самая зловещая роль. Любой, кто хоть сколько-нибудь знаком с американским телевидением, знает, что все проблемы, возникающие на экране, решаются посредством силы. Шериф более меток, и поэтому он берет верх над своим противником. Сыщик не хуже работает кулаками и потому одолевает грабителя. Благородный ковбой куда более ловок: без промаха стреляет, как виртуоз ездит на коне — и тоже всегда побеждает.

Словом, чтобы доказать свою правоту, надо стрелять, убивать, причем быстрее, чем это делает твой противник. Лишь насилие эффективно и справедливо. Оно — самый короткий путь к цели. А жертва — будь то негр, фермер, твой родственник или президент страны — всего лишь то зло, которое, как убежден убийца, стоит на пути к цели.

До какой глубины насилие пронизывает весь американский образ жизни и психологию значительной части населения, свидетельствует тот факт, что именно в США сочли нормальным и естественным выпустить в обращение игру для детей и взрослых под названием "Ядерная война" и организовать ее экспорт, в том числе и на "родину" двух мировых войн — в страны Западной Европы. В инструкции к ней говорится, что это

веселая (веселая! — А. Я.) игра с использованием набора грубых дипломатических приемов и пропаганды, завершающаяся в финале всеобщим уничтожением. Среди прочих правил, включенных в наставление для желающих повеселиться, есть и такое: "Вам удалось навязать противнику неконструктивные переговоры, отнимающие массу времени и не дающие результатов. После бесплодных усилий он вынужден их прервать". В этот момент, по логике составителей игры, и следует "нажимать кнопку"[36]. Заметим только, что в перечне военных игр, продаваемых в американских магазинах — а теперь все больше и в магазинах многих других стран Запада, — "Ядерная война" лишь последняя новинка, не более того. Существуют, активно рекламируются, всячески навязываются потребителю и многие десятки других: от самых простейших и до игр с использованием электроники. "Мораль" все та же — воюйте, убивайте, взрывайте сколько вашей душе угодно. И не усматривайте в подобных забавах "ненужной" этики, не мучайтесь комплексами вины, раскаяния, угрызения совести. Таков-де человек. Такова его природа.

Пропаганда жестокости, садизма, насилия в конечном счете формирует солдат войны, готовых убивать не задумываясь. Это осмысленная политика. "Спазмы насилия" ломают рамки морали, элементарные нормы человеческих отношений. Поток ужасов и неожиданных смертей, обрушиваемый на американскую молодежь с кино и телеэкрана, со страниц комиксов, не только приучает ее относиться к жестокостям, насилиям, убийствам как к естественной повседневности. Это приучает ее поступать так же. Воспитание убийц и насильников, охваченных страхом индивидуалистов, злых мещан — вот программа, которой следуют идеологи империализма. Обстановка в обществе такова, что человек становится чужим даже в мире собственных мыслей и чувств. Порождается психологическая ущемленность и приспособленчество. Происходит духовное отчуждение личности. Царствует тупое равнодушие. Цель достигнута. В дни сорокалетия варварской бомбежки японских городов французский журнал "Фигаро-магазин" опубликовал интервью с бывшим пилотом Полом Тиббетом, сбросившим ядерную смерть на Хиросиму. Он заявил: "Хиросима? Если бы это надо было повторить, я снова предпринял бы полет... Могу подтвердить и сегодня, — рассуждал Тиббет, — сорок лет спустя после того, как я сбросил бомбу: я несколько не сожалею об этом. Воспоминания о том, что я сделал, не вызывают у меня никаких угрызений совести. У меня за все эти сорок лет не было ни одной бессонной ночи". Особенно тяжело и безысходно в этом обществе молодежи. Из года в год растет детская преступность. Довольно распространены вооруженные банды детей. Увеличивается число самоубийц среди подростков: с 1955 по 1983 год оно поднялось на 300 процентов, а среди взрослых растет примерно на 20 процентов каждое десятилетие. В большом ходу среди детей и подростков употребление наркотиков. 13 процентов из числа 17-летних юношей и девушек практически неграмотны. 5,3 миллиона подростков подвержены алкоголизму. Ежегодно одна из каждых 10 девочек-подростков беременеет. Смертность среди этих маленьких матерей на 60 процентов превышает смертность среди взрослых матерей. Американское общество оказывается бессильным остановить эпидемию, которую они называли: "Дети рожают детей"[37].

Американское буржуазное общество удивительно лицемерно. Его идеологи рисуют США как страну "всеобщего благоденствия" и "равных возможностей". Не было ни одного американского президента, который бы не эксплуатировал эту тему, изображая капитализм, а заодно и самого себя благодетелем народа, выпрашивая дополнительные

голоса на выборах. Особенно назойливо обо всем этом говорит Р. Рейган, президент, сделавший столь много, чтобы богатые стали богаче, а бедные — беднее.

Острый кризис переживают системы образования и здравоохранения. Их пронизывает социальное неравенство и расовая дискриминация. Более того, засилье частной практики в системе здравоохранения приводит к тому, что стоимость медицинских услуг постоянно растет. Дж. Фиджин, профессор Техасского университета, пишет, что с 1969 по 1980 год стоимость однодневного пребывания в частной больнице возросла с 80 до 200 долларов[38]. В системе американского здравоохранения господствуют страховые компании, компании по производству медицинского оборудования, "банки крови", за гроши скупающие у бедноты кровь.

Вот уже десятилетия эту страну преследует страшный бич бедности. И раньше Америка знала голодные походы бедняков. И раньше надежды обездоленных людей разбивались о стену холодного презрения имущего класса. Но поход бедняков на Вашингтон летом 1968 года имел особое значение. Он символизировал крах помпезных программ "Великого общества" и показал всему миру, насколько глубоко здесь социальное неравенство, чего на деле стоят разного рода теории "классового мира". Даже по официальным, то есть заниженным, данным, около 28 миллионов американцев имели в то время доходы ниже так называемой "черты бедности".

А что теперь? В конце 1983 года сенатор Э. Кеннеди опубликовал доклад "Голодающая Америка". Он представил его конгрессу. В документе содержатся данные исследования, проведенного сенатором в различных районах США. "Впервые после „великой депрессии“ 30-х годов в Америке свирепствует голод", — говорится в документе. Э. Кеннеди подчеркивает, что от голода страдают 35 миллионов американцев, проживающих за официальной "чертой бедности", и еще 20 миллионов "официальных" безработных, а также не зарегистрированных на бирже труда или занятых неполный рабочий день.

За последние два года, сообщается в докладе, на 25 процентов возросло число заболеваний, связанных с недоеданием среди детей. У 30 процентов обнаружено замедление физического развития, вызванное той же причиной. Такой взлет голодных и недоедающих сенатор считает "прямым результатом социально-экономической политики Рейгана", поскольку наращивание вооружений идет за счет сокращения расходов на социальные нужды народа.

По данным одного из ведущих американских экономистов, Р. Ликэчмэна, к концу 1984 года ассигнования на социальную сферу уменьшились с 29,5 процента средств федерального бюджета (уровень 1981 года) до 18,4 процента, в то время как военные расходы возросли до 32,4 процента[39]. Р. Ликэчмэн видит суть политики Р. Рейгана в сознательном перераспределении доходов и благ от бедных к богатым, от негров и представителей национальных меньшинств — к белым, от женщин — к мужчинам, из отсталых регионов — в процветающие, из социальной сферы — в Пентагон[40].

В наиболее тяжком положении неизменно находятся негры, пуэрториканцы, американцы мексиканского и вообще латиноамериканского происхождения, а среди этих категорий в первую очередь страдает молодежь. В 1968 году каждый четвертый молодой негр был безработным, в 1982-м — уже практически каждый второй. Процент низкооплачиваемых среди негров в несколько раз выше, чем среди белых.

Бывший президент Л. Джонсон носился с идеей "национальной войны с бедностью". Он провозгласил эту идею в качестве национальной задачи. Но жизнь снова показала, сколь

лицемерны благие порывы в мире, где все подчинено погоне за прибылью. Приведенные выше цифры — тому красноречивое доказательство. Есть и другие. В канун нового, 1984 года президент Р. Рейган обратился к соотечественникам с призывом... жертвовать продукты в пользу голодающих американцев. Поистине достойный финал 15-летней "борьбы с бедностью".

Американская демократия, сетует М. Харрингтон, "как будто перестала функционировать. Государственные деятели страны заявляют, что они стремятся только к тому, чтобы уничтожить войну, ликвидировать голод и невежество во всем мире, однако это сопровождается политикой, которая делает богатых богаче, бедных беднее и побуждает весь мир к насилию"[41].

Глубокий кризис переживают американские политические институты. Ультраправые, фашистские силы получают все более солидную материальную поддержку. У американских фашистов есть ряд организаций, в том числе национал-социалистическая партия, которая открыто называет себя нацистской. Есть и другие, которые, хотя и отрицают прямую принадлежность к нацизму, тем не менее являются таковыми по существу. "Я предвижу гетто, опутанное колючей проволокой, превращенное в концентрационный лагерь", — сказал в интервью корреспонденту журнала "Лук" Мартин Лютер Кинг. Говоря о будущем Америки, Кинг предостерегал об угрозе "прихода к власти правого крыла и, возможно, превращения нашего общества в фашистское"[42]. Через 6 дней Мартин Лютер Кинг был убит. "Американский фашизм существует, — свидетельствует А. Левин[43]. — Мы находимся на пороге фашистской Америки. Фашизм — это последнее прибежище правящего класса, который утверждает свое господство на разрушении, расизме, шовинизме, терроре и политических репрессиях"[44].

Р. Кеннеди был выразителем интересов своего класса. Но и он в интервью итальянскому журналу "Темпо" сказал однажды, что самым верным словом для обозначения современной Америки он считает "обесчеловечивание". В США человек живет в мире, в котором он имеет все меньшее значение. Во всех сферах национальной жизни, от промышленности до просвещения, человеческая личность подавляется гигантскими системами и органами, равнодушными к человеческой личности, для которой они были созданы. Через два или три месяца после того, как интервью было опубликовано, раздался выстрел в Лос-Анджелесе. Кеннеди, как и Кинг, был тоже убит.

Трагедии в Далласе, Мемфисе, Лос-Анджелесе отнюдь не только трагедии семейств Кеннеди и Кингов. Это логический результат всего образа жизни страны. Много лет спустя после этих убийств, оценивая их смысл и значение через призму внутренних и внешнеполитических событий 70-х годов, журнал "Ньюсуик" писал: "В результате насилия наши политические потери неисчислимы. Было бы явным упрощением сказать, что либерализм иссяк на идеи и умер. Правильнее сказать, что его лидеры были уничтожены. После убийства Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга возник вакуум; мы не услышали голосов, которые сформулировали бы новые политические направления"[45].

Некоторые американские газеты в связи с убийством Дж. Кеннеди писали, что многое здесь за пределами их понимания. Что сказать по этому поводу? Во-первых, за последние сто лет в США были убиты четыре президента: Авраам Линкольн (1865 г .), Джеймс Гарфилд (1881 г .), Уильям Маккинли (1901 г .), Джон Кеннеди (1963 г .). Как отмечает М. Дорман в книге "История секретной службы", той же участи едва избежали Т. Рузвельт, Ф. Рузвельт, Г. Трумэн. В 70-е годы стреляли в президента Дж. Форда, в 80-е

— в Р. Рейгана. Недостатка в желающих поупражняться в стрельбе по обитателям Белого дома в США никогда не испытывали. В результате за последний век американской "демократии" каждый пятый президент был убит, а на каждого третьего было совершено покушение[46]. Кроме того, среди политических деятелей США очень много загадочных смертей, не объясненных до сих пор. И каждый раз средства массовой информации утверждали, а политические лидеры говорили, что эти убийства выше их понимания.

Добавим лишь, что в американских семьях больше пистолетов, чем в вооруженных силах США и других стран НАТО, вместе взятых. Двести миллионов единиц огнестрельного оружия находится в руках частных лиц. Свидетельствует П. Мэрфи, бывший начальник полиции Нью-Йорка: "Нам не удалось отрешиться от унаследованного нами духа насилия. Нам не удалось навести порядок у себя дома, и у нас ежедневно чинится вооруженное насилие... Американский народ терпит и попустительствует налетам, грабежам, убийствам и другим преступлениям с применением огнестрельного оружия. Если это изощренная форма свободы, то это также и свобода в свой последний час. Трудно даже определить, сколько огнестрельного оружия находится в преступных руках. За последние годы целые тонны оружия были расхищены по пути из арсеналов и оружейных магазинов... Преступность вырабатывается всей машиной нашего общества. Невозможно изжить преступность, когда существует неравенство в образовании и жилищных условиях людей, когда растет безработица, когда у людей неравные возможности, когда вопиюще ущемляются гражданские права, когда изобилие и нищета существуют бок о бок"[47].

Огромное количество оружия помогает усиливать атмосферу страха и подозрительности, столь характерных для этого образа жизни. В результате одного из обследований установлено, что: 43 процента опрошенных боятся выходить на улицу с наступлением темноты; 35 процентов — боятся разговаривать с незнакомыми людьми; 21 процент — боятся ходить пешком; 20 процентов — хотели бы переменить местожительство, потому что боятся преступников.

Даже убежденные защитники американского образа жизни и морали становятся порой в тупик. Широко известный в США проповедник Билл Грэхэм произнес как-то полные горечи слова о цивилизации, которая создала лучшие в мире автомобили, лучшие холодильники и телевизоры, но произвела худших в мире людей. А теперь и телевизоры и автомобили перестали быть лучшими в мире.

В американском министерстве юстиции США хранится досье на членов гигантского преступного треста "Коза ностра". В этом досье имеются карточки на 200 тысяч бизнесменов-преступников. Только нелегальные азартные игры приносят корпорации 7 миллиардов долларов прибылей в год. Никто не знает даже приблизительно размеров прибылей бизнесменов, занимающихся продажей наркотиков. Новые наркотики нелегально производят химические концерны. Но полиция только во сне может посягнуть на святая святых американского образа жизни — миллионеров.

В США стали поистине крылатыми слова сенатора У. Фулбрайта: "Наше великое общество" превратилось в "больное общество". Известный канадский писатель Д. Картер считает, что Соединенные Штаты не только сами больны страшным недугом, но и стремятся заразить им другие народы. Корень зла он видит в постоянном и бессмысленном стремлении ко все большему обогащению. Эта жажда наживы, говорит он, и есть американский образ жизни, который Америка стремится распространить по

всему свету.

Таковы факты. Они определяют лицо страны, о которой французская газета "Франс-суар" написала однажды: "Америка — жестокая страна, и она страшится своего будущего". Состояние неуверенности, страха и бессилия современных США хорошо выразил известный публицист Джеймс Рестон. "Дела любой страны плохи, — писал он, — если ее народ чувствует, что он не в силах решить свои важные проблемы, и не знает, чему доверять. У нас нет веры ни в наши общие цели, ни в наши давние религиозные, философские установки, ни в нашу нынешнюю политику, ни в людей, которые планируют или проводят ее в жизнь". Это писалось еще задолго до Уотергейта и других скандалов и разоблачений последнего десятилетия.

Фарисейство буржуазии не знает границ. Оно беспредельно. Оказывается, бедность всего лишь отражение принципа "равных возможностей", фашизм — издержки "демократии", а пропаганда смерти, войны, насилия, преступлений — проявление "свободы". Свободно убивают и свободно хоронят. Линчуют и насилуют. Продают и покупают. Убийц и гробовщиков. Наркотики и пистолеты. Насильников и полицейских. Красоту и новорожденных. Автомобили и политических деятелей. Честь и достоинство. Все, буквально все. В этом — верховный принцип, венчающий мораль американского общества, ибо его этическим мерилom стали деньги.

Но если бы подобный образ жизни оставался сугубо домашним, "привилегией" этой страны, было бы полбеды. Беда в том, что свой "образ жизни" заправила США пытаются навязать всем народам, всерьез мечтают о создании "мировой империи" с этим образом жизни. Свой страх перед будущим буржуазия хочет сделать всеобщим, истерию своего класса или целого народа — всемирной, одиночество — уделом каждого и всех вместе. Сегодня мессианские вождения правящих сил США приобрели особенно откровенный агрессивный характер, что представляет реальную угрозу человечеству. Политика насилия за рубежом, возведенная в государственный принцип международных отношений, является прямым продолжением культа насилия внутри страны. Клянясь в "приверженности" миру, американская политология создает и пропагандирует самые человеконенавистнические доктрины уничтожения людей, по-иному живущих народов, оправдывает войны, если они отвечают интересам капитала. Разглагольствуя о "суверенитете" государств и народов, изображая американский империализм ревнителем "независимости" и "принципа невмешательства" в дела других, буржуазная политология последовательно оправдывает экспорт контрреволюции и все войны, которые когда-либо вели и сейчас ведут США.

Особое место в политической науке занимает обоснование необходимости и неизбежности создания "американской мировой империи". Издается множество книг, в которых доказывается, что нынешний век — век Америки, что США являются "законными" наследниками классических империй прошлого, что новая империя, исполненная в современном, американском стиле, может решить все проблемы на Земле. Возникла, писал известный американский публицист У. Липпман, "грандиозная идея, что весь мир представляет собой сферу жизненно важных американских интересов, которую следует защищать с помощью оружия"[48].

Общественное мнение сегодня не так доверчиво, как раньше, поэтому и приемы современных миссионеров стали потоньше. Наиболее изворотливые социологи, политологи, историки не отождествляют будущую "американскую империю" со старыми, европейскими, они всячески приукрашивают ее "добрыми намерениями", замешенными

на альтруизме и филантропии. Да и политики понимают, что времена колониальных военных губернаторов старого образца давно прошли.

Этого не могут не учитывать те, кто призван идеологически обеспечивать и подкреплять военные, политические и экономические программы правящих монополистических кругов, обрабатывать общественное мнение в угоду американскому гегемонизму. Четких границ между теми или иными направлениями литературы по вопросам политики, войны и мира провести почти невозможно — всякое деление будет условным, поскольку у всех авторов принципиально общая платформа — антикоммунизм. И в то же время различия в освещении тех или иных проблем, подходах к ним могут быть заметными, поэтому определенная классификация возможна.

Крайне правое крыло общественной мысли занимает "бешеная" литература. Она проповедует ядерную войну против социалистических стран, требует установить, и как можно скорее, американское господство над миром. Чтобы иметь некоторое представление о степени политического помешательства американских неофашистов, достаточно упомянуть, что бывших президентов США Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона, Дж. Картера, а также значительную часть министров, входивших в правительства при всех послевоенных президентах, пропаганда "ультристов" относит к помощникам коммунистов или сочувствующим им, именуют их сознательными агентами коммунизма. Бэрчисты (члены фашистского "Общества Джона Бэрча") причисляли к коммунистам Эйзенхауэра и братьев Даллесов. Отъявленного антикоммуниста Киссинджера называли "агентом Коминтерна". Даже Б. Голдуотера, того самого Голдуотера, который шел на президентские выборы 1964 года под флагом неизбежной ("лучше сейчас, чем потом") войны против социалистических стран, обвиняли в том, что он "слишком мягок с коммунистами"[49]. От обвинений со стороны ультраправых в "предательстве" оказался не защищен даже Р. Рейган. И лишь умерший сенатор Дж. Маккарти, имя которого стало нарицательным и служит для обозначения того периода в послевоенной истории США, когда быстрыми темпами шла фашизация многих сторон общественной жизни, полностью отвечал, как заявляют американские "ультра", их политическим идеалам, был "стопроцентным американцем".

Именно в этот период крайне правые приобрели значительную силу, начали выработать свою концепцию. Она удивительно незатейлива. Вот ее суть: определяющий фактор политического процесса — это стремление к воплощению морально-этических идеалов, для их утверждения необходим "крестовый поход", где США должна принадлежать ведущая роль как государству — воплощению свободы, демократии и процветания, и конкретные цели — "освобождение" человечества от коммунизма[50]. Именно из этого течения "правых моралистов" выросли сегодняшние "новые правые", в политологической литературе представленные, например, книгами "Новые правые: мы готовы вести за собой", "Доклады новых правых" и т. д.[51].

Распространена в США и литература, которую можно назвать умеренно-консервативной. В ней нет прямых призывов к войне. Поддерживая в целом внешнеполитические акции правящих сил, она тем не менее содержит критику отдельных шагов правительства в международных делах. Но при этом критикуются второстепенные аспекты политики или явно отжившие свой век концепции, а принципиальные политические позиции защищаются. К замечаниям критического толка прислушиваются, как известно, внимательнее, но заодно верят и апологетическим рассуждениям автора.

Например, в работе профессора Университета Джона Гопкинса Р. Хэнсена "Внешняя

политика США и третий мир", подготовленной по заданию "независимой" общественной организации — Совета по делам развития заморских территорий, председателем которого является Р. Макнамара, утверждается, что теперешний акцент на национальную безопасность может быть полезен для роста военной мощи США, однако увеличение военного бюджета отрицательно сказывается на внутренних социальных программах и на невоенных аспектах внешней политики США.

Автор отмечает, что "драматический поворот во внешней политике США от поддержки разрядки международной напряженности к ее подрыву... не только застал врасплох наших западных союзников, но и вызвал то, что наиболее глубоко мыслящие политики называют кризисом американско-европейских отношений". В результате, по образному выражению автора, "Атлантический океан стал глубже и шире". Все это подводит читателя к выводу, что в долговременной перспективе только "гибкая дипломатия" обеспечит "решающую степень" уважения и доверия между США и большинством стран, что даст возможность США руководить миром, который становится все более неуправляемым[52].

Важную роль в формировании американского общественного мнения всегда выполняла литература "либерально-критического" направления. В чем ее основной смысл? Авторы, придерживающиеся этой линии, в ряде случаев реалистически оценивают внутренние и международные проблемы. Относительная объективность их подхода к целому ряду вопросов подкупает неискушенного читателя и делает его доверчивым к восприятию и всех других утверждений и высказываний автора. Если учесть, что чаще всего критика правительства служит всего лишь фоном для защиты общих "национальных интересов", то станет очевидной манипулятивное предназначение такого рода сочинений.

Типичным для данного направления представляется книга Р. Барнета, известного американского политолога. В своем исследовании "Подлинная безопасность. Восстановление американской мощи в опасном десятилетии" автор констатирует, что в настоящее время происходит процесс падения мощи США, но дело отнюдь не в ослаблении их усилий в военной сфере, куда с 1945 года вложено свыше трех триллионов долларов. Причина кроется в совокупности действия трех факторов, какими, по его мнению, являются "революционный национализм", приведший к возникновению независимых государств на обломках колониальных империй, выдвижение ФРГ и Японии в ряд ведущих капиталистических держав, конкурирующих с США, и способность СССР нанести ответный ядерный удар по США.

Объясняя возвращение правящих кругов к военно-силовым методам ведения внешней политики, Р. Барнет проводит параллель между нынешним периодом и второй половиной 40-х — началом 50-х годов, когда закладывались основы политики "сдерживания" и обеспечения военного превосходства Америки[53]. Практические же предложения этого "критика" сводятся к защите пресловутого "нулевого решения", при котором не учитываются ядерные арсеналы Англии и Франции, идеи о заключении советско-американского соглашения о неразмещении их вооруженных сил в третьих странах (при этом за рамками соглашения остались бы 1500 американских военных объектов, уже существующих за рубежом) и тому подобным инициативам, направленным на обеспечение и закрепление военного превосходства США[54].

Но "либерально-критическое" направление примечательно и другими важными чертами. Оно по преимуществу отражает позиции той партии, которая находится в данный момент в оппозиции, "на запасных путях", что "развязывает руки" и позволяет спекулировать на

страхе людей перед войной, их недовольстве агрессивной политикой правительства, действующего от имени другой партии, и тем самым формировать настроения избирателей в свою пользу перед следующими выборами. Вместе с тем литература такого характера в известной мере подготавливает внешнеполитический курс "оппозиционной" партии на случай, если правящему классу будет выгодно "сменить флаги". Взгляды подобных теоретиков со временем превращаются в официальную политику. Ответственность за допущенные ошибки в прошлом легко сваливается на политическую группировку, оттесненную от власти. Сегодня ты критикуешь, а завтра, если тебя продвинули к власти, отказываешься, причем с шумом, от скомпрометированных действий партии-предшественницы. Благо свершенного не вернешь, но его можно покритиковать, что придает видимость демократичности в решении проблем, а в сущности является хорошо отработанным средством запутывания масс, методом проведения политики правящих сил в ее принципиальных характеристиках.

И наконец, доктрины, разрабатываемые "критиками", являются не чем иным, как более продуманной в данных конкретных условиях стратегией и тактикой обеспечения интересов буржуазного строя, удержания его международных позиций. Концепции авторов таких книг точнее учитывают изменения и новые тенденции в международных делах, что, собственно, и дает возможность сооружать более аргументированные политические платформы, а также обеспечивает постепенность перехода от одной позиции к другой, если это окажется необходимым.

В начале 70-х годов в США выходили многочисленные работы, содержавшие острую критику существующих порядков[55]. Их авторы, известные политологи, журналисты, общественные деятели, указывали на жгучие проблемы, терзавшие американское общество. Так, Дж. Гарднер, бывший министр здравоохранения, образования и социального обеспечения, писал: "Воздух, которым мы дышим, и вода, которую мы пьем, загрязнены, школьное образование переживает кризис, наши суды требуют реформ, углубляется расовый конфликт, растет безработица, нехватка жилья поднимает все выше цены на него, усиливается инфляция, выкачивая из карманов граждан их сбережения"[56]. Известный обозреватель "Нью-Йорк таймс" Т. Уикер заявлял, что "американский образ жизни больше никого не привлекает"[57]. Профессора социологии Дж. Хенслин и Л. Рейнолдс, не без иронии перечисляя формальные демократические права американцев: "писать своему конгрессмену; идти к избирательным урнам; хорошо относиться к бедным; любить соседей; обратиться к наркотикам; поддерживать местную полицию", — приходят к выводу, что социальные проблемы являются результатом системы, которая должна быть перестроена[58].

Что же касается литературы по проблемам международных отношений, то к концу 70-х годов политология либерально-критического направления в значительной мере увяла, поубавила в "воинственности", которой когда-то бравировала. Вместе со всей американской жизнью поправела и она. В атмосфере шовинистического угара ей остается мало места даже для "умеренного маневра". Более того, такие видные политологи, бывшие либералы, как Д. Белл, Д. Мойнихен, Н. Глейзер, Н. Подгорец, А. Вилдавски, С. Хантингтон, Р. Старр, С. Липсет, Э. Бэнфилд, Р. Низбет и многие другие, сошли на позиции неоконсерваторов, выступают с апологетическими заявлениями, поддерживая внешний и внутренний курс администрации Р. Рейгана. Один из них, издатель влиятельного журнала "Паблик Интрест" И. Кристол, признается, что, хотя

неоконсерваторы не проводят никаких конференций, не объединены какими-либо организационными формами и не имеют особых программных целей, тем не менее существует импульс, который пронизывает весь интеллектуальный мир. Налицо, по его определению, "взаимное притяжение"[59]. Он как бы не знает, что этот "таинственный импульс", который ощутили "вдруг и сразу" десятки представителей интеллектуальной элиты, ведущих политологов, властителей дум американской интеллигенции, не что иное, как самый прозаический социальный заказ монополистической буржуазии, сделавшей ставку на имперскую политику силы.

И наконец, появляются, хотя и нечасто, работы, авторы которых ставят своей целью доказать, что следование авантюристическому, милитаристскому внешнеполитическому курсу может привести страну и весь мир к катастрофе. В таких книгах много заблуждений, воспитанных годами антисоветской пропаганды и дезинформации. Однако дежурные, набившие оскомину измышления, хотя и не делают чести авторам, все же отступают перед реалистическими оценками. Подобные работы помогают разоблачению жрецов войны и военных провокаций. Например, в книге "Имперская демократия. Соединенные Штаты Америки после 1945 г ." ее авторы рассматривают основные противоречия в США как проявление борьбы двух тенденций в общественно-политической жизни — "тяги к империи" и "тяги к демократии", причем первая из них, по мнению авторов, явно доминирует, одерживает верх. Императивы "всемирной мощи" уходят своими корнями в историю страны, имеют экономические и психологические истоки. "Скрытность, шпионаж и подрывная деятельность, — развивают свою концепцию М. Дубовски и А. Теохарис, — стали обычным явлением имперских устремлений правительства США"[60]. Заметим, что подобные работы оказывают свое позитивное влияние на общественность, но на практическую политику Вашингтона никак не влияют.

Буржуазная политология по своим мировоззренческим позициям иррационалистична. Многие авторы вообще отрицают возможность познания международных процессов. Еще в начале 50-х годов известные трубадуры "холодной войны" Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны в работе "Международные отношения в период конфликта между демократией и диктатурой" писали, что внешняя политика не может быть полностью рациональной. Тем, кто определяет внешнюю политику и от кого зависят война, мир и прогресс, "приходится принимать наиболее значительные решения на основе интуиции"[61]. Кажется, что сказано не тридцать лет назад, а вчера, так это похоже на заявление Р. Рейгана: "Политика — это то же самое, что развлекательный бизнес. Ты делаешь чертовски сильное начало, затем на некоторое время пускаешь действие на самотек и доводишь его до потрясающего финала"[62]. Профессора М. Гордон и К. Вайнс утверждают, что международная политика не является наукой, она всего лишь нечто большее, чем аморфное состояние знаний без какого-либо очевидного порядка, который не может быть понят человеком ни сейчас, ни когда-либо в будущем[63].

В книге под редакцией Р. Макридиса "Внешняя политика в мировой политике" рассматриваются два подхода к международным проблемам. Один из них назван идеологическим. Он формулируется как "простое выражение политических, социальных и религиозных убеждений". Другой — аналитический — зиждется на "исторических традициях, географическом положении, национальных интересах, целях и нуждах безопасности" "[64].

Все пути буржуазной политологии идут в одном направлении — к подкреплению

политической философии правящего класса, апологии американского капитализма в его прошлом и настоящем обличьях. Довольно известный историк, глава так называемой школы "неореалистов" А. Невинс в работе "Ворота в историю"[65] утверждает, что даже бесспорные факты не могут служить объективной основой исторической науки. Невинс заявляет, что двигателем исторического процесса является человеческий разум, и поэтому каких-либо объективных закономерностей общественного развития не существует.

Но разум несовершенен, утверждает, в свою очередь, сенатор У. Фулбрайт, имеются постоянные расхождения между действительным миром и миром, который существует в представлении людей. И чем больше увеличивается разрыв между человеческими представлениями о мире и реальной жизнью, тем опаснее становятся действия людей. Политика все больше базируется на "старых мифах", а не на существующей действительности"[66]. Эту мысль Фулбрайт высказывал и раньше. В работе "Перспективы Запада" он утверждал, что людьми и нациями движет не то, что истинно, а то, что ими принимается за истинное[67]. Фулбрайт резко критикует американскую политику за ее поклонение мифам, но объясняет проистекающие отсюда ошибки не как результат осмысленных действий правительства, диктуемых интересами правящих монополистических сил страны, а ищет их в "несовершенстве человеческого разума". В таком толковании истоков и движущих сил внешней политики начисто исчезают ее социальные, классовые основы. Это удобно для правящих кругов еще и с той точки зрения, что любую неудачу или преднамеренную провокацию можно всегда объяснить "несовершенством разума", имеющего тенденцию, как пишут американские идеологи, все дальше уходить от реальной действительности. Всему виной "человеческое поведение", его агрессивность, унаследованная от предков, растущая драчливость и жестокость, вызванная урбанизацией населения[68].

Профессор М. Мандельбаум считает, что гонка вооружений — имманентная черта международных отношений, а военное соревнование между СССР и США является лишь эпизодом в этом длительном историческом процессе[69].

Некоторые авторы не прочь пококотничать и с подлинно научной терминологией. Например, профессор С. Шапиро в работе "Мир в состоянии кризиса"[70] признает, что в развитии общества существуют противоречия. Каковы же они? По его мнению, современное человечество унаследовало от прошлого три противоречия: а) классовые конфликты между буржуазией и пролетариатом; б) систему империалистического господства в колониях; в) национализм, социализм и демократию. Но, оказывается, первые два противоречия теперь уже исчезли. Обратите внимание: признаются действительные антагонизмы, но лишь для того, чтобы объявить об их исчезновении, а на их месте соорудить выгодные концепции. Наступает, по Шапиро, эра "либерального" капитализма, который переходит к "плановой экономике". Эра "колониального" империализма тоже закончилась. Осталось (внимание!) всего лишь одно противоречие: между западной демократией и тоталитаризмом, который, по Шапиро, связан с социализмом и национализмом.

Из надуманных, лишенных фактической основы рассуждений об эволюции противоречий капитализма делается вывод, что "холодная война", гонка вооружений и капиталистическое единство крайне необходимы, а борьба за социализм, суверенитет и национальную независимость не нужна, точнее, вредна, поскольку остается неразрешенным третье противоречие.

Известный американский политолог Теодор Уайт в книге "Америка в поисках самой себя", как бы подытоживающей серию его работ, посвященных президентским избирательным кампаниям, дает картину политической борьбы и интриг в различных частях страны. Однако "разоблачительный" пафос Т. Уайта сводится к вполне конформистскому выводу, что только узкий круг профессиональных политиков в состоянии "управлять Америкой, сопротивляясь в равной степени вора, негодяям, святым и ученым"[71]. Трудно не согласиться с оценкой, данной в книге профессора Д. Каллео, что американская политология не располагает базисной стратегией построения международных отношений, отвечающей логике развития послевоенного мира[72]. Сопоставляя многочисленные высказывания различных американских авторов, рассматривавших ключевые вопросы теории и практики международных отношений, невольно обращаешь внимание на почти дословное совпадение фактов, аргументов, основных выводов, содержащихся как в работах 50-х, так и в исследованиях 80-х годов. Новизна ограничивается лишь словесными забавами, терминологией.

Обнаженная апология капиталистической системы, защита политики реакции и войны неизбежно ведут к упадку буржуазной общественной мысли, оскудению ее теоретического багажа, лишают ее каких-либо позитивных целей, что отражает процесс разложения буржуазной культуры в целом. Культура буржуазии пожинает плоды постоянной (на протяжении всей своей истории) "однобокой заботы о накоплении богатств"[73], пишет Дж. Генри в книге "Культура против человека". Эта однобокость, будучи одной из наиболее характерных особенностей капитализма, сформировала такие присущие буржуазной культуре черты, как грубость, жестокость, отчужденность, униженность определенной части людей, их страх перед завтрашним днем, ненасытная страсть к деньгам, которые разрушают духовный мир человека, его подлинные интеллектуальные, психологические, эмоциональные ценности. Личность существует "лишь в той степени, в какой она способна платить и осуществлять необходимые задачи производства, воспроизводства и потребления"[74]. В этом и состоит, пожалуй, одна из самых трагических сторон судьбы человека в капиталистическом обществе, которое все глубже деформирует личность, опустошает ее, делая все податливее к идеям разрушения.

Согласно фактически сложившейся общественной морали, применение силы, будь то пистолет или атомная бомба, оправданно и справедливо для достижения своих целей точно так же, как оправданно и справедливо применение оружия в любом американском кинобоевике. Американским пилотам, бомбившим вьетнамские города и деревни, вдалбливали, будто они освободители, спасающие вьетнамцев. Им недосуг понять, от чего надо спасать вьетнамцев, но твердо втолковано, что спасать их надо. Точно так же, как "спасать" гренадцев и ливанцев или защищать американские жизни там, где это считает необходимым Белый дом. От кого защищать? почему? — такие вопросы в сознании платных "рыцарей свободы" даже не возникают. Нет, это не гротескное упрощение. Это пример оболванивания — дикого, чудовищного, потенциально смертельно опасного для всего человечества.

Идеалы прекрасны, когда они служат человеку и человечеству, существуют ради трудящегося большинства. Если передовые идеи размываются, теряют силу и привлекательность, изменяют реальное содержание — значит, общество пошло к упадку и гибели. Великие лозунги буржуазных революций — Свобода, Равенство, Братство — капиталистический мир затоптал в грязь фашизма, террора, утопил в крови миллионов

погибших в захватнических империалистических войнах, замарал фарисейством и лицемерием. Из провозвестника революционных лозунгов буржуазия превратилась во врага прогресса, наихуднейшего эксплуататора, душителя свободы, идеолога расизма и национальной ненависти.

Американский политолог М. Паренти писал: "У капиталистической системы — свои основополагающие мифы. В большинстве своем это мифы локковской идеологии, как, например, миф индивидуализма, который сводит человеческое сообщество к конгломерату отдельных конкурирующих друг с другом личностей, заботящихся лишь о своей выгоде и верных лишь денежным отношениям. И каким-то образом в целом все выходит к лучшему для всех благодаря „невидимой руке“ Адама Смита — невидимой руке, которая всех держит за горло.

Более того, последние 200 лет западное общество проповедует, что именно эти потребительские, конкурентные, разобщенные социальные отношения и являются "естественными" для людей, хотя на протяжении почти всей истории в большинстве стран большинство людей никогда и не слышали и никогда бы не захотели организовать общество так, как это сделал капитализм. Они сочли бы такую организацию общества не только странной, но и глубоко бесчеловечной.

Взгляните также на мифы империалистические, которые меняют местами роли жертвы и преследователя. Колонизатор превращается в "хранителя мира", колонизируемые — в "яростную массу". Империалист несет "бремя белого человека", тогда как эксплуатируемые теперь — это "те, кто получает выгоду". Империалист уничтожает древние хрупкие культуры и называет себя "цивилизатором", а местных жителей — "дикарями"[75].

Буржуазный мир охвачен сегодня глубоким духовным кризисом. Истоки его прежде всего в том, что историческое развитие нанесло поражение буржуазным учениям об обществе. Теоретики буржуазного мира убеждали людей в незыблемости капиталистических порядков, а жизнь показала временный, преходящий характер этого строя, враждебный большинству людей. Они твердили, будто никакое общество немислимо без частной собственности на орудия и средства производства, но миллионы людей уже упразднили ее и построили или строят новое, социалистическое общество, основанное на общенародной собственности.

Пожалуй, больше всего сил было потрачено на то, чтобы доказать, будто эксплуатация человека человеком — естественный закон всякого общества. Но для трети населения земного шара эта эксплуатация уничтожена раз и навсегда. Буржуазные, и прежде всего американские, ученые и в мыслях не допускали, что социалистические революции могут победить, однако социалистическое переустройство мира стало реальностью жизни. Они и думать не думали, что колониальная система когда-либо зашатается, но социалистическая революция в России открыла эру полного крушения этой системы, освобождения угнетенных народов от ярма колониализма. Так один за другим рушились опорные столбы, на которых покоились взгляды буржуазии, ее политика и мировоззрение.

Кризис буржуазной идеологии отражает тот объективный факт, что класс, интересы которого эта идеология выражает, вступил в полосу умирания. Монополистическая буржуазия, в первую очередь в США, превратилась в силу, тормозящую общественный прогресс. Духовные приказчики этого класса уже не в состоянии выразить действительные потребности общественного развития, они полностью заняты апологией

существующих порядков. Еще К. Маркс отмечал, что, как только обнажились непримиримые классовые антагонизмы капитализма, буржуазные ученые стали руководствоваться не научными, а полицейскими соображениями. Таковы объективные обстоятельства, в тисках которых оказалась американская политическая наука. Апология политики господствующего класса — ее удел.

Буржуазная идеология в силу положения своего класса в общественном производстве утратила веру в прогресс человечества. Любой непредвзятый научный анализ современной жизни обязательно приводит к выводу о неизбежности крушения капитализма. Эта перспектива страшит обреченный класс. Отсюда и глубокий пессимизм, присущий современным буржуазным идеологам. Вспомним хотя бы первые доклады Римскому клубу Дж. Форрестера и супругов Медоуз, а также мрачные предсказания Э. Тоффлера и других. Вспомним их неоправдавшиеся прогнозы о "глобальном коллапсе"[76]человечества, "гибели современной индустриальной цивилизации"[77], о тотальной катастрофе вселенной.

У социозэкологических пессимистов и им подобных в США и других странах Запада нет нужды в объективном рассмотрении действительности; они стремятся увести человека в мир политических мифов, в мир страха перед общественными катаклизмами, что облегчает поворот к реакции по всем линиям. Отказ от научного познания законов развития капиталистического общества, от признания, что его коренное изменение неизбежно, делает буржуазную политологию апологетичной и фальсификаторской. Буржуазная идеология еще способна на косметическую работу, но в сущности своей она отчетливо выражает историческую обреченность своего социального заказчика. И те, кто это начинает постепенно осознавать, уже не поют больше дифирамбов капитализму, а, наоборот, признают, что капитализм перестал быть носителем прогресса и превратился в его тормоз или, как Э. Ласло, констатируют, что бесчисленные нарушения природной среды — прямое следствие целей и этики капиталистического общества[78].

В прошлом идеологи восходящей буржуазии изображали будущее как вечное царство капиталистических порядков. Теперь они хватаются за теорию "неизбежности" исторического круговорота. Какой же вывод отсюда следует? Буржуазные идеологи отвечают: подготовка мировой войны, которая бы покончила с социализмом и приблизила возврат к безраздельному господству капиталистического общества. Логика вульгарная, но страшная по своему смыслу: война, оказывается, нужна во имя восстановления цивилизации. К подобным комбинациям и приходится прибегать идеологам современной буржуазии, чтобы отыскать хоть какую-то перспективу для своего класса да заодно попытаться обосновать "благотворность" войны с социализмом. В битве двух миров в высшей степени остро встает вопрос о сохранении человеческих ценностей и самого человека. Двадцатое столетие уже показало, и довольно убедительно, что лишь прогрессивные, революционные силы борются за сохранение и приумножение материальных и духовных ценностей человечества.

Об этом стоит напомнить хотя бы потому, что идеологи буржуазии пытаются изобразить капитализм защитником ценностей, созданных мировой цивилизацией. Американский футуролог Э. Винер из Гудзоновского института в работе "Перспективы человечества и идеология 2000 года", например, заявляет, что буржуазная идеология будущего призвана в основном и главным выполнять "охранительную функцию", ибо она и только она способна к сохранению накопленных ценностей[79].

Не в интересах — и не в силах — буржуазии признать закономерности исторического

развития, поскольку это означает признание неизбежности собственной гибели. Поэтому и теперь идеологи буржуазного класса продолжают изображать мир и ход его развития как хаотическое нагромождение необъяснимых событий, являющихся лишь следствием человеческих побуждений или ошибок. "...Мы теперь знаем значительно больше о социальной политике, чем прежде, — пишет американский социолог Н. Глейзер. — Но в то же время мы все менее уверены насчет того, какие мероприятия в этой области могут оказаться эффективными"[80].

Будучи не в силах познать объективные законы развития общества, буржуазные идеологи рассуждают примерно следующим образом. Человечество переживает кризис. Ответственность за него лежит только на человеке. Миллионы людей гибли в войнах, сжигались в печах, человек увенчал свое бессилие изобретением нового кошмара — атомной бомбы и стал якобы еще беспомощнее с точки зрения влияния на ход и исход мировых событий. Все это, как утверждает в книге У. Уэгера "Град человеческий", ведет к моральному краху мировых цивилизаций, иссушает жизнь, лишает ее смысла, вырывает исторические корни каждого народа[81]. Человечество разрывается непреодолимыми противоречиями.

Где же выход? Автор видит его в "мировом синтезе", "всемирной интеграции".

Собственно, ради этого вывода и рисуются самые неприглядные картины жизни человечества — одна страшнее другой. Но У. Уэгер, конечно, не одинок.

Конвергенционистские концепции и сегодня имеют широкое хождение на Западе.

Американский экономист Р. Хейлбронер, в частности, считает, что человечеству жизненно важно в ближайшие 20—25 лет "обеспечить сочетание всего лучшего, что имеется в практике социалистической экономики, с лучшим в либерально-капиталистической политической практике"[82].

Но ясно же, что никакой интеграции двух противоположных социальных систем, культур, идеологий быть не может, что империализм и подлинные духовные ценности человечества абсолютно несовместимы. Об этом достаточно красноречиво и жестко свидетельствует исторический опыт. Ясно также, что предложения о синтезе, конвергенции культур — еще одна попытка преодолеть кризис капиталистической формации.

Память народов хранит варварские действия выкорышей империализма — фашистов, которые нанесли невосполнимый ущерб человечеству. Идеология фашизма откровенно и концентрированно выразила враждебность капитализма достижениям мировой культуры, лучшим традициям человечества. Печи гитлеровских лагерей смерти — зловещий символ фашизма, который открыто начал истребление целых народов, попрал все моральные нормы и принципы и тем самым обнажил до предела подлинное лицо современного империализма.

А сегодня? Как можно совместить призывы к защите материальных и культурных ценностей человечества с варварскими действиями, которые совершал и совершает американский империализм во Вьетнаме, Латинской Америке, на Ближнем Востоке, с насаждением режимов военных хунт, наконец, с изобретением и протаскиванием в Европу "нейтронной" бомбы, "першингов", крылатых ракет? Как может расизм привести к "всемирной гармонии" людских интересов, о которой разглагольствуют буржуазные идеологи? Как может порождаемый империализмом суррогат культуры защитить подлинные духовные ценности?

Буржуазные идеологи пытаются оправдать духовную патологию старого мира тем, что в

самой "природе человека" якобы заключены демонические "силы зла", которые и рожают поток растлевающей литературы, кинофильмов, театральных постановок. Но "силы зла" заключены не в природе человека, а в буржуазном строе, который нуждается в духовно опустошенных насильниках и убийцах.

Даже многие буржуазные идеологи вынуждены признавать, что общество наживы несет человеку духовный распад, что современный капиталистический строй является "деградирующим обществом". Однако причины духовной агонии капитализма теоретики буржуазии видят вовсе не в его социальных устоях. Они пытаются доказать, что разрушение человеческой личности якобы следствие развития техники, а также политической активизации масс. Между тем, как справедливо замечает американский экономист Джойс Колко, близкий к "новым левым", в работе "Америка и кризис мирового капитализма", наиболее простыми и очевидными чертами капитализма являются "погоня за выгодой, функция рабочего класса как товара в производственном процессе и тот факт, что капитализм не поддается успешному планированию, тогда как попытки ортодоксальных экономистов добиться этого лишь порождают новые кризисы"[83]. Опасность воздействия буржуазной идеологии и культуры на развитие общества заключается и в том, что они объективно формируют конформистскую личность, неспособную противостоять потоку реакционных идей и аморализму общества. Ее интересы сводятся к наживе, деньгам, психология насыщается эгоизмом и равнодушием, смысл жизни лишается каких-либо высоких идеалов. Повседневное существование угнетается страхом перед завтрашним днем и термоядерным уничтожением, которое преподносится как неизбежное.

Правящий монополистический класс, став лишним в обществе, а оттого еще более зловещим и опасным, утратил способность выдвинуть какие-либо созидательные идеалы и повести общество вперед. Вследствие классовой ограниченности, прочного консерватизма мышления правящих сил капитализма все очевиднее демонстрируется неспособность идеологов и политических лидеров к рациональному анализу быстро изменяющегося мира, склонность к политической мифологии, к подмене реальных причинно-следственных связей ложными, иллюзорными представлениями, имеющими своими корнями что угодно, но только не действительность. Идеологи современного капитализма не могут или не хотят видеть реальных противоречий империализма как по "вертикали" (внутриэкономический и внутривнутриполитический срез), так и по "горизонтали" (межимпериалистические противоречия в целом, их обострение между тремя "силовыми центрами" — США, Западная Европа, Япония, отношения "Север — Юг"). Подобная концептуальная установка буржуазной политологии опасна двумя последствиями: во-первых, она лишает возможности познания объективного содержания исторических этапов и событий; во-вторых, будучи сама основанной на самообмане, она навязывает и другим те же принципы мифологической политологии и вытекающие из нее практические рекомендации, что особенно опасно. Современная буржуазия придает своей идеологии все более разрушительный, вредоносный характер, мобилизуя ее на борьбу с идеологией нового мира, с коммунистической созидательной альтернативой.

Глава вторая. Маятник двухпартийности

Конформируется личность. Нивелируются ее взгляды. Собственное мнение перестает быть собственным, но продолжает казаться таковым. Впрочем, большинство

американцев не проявляет особого интереса к защите суверенитета личного мнения. Его вполне устраивает иллюзия самостоятельности мышления. Это приятно щекочет самолюбие, а большего и не требуется, когда и без того забот полно.

Усредненная и запуганная личность особенно удобна, когда ее приглашают поиграть в "демократию", в "выборы". Обычный американец, мало осведомленный в политике, самодовольно скажет, что это он, голосуя на выборах, определяет политику страны, выбирает президента, конгрессмена, губернатора или судью. Эта мысль крепко сидит в его голове. Т. Уайт, например, утверждает, что выборы дают американцам "ощущение участия в управлении страной" и, что более важно, "ощущение контроля"[84].

Американские идеологи утверждают, что Соединенные Штаты Америки, дескать, самая демократическая страна, где каждый может стать президентом, где Билль о правах обеспечивает свободу личности, мнений, творчества. Но вот что пишет по этому поводу журнал "Тайм": "Решающая сила в завоевании политического поста в США — это могущество денег". Деньги для политика — это как молоко матери для ребенка, — говорил босс демократической партии в Калифорнии Джесс Уиру. — В наше время кандидат должен быть или богат сам, или иметь богатых друзей. Деньги — это власть, и чем больше денег, тем больше власти"[85]. А известный своими реакционными взглядами и связями с военно-промышленным комплексом сенатор Э. Дирксен в приливе откровенности поделился с представителями прессы следующей сентенцией: "Три наиболее важные вещи в политике — это деньги, деньги и еще раз деньги"[86]. Бывший вице-президент США Г. Хемфри говорил о том, что существуют в этой стране три вида политики — политика Большого Бизнеса, политика Большого Босса и политика Больших Денег.

В 1966 году пост губернатора Калифорнии, выигранный Рональдом Рейганом, миллионером, и пост губернатора Нью-Йорка, полученный Нельсоном Рокфеллером, архимиллионером, обошелся каждому из них более чем в 55 миллионов долларов. Четырьмя годами позднее переизбрание на тот же пост стоило Рейгану в расчете на каждый полученный им голос по 1 доллару 5 центов (проигравший соперник-демократ затратил на каждый голос по 42 цента)[87]. Избирательная кампания 1980 года обошлась в общей сложности уже в несколько сот миллионов долларов.

"Средний американец" склонен думать, что он воздействует на политику страны и определяет ее, но это не больше чем наивный самообман. Для тех же, кто вершит судьбы государства, "общественное мнение" представляет удобный демагогический фасад, синтетический материал, драпирующий обман, скрывающий от малоискушенного в политике американца действительных хозяев страны и их корыстную политику.

"Средний американец" не столько верит правительству, сколько приучен к мысли, что, если Вашингтон поступает так, а не иначе, следовательно, так и надо. У Вашингтона тоже свой бизнес. А бизнес надо уважать. Нет ничего предосудительного и в том, что какие-либо действия правительства или его представителей корыстны; ведь корысть в том или ином виде является вполне приемлемой чертой индивидуальной и общественной психологии американского общества. Уже упоминавшийся Н. Чомски пишет, что в результате целенаправленной пропаганды у многих людей возник весьма полезный для правительства стереотип мышления: в принципе, скажем, внешняя политика США представляется как "правильная", основанная на нравственных предпосылках, а любые проявления ее истинной сущности воспринимаются как случайные отклонения, ошибки и т. д.[88].

Американским капиталистам удалось удобно обосноваться за фасадом государственного здания, именуемого политической службой, которая пока еще эффектно разыгрывает спектакль под названием "Американская демократия". Буржуазные идеологи много делают для того, чтобы формировать удобное для правящих кругов страны "общественное мнение" и изображать его как национальное волеизъявление. Политика, утверждают они, не диктуется более интересами, одного класса — капиталистов, а выражает желания и волю всех "простых людей", а те, кто проводит эту политику в жизнь, якобы представляют "коллективный разум нации"[89]. Пропагандистская машина одурманивает человека, пытается закрыть ему глаза на нелепости и чудовищные преступления общества, в котором он живет. Средства массовой информации давно потеряли даже остатки независимости. Джеймс Рестон признает, что в главных вопросах, скажем, внешней политики "большая пресса" находится в вассальной зависимости от правительства и призвана обслуживать его интересы, "они обвенчаны без какой-либо возможности развода"[90]. Этот "неравный брак" дает правительственной верхушке возможность использовать прессу всего лишь в качестве вспомогательного инструмента[91]. Радио и телевидение, газеты и книги методично работают над тем, чтобы создать наиболее безболезненные, с точки зрения правящих кругов, условия для гонки вооружений, роста реакции, воспитания американцев в духе расового превосходства и насилия. Вот как пишет об этом журнал "Американ опиньон" ("Американское мнение"):

"Каждый день в миллионах домов во всей Америке ведется пропагандистская война против умов в большинстве своем ничего не подозревающих людей. Эта война ведется каждое утро на страницах ежедневных газет, особенно — таких органов прессы истэблшмента, как „Нью-Йорк таймс“, „Вашингтон пост“ и „Лос-Анджелес таймс“. Она ведется каждую неделю крупными еженедельными журналами — „Таймом“ и „Ньюсуиком“. И она разворачивается в течение всего дня радио— и телесетью. ...Все растущее число наших сограждан-американцев осознает масштабы предвзятости средств массовой информации и справедливо этим возмущено".

Не так давно опрос, проведенный "Лос-Анджелес таймс", удивил ее редакторов тем открытием, что только один из трех американцев верит в объективность журналистов. Опрос Гэллапа показал, что общественность ставит этические нормы и честность репортеров гораздо ниже, чем те же качества полицейских. А совсем недавно "Вашингтон пост" обнаружила, что 53 процента опрошенных согласились с утверждением, что крупные средства информации часто скрывают истории, которые должны быть освещены ими. Только 35 процентов считали, что средства массовой информации не осуществляют таких сокрытий. Тот же опрос показал, что люди отдают себе отчет в предвзятости журналистики: 59 процентов заявили, что репортеры крупных информационных средств часто пространно излагают свою собственную точку зрения, тогда как фактов приводят недостаточно.

Статистическое подтверждение этого было представлено в большом исследовании, опубликованном в "Паблик опиньон" в прошлом году. Для этого исследования Роберт Лихтер из университета Джорджа Вашингтона и Стэнли Ротмэн из колледжа Смита провели часовые интервью с 240 нашими наиболее влиятельными журналистами и комментаторами, представляющими наиболее мощные источники массовой информации, включая "Нью-Йорк таймс", "Вашингтон пост", "Уолл-стрит джорнэл", "Тайм", "Ньюсуик", "Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт", Эн-би-си, Си-би-эс, Эй-би-си и

Пи-би-эс. Результаты этого академического исследования читаются как бестселлер. Исследование Лихтера и Ротмэна показало, что нашими средствами массовой информации управляет социально привилегированный класс из слоев с высшим средним уровнем доходов. 95 процентов их — белые, 79 процентов — мужчины, 93 процента имеют высшее образование, 55 процентов — ученые степени, и почти половина может похвастаться семейными доходами, превышающими 50 тысяч долларов.

Томас Джефферсон говорил: "Если нация думает быть невежественной и свободной одновременно, то она думает о том, чего никогда не было и никогда не будет". Вот почему так важны честное освещение событий и возможность изучения альтернативных точек зрения. Новости, которые мы читаем и слышим, влияют на формирование нашего собственного мнения. Когда мы берем газету и читаем статью или когда мы включаем телевизор и смотрим программу вечерних новостей, на наше сознание и подсознание оказывается давление. Если нас дезинформируют или скрывают от нас необходимые факты — мы становимся жертвами манипуляции"[92].

И чем сильнее правительство подпадает под власть финансовой олигархии, чем крепче сила монополий соединяется силой государства в единый механизм, направленный против трудящихся, чем больше усиливается власть монополистической буржуазии над жизнью нации, тем настойчивее апологеты капитализма внушают американцам, будто политика правительства определяется народом, диктуется им и формируется на основании общественного мнения.

Политическая литература особенно умиляется по поводу того, что две буржуазные партии США попеременно сменяют друг друга у власти. Соперничество республиканской и демократической партий — это, мол, и есть "демократия". Смена партий у власти означает будто бы некие "толчки", оживляющие обстановку в стране, придающие обществу динамичность. Буржуазные пропагандисты старательно внушают избирателям мысль, что, отдавая на выборах предпочтение кандидатам той или иной партии, они оказывают таким образом "решающее влияние" на политику государства.

Авторы политических гороскопов, используя имитацию "всенародного волеизъявления", называемую выборами, пытаются решить неразрешимую задачу. В стране усиливаются неуверенность и беспокойство, обостряются социально-экономические и расовые проблемы, налоги и цены растут с каждым днем. Все это нельзя не видеть даже с позиций ура—патриотизма, который готов обелить даже самые неприглядные стороны национальной жизни.

"А у нас две партии!" — твердят буржуазные идеологи, когда сказать уже больше нечего. Американцу снова и снова внушается, что живет он в самой, самой... сиречь "демократической". Как будто демократия измеряется речами, числом партий или избирательной демагогией, а не реальными делами, не тем, кому государство служит, к защите чьих интересов приставлено.

В сущности же, если подходить к системе двух партий в США с мерками европейских партийных стандартов, то и в этом понимании их не существует. На практике имеются предвыборные комитеты, именуемые партиями. Они занимаются политической агитацией, идеологической обработкой избирателей в пользу того или иного кандидата в президенты, губернаторы, члены конгресса и т. д. После выборов их жизнь замирает, партийный аппарат свертывается, реальной властью они не обладают. Например, на президента институт партий не может оказать какого-либо влияния, как, впрочем, и на

других представителей партии, находящихся в механизме власти.

Перед выборами президента или членов конгресса со страниц американских книг и газет не сходит вопрос: кто победит? "Слон" (эмблема республиканской партии) или "осел" (эмблема демократической партии)? В 1952 году после непрерывного двадцатилетнего правления "осла" к власти пришел "слон". Президентом страны был избран представитель республиканской партии генерал Д. Эйзенхауэр, сменивший Г. Трумэна, который президентствовал все первые послевоенные годы. В 1960 году роли снова поменялись. На первый план опять вышла демократическая партия. Президентом стал Дж. Кеннеди, которого вскоре застрелили, как в прошлом и некоторых других президентов этой "демократической" страны. К руководству государством пришел Л. Джонсон.

Осенью 1968 года двухпартийный маятник вновь качнулся в сторону республиканцев. В Белом доме оказался Р. Никсон. Призрачность этой перемены видна была хотя бы из того, что на президентском посту оказался отнюдь не новый для Вашингтона человек. В течение 8 лет Никсон был вторым человеком в правительстве Эйзенхауэра. Он нес на себе немалую часть того политического балласта, который пустил ко дну администрацию республиканцев в 1960 году. Именно Никсону пришлось расплатиться в ходе этих выборов за провалы администрации. Эйзенхауэр отошел в сторону, сделав своего вице-президента своеобразным козлом отпущения и заставив его испытать горькую чашу поражения от Дж. Кеннеди.

О том, что на политической арене перетасовывается все та же колода карт, говорит и следующий эпизод из зигзагообразной карьеры Р. Никсона. Учитывая "особые заслуги" бывшего вице-президента, его не списали в архив, а выдвинули на пост губернатора "имперского штата" Калифорнии, вотчины военно-промышленного комплекса, которому Р. Никсон служил верой и правдой. Однако и здесь его поджидала неудача. Ставка на "восходящую" звезду" Р. Рейгана оказалась выше. Затем произошла очередная перестановка фигур, и наступила очередь Р. Никсона. Но его надо было отмывать, поскольку за Никсоном довольно прочно закрепилась репутация "неудачника", "плутоватого Дика" "ястреба и забияки". Надо было создать образ "нового Никсона": опытного, уравновешенного, терпимого к другим мнениям и, конечно же, "сострадательного к людям". После этой операции его вновь предложили избирателям как самого, самого... Прав Т. Уайт, когда пишет, что "личность может подняться над потоком событий лишь тогда, когда ее выталкивают закулисные силы"[93].

Все последовавшее было, разумеется, тоже проявлениями "самой демократической" из всех демократий. Никсона убрали через четыре с половиной года президентства в результате крупного скандала. Человек, который с телеэкранов всей страны бил себя кулаком в грудь и проникновенно клялся: "Я не мошенник!" (именно так, дословно), едва спасся от заслуженного правосудия. Но все же спасся.

Буржуазная пресса всех направлений взахлеб расписывала, что подобное возможно только в США. Что верно, то верно. В чем, собственно, провинился Никсон? Грязные методы предвыборной борьбы — взломы, кражи документов, компрометация соперников, подслушивание разговоров? Но в ходе самого же "уотергейтского дела" постепенно выяснялось, что записывать телефонные разговоры и подслушивать своих политических соперников начали еще во времена Ф. Рузвельта. Что воровством документов занимались — хотя и неодинаково успешно — все партии и претенденты, включая и Рейгана. Недостойные, а то и откровенно криминальные методы ведения

избирательных кампаний описаны еще в американской литературе прошлого столетия. Не надо было попадаться? Безусловно. И все же дело далеко не в этом.

Вспомним, что именно после убийства президента Кеннеди в правящей элите США схлестнулись за контроль над высшей должностью в стране две ее группировки: старый, традиционный "восточный" истеблишмент, выросший практически вместе с Америкой, и новый, молодой, особенно агрессивный "западный", поднявшийся на дрожжах военных заказов в годы второй мировой войны и последующие десятилетия. Вспомним также, что, когда "западный" истеблишмент впервые пошел на рубеже 40-х и 50-х годов на "штурм" американского конгресса, одним из наиболее беспощадных и беспринципных его представителей был вместе с сенатором Маккарти его друг и правая рука Р. Никсон. Можно лишь догадываться, какое количество личных счетов сводилось два десятилетия спустя в ходе "Уотергейта".

Но остается фактом другое: после Кеннеди "восточники" ни разу не получали доступа в Белый дом. Места там делили лишь представители Запада и Юга — единые в противоборстве с Востоком страны, но не в чем-либо еще. Вряд ли есть более наглядное подтверждение призрачности "выбора", которым располагают избиратели США, фальшивости того, что буржуазной политической наукой выдается за эталон демократии.

Пожары страстей затухают сразу же после выборов. Законы театрализованной "демократии" требуют шума, обвинений, организации общенационального галдежа о свободе, о том, что правительство уходящей партии было плохим, а пришедшая к власти партия будет хорошей. И все только для того, чтобы оставить в тени, избавить от политической ответственности финансовых олигархов государства.

Между тем стратегические линии правящих сил в основе своей не претерпевают изменений. Приверженность пришедшего к власти президента политическому курсу его предшественника объясняют "патриотизмом", преданностью "национальным интересам" и т. д. Возвращается к исполнению обычных обязанностей и политология: как можно активнее внушать людям, что политика правительства — единственно правильная и единственно возможная.

Бывает, конечно, и так, что оппозиционная партия всячески помогает правящей проводить ту или иную политику, а придя к власти, отрещивается от нее. По крайней мере на словах. Например, перед выборами в 1952 году, когда республиканцы пришли к власти, они принимали самое активное участие в формировании внешней политики правительства демократов. Сошлемся на высказывание республиканца Даллеса, сделанное им в начале 1952 года. Оценивая внешнюю политику правительства Трумэна, он утверждал, что "последние пять лет были годами успехов". Но прошло несколько месяцев, и точка зрения круто изменилась. В июне 1952 года в журнале "Лайф" Даллес писал, что "все большее число людей отворачивается от нашей политики как от слишком милитаристской, слишком дорогой, слишком неустойчивой, слишком неясной, чтобы за ней следовать". А в разгар избирательной кампании Даллес заявил: "Я, генерал Эйзенхауэр и сенатор Никсон пришли к выводу, что американская внешняя политика поставила нацию перед величайшей угрозой, которая существовала когда-либо в истории страны"[94].

В ходе предвыборной борьбы 1968 года можно было заметить некоторые особенности в поведении республиканцев, которые вернулись к власти, Никсон избегал обязательств в области внешней политики. При случае ругал старую, где-то ее же хвалил, но свою

программу не развертывал. Тактика оправдала себя. Для победы республиканцев хватило груза ошибок демократов, накопленных как во внутренней, так и во внешней политике. Перегруженные "кризисной политикой", демократы осели на дно. На поверхности оказались республиканцы.

Дж. Даллес обвинял демократов в "милитаризме". Но уже в январе 1954 года тот же Даллес, развивая идею президента Эйзенхауэра, высказанную ранее, заявил о необходимости быстрого развития вооруженных сил, с тем чтобы создать способность "возмездия немедленно, средствами и в местах по нашему выбору"[95]. Слова эти были положены в основу пресловутой политики "массированного возмездия", державшей мир многие годы на грани мировой войны. Увеличения "массированных, мобильных сил возмездия"[96] потребовал и Никсон. В обстановке нагнетания международной напряженности шла подготовка к военной интервенции в Индокитае.

Франция в Индокитае была близка к краху. Как свидетельствует Р. Доновэн, к февралю 1954 года положение оказалось "настолько критическим, что возможность американской интервенции... стала предметом серьезного обсуждения в правительстве"[97].

Оставалось решить: вместе с союзниками или без них США начнут военные действия.

16 апреля 1954 года Никсон заявил, что "свободный мир не может позволить дальнейшее отступление из Азии", что "мы должны пойти на риск и послать американских парней в Индокитай"[98].

Казалось, что вот-вот будет достигнуто соглашение об организации объединенных действий. Но во время экстренной поездки в Лондон и Париж Даллес обнаружил непонимание идеи совместных действий. Вместо того чтобы "немедленно коллективно выступить в защиту Индокитая"[99], Англия и Франция склонялись к переговорам. Да и в самой Америке общественное мнение еще "не было готово принять интервенцию"[100]. Войну против Кореи вело правительство демократов при активной поддержке республиканцев. Затем избирательные соображения потребовали, чтобы республиканцы изобразили себя посторонними в этой войне и даже противниками ее. Им была уготована роль "миротворцев".

Тем временем "миротворцы" готовили очередную интервенцию — на сей раз во Вьетнаме. Не получилось. И вновь развязывание этой войны оставили демократам. И после провала вьетнамской авантюры республиканцы опять исполнили роль "партии мира". Но "героического спектакля" не получилось. Авантюра США во Вьетнаме закончилась полным провалом и позором. И только много позднее, в основном при Рейгане, правящие круги решили "реабилитировать" американскую разбойничью кампанию в Юго-Восточной Азии. Теперь уже говорят о "добродушных парнях", оказавшихся в джунглях Вьетнама, их "самопожертвовании" во имя, конечно же, "свободы" и "демократии".

В США издается много работ, в которых делаются попытки найти разницу между партиями, особенно на основе платформ, заявлений и т. д. Однако еще никто не нашел различий в практической политике. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что тон и характер взаимных обвинений до смешного одинаковы. Партии ругают одна другую за те же самые грехи: "много говорят, но предпринимает мало конструктивных действий", "проводят случайную политику как внутри страны, так и за границей", "утратили господствующие позиции в мире", "привели к падению престижа США", "сделали непоправимые уступки коммунистам", "завели страну в тупик", "ничего не сделали для борьбы с бедностью, преступностью, коррупцией". И так из года в год, от

одних выборов к другим. Гладкие, обкатанные, словно камни в горной реке, фразы. Мало кого интересует их смысл. К ним привыкли.

Впрочем, принципиальных различий в политике и быть не может. Обе буржуазные партии рождены одним и тем же классом, содержатся им и служат ему.

"Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других „частностей“ [101], — писал В. И. Ленин. Такой "частностью" в условиях американской действительности является двухпартийная система, созданная и выпестованная правящим классом для обмана трудящихся. И любая степень "близости" или "отличия" этих двух партий не может изменить сущности буржуазного политического строя, антидемократического в своей основе.

Конечно, было бы упрощением считать, что обе партии одинаковы абсолютно. Отличия в подходе к тем или иным явлениям, событиям, в понимании того, как лучше служить интересам власть имущих, бесспорно, есть. В зависимости от складывающейся обстановки эти различия могут быть более или менее заметными. Особенно тогда, когда противоречия в обществе обостряются и партии испытывают повышенное давление избирателей. Настроения масс приходится учитывать, чтобы не допустить на выборах голосования за кого-то третьего. Еще несколько десятилетий назад партии более или менее разнились с точки зрения их групповой и социальной базы. За республиканцев всегда горой был "большой бизнес", верхние слои буржуазии, военная элита, богатое фермерство. За демократами стояла католическая церковь, профсоюзы, иммигранты не из Европы, негритянское и значительная часть еврейского населения, студенчество, либеральная профессура. Но картина постепенно меняется. Не такой уже прочной опорой демократов является юг страны. Произошли сдвиги в соотношении сил между восточной, южной и западной группировками финансового капитала. Да и "большой бизнес", по-прежнему благоволя к республиканцам, все активнее подкармливает и демократов.

Монополистический капитал не может остаться одноруким. Партия — это политическая тактика монополий, которая требует "различий", "борьбы", "смены людей", то есть всего того, что необходимо для сохранения власти в руках господствующего класса.

Обе партии — детище одних и тех же правящих сил. Но в сложных переплетениях американской политической жизни существует и такая особенность: отдельные монополистические группировки имеют своего "любимца" (демократов или республиканцев), которого они лелеют, финансируют, ведут к власти, а затем извлекают выгоду из создавшейся ситуации. Публичные и закулисные баталии между партиями в какой-то степени отражают противоречия между финансовыми блоками. И поэтому пришедшая к власти партия, защищая интересы капиталистического класса в целом (это, разумеется, главное), учитывает (прежде всего в распределении военных заказов) интересы той коалиции промышленников, которая особенно благоволила к партии во время выборов. В последние годы, например, обе партии ведут яростную борьбу за поддержку со стороны военно-ядерного комплекса. Они прямо-таки выслуживаются перед ним, но кажется, что республиканцы ближе к победе, хотя атомный бизнес активно начали растить именно демократы при Г. Трумэне.

Республиканская и демократическая партии продолжают занимать прочные позиции в политической жизни США. Еще многие американцы верят в то, что своим голосованием на выборах они могут влиять на политику. Но уже многие начинают понимать, что

партия, находящаяся у власти, не руководствуется мнением народа, как это из всех сил стараются доказать американские идеологи, а служит корыстным интересам финансового капитала.

Да и с какой стати буржуазным политическим деятелям всерьез прислушиваться к демократическому общественному мнению, если в США еще не возникло условий для упразднения тоталитарной системы двух партий, главное различие между которыми — степень изворотливости во время "переодевания костюмов". Кроме того, всякая строптивость по важным вопросам, любая попытка куснуть руку, которая кормит, рано или поздно приведут к тому, что корыто, из которого кормятся политические деятели, может оказаться пустым.

Выборы как бы "хоронят" обещания политиков. Что говорить о посулах ушедших или не прошедших на выборах деятелей, если и те, которые сумели пробиться к власти, отнюдь не склонны вспоминать всерьез все, что наобещали в лихорадке предвыборной демагогии. Да им и напоминать об этом некому.

Перед выборами 1968 года Д. Гэллап, руководитель американского института общественного мнения, дал интервью журналу "Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт".

"Вопрос . Д-р Гэллап, что происходит в стране в этот год выборов?"

Ответ . Я не помню такого времени, во всяком случае с 1932 года, когда ситуация была бы столь неопределенной, столь запутанной. В народе много недовольства, ситуация крайне неустойчивая.

Вопрос . Хотят ли люди перемен?"

Ответ . Думаю, что да. Однако многие считают, что им некуда идти. Они, видимо, разочарованы кандидатами на пост президента вообще.

Вопрос . Что еще, кроме Вьетнама, заботит народ в настоящее время?"

Ответ . Следующий важнейший вопрос в стране сегодня — это вопрос о преступности и беззаконии. Людям не нравится быстрый рост преступности, но к кому они могут обратиться? Люди сыты по горло политиками; я имею в виду наших обычных политических деятелей".

Так свидетельствует Гэллап — человек, разумеется, осведомленный в процессах американской политической жизни. Но так можно писать перед каждыми выборами, причем чем дальше, тем в большей степени. Так, кстати, и пишут и даже заявляют в пылу предвыборного азарта сами претенденты. В самом конце 70-х годов один из них, домогаясь кресла в Белом доме, обратился к соотечественникам с вопросом, оказавшимся отнюдь не риторическим: а лучше ли вы живете сейчас, дорогие сограждане, чем четыре года назад? снизились ли цены и инфляция? легче ли вам платить за учебу ваших детей? Сограждане, по-видимому, сочли постановку вопроса абсолютно справедливой и проголосовали за претендента. Четыре года спустя этот вопрос был обращен теперь уже к нему самому, действующему президенту США. Только теперь добавился еще один чрезвычайно существенный вопрос: чувствуете ли вы себя сейчас в большей безопасности, чем четыре года назад? Мы не называем здесь имен лишь по одной причине: это могло происходить и происходит с любым президентом. Но чем больше разочарование политиками, тем активнее должна быть пропаганда их достоинств и добродетелей. Особенно много книг о президентах выходит в то время, когда они находятся у власти. Расписывают все: привычки, слабости, способности,

семейные дела. Американцев стараются убедить, что каждый раз во главе нации стоит "великий человек". Так было с Трумэном. Сотни книг вышли об Эйзенхауэре. Много написано о Кеннеди и Джонсоне. Последующие президенты вызвали заметную волну негативных оценок и по собственному адресу, и по адресу своей политики. Но традиция сохранилась. Кроме того, выходят десятки работ о вице-президентах. Однако то, что на книжном рынке оказалось заметно меньше апологетических работ о Р. Никсоне, о Дж. Форде, о Дж. Картере, является пусть косвенным, но убедительным доказательством недостаточной эффективности их курса для самих правящих кругов США. Много пишут сегодня о Р. Рейгане, благо его биография и его поведение и политика дают богатую пищу для политологов и журналистов.

Буржуазные пропагандисты тщатся доказать, что обе партии коренным образом отличаются друг от друга по своим целям, идеологической платформе и методам действий. Однако они никак не могут осилить такой вопрос: почему, несмотря на смену партий, у власти остается неизменной политика правительств? На всех послевоенных выборах щедро раздавались обещания, что оппозиционная партия в случае победы коренным образом изменит политику. Но выборы проходили. Обещания забывались. Политика оставалась прежней.

Прежней, если не считать, что каждый раз, когда монополии выбрасывали "новый партийный флаг", прав у людей оставалось все меньше, а политика становилась все лицемернее и реакционнее. Представитель партии демократов Трумэн клялся и божился, что он денно и ночью печется о "демократии" и "свободе". Между тем именно при нем особенно активно начали действовать американские фашисты и расисты, "охотники за ведьмами", маккартистские молодчики. Огромных размеров достигла антикоммунистическая истерия. Велась активная подготовка к ядерной войне. Во время кампании 1952 года республиканцы Эйзенхауэр и Никсон обещали все изменить. Однако годы их правления ознаменовались небывалым сосредоточением исполнительной власти в руках ставленников "большого бизнеса", усилением влияния военщины на дела государства, дальнейшим наступлением на демократические права трудящихся. На международной арене республиканцы продолжали политику "холодной войны". Империалисты США, приведя к власти республиканцев, взяли курс на дальнейшее обострение международной напряженности.

В этих условиях, характеризующихся, по свидетельству Д. Блэйсдела, резким усилением политического "гангстеризма", коррупции и преступлений, потрясающего лицемерия в расовых вопросах и возросшей жадности корпораций, возникла нужда в еще более активном прославлении буржуазной демократии, американского образа жизни, всей экономической и политической системы США. В этих целях при администрации Эйзенхауэра в 1953 году создается Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), значительно усиливаются другие службы пропаганды.

Много обещали и Кеннеди с Джонсоном, и Хэмфри с Никсоном. Но что же вышло на поверку? Расистские бесчинства, возрастающая гонка вооружений, новые военные перевороты за рубежом, организованные американской разведкой. И наконец, грязная война во Вьетнаме, в концентрированном виде выразившая авантюристический, преступный характер американского империализма, его возрастающую опасность для человечества.

Изменилось ли что-нибудь принципиально в этом плане на протяжении 70-х и в начале 80-х годов? Отнюдь. Выполнялись и продолжают выполняться лишь те разделы

партийных программ, особенно республиканской, где речь идет о дальнейшем раскручивании гонки вооружений, возвращении США к роли "мирового жандарма" в большем, чем когда бы то ни было, объеме. Остались пустыми словами все модные в минувшем десятилетии рассуждения об ограничении военных полномочий президента, установлении контроля над деятельностью ЦРУ и тому подобное. А демагогия насчет "великого общества", "войны с бедностью", "государства всеобщего благоденствия" так и оставалась демагогией, пустыми и несбыточными обещаниями. Более того, с приходом к власти Рейгана реакция развернула массивное наступление даже на ограниченные завоевания трудящихся в социальной области, организовала широкую травлю профсоюзов. Недаром в Америке говорят, что предвыборные обещания республиканцев и демократов стоят не дороже той бумаги, на которой их пишут.

Основой "демократического процесса" является, по утверждению американских пропагандистов, политическое соперничество республиканской и демократической партий. Буржуазные политологи пытаются доказать избирателям, что, голосуя за ту или иную партию, они оказывают "решающее влияние" на политику правительства. Всячески и взаимно сквернословя по адресу соперничающей партии, "противники" все же сходятся в одном: нужны обе партии. Они по очереди спасают политику правящего класса, всячески изворачиваясь, терпя позор, принимая на себя накопившее раздражение масс. Но переведенная на запасной путь, обруганная партия немедленно открывает огонь по правящей партии, вновь накапливает "критический авторитет", строит из себя "спасительницу нации", готовясь снова занять доходные правительственные кресла.

Свои аргументы в защиту двухпартийной системы буржуазная литература варьирует на все лады. Однако логика фактов нередко вынуждает американских социологов делать признания, показывающие всю несостоятельность утверждений о "демократизме" этой системы. Подвергая конкретному анализу практическую деятельность партий, они нередко приходят к выводу об отсутствии существенных различий между ними.

Характерен пример с Д. Эйзенхауэром, который, получая многочисленные предложения выдвинуть свою кандидатуру на пост президента США как от демократов, так и от республиканцев, тщательно взвешивал свои шансы, пока наконец не сделал официального заявления: "Я, пожалуй, больше республиканец, чем демократ. Вот и все „принципиальные расхождения“!"[102]

В работе "Политическая система США" Д. Койл пишет, что "в настоящее время две партии стали еще более похожи друг на друга. Их называют иногда двойниками". Американские избиратели, пишет он, чувствуют, что демократы и республиканцы "имеют только разных кандидатов", а партии в целом являются лишь "организациями для победы на выборах и получения контроля над правительством"[103].

Это признают не только политологи, но и партийные лидеры. Сходство обеих партий американского крупного капитала засвидетельствовал Эдлай Стивенсон, который в своей книге "Что я думаю" писал: "У нас гораздо больше общего с нашими друзьями-республиканцами... чем того, в чем мы не сходимся"[104]. В вышедшем накануне выборов 1960 года сборнике речей Дж. Кеннеди, целью которого было информировать американцев о взглядах претендента на президентский пост, содержится следующее положение: "Главные разногласия имеют место не столько в области общеполитических целей, сколько в области конкретного отношения к тем или иным возникающим проблемам"[105].

Партии лишь на словах меняют политику. "Победившая" партия предаёт забвению собственную критику и начинает проводить курс своей предшественницы. Основное содержание политики остаётся неизменным, пока оно соответствует классовым интересам правящих монополистических кругов. Так было и так есть.

На президентских выборах 1968 года республиканец Никсон и демократ Хэмфри говорили о своей программе почти одно и то же. Оба спекулировали на стремлении народа покончить с вьетнамской войной, лавировали, лицемерили, то прикидывались "голубями", когда выходили к рядовым избирателям, то изображали себя "неподкупными ястребами", когда обращались к хозяевам крупнейших монополий. Это действительно своего рода игра, писал Д. Рестон, размышляя над тем, что он увидел и услышал на съезде республиканской партии в Майами-Бич. Республиканцы осуждают демократов за "подрыв доверия" и сами подрывают его. Они провозглашают цели внутренней и внешней политики, за достижение которых сами не готовы платить. Делегаты знают, что существует разрыв между риторикой, избирательной кампанией и реальной действительностью.

Конечно же, Рестон пишет более чем деликатно, старательно выбирает слова и выражения, он как раз принадлежит к числу тех "критиков", которые хотели бы видеть на капитанском мостике американского корабля более изощренных политиков. Более ловких. Более "изобретательных", как он любит выражаться, что означает более лицемерных.

В общем, Никсон, по-видимому, в немалой степени оправдал ожидания Рестона, особенно в том, что касалось его методов ведения войны во Вьетнаме. Но вот что любопытно. Прошло 12 лет, и республиканец Рейган шёл на выборы 1980 года под лозунгом "надежного мира для Америки" — практически тем же, под которым выступал и демократ Картер. Это совпадение позиций двух претендентов дало повод обозревателю столичной "Вашингтон пост" Фритчи за несколько дней до выборов написать, что тема мира стала доминирующей в предвыборной борьбе; кто бы ни был избран на пост президента, американский народ может надеяться на ратификацию Договора ОСВ-2, или на открытие переговоров по ОСВ-3, или на то и на другое одновременно, а американский конгресс никогда не согласится проголосовать даже за небольшое увеличение военных ассигнований[106]. Этот прогноз как нельзя лучше показывает всю пропасть — существующую и углубляющуюся! — между предвыборной демагогией и реальной политикой правительства.

Американцы все меньше и меньше верят мифу, что двухпартийная система — "олицетворение" демократии. Особенно наглядные уроки они получают в периоды избирательных кампаний. В суматохе борьбы за теплые местечки на свет выплывают факты, обнажающие изнанку американского образа жизни, показывающие подчас эту жизнь такой, какая она и есть. И политические деятели обеих партий, независимо от воли своей, предстают во всей наготе — с их ненавистью ко всему прогрессивному, с их алчностью, пренебрежением к народу, его нуждам и его судьбе.

Э. Хьюз, автор книги "Америка уязвима", касаясь послевоенных президентских выборов, пишет: "Я помню национальные выборы 1952 года и фальшь партийных поз. Я помню национальные выборы 1956 года: парад притворства продолжался... В течение десятилетия каждая политическая партия все больше и больше имитировала одна другую и ничего не вносила нового. Такова политическая сцена перед выборами 1960 года. Они будут повторением мрачной драмы 1952 года, лишь с изменением партийных

костюмов. Но, продолжает автор, теперь уже демократы будут говорить об „обанкротившейся политике“ и необходимости „инициативы“. Они будут давать любые обещания... но не предложат ничего нового. Пустословие продолжается"[107].

Эту характеристику можно отнести и ко всем последующим выборам. Пустословие — ничего больше. Ничего нового. Ничего значительного. Одни и те же слова. Одни и те же обещания. Одни и те же обвинения.

Следует заметить, что в ходе кампании 1968 года кризис доверия к системе двух партий достиг особой остроты. То была кампания, в которой активно проявили себя, с одной стороны, движение фашистского типа во главе с мракобесом Уоллесом, а с другой — буржуазно-либеральное и прежде всего антивоенное движение, в частности массовое движение молодежи, объединившееся вокруг сенаторов Юджина Маккарти и Роберта Кеннеди.

Оставляя в стороне вопрос об истоках и характере ультраправого движения, о чем речь пойдет дальше, следует подчеркнуть, что впервые третий кандидат — Уоллес — в ходе выборов получил значительное количество голосов, выступая вне рамок двухпартийной системы. Стало очевидным, что реакция начала создавать свой резерв за пределами системы двух партий, что, независимо от целей, которые ставили себе те, кто стоял за этим движением, объективно отражало углубление кризиса двухпартийной системы.

В то же время и буржуазно-либеральное движение обнаружило тенденцию отойти от двухпартийных качелей. После того как на чикагском съезде демократов партийная машина, грубо игнорируя мнение миллионов рядовых членов партии, в ходе первичных выборов, продемонстрировавших свою поддержку антивоенной программы Ю.

Маккарти, вывела его из игры, все чаще стали раздаваться призывы к созданию новой массовой партии. Сам Маккарти заявил, что в 1970 году, когда истечет срок его мандата, он, если и выставит вновь свою кандидатуру, сделает это вне рамок демократической партии. Обещание не было выполнено. В 1980 году, однако, была сделана попытка вновь бороться за пост президента вне двух партий. На этот раз Дж. Андерсеном. Она не удалась, да и время было не очень удачным. В стране вновь поднял голову шовинизм, быстро укреплялись ультраправые силы.

Независимо от перспектив этого движения уже сейчас есть основания констатировать, что его масштабы, враждебность руководству обеих традиционных буржуазных партий являются симптомами серьезного заболевания двухпартийной системы, которую политическая наука на протяжении многих десятилетий изображала незыблемым бастионом демократии.

Известно, что на протяжении всего последующего десятилетия кризис двухпартийной системы США развивался по динамичной кривой. Главное — растущее нежелание рядового американца участвовать в фарсе голосования. Стало уже нормой, что на президентских, вообще общенациональных выборах отсутствует примерно половина имеющих право голоса американцев. На местных выборах — и того больше. Это в сочетании с возникшим "снизу" движением масс за обновление партий, придание им более демократического характера вынудило правящие верхи США пойти на известные реформы партийно-политического и избирательного механизмов в начале 70-х годов, ввести некоторые ограничения на сбор и расходование средств претендентами, если эти средства поступают от частных жертвователей. Но на практике федеральный закон 1971 года с поправками 1974 и 1976 годов, призванный лимитировать частные взносы отдельных лиц в поддержку того или иного кандидата суммой в 1 тысячу долларов,

выглядит насмешкой. Например, в ходе президентской кампании 1972 года некоторые "частные лица" вносили в фонд за переизбрание Р. Никсона суммы, достигавшие 2 миллионов долларов[108].

Каковы же результаты? Абсентеизм избирателей, их равнодушие к игре в демократию не уменьшились. В результате расширения практики так называемых первичных выборов — при внешнем демократизме этой процедуры — еще более возросла независимость претендентов от партийных механизмов и, наоборот, их зависимость от "руки дающей", то есть от той же финансовой олигархии. Сочетание массового отчуждения с повышением роли денег, идущих прежде всего на оплату телепрограмм претендентов, привело к тому, что возросли возможность и вероятность избрания "президентов меньшинства". Если соотносить количество голосов, поданных за победителя, не с числом участвовавших в голосовании, а с общей численностью имеющих право голоса на момент выборов, то Никсон был избран президентом в 1968 году всего 26 процентами американцев, в 1972 году переизбран 34 процентами, Картеру понадобилось 27 процентов голосов, чтобы попасть в Белый дом, а Рейгану — только 26 процентов[109]. Не лучше обстояли дела и в ходе избирательной кампании 1984 года. Активистка демократической партии, занимающаяся регистрацией избирателей, писала: "Даже когда учащиеся или получатели пособий по системе социального обеспечения неохотно соглашались зарегистрироваться, в ответ на мой вопрос: „Хотели ли бы вы вступить в какую-нибудь политическую партию?“ — они неизменно смотрели на меня остановившимся взглядом и ничего не говорили. Многие продемонстрировали поразительное невежество относительно партийной системы Америки и не имели никакого представления о позициях двух партий. Это особенно касается молодых людей"[110].

Оценивая послереформенное состояние партийно-политической системы США, буржуазные политологи независимо от их позиций и предлагаемых ими рецептов единодушны в диагнозе: партийная система продолжает переживать серьезные трудности, отчуждение избирателей растет, практическое значение партий падает, осуществленные в последние 15 лет реформы не остановили и даже не замедлили названные процессы[111]. Исследователь партийной структуры Дж. Петросик приходит к выводу, что для возрождения пришедшей в упадок американской партийной системы необходима заинтересованность массового избирателя. Однако это, по его мнению, возможно лишь в том случае, если партии поставят на повестку дня такие социальные, экономические или политические вопросы, которые смогут "гальванизировать" избирателей. Сам автор не верит в возможность преодоления "массового безразличия к партиям"[112]. А это, помимо прочего, чревато и серьезной опасностью усиления авторитарных тенденций в политической жизни страны.

Принято считать, что политический облик партий фиксируется в их программах. Именно по этим документам легче всего отделить одну партию от другой. И американские политологи пытаются доказать, что смена партий у власти основана на различии идеологий, путей и средств политики, но при анализе конкретных документов партий, особенно избирательных платформ, впадают в явное противоречие с этими утверждениями. Избирательные программы больше похожи, чем различны. В первую очередь это касается внешнеполитических разделов программ, так как фактически между республиканцами и демократами нет принципиальных разногласий по важнейшим аспектам внешней политики. Поскольку же соперничество предполагает

наличие какого-то спора, то в этих целях мелкие политические расхождения преувеличиваются в процессе политических дебатов, а разногласия выдвигаются там, где их не существует.

Так и идет от выборов к выборам политическая игра в обвинения и обещания.

Американский журнал "Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт" в июле 1968 года, назвав выборы чехардой, вынужден был признать: "Мы хвастаем, что являемся демократической страной, но когда дело доходит до выбора наших высших руководителей, то демократией здесь и не пахнет. Хуже того, наша система совсем не предусматривает выбора такого человека, который лучше всего подходил бы для президентского поста". Что верно, то верно.

Один из неудачливых претендентов от демократической партии на выборах 1984 года, сенатор Г. Харт, руководивший избирательной кампанией Дж. Макговерна в 1972 году, написал после этого книгу "С самого начала", в которой, в частности, заметил, что кандидат на пост президента должен обладать фанатизмом мученика, решимостью марафонца, непреклонностью футболиста-защитника, точностью хирурга, делающего операцию на сердце, силой духа партизана-коммандоса. От такого портрета остается мрачное ощущение, как если бы за президентское кресло боролись роботы.

В избирательной программе 1960 года демократы заявили, что они готовы вести с Советским Союзом переговоры "всякий раз и везде, где есть реальная возможность прогресса без принесения в жертву принципов". Республиканцы также выражали "готовность" вести переговоры о разоружении и прекращении ядерных испытаний. "Разница" заключалась лишь в том, что республиканцы обещали "разработать реалистичные методы и гарантии разоружения и прекращения атомных испытаний", демократы же — "ответственные предложения" по этим вопросам. До чего же знакомые мотивы! Они столь же "свежо" звучали и в телевизионной дискуссии между Картером и Рейганом в 1980 году и между Рейганом и Мондейлом в 1984 году. Те же обещания, те же слова. Ничто не стронулось с места за истекшие десятилетия.

В предвыборной кампании в 1968 году, обращаясь к проблемам Латинской Америки, республиканская и демократическая партии заявляли, что они будут верны обязательствам и не "потерпят" создания в этом районе правительства, находящегося "под господством коммунизма", то есть обе партии единодушно и откровенно выступили против национально-освободительного движения латиноамериканских народов. Здесь согласие было очевидным. Оказавшись у власти, демократы выполнили обещания обеих партий: в Соединенных Штатах принят беспрецедентный закон, по которому войска США могут вмешиваться в дела любой латиноамериканской страны, если североамериканской военщине померещится, что южному соседу грозит "коммунистическая опасность". Ту же политику, но уже в обостренно интервенционистском плане, ведет и администрация Р. Рейгана.

Вспомним события 1965 года в Доминиканской Республике. Когда народ этой маленькой страны выступил против продажной, вконец дискредитировавшей себя клики тиранов, США тотчас объявили о посылке морской пехоты для "защиты американских интересов". Президент Л. Джонсон заявил, что приказал американским войскам высадиться в этой стране из-за угрозы жизни тысячам американцев[113]. Обе партии поддержали открытую интервенцию, о которой сенатор Фулбрайт, выступая в конгрессе, сказал, что это "не просто интервенция, а гораздо худшее преступление: мы вмешались с тем, чтобы поддержать противников социальной революции, поддержать продажную реакционную

военную олигархию". Когда в 1983 году была совершена беспримерная по цинизму и жестокости агрессия против Гренады, нового Фулбрайта в американском конгрессе не нашлось. А президент Р. Рейган, теперь уже республиканец, слово в слово повторил аргументацию Л. Джонсона о необходимости спасения жизни студентов, и снова все оказалось ложью.

Поскольку разница между партиями довольно прозрачна, профессиональные партийные лидеры специально выдумывают темы для споров, которые, как правило, мелки по существу, но эффектны по форме. Кроме того, каждая партия объявляет себя единственной защитницей "народных интересов", обещает избирателям все на свете, играет на самых больных вопросах, которые так и остаются больными, как будто они и существуют только для выборов. Бурные выступления, инсценированные демонстрации, публичные ссоры, принятие программ на национальных съездах партий — все это рассчитано на то, чтобы обмануть избирателей.

В политической практике распространен и такой прием. Когда правящие круги попадают в особо критическое положение, как правило, усиливается пропаганда личностей. Яркое выражение это нашло в 1952 году. Американские авторы пишут, что республиканцы пришли к власти, уцепившись за "магические" фалды Эйзенхауэра. Спекулируя на чувствах американцев, в памяти которых были еще свежи воспоминания о второй мировой войне, буржуазная пропаганда всеми силами раздувала популярность Эйзенхауэра и заверяла избирателей, что только он имеет ответы на все национальные проблемы, может прекратить корейское кровопролитие, облегчить бремя налогов, приостановить инфляцию, покончить с коррупцией и "вернуть счастливые дни".

В пропагандистский обиход был запущен аргумент, что "миролюбие" свойственно не только, мол, Эйзенхауэру, но и всей его партии. За 28 лет правления демократов (Вильсон, Ф. Рузвельт, Трумэн) было убито и ранено на войнах 1 628 480 человек. За 24 года правления республиканцев (Т. Рузвельт, Тафт, Гардинг, Кулидж, Гувер) не было убито или ранено ни одного человека[114]. Надо отметить, что рассуждения о "миролюбии" республиканской партии являются одним из мифов буржуазной политологии. Достаточно вспомнить, как при президенте Т. Рузвельте, авторе печально известной доктрины "большой дубинки", было осуществлено вооруженное вмешательство во внутренние дела Колумбии, навязан Республике Панама кабальный договор о канале. Тогда же американские оккупационные войска беспощадно подавили национально-освободительное движение на Филиппинах. При президенте У. Тафте вооруженные силы США вторглись в Гондурас, начали интервенцию в Никарагуа. При президенте У. Гардинге войска стреляли уже внутри страны — по бастующим шахтерам Южного Иллинойса и Западной Вирджинии. При президенте К. Кулидже свыше пяти тысяч солдат вновь вели необъявленную войну в Никарагуа. При президенте Г. Гувере снова стреляли. Теперь уже в голодных ветеранов первой мировой войны. Р. Рейган с беспрецедентной для американских правителей готовностью бросает войска в различные регионы мира. Гибнут гренадцы, ливанцы, никарагуанцы и американцы. Надо полагать, что после Рейгана политологи будут аккуратнее обращаться с мифом о миролюбии республиканцев.

Пропаганда прославляла "миролюбие" Эйзенхауэра и старательно обходила факты о его активном участии в военной политике правительства демократов. Известно, что Эйзенхауэр находился у истоков создания НАТО и был главнокомандующим вооруженными силами этой группировки. Как свидетельствует Р. Доновэн,

милитаризация Западной Европы была святой святых его деятельности как командующего силами НАТО в 1951 и 1952 годах[115]. В книге "Человек из Абилены" приводится письмо Эйзенхауэра. В нем он ратует за установление "мирового порядка", в котором США призваны играть роль вождя, опираясь на "моральную, социальную и экономическую силу, а до тех пор, пока мировой порядок не установлен, — на военную силу". Все эти довольно банальные идеи генерал повторил затем при вступлении на должность президента. Автор работы сообщает далее, что еще в 1946 году Эйзенхауэр составил специальную программу "идеологической войны" против коммунизма, в которой использованию "необходимой военной силы"[116] отводилось важнейшее место. Перед выборами писалось: именно Эйзенхауэр внушил Трумэну мысль о создании по всему миру военных баз, что и было положено в основу так называемой доктрины Трумэна[117].

Как видно, пропаганда, рекламируя Эйзенхауэра, старалась угодить на все вкусы. Помогая правящим силам выпутаться, используя того же Эйзенхауэра, из безнадежной корейской авантюры, она изображала его "миротворцем", таким добродушным дедом на завалинке. Планируя стратегические линии политики, сердцевинной которой оставался курс на мировое господство, американская пропаганда преподносила Эйзенхауэра как вполне подходящую фигуру для проведения такой политики.

Дело, конечно, не в Эйзенхауэре. Равно как и не в Никсоне — 1968-го или Рейгане — 1980 года. Во всех случаях поражение демократов объясняется банкротством их политики. Наступление на демократические права трудящихся, коррупция государственного аппарата, растущая инфляция, дороговизна вызвали активное недовольство народных масс. Войны в Корее и во Вьетнаме послужили наглядным подтверждением глубокого авантюризма внешней политики, развеяли длительные усилия американской пропаганды, направленные на то, чтобы убедить мировое общественное мнение в "антиколониализме" США. Как отмечал Л. Бромфилд, "мы не имели никакой причины быть в Корее... Утверждать, что столь отдаленная и маловажная страна, как Корея, является нашей первой линией обороны, — значит заявить, что каждая страна в любой части мира — также первая линия нашей обороны. Подобная концепция явно фантастическая, смешная и граничит с манией величия"[118]. Верно, эта концепция действительно сродни мании величия. Но прошло всего три десятилетия, как американский империализм объявил почти весь мир зоной своих "жизненных интересов". Мания величия при Р. Рейгане развилась до опасных размеров и теперь уже не является смешной, поскольку подкрепляется глобальной системой ядерных баз и оккупационных войск, прямыми угрозами атомной войны.

Интервенции в Корее и во Вьетнаме явились логическим следствием общей воинственной внешнеполитической линии США. Эта политика нацелена на создание американской "мировой империи", направлена против борьбы за свободу, социальную справедливость и национальную независимость народов стран капиталистического и бывшего колониального мира. Тогда — в Корее и Вьетнаме, теперь — в Ливане и Гренаде.

Подобное тому, что произошло с Д. Эйзенхауэром, случилось и с Р. Рейганом, правда, на новом витке реакционной политики внутри страны и на международной арене. Средства массовой информации изо всех сил стараются окружить Р. Рейгана ореолом славы, создать образ "великого коммуникатора", "простого парня".

Пресса "большого бизнеса" старательно пытается воздвигнуть нынешнего президента на

пьедестал "отца нации". Он, оказывается, вернул этой стране "надежду", "уверенность" и "силу".

Удушливая милитаристско-шовинистическая обстановка в США 80-х годов нашла свое отражение в предвыборных платформах демократической и республиканской партий 1984 года. Нагнетание в стране истерии и ультрашовинизма на протяжении долгого периода времени сделало свое дело. В позициях двух основных буржуазных партий — каждой по-своему — отразились внутренние процессы в стране и взгляды на внешнюю и военную политику США, в которых ощущалось грубое и неприкрытое давление крайне правых сил.

Платформа демократов, принятая на конвенте в Сан-Франциско, отличалась двусмысленностями, недоговоренностями, общими рассуждениями, робостью в подходе к жгучим для страны проблемам и их решениям.

Демократы, конечно, не могли, вступая в борьбу с напористой, воинственной, весьма опасной для интересов самих США линией республиканской администрации, остаться в стороне от главных вопросов, прежде всего от гонки стратегических вооружений, перспективы ядерной войны. Логика предвыборных соображений заставила, естественно, лидеров партии включить в платформу кое-какие непохвальные замечания в адрес Р. Рейгана, его милитаристского курса. Однако критика замыслов и действий республиканской администрации выглядела в программе демократов на редкость вымученной, хилой и беззубой. В ряде важных вопросов, связанных с развертыванием новых систем оружия, демократы явно уступали, даже как бы подыгрывали республиканским лидерам, не слишком усердно стараясь отбить у них "выигрышные" позиции в предвыборной борьбе.

В платформе демократов плохо замаскированный милитаризм и агрессивный настрой весьма наглядно наложились на едва заретушированный антикоммунизм и антисоветизм. Этот "сплав" мало чем отличался от идейно-политических установок рейгановской администрации. Да и вообще рейганизм заметно повлиял на политическую философию, заложенную в платформе демократов.

Своих конструктивных предложений в области внешней и военной политики у сторонников У. Мондейла в Сан-Франциско практически не оказалось, если не считать нескольких туманных, по-видимому, случайных и не связанных общим стержнем фраз, похожих скорее на рутинные обещания избирателям, чем на руководство к действию самих демократических лидеров. В своей новой платформе они так и не нашли ни собственных идей, ни плодотворных подходов, которые способны были бы противостоять милитаризму и агрессивной линии нынешнего республиканского руководства. В большинстве случаев демократы на своем конвенте топтались в кругу тех же самых идеологических стереотипов, политических посулов и риторических приемов, которые используются и рейгановской администрацией, организаторами предвыборной кампании республиканцев.

Конвент в Сан-Франциско не создал демократическим лидерам необходимых позиций в борьбе с правящей партией на выборах 1984 года, во многом ослабил их возможности в избирательных схватках. Демократы оказались в ловушке, которую они сами себе поставили в последние годы правления президента Дж. Картера. У. Мондейл вышел на арену предвыборной борьбы с весьма уязвимой и неподготовленной идейно-политической амуницией.

Главной мишенью предвыборной пропаганды республиканцев стала "администрация

Картера — Мондейла". Этой формулой рейгановская группа стремилась всячески привязать нынешнего конкурента от демократов к практике предыдущей администрации, как известно, не пользовавшейся популярностью в стране, особенно в свете ирано-американского кризиса.

Пожалуй, никогда еще в своем развитии республиканская партия не становилась столь откровенно, бесповоротно и цинично на сторону крайне правых сил, реакции по всем направлениям, антидемократизма, расизма, шовинизма и гегемонизма, как в своей предвыборной платформе, утвержденной на съезде 1984 года в Далласе.

Отныне название этого южного американского города будет еще более горьким символом политической жизни США. Более двадцати лет спустя после убийства в Далласе президента Дж. Кеннеди теперь здесь же крайне правыми силами, укоренившимися в руководстве республиканской партии, была предпринята куда более далеко идущая и всеобъемлющая политика расправиться с "американским либерализмом" в целом, перекрыть ему дорогу в будущее, потащить страну по пути, который даже выдавшие виды американцы считают самым мрачным и опасным за всю историю страны. Это касалось в первую очередь экономической и социальной политики, внутреннего политического развития США. Но это давало также главную ориентацию внешней и военной политике Вашингтона на весь отрезок времени, оставшийся до конца столетия.

Платформа республиканцев своим содержанием с обезоруживающей прямоотой подтверждала, что их предвыборная "миролюбивая" риторика является беззастенчивым лицемерием. Авантюризм, воинствующая агрессивность и цинизм республиканской платформы не имели прецедента ни в долголетней эволюции самой этой партии, ни в традициях межпартийной борьбы за президентскую власть, ни даже во всей политической истории США.

Далласовский документ — открытая и недвусмысленная декларация американской реакции и гегемонизма об их намерениях в мире последних десятилетий уходящего века. По ней человечество может судить, что ожидало бы его, если бы Р. Рейгану в самом деле удалось выполнить "мандат", врученный ему республиканским съездом (точнее, продиктованный конвенту им же самим).

Ведь это программа вселенского господства и диктата Вашингтона с самых крайних антидемократических позиций, программа вседозволенности его действий на мировой арене с помощью ядерного оружия, программа обреченности человечества на ядерную катастрофу, которая может быть развязана, когда и где это сочтут для себя возможным рейгановская администрация или ее преемники.

Мировой цивилизации разрешено, по далласовской программе, развиваться только при одном условии: ее единственным устоем и единственным двигателем должна отныне стать военная мощь США. То, что не будет соответствовать политическим идеалам крайне правых в нынешнем руководстве США, не будет укладываться в прокрустово ложе сконструированных правыми схем американского внутреннего порядка, американского мессианизма в современном мире, должно быть сметено ядерным взрывом по мановению руки вашингтонского лидера.

Иногда кажется, что создатели республиканской программы 1984 года просто переписывали широко известную книгу Джорджа Оруэлла "1984 год". Сегодня они хотели бы приспособить ее на свой лад уже не только к американской действительности, но и ко всем мировым процессам. Нетрудно понять, сколь трагичным оказалось бы для

человечества такое видение мира.

Платформа республиканцев с предельной обнаженностью нацелена на борьбу с силами мирового прогресса. Она исходила из откровенного стремления поставить плотину на пути социально-политического развития человечества. Но это ни в коем случае нельзя признать попыткой республиканцев сохранить статус-кво в современном мире. Для нынешней воинственной администрации такая цель явно не подходит. Наступательная программа американских крайне правых, одобренная в Далласе, была устремлена совсем в другом направлении. Они хотят сокрушить не только объективные тенденции мирового развития, но и статус-кво именно в его социально-политическом смысле, вернуть человечество к мировому господству империалистических сил, прежде всего самого Вашингтона.

Нынешнее руководство республиканцев одержимо поистине маниакальной идеей ликвидации мирового социализма и национально-освободительного движения. Р. Рейган и до Далласа похвалялся стереть "мировой коммунизм" со страниц истории, пойти на него "крестовым походом". Перед съездом он повторил эту "фундаменталистскую" концепцию крайне правых. Он призывал к сплочению рядов под знаменами "национального крестового похода": "Мы находимся в состоянии войны, войны с самым опасным врагом, который когда-либо мешал людям выбраться из трясины и подняться к звездам". Р. Рейган переводил все это на язык "крестоносцев", жаждущих отличиться на поприще борьбы с "мировым коммунизмом".

Подобные идеи были закреплены в предвыборной программе республиканской партии. Уже не личные риторические упражнения, а платформа партии, стоящей у власти, доказывала, что СССР вроде бы существует по недоразумению. Из окончательного текста программы исчезла, правда, экстремистская формулировка, содержащаяся в проекте программы: "Советское государство — „аномалия“. Оказалось, что даже конвент в Далласе не может записать в своей программе столь глупый тезис. Но в платформе появилось утверждение о том, что поддержание „стабильных и мирных отношений“ с СССР зависит от „уважения к американской мощи и решимости“. Москва должна, по мысли республиканских лидеров, удовлетворить ряд предварительных условий, выдвигаемых ультимативно Вашингтоном. Только тогда республиканская верхушка будет готова с ней разговаривать.

Программа, принятая в Далласе, — апофеоз разнузданного антикоммунизма и антисоветизма, столь обнаженно проявившегося в последние годы во всей деятельности правых в США, в общей рейгановской политике. Это своего рода усыновление идеи "крестового похода" всей партией, ее легализация и освящение, "мандат" на ее проведение в жизнь, врученный новой президентской команде.

Для насильственного достижения цели ликвидации социализма и предназначается прежде всего американская военная мощь, ракетно-ядерное оружие. Такой тезис в самых различных словесных формах проходил красной нитью через весь далласовский документ.

От правды никуда не денешься: республиканская предвыборная программа целиком проникнута идеей подготовки ядерной войны, наращивания ядерных вооружений. Далласовский документ генетически связан с пресловутым заявлением президента перед микрофоном в Санта-Барбаре о немедленно начинающейся ядерной атаке против СССР. Как бы ни стремился официальный Вашингтон отмежеваться от этого заявления, новая платформа республиканцев явно сродни этой бесшабашной выходке.

Республиканцы вновь прибегли к затасканному и лживому тезису об "отставании" от СССР. Они доказывали, что Р. Рейган "стремительно принял меры", чтобы устранить "эту опасную ситуацию и восстановить эффективный „запас прочности“ еще до 1990 года". Но ведь речь идет на деле совсем не об этом. Вашингтон хотел бы сломать существующий ныне ядерный паритет и добиться в 80—90-х годах вовсе не "запаса прочности", а военного превосходства США. Именно с этим багажом он мог бы отправиться, по его собственным представлениям, в "крестовый поход" против мирового социализма.

Далласовская платформа заявляет об этом без обиняков: "Дутая" армия, которая была при администрации Картера — Мондейла, теперь стала подлинной армией, а наши военно-морские силы быстрыми темпами увеличивают число своих кораблей, приближаясь к цели — 600 кораблей". Программа полна спекулятивных заявлений относительно того, что военная мощь США обеспечивает "средства сдерживания", является "наилучшим стимулом", побуждающим якобы СССР "согласиться на сокращение вооружений". Это сознательно рассчитанная ложь, умноженная на культ военной силы.

Культ военной силы — навязчивая идея республиканской программы 1984 года. "Мы подтверждаем принцип, согласно которому политика Соединенных Штатов в области национальной безопасности должна основываться на стратегии мира с позиции силы...", "Америка вновь стала сильной", "Мы гордимся силой Америки", "...Мы должны быть достаточно сильными...". Президент Рейган всегда вел переговоры "с позиции силы" — с превеликой гордостью провозглашалось в самых различных частях платформы республиканцев.

Внешняя политика рейгановской администрации, осуществляющая со столь явной мегаломанией свой военный замысел, не знает ни пределов, ни сдерживающих мотивов на путях гегемонизма и агрессии. В программе записано: "Мы отвергаем идеи о виновности и необходимости приносить извинения, которые в столь большой мере движут внешней политикой демократической партии". В мировой политике для правых нет сложных проблем, нет опасностей, которых они не могли бы одолеть с помощью "божьей поддержки" и ядерной мощи. И конечно, им не за что извиняться!

Все глобальные и региональные направления внешней политики Вашингтона, как это вытекало из новой предвыборной платформы республиканской партии, были подчинены тем же самым целям, к ним прикладывались те же самые средства. Антикубинская ярость, ненависть к Никарагуа, клевета на положение в Сальвадоре, ликование по поводу "взятия" Гренады — все это содержалось во фрагменте внешнеполитической части платформы, где говорилось о политике США в Южной Америке. Там была предпринята попытка сделать военный захват Гренады отныне чем-то вроде "универсального" подхода США. В платформе доказывалось, что "это пример для всего мира" (подчеркнуто мною. — А. Я.).

В этом вся философия современного колониализма, библия нефашизма, идеология "крестового похода". Ведь это же самое говорил Адольф Гитлер, топя в крови европейские страны — одну за другой. И в Европе "прогнанные" правительства падали перед нацистской демократией штыка. И снова, как и при Гитлере, агрессия, захват суверенной страны, которые ООН единодушно осудила, объявляются "примером для всего мира". И вновь человечество с тревогой задает себе вопрос: какая страна станет следующим объектом интервенции США после Гренады?

Вашингтон оправдывал в программе республиканцев размещение американских ракет в Западной Европе фальшивой угрозой "советского господства", что ведет-де к "раздроблению НАТО", представляет для США "смертельную опасность". Республиканцы ликовали в своей программе по поводу новых соглашений о базах НАТО в Португалии, Испании, Турции и Греции, объявляли это "победой администрации Рейгана — Буша и наших европейских друзей".

Они откровенно гордились тем, что США и Израиль сохраняют основы их "моральных и стратегических взаимоотношений" на Ближнем Востоке, причем они провозглашаются "союзниками" не только в экономическом, но и в широком политическом, дипломатическом и, главное, военном плане. Программа подчеркнула, что американо-израильские группы стратегического планирования координируют совместные усилия этих двух стран.

В платформе республиканцев содержались клятвы в готовности помогать "прифронтовым государствам" а Азии и бассейне Тихого океана — Южной Корее, Таиланду и Пакистану (можно понять, какие "фронты" имеются при этом в виду. — А. Я.), сохраняя свои военные объекты в Южной Корее, Японии, на Филиппинах и в Индийском океане. Республиканская платформа призвала Японию продолжать увеличивать вклад в наращивание своей военной силы в этом регионе.

Если судить по далласовской платформе, то в Африке США под лживым предлогом борьбы против угрозы "трехсторонней оси — Советского Союза, Кубы и Ливии" обязались поддерживать всемерно ЮАР в ее агрессивной политике, добиваться сохранения ряда африканских стран в орбите капитализма, "помогая" там создавать "инфраструктуру демократического капитализма", сея антикоммунизм.

Республиканцы открыто провозгласили на своем конвенте, что "одним из основных элементов наших программ экономической помощи должна быть передача другим благотворных идей демократического капитализма...". "...Мы сократим или аннулируем помощь странам, проводящим внешнюю политику, противоречащую нашим интересам..." Это ли не принудительный экспорт капитализма в африканские страны, экспорт контрреволюции, откровенное идеологическое и политическое вмешательство в их внутренние дела с помощью рычагов экономической помощи?

Во имя борьбы против сил национального освобождения, которым в США приклеивают ярлык "терроризма", платформа республиканской партии требовала "объединенных усилий наших дипломатов, вооруженных сил, разведывательных служб и организаций по поддержанию правопорядка". В связи с этим открыто формулировался тезис о необходимости сломать все внутренние юридические препятствия в "дружественных странах", чтобы бороться с силами сопротивления диктаторским режимам.

В планах республиканской партии были с достаточным цинизмом провозглашены задачи дальнейшего расширения террористической деятельности ЦРУ, подрывных операций во всем мире. "Мы будем и впредь укреплять нашу разведывательную службу, — признавалось в программе, — мы ликвидируем законодательные препоны, мешающие эффективному руководству, работе и сохранению в тайне источников получения разведывательных данных и методов разведки. Мы будем и впредь улучшать нашу способность оказывать влияние на международные события в поддержку наших внешнеполитических целей..."

Далласовская программа была буквально начинена высокомерием, презрением, недружелюбием и прямыми угрозами по отношению к международным организациям, в

том числе ООН. ЮНЕСКО названа была при этом "худшей" из таких организаций. Паранойя политического видения современного мира пронизывает всю программу. В ней четко и откровенно отражена суть внешнеполитической линии США. Программа пропитана пещерным антисоветизмом, ложью, человеконенавистничеством. Крайне правые силы, прежде всего правое крыло республиканской партии, одержали верх и на выборах 1984 года. Если результаты борьбы 1980 года, которые привели республиканцев в Белый дом, "неоконсерваторы" поспешили тогда назвать "захватом власти", то итоги выборов 1984 года они вполне могут определить как "удержание власти". Команда республиканцев одержала убедительную победу над демократами. Это дало повод правящему клану республиканцев утверждать, будто Р. Рейган получил "мандат нации" на продолжение внутренней и внешней политики. Республиканцы рассматривают победу и как исторический "реванш" за разгром демократами правых во главе с Б. Голдуотером на выборах 1964 года. Тогда в ближайшем окружении аризонского сенатора был, как известно, и Р. Рейган. Теперь именно ему довелось увенчать двадцатилетнюю борьбу правых за власть в Белом доме победой над демократами с "разгромным" счетом. Демократы и в самом деле оказались поверженными, выбитыми из седла, отброшенными в сторону. Трудно даже предположить, когда им удастся собраться с силами, вновь вступить в реальную политическую схватку за власть.

Ход избирательной кампании 1984 года потребовал от Р. Рейгана и его ближайших соратников некоторых нововведений в риторический арсенал. Не отказываясь от старых, привычных им "силовых" милитаристских штампов, он все же дозированно ввел в свой лексикон тему мира и переговоров с Советским Союзом. Необходимо, разумеется, оценивать все это в контексте реальных дел. От того, как подобные заявления скажутся на деле, многое зависит в характере и масштабности практических подходов к важнейшим международным проблемам.

Возникает ли перед нами новый Р. Рейган, кое-что понявший, кое-чему научившийся, не желающий идти сейчас напролом в международных отношениях, стремящийся избежать односторонней конфронтации с СССР и вести свою страну не столь опасным путем, как это было в годы после выборов 1980 года? Идем ли мы к какому-то иному периоду в развитии международных отношений, если не к новой разрядке, то по крайней мере к отходу от лобового противостояния, навязанного американской стороной? Или же речь идет лишь о временных тактических шагах администрации США, которые тоже следует рассматривать в известном плане позитивно, но всегда помнить об их возможной скоротечности, двойственности и двусмысленности?

Представляется, что изменения в риторике скорее всего — плод складывающихся реальностей, от которых нельзя просто отмахнуться.

Так что даже при упрямстве, которым не нахвалятся в Вашингтоне, нельзя не видеть, что "кавалерийская атака" во внешней политике не принесла ожидаемых результатов. Ни бряцание оружием, ни ядерные угрозы, ни "крестовый поход", ни Ливан, ни Гренада, ни Никарагуа не добавили авторитета Вашингтону. Более того, они усиливали морально-политическую изоляцию США. Угроза ядерной катастрофы добавила людям страху, но она же ясно обозначила, как бы высветила источник войны. Возникли трудности и в отношениях с союзниками, которых напугала воинственная прутья вашингтонских политиков. Поэтому и возникла необходимость поставить на испытательный стенд несколько выправленную фразеологию, "успокоительную" систему

рассуждений по вопросам мира и войны.

Кроме того, по мнению Вашингтона, он уже разогнал маховик военных программ до той степени, которая позволяет ему "диктовать условия", говорить с "позиции силы". К тому же Белому дому уже нельзя было игнорировать возрастание настроений в пользу мира, усиление требований тех сил, которые хотели бы иметь разумную альтернативу воинственному ядерному курсу.

Но представляется, что обозначившееся маневрирование не поколебало главной оси политического процесса использования "неоконсерваторами" в своих интересах рычагов власти. Стратегическая линия крайне правых осталась нетронутой. Связав полностью свое торжество на выборах с победой крайне правых, американский президент оказался, однако, пленником гонки вооружений и борьбы за военное превосходство. Эта логика и будет, вероятнее всего, доминировать в развитии рейганизма как политического феномена в США, его роли на международной арене. И вряд ли можно предположить какой-то крутой вираж американской политики в стратегическом плане. Системы стратегического оружия запущены в производство, ракеты средней дальности привозились в Западную Европу по графику, подготовка "звездных войн" продолжалась, мораторий на создание космической ПРО не был установлен. Иными словами, остались неизменными основные линии внешней политики: и что касается "крестового похода" и конфронтации с СССР; и гонки вооружений; и поисков "приемлемого" использования рычагов ядерной войны.

Не следует упускать из виду, что крайне правые пока держатся за власть достаточно цепко. Они уже готовят преемника Р. Рейгану и не помышляют отдавать власть и в 1988 году. До сей поры ничто в политической конъюнктуре США не подтверждает предположений, что волна крайне правых внезапно схлынет под влиянием каких-то факторов, уступив место умеренным, которые практически задавлены наступлением "неоконсерваторов", и сегодня, в 1985 году, в гораздо большей степени, чем в 1980-м. Симптомов их возвращения к власти не видно, прогнозировать их появление пока нет фактических оснований.

Уже в послевыборной деятельности американской администрации немедленно обнаружились противоречия. Нагнетание обстановки предынтервенции в Никарагуа никак не сочетается с кампанией в пользу мира и переговоров. Если это сознательный "баланс", некое "увязывание" между "примирительным" и жестким курсами, то тем самым обнажается подлинный смысл пропагандируемого миротворчества, призывов к смягчению международной напряженности. Если это неумение "сдерживать" себя даже в момент "мирной инициативы", то становится ясным, что антикоммунистические инстинкты продолжают управлять делами администрации.

Как же в таком случае реагировать на те заявления американских руководителей, в которых содержались призывы к миру и переговорам? Видимо, в конкретных условиях середины 80-х годов главный вопрос не в том, верить или не верить американской администрации, хотя он и не являлся праздным. Куда более важно не упустить ни единого шанса в попытках оздоровить международные отношения.

Советский Союз настойчиво и последовательно проводит курс на нормализацию советско-американских отношений. М. С. Горбачев неоднократно подчеркивал, что мы стоим "за развитие политического диалога", готовы улучшать отношения с Соединенными Штатами "к обоюдной выгоде и без попыток ущемления законных прав и интересов друг друга. Не существует какой-то фатальной неизбежности конфронтации

двух стран"[119].

В конце 1984 года администрация Р. Рейгана, как известно, откликнулась на предложение советской стороны о проведении в начале 1985 года встречи министра иностранных дел СССР и государственного секретаря США с тем, чтобы выработать совместное понимание предмета и целей переговоров, которые имели бы своей задачей достижение между СССР и США взаимоприемлемых договоренностей по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. Такая встреча состоялась. Стороны договорились о проведении переговоров.

Советско-американские переговоры уже проходят в Женеве. "Их задача, как ее понимает советское руководство, — отмечает М. С. Горбачев, — прекращение гонки вооружений на Земле и недопущение ее в космосе. Мы пошли на переговоры, чтобы добиться на деле этих целей. Но, судя по всему, администрация США и военно-промышленный комплекс, которому она служит, как раз этого и не хотят.

Достижение серьезных договоренностей, видимо, не входит в их планы. Они продолжают осуществлять гигантскую программу форсированного создания все новых и новых видов оружия массового уничтожения в надежде добиться превосходства над странами социализма и диктовать им свою волю"[120].

В целом президентские выборы в США банально похожи одни на другие. Их рутинность — не более чем порядком приевшиеся спектакли, рассчитанные на нетребовательное к подлинным принципам демократии сознание, на вкусы, воспитанные шоу-бизнесом. Сгустки лицемерия и ханжества. Празднества обмана и одинаковых улыбок. Монотонное повторение пройденного, столь привычное для американской жизни. Смена команд в Белом доме сама по себе не несет серьезной политической нагрузки. Но если внимательнее всмотреться в политическую жизнь США за более длительный, скажем, послевоенный, период, можно с очевидностью обнаружить заметное поправление, сдвиг в сторону реакции.

Качественный скачок в этом плане обозначили выборы 1980 года, они внесли нечто новое в характеристику партийных перемен. На сей раз выборы оказались заметными с точки зрения продвижения к власти право-консервативной группировки, открыто ориентирующейся на милитаризм, шовинизм и силу в качестве средств политики, на демонстративное оживление идеи мессианской предназначенности этой страны. Усиление реакционности империализма — явление закономерное, ничего неожиданного в этом нет. Но то, что произошло в США, требует особого и всестороннего анализа. Пройгнорировать нынешний крен значило бы не увидеть в какой-то мере нового ракурса, в котором предстает проблема войны и мира в итоге экономического и политического развития цитадели, метрополии империализма в 70—80-х годах. Иными словами, на выборах 1980-го, а затем и 1984 года достаточно выпукло обозначился политический поворот со всеми его образующими факторами, который, будучи сопряжен с механизмом власти и управления, входит в плоть и кровь общего развития страны, что представляет особую опасность и с точки зрения внутренней эволюции этой страны, и с точки зрения воздействия на внешнюю политику, на конкретные позиции США в международных делах. "Неоконсерваторы" в союзе с остальными группировками правых действительно укрепили свои позиции во всем механизме власти и управления. Победивший курс достаточно заглублен в американскую общественную почву, несет в себе повышенный заряд политической силы и влечет долгосрочные последствия. И добавлю, не только для американского империализма, но и империализма в целом, поскольку процесс крутого

поправления характерен для всего нынешнего этапа общего кризиса капитализма. В 80-е годы милитаризм стал и практикой, и политикой, и идеологией, базой интервенционистской стратегии США. Он проник в толщу общественной структуры и государственного механизма, двухпартийной системы. Если Р. Рейган, выступая в Центре стратегических и международных исследований, заявлял, что военная сила прямо или косвенно должна оставаться одним из средств внешней политики Америки[121], то У. Мондейл повторял, по существу, то же самое: "Нам надо быть сильными. Нам надо быть готовыми к использованию этой силы"[122].

Агрессивность американской внешней политики, разумеется, явление ненормальное. Различные этапы и модификации форм этой агрессивности история фиксирует с тех пор, как США в 1898 году открыли эпоху империалистических войн. Но, пожалуй, еще не было такого уровня эскалации внешнеполитического безрассудства во внешней политике Вашингтона, которым отмечена деятельность администрации 80-х годов. Она унаследовала и довела до состояния истерии неизменный компонент американской внешней политики, ее вектор — антисоветизм.

Господство крайне правых в США сегодня — это дальнейшее укрепление там базы антисоциализма, милитаризма и агрессивности. Победа крайне правых — это углубление, качественное и количественное форсирование гонки вооружений. Победа крайне правых — это институционализация линии Вашингтона на конфронтацию с Советским Союзом, всем социалистическим содружеством. Победа крайне правых — это курс на легализацию инструментария ядерной войны, "звездных войн" как ее новой ипостаси. И нет оснований предполагать возможность принципиально иного развития империалистической идеологии, политики, военной стратегии в их базовых основах. "Марксисты, — предупреждал В. И. Ленин, — никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистических, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистических держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало"[123].

Об очевидном антидемократизме американской политической системы говорит и то, что законодательные органы не только не помеха на пути фашизации страны, но и сами являются составной частью этого процесса. В американском конгрессе ультраправые деятели завоевывают все более сильные позиции. Избирательные кампании проходят во все более удушливой атмосфере, когда кандидаты в президенты, сенаторы, губернаторы штатов в палату представителей предпочитают преподносить себя как людей с правыми, реакционными взглядами, все активнее играют на настроениях шовинизма, ультрапатриотизма, американского морального и военного превосходства. При таком развитии событий претензии американских правящих кругов на мировое господство становятся все более зловещими. Человечество оказывается перед опасностью куда более трагической, чем когда-либо прежде.

Одна из характерных черт современного американского общества — ускоренное сращивание, непосредственное слияние двух аппаратов — монополий и государства.

Политические посредники оттесняются в сторону, когда это, разумеется, выгодно монополиям. Происходит процесс прямой узурпации государственной власти верхушкой монополий.

Началось это (заметнее, чем в прошлом) во время второй мировой войны, когда под гром пушек было проще и легче перетасовывать государственный аппарат, заполняя его представителями "большого бизнеса". Война закончилась, но процесс захвата исполнительных рычагов государства непосредственными представителями монополий на убыль не пошел.

В правительстве Трумэна, как известно, было немало крупных финансовых воротил или их прямых поверенных. Активное проникновение в правительство "людей монополий" продолжалось при Эйзенхауэре — президенте США от республиканской партии, при Кеннеди и Джонсоне — президентах от демократов. Замену политических машин финансовая олигархия неизменно использовала для комплектования государственного аппарата преимущественно из представителей "большого бизнеса", военщины и высших чиновников монополий. Эти факты достаточно хорошо известны мировой общественности.

В правительстве Ф. Рузвельта министерские посты занимали Эдвард Стеттиниус, сын партнера Моргана, бывшего президентом "Юнайтед Стэйтс стил корпорейшн", Генри Моргентау, биржевой воротила, владелец огромного состояния, миллионеры Форрестол, Эдиссон, Стимсон, Нокс.

Важнейшие посты в кабинете Трумэна занимали: Д. Форрестол — президент "Диллон, Рид энд компания, Ч. Вильсон — президент „Дженерал электрик“, Р. Ловет и А. Гарриман — видные дельцы с Уолл-стрита, П. Нитце — вице-президент „Диллон, Рид энд компани“, С. Саймингтон — тоже крупный делец и др.

После прихода к власти республиканской партии в 1952 году проникновение непосредственных представителей ведущих компаний на ключевые посты в государственном аппарате резко усилилось. Победа Эйзенхауэра, писал В. Лафебер, была "в значительной степени обеспечена набирающими силу проконсулами возвысившейся американской империи, которые частью были выходцами из армии, частью — из бизнеса"[124]. С Эйзенхауэра, можно сказать, начался качественно новый этап захвата ключевых позиций государственного аппарата "большим бизнесом", процесс, получивший в последующие годы дальнейшее развитие. В наше время ультрабогачи на посту министра или его зама — уже скорее правило, чем исключение. К этому тоже привыкают.

Речь пошла не о десятках, а о сотнях постов, которые ведущие группы монополистического капитала решили отдать своим братьям по бизнесу, отстранив от непосредственного управления страной профессиональных политиков, хотя и служивших им верой и правдой. Дельцы, банкиры, предприниматели направлялись во все наиболее важные звенья государственного аппарата, начиная от кабинета министров и кончая многочисленными ведомствами.

Указывая на разницу между правительством, сформированным республиканцами, и предыдущим правительством, авторы книги "Корпорации-миллиардеры" пишут: "Лица, назначавшиеся Трумэном, были в большинстве случаев представителями второстепенных или промежуточных групп и не являлись сами, за некоторым исключением, экономическими магнатами, стоявшими во главе „большого бизнеса“. Затем руководители главных монополистических групп сами заняли министерские

кресла в правительстве США. Правительство Эйзенхауэра представляет самое открытое правление монополистов в истории США"[125], Члены правительства, сформированного Эйзенхауэром, занимают посты и имели официальные связи в 86 крупнейших корпорациях.

Сам Эйзенхауэр заявил на заседании кабинета через несколько недель после того, как занял пост президента: "Мы все должны помнить, что нас называют администрацией бизнеса. Фактически мы сами дали повод к такому названию, и это хорошо"[126]. Внешнюю политику Эйзенхауэр практически отдал на откуп Дж. Даллесу — главе самой крупной на Уолл-стрит юридической фирмы "Салливан энд Кромвелл". Эта фирма самым тесным образом и давно связана с Рокфеллерами. Сам Дж. Даллес, а также его младший брат Аллен и их сестра Элеонора введены в директораты важнейших компаний рокфеллеровского семейства. Так, Дж. Даллес до последнего дня своей жизни являлся одним из директоров "Стандард ойл", членом правления "Интернейшнл никель" и ряда других концернов, входящих в рокфеллеровскую орбиту. Именно этому доверенному стряпчому семейства Рокфеллеров и было поручено руководство внешней политикой США, в которой он практически бесконтрольно хозяйничал до последних дней своей жизни. Его брат возглавил важнейшее звено американской государственной машины — Центральное разведывательное управление. Элеонора Даллес руководила в государственном департаменте отделом Европы.

Пост министра обороны в правительстве Эйзенхауэра (глава Пентагона ведал распределением военных заказов между военными концернами и корпорациями США) был вручен крупнейшему промышленнику, президенту "Дженерал моторс", контролируемой семействами Морганов и Дюпонов, Чарльзу Вильсону (однофамильцу Ч. Вильсона из "Дженерал электрик", занимавшему тот же пост в правительстве Трумэна). После того как в 1957 году Вильсон, покинув Вашингтон, вернулся в кабинет президента "Дженерал моторс", на его место был назначен миллионер Н. Макелрой — президент моргановской компании "Проктер энд Гэмбл", член директората "Дженерал электрик" и "Крайслер". В декабре 1959 года на посту главы Пентагона Макелрой был заменен еще одним руководящим деятелем моргановской империи — Т.

Гейтсом-младшим, который после отставки правительства Эйзенхауэра занял положение главноуправляющего всеми моргановскими банками и концернами. Пост министра торговли оказался у лидера бостонских банкиров миллиардера С. Уикса. Министром финансов в правительстве Эйзенхауэра стал лидер среднезападной группировки американских монополий, глава "М. А. Ханна корпорейшн" Д. Хэмфри, личные капиталы которого превышают полмиллиарда долларов. Впоследствии Хэмфри сменил Р. Андерсон — крупнейший промышленник и финансист из Техаса. Пост военного министра был поручен Р. Стивенсу, вице-президенту "Дженерал моторс". Пост министра авиации занял М. Тэлбот, исполнительный директор той же корпорации.

Министром почт стал А. Саммерфилд, президент компании "Шевроле",
Весьма информированная в закулисных делах Вашингтона газета "Нью-Йорк тайме" в дни формирования администрации Эйзенхауэра сообщила, что деловыми кругами страны составлен список кандидатов на 900 высших правительственных постов, не считая членов кабинета. По словам газеты, этот список целиком состоял из дельцов, в нем не было ни одного профессионального политика. Лишь должности, стоящие по иерархии ниже этих 900, считались доступными для политиков-профессионалов.

Процесс невиданного до того захвата монополистами постов в государственном

аппарате стал нормой государственного управления и продолжал развиваться при всех последующих президентах. Как известно, Дж. Кеннеди сам относился к промышленно-финансовой элите США. Семейство Кеннеди среди 20 самых богатых в стране. Это первый в практике американского президентства случай, когда на высшем посту в государстве оказался представитель правящей финансовой верхушки. Дж. Кеннеди — член семейства, личные капиталы которого превышают 600 миллионов долларов, а через жену он был связан родственными узами с банкирским домом Морганов. Заметим, что Рокфеллерам, чья фамилия стала символом богатства и власти, не удалось неоднократные попытки прорваться к вершине власти — в Белый дом. Мешали конкуренты. Братья-политики — Нельсон и Уинтроп Рокфеллеры — удовлетворились губернаторскими постами.

Государственным секретарем в правительстве Кеннеди стал Д. Раск, бывший до этого председателем правления "Фонда Рокфеллеров". На пост министра обороны был назначен в 1960 году Р. Макнамара. Доселе он подвизался на различных должностях в концерне Фордов. О близости Макнамары к братьям Фордам можно судить по такому факту. Он был первым человеком, не принадлежащим непосредственно к этому семейству, которому было доверено президентство в "Форд мотор компани". Будучи на посту управляющего фордовским концерном, Макнамара составил крупное личное состояние в несколько десятков миллионов долларов. Пост министра финансов занял один из крупнейших банкиров Уолл-стрита, глава банкирской фирмы "Диллон, Рид энд компани" Д. Диллон. Министром торговли стал крупный текстильный фабрикант, глава компании "Маршалл филд" Л. Ходжес. Министром почт — один из директоров "Бэнк оф Америка", Эдвард Дэй. На пост специального помощника президента был назначен уолл-стритский банкир А. Гарриман. Министром военно-морского флота оказался Дж. Коннели — наследник миллиардного состояния тexasского нефтяного короля С. Ричардсона.

Итак, "большой бизнес" после войны хлынул в правительство. Как уже говорилось, при президенте Трумэне фактическими руководителями страны были те, кто "сделал сказочный бизнес на второй мировой войне, извлекает огромные барыши от нелегкого мира и надеется получить огромные прибыли из предстоящего конфликта. Уолл-стрит — это больше, чем фраза или ораторский прием. Это реальность. Уолл-стрит сегодня — это Вашингтон, а Вашингтон — это Уолл-стрит"[127]. О самом богатом в истории США главе государства, Дж. Кеннеди, и его министрах уже упоминалось. И президент Джонсон — миллионер. Многие министры этого правительства тоже миллионеры. Недаром тот же Джонсон заявил предпринимателям, собрав их на банкет в Белом доме: "До тех пор, пока я буду президентом, руководители промышленности и финансов будут встречать в этом доме самый радушный прием"[128]. В свою очередь, монополии, их властители и поверенные руководствуются, по свидетельству Л. Фараго, автора книги "Это ваши деньги", принципом, который бывшим министром финансов США Дж. Хэмфри сформулирован следующим образом: получать как можно больше, пока сходит с рук[129].

В послевоенной Америке из относительных "низов" в президенты пробились лишь Джонсон, Никсон и Рейган. Что же касается демократа Джонсона и республиканца Никсона, то они профессиональные политики, посвятившие свою жизнь "служению обществу" и получавшие строго ограниченное законом вознаграждение. Но факты есть факты — оба стали миллионерами задолго до избрания президентами, так сказать,

доказали свои способности в обществе "равных возможностей". Лакействующие биографы найдут у будущих хозяев Белого дома выдающуюся деловую хватку, блестящие данные писателей и ораторов. Иначе как объяснить, что купленная за гроши радиостанция или адвокатская практика вдруг начинает приносить "золотые яйца", как объяснить фантастические гонорары за статьи, интервью, выступления, как объяснить обязанности и функции профессиональных политиков в десятках директоратов, наблюдательных советов в различных отраслях промышленности, строительства, торговли и финансов, конечно, за огромные вознаграждения. Объяснения простые. Всей своей "многогранной" деятельностью будущие претенденты на президентское место проходили "обкатку", демонстрировали способности удовлетворять запросы власть имущих. Если испытание выдерживается, то и деньги, в них вложенные, возвращаются с лихвой.

Заслуживают внимания некоторые события, которые предваряли выборы 1968 года. С 13 по 20 октября, всего за несколько недель до выборов, в Хот-Спрингсе состоялся так называемый "совет бизнесменов", в котором приняло участие около ста президентов крупнейших корпораций страны. Обсуждался вопрос, кого из кандидатов предпочесть. Решение было единодушным — Р. Никсона. Несколько раньше, 30 сентября — 2 октября, в Чикаго был созван съезд Ассоциации американских банкиров, в котором участвовало свыше 600 ведущих финансовых воротил. Обсуждался тот же вопрос. Решение было как и в Хот-Спрингсе — Никсон. Характерен результат опроса, проведенного в середине октября, за две недели до выборов газетой "Нью-Йорк таймс" среди предпринимателей страны. Бизнесменам был задан вопрос: кого из кандидатов они будут поддерживать на предстоящих выборах? 85 процентов ответов гласило — Никсона.

К власти пришел Р. Никсон. В его правительстве, как и раньше, ключевые посты заняли миллионеры, представители крупнейших банков и корпораций. Государственный секретарь Роджерс — коллега Никсона по юридической профессии, занимавший в правительстве Эйзенхауэра пост министра юстиции, министр финансов Кеннеди — председатель правления чикагского банка "Континентал Иллинойс нэшнл бэнк энд траст компани" и член совета директоров нескольких крупных корпораций. Министр торговли Стэнс — крупный банкир с Западного побережья, президент ряда компаний. Министр труда Шульц — директор нескольких компаний, а министр почт и телеграфа Блаунт — президент Американской торговой палаты. Богатый делец и губернатор Аляски Хикел — министр внутренних дел. Он владелец, председатель правлений и член совета директоров целого ряда торгово-промышленных фирм, Хардин, ректор Небрасского университета, тоже входящий в правление многих корпораций и в попечительский совет "Фонда Рокфеллера", занял пост министра сельского хозяйства. Мичиганский губернатор Ромни, миллионер, связанный с автомобильными корпорациями, возглавил министерство жилищного и городского строительства. Пост министра здравоохранения, образования и социального обеспечения был отдан Финчу, связанному с рядом компаний Калифорнии.

Та же картина и в нынешней администрации. Личное состояние министра обороны Уайнбергера оценивается в 2,2 — 3,5 миллиона долларов, бывшего госсекретаря Хейга — примерно в 2 миллиона, нынешнего госсекретаря Шульца — тоже около 2 миллионов, других членов кабинета — от полутора до 9,2 миллиона. Сам Рейган с женой оценивают свою недвижимость в 1,2 — 2,4 миллиона, а движимое имущество — в 0,6—1,1

миллиона долларов[130]. Показателен и разброс этих цифр: за ним сквозит явное желание обладателей состояний по возможности скрыть их от учета, а тем самым и от налогообложения. Как не похоже это на мечту А. Линкольна о "правительстве народа из народа и для народа"!

Кабинет министров в Вашингтоне сформирован из представителей крупнейших корпораций, прежде всего связанных с военным бизнесом. Его состав отражает соотношение сил в экономической элите. Немало там представителей корпораций западных и среднезападных районов, которые проталкивали Рейгана в президенты. Серьезные позиции оставили за собой банковские и промышленные олигархии северо-восточных районов. Отмечается и та особенность, что за Рейганом стоят богачи новых поколений, которые нажили капитал жульническими махинациями, на основе подкупов, взяток, связей с мафией и т. д., что несет в себе большой "скандальный потенциал"[131]. Впрочем, скандалы уже начались.

К лету 1984 года стало известно, что уже более ста высших чиновников правительства республиканцев оказались замешанными в различных должностных преступлениях, связанных с коррупцией.

Слияние правительства с бизнесом становится все более открытым. Сегодня мало кого шокирует практика перехода руководителей корпораций в правительство, а потом — их возвращение в мир бизнеса, но на более высокие посты. Правительство Рейгана, например, часто называют правительством корпорации "Бектел" — ведущие его деятели пришли из этой калифорнийской строительной фирмы, специализирующейся на крупном энергетическом и промышленном строительстве, в том числе и за границей.

Широкое распространение получила в конце 60-х — 70-х годах и такая относительно новая форма взаимосвязей между правительством и деловыми кругами, как организация совместных комиссий — либо для анализа и выработки политической стратегии по каким-либо конкретным вопросам, либо широкопрофильных, универсальных, призванных формулировать политическую стратегию капитала в целом. Среди последних особую известность приобрела "Трехсторонняя комиссия", созданная в конце 1973 года по инициативе семьи Рокфеллеров. Здесь разрабатываются основы современного военно-политического курса империализма. Из недр этой комиссии немало деятелей было рекрутировано в правительство Дж. Картера, среди них прежде всего стоит упомянуть "ястреба" З. Бжезинского. Не менее "достоинно" "Трехстороннюю комиссию" у Рейгана представляет К. Уайнбергер.

Беспрецедентное влияние приобрела на политику Вашингтона военщина. Это отражение небывалого в истории государства взлета милитаризма. Многие генералы и адмиралы занимают важнейшие посты в корпорациях, другие — в правительстве. Союз военных и монополистов принимает все более опасные размеры. Широкое распространение получила так называемая практика "вращающихся дверей": почти на каждом уровне военно-промышленного комплекса люди свободно переходят с работы в госаппарате на работу в частные корпорации, обслуживающие военную промышленность, и наоборот. Некоторые проходят через эту "вращающуюся дверь" по нескольку раз. В таких условиях чиновники в Пентагоне начинают работать на частную промышленность задолго до ухода с государственной службы. О размерах этого явления свидетельствуют следующие цифры: с 1979 по 1981 год на работу в военную промышленность перешли со своих постов 2,1 тысячи офицеров.

Процесс милитаризации захватил и внешнюю политику. Многие генералы и адмиралы

сменили армии и флотилии на дипломатическую службу. Они там сейчас нужнее. Тотальная милитаризация общества нуждается в военных. Теперь уже, замечает Симпсон, президенты "больше ценят советы военных, чем дипломатов"[132]. Назначение военных на дипломатические посты — не простая механическая замена одного чиновника другим. Свой образ мышления вчерашние генералы и адмиралы переносят в сферу международных отношений. Внешнеполитический курс США становится все более воинственным. Гибкость и конструктивность в политике объявляются старомодными.

Военная элита, промышленный комплекс, занимающийся производством оружия, заняли прочное место в структуре власти и влияния в США. Наиболее заметно это проявилось в период правления Р. Рейгана, с самого начала поставившего на пост государственного секретаря бывшего главнокомандующего войсками НАТО в Европе А. Хейга. Если взять сенат на середину 1984 года, то и там бывшие военные играют решающую роль. Их в сенате большинство: из 100 членов этого законодательного органа 69 человек — бывшие кадровые военные. Все они тесно связаны с военным бизнесом. В сущности, милитаристские процессы в США развиваются во взаимодействии с общими реакционными сдвигами в этой стране, активизацией и консолидацией правых политических сил.

Американская действительность дает все новые подтверждения ленинскому выводу о том, что империализм "отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины"[133]. Милитаризм реакционен по своей классовой природе. Будучи мощным орудием классового господства, он используется как сила подавления внутри страны и как орудие агрессии и экспансии за рубежом. Реакционность милитаризма резко обострена его направленностью против Советского Союза и социалистического содружества в целом, против сил, борющихся за социальное и национальное освобождение. Для США в наибольшей степени характерно переплетение захватнических и контрреволюционных черт милитаризма.

Соединение силы монополий и силы государства приобрело ярко выраженную военную окраску, что является важной особенностью развития государственно-монополистического капитализма после второй мировой войны. Во всем многообразии переплетающихся связей между монополиями и государством выделилась и получила активное развитие именно военная линия таких связей, сложился военный механизм взаимодействия монополий и государства, или, иначе говоря, военно-промышленный комплекс. Это, с одной стороны, крупнейшие военно-промышленные концерны, сосредоточившие у себя основную часть государственных заказов. Они выполняют роль организаторов военного производства, составляют ядро военного бизнеса и осуществляют групповое монополистическое господство. С другой — высшие военные звенья государственного аппарата, прежде всего Пентагон, которые по масштабам деятельности и средствам несравнимы ни с одним другим американским государственным органом.

Произошло, таким образом, объединение двух крупнейших милитаристских группировок. Естественно, это взаимодействие верхних эшелонов власти и военной индустрии происходит во имя развития и ускорения милитаристских процессов.

Довольно распространены в США попытки представить военно-промышленный комплекс как только лоббистскую группу. Это, конечно, упрощение, причем весьма злобредное, выгодное военно-промышленной элите. Комплекс — не обычное и не

имеющее аналогий явление в американской государственно-монополистической структуре. Он представляет собой альянс милитаристских интересов и практического сотрудничества крупных консолидированных партнеров.

Сегодня, если судить по практической политике США, мало говорить об отрицательных общественных последствиях деятельности только Пентагона или только военно-промышленных корпораций. Слитность их интересов, единство действий выдвигают эту социальную группировку в особо опасную силу — деструктивную внутри страны и интервенционистскую за ее пределами. Это мощный государственно-монополистический блок милитаристских сил, имеющий значительно большие возможности и средства воздействия на политический курс США по сравнению с менее консолидированными, нередко действующими раздробленно другими кругами американского правящего буржуазного класса.

В сущности, ни одно из других объединений американских корпораций не имеет столь прямых, развитых и многообразных связей с государственным аппаратом. Дело не ограничивается только профессиональной общностью интересов тех, кто заказывает и закупает оружие и боевую технику, и тех, кто их производит. Общая заинтересованность в развитии и укреплении экономической и политической силы милитаризма превратила отношения высших военных звеньев госаппарата и крупнейших военно-промышленных концернов в слитное партнерство с уникальной устойчивостью и масштабностью взаимодействия. Такая заинтересованность имеет достаточно многообразные проявления, но, в сущности, это вопрос о том, кому выгодна гонка вооружений, кто наживается на военных приготовлениях. Все остальное — защита "национальных интересов", "свободы" и "демократии" и прочее — служит идеологической оберткой защиты прибылей. В США признается, что в военном производстве прибыли значительно выше, чем в гражданском, и скрыть это невозможно. В инструкциях Пентагона по размещению военных контрактов даже подчеркивается исключительно важная роль прибыли как стимула для вовлечения американских корпораций в военное производство.

Прибыли военно-промышленных компаний — это та дань, которую американское общество, американский налогоплательщик выплачивают за частнопредпринимательскую деятельность в сфере военного производства. С этими прибылями связаны корыстные интересы высших должностных лиц и акционеров военно-промышленных компаний, они — источник средств для "подарков" и "гонораров" военным чинам за их "услуги", оплачиваемые также и путем предоставления "теплых местечек" в корпорациях уходящим на пенсию генералам и крупным чиновникам. Скандальные разоблачения махинаций партнеров по военно-промышленному комплексу показывают, что коррупция стала органической составной частью их взаимоотношений. Военно-промышленный комплекс США представляет собой социальную группировку, прямо заинтересованную в гонке вооружений, это фракция правящего класса, которая непосредственно срослась с милитаризмом и для которой участие в гонке вооружений стало способом существования и выживания. Экономические интересы комплекса сфокусированы на требованиях поддерживать на высоком уровне и наращивать американские военные расходы, увеличивать портфель военных заказов.

Таким образом, реакционная деятельность военно-промышленного комплекса не сводится только к его служебной роли, связанной с общеклассовыми потребностями буржуазии в укреплении аппарата вооруженного насилия, используемого для репрессий

внутри страны и агрессии за ее пределами. Развиваясь и укрепляя свои позиции, комплекс выступает уже и в активной самостоятельной роли катализатора милитаристских процессов и пружины американских военных авантур. Эта инициативная функция комплекса отражает узкоклассовые потребности фракции правящего класса, заинтересованной, особенно экономически, в форсированной гонке вооружений. В своей книге о военно-промышленном комплексе американский историк П. Коистинен называл комплекс "мощной силой, увековечивающей экспансионистскую и агрессивную внешнюю политику и смертельно опасную гонку вооружений"[134]. Иными словами, комплекс сегодня выступает в двойной — общеклассовой и узкогрупповой — реакционной роли.

Эта направленность в деятельности военно-промышленного комплекса не может расцениваться иначе как вызов общественным интересам. Реакционность ВПК проявляется во все большей мере в условиях, когда прекращение гонки вооружений, сокращение вооружений и разоружение стали острейшей международной проблемой, приобрели первостепенное значение как магистральный путь укрепления международной безопасности. Однако комплекс стал мощной экономической и политической преградой для решения этой проблемы. Это не пассивное сопротивление, а воинствующее противодействие, мощная оппозиция практическим мерам в области ограничения и сокращения вооружений. Комплекс постоянно проявляет себя как сила, активно действующая в сторону раскручивания все новых витков в гонке вооружений, реализации новых военных программ, он несет огромную ответственность за усиление угрозы войны, за подрыв международной безопасности.

При всем многообразии факторов, влияющих на формирование и проведение в жизнь внутренней и внешней политики США, нет сомнений в том, что деятельность военно-промышленного комплекса с его программой форсированного милитаризма, гонки вооружений и обострения международной обстановки превратилась в мощный фактор и устойчивую тенденцию реакционного нажима на политический курс страны. Имперские амбиции США неотделимы от такого реакционного давления американских военно-промышленных кругов.

Усиление реакционного воздействия комплекса на политику страны бесспорно, но нельзя, однако, рассматривать его как фатальную неизбежность. Логика и факты политической борьбы показывают, что нет автоматизма и какой-то предопределенности в расширении влияния ВПК. Сам комплекс является элементом, встроенным в государственно-монополистическую структуру США, степень его влияния на общественно-политическую жизнь страны может быть переменной величиной. Это влияние может нарастать или убывать в зависимости от активности противоборствующих сил, их способности противостоять реакционному давлению военно-промышленных кругов, зависеть от тех задач, которые решаются в данный момент правящими силами страны в целом.

В 70-х годах комплекс был вынужден отступить под давлением сил, в том числе и в самих США, выступавших за разрядку международной напряженности. Ему пришлось сдавать позиции, о чем говорит и снижение американских военных расходов в первой половине 70-х годов, и некоторые сдвиги в американской политике в сторону реализма. Начавшееся на рубеже 70-х и 80-х годов ожесточенное контрнаступление военно-промышленного комплекса снова показывает, что ставка ВПК и других правых сил на осложнение международной обстановки и возврат к временам "холодной войны"

не является простым процессом. Дают себя знать противодействующие силы. Деятельность военно-промышленного комплекса ведет к размежеванию сил не только в стране в целом, но и в ее правящем классе. На гонке вооружений наживается лишь часть буржуазии, прежде всего монополистической. В тех ее кругах, которые не связаны непосредственно с функционированием военной машины, растут недовольство и протест по поводу активизации милитаристских процессов. Пробивает дорогу реалистический подход, ширится понимание опасностей милитаризма "без берегов" как в политическом плане в связи с нарастанием военной угрозы, так и с точки зрения все более обостряющихся социально-экономических последствий гонки вооружений. Военно-промышленному комплексу с его своекорыстными устремлениями нелегко защищать форсированный милитаризм. Общациональные "патриотические" лозунги здесь могут помочь частично или временно.

Капиталистически организованному военному бизнесу, как понятно, чужда социальная ответственность. Это конфликт интересов, где среди противников военно-промышленного комплекса оказываются не только широкие слои трудящихся, но и реалистично настроенная часть правящего класса.

В послевоенные годы правительство США ввело в международную практику, по существу, новый институт, не имевший ранее широкого распространения в мировой политике, — военные миссии. Первая крупная военная миссия США была направлена в Грецию в 1947 году, сразу же после провозглашения "доктрины Трумэна". В настоящее время военные миссии Пентагона созданы во всех странах мира, заключивших с Соединенными Штатами военные соглашения. С их помощью правящие круги США контролируют наиболее важные стороны государственной деятельности своих союзников и подвластных государств.

"Нравится нам это или нет, но применение силы и готовность применить силу лежат в основе внешней политики, и поэтому вырабатывают и осуществляют внешнюю политику США в значительной степени военные"[135]— так откровенно формулирует свою мысль, подводя "теоретическую базу" под засилье военщины в Вашингтоне, профессор Дж. Макками. О том же пишет в книге "Американская демократия под прессом" профессор Блейделл. "Военное ведомство, — заявляет он, — тратит больше денег, чем другие ведомства, и его воздействие на политику, как внутреннюю, так и внешнюю, сильнее, чем какого-либо другого департамента или любого из исполнительных органов"[136]. Высшие военные заняли "прочное положение среди властвующей элиты нашего времени и вскоре, по мнению осведомленных наблюдателей, вполне могут стать старшими братьями"[137]. Американцы, пишет У. Янг, уже "привыкли ходить по острию ножа катастроф"[138]. Н. Чомски считает, что правительство Рейгана пытается поднять уровень международной напряженности и создать настроения кризиса в стране и за рубежом, хватаясь за любые возможности[139].

Ныне в Вашингтоне многие важнейшие вопросы политики решаются в зависимости от того, как оценивают международную обстановку военные круги. Резкую активизацию военных в жизни страны отмечает Экирч в книге "Гражданские и военные".

"Преуспевающая, — пишет он, — в атмосфере постоянного кризиса и военной истерии, которая пропитала Вашингтон, военный эксперт с его аргументом военной необходимости обычно занимает первое место при слушании дел в конгрессе".

Представители военных кругов ратуют за дальнейшую милитаризацию экономики, что привело страну в состояние "гарнизонного государства" и "всеобщей мобилизации для

войны, так долго желаемой милитаристами"[140].

Характерно, что в конгрессе даже сторонники сокращения расходов на военные нужды резко меняют свои позиции, когда дело касается их избирательных округов. Так, Т. О'Нил последовательно выступает за производство самолета F-18, ибо двигатели для него изготавливаются в его штате Массачусетс. А. Крэнстон борется за бомбардировщик B-1, так как его производство осуществляется в Калифорнии. К. Левин отстаивает танк M-1, который выпускается в Мичигане. Естественно, что благодаря такому подходу военные корпорации получают дополнительные рычаги давления на конгресс.

По данным "Нью-Йорк таймс", нынешняя команда Белого дома "потворствует скрытому, однако непрерывному усилению влияния военных в процессе принятия решений по вопросам национальной безопасности"[141].

Американское государство, будучи тоталитарным по своему существу, опирается не только на военных. Основательной опорой правящих сил являются карательные и разведывательные службы. Современное "разведывательное сообщество" США — это примерно дюжина различных организаций, ведущей среди которых выступает ЦРУ. Помимо него, существуют разведывательные организации армии, ВВС и ВМФ, министерства обороны в целом, агентства, занимающиеся управлением разведывательными спутниками, электронным перехватом информации. Свои разведывательные подразделения имеют также госдепартамент, министерство финансов и министерство энергетики. И разумеется, ФБР.

Центральное разведывательное управление, по признанию его бывшего сотрудника Р. Макгихи, представляет собой инструмент президента для осуществления подрывных террористических операций за рубежом. ЦРУ — это организация, обладающая неподотчетным правом вмешиваться в дела других государств, говорит Ивлэнд, бывший агент ЦРУ. Бывший директор этой организации У. Колби подтверждает, что "с конца войны мы, ЦРУ, не делали ничего другого, как только помогали различным... силам в их борьбе против коммунистической угрозы". Только с 1961 по 1976 год ЦРУ провело более 900 подрывных террористических операций против "неугодных" США деятелей и правительств. На эти цели расходуются две трети всего бюджета ЦРУ.

О некоторых методах и фактах этой грязной деятельности рассказывается в работе "Белая книга обеляет"[142], основанной на материалах бывшего сотрудника ЦРУ Филипа Эйджи[143]. Как свидетельствует Эйджи, обычной, рутинной работой ЦРУ является не только терроризм, организация заговоров, компрометация "нежелательных" групп, партий и деятелей, но и фальсификация разного рода документов. Он напоминает о случае, когда иранские студенты в 1979 году нашли фальшивые паспорта в американском посольстве в Тегеране, выданные разведчикам Ахерну и О'Кифу на имена бельгийца Тиммермана и западного немца Шнейдера. Он рассказывает также, как ЦРУ организовало в 1960 году налет на кубинское посольство в Перу, с тем чтобы в похищенные документы вложить список лиц из перуанцев левого направления мысли, которые якобы сотрудничали с кубинским посольством. После опубликования этого списка дипломатические отношения с Кубой были разорваны. Впоследствии фальшивка была разоблачена, но виновные в провокации остались безнаказанными.

Те же методы были использованы и для организации военного переворота в Эквадоре в 1963 году и разгрома компартии. В багаж одного из эквадорских коммунистов был вложен тюбик из-под зубной пасты с "планами захвата" власти коммунистами и уничтожения военных и полицейских начальников. Фальшивка ЦРУ была тоже

разоблачена, но позднее, а тем временем левые силы были разгромлены и сотни невинных людей брошены за решетку. Как свидетельствует Эйджи, в американских посольствах ведутся картотеки на лиц с левыми взглядами, которые квалифицируются как "подрывные элементы" и подлежат аресту в случаях кризисных ситуаций.

В этих же целях ЦРУ готовит и содержит террористические организации. Одна из них — "Патриа и Либертад" в Чили — сыграла активную роль в физическом уничтожении демократов, сторонников конституции и республиканского правительства Сальвадора Альенде. Широко известны также террористические организации "Белая рука" и "Око за око" в Гватемале, "Вооруженные силы национального освобождения" в Венесуэле, созданные и финансируемые ЦРУ, Тонтон-Макуты на Гаити, а в самих США — ку-клукс-клан, общество "Минитменов", нацистская партия, которые тоже содержатся на деньги ЦРУ и ФБР и пользуются их покровительством.

За две недели до переворота в Чили генеральный секретарь нацистской организации "Патриа и Либертад" Роберто Тим сказал в интервью: "Наша цель — усилить в стране хаос и спровоцировать как можно быстрее военный переворот". Тим добавил, что ждать достижения этой цели осталось недолго. После переворота другой лидер этой организации с удовлетворением заметил: "Мы достигли своей цели. Наша миссия выполнена"[144].

Правящая элита США уделяет ныне повышенное внимание средствам насилия и провокаций.

Нового здесь мало, а необычного и вовсе нет. Американская тоталитарная система всегда славилась огромной ролью полиции и разведки в системе общественной жизни. Но Р. Рейган дал им еще большую свободу действий, избавил от остатков контроля со стороны законодательных органов. Сегодня американские службы разведки особенно активны в проведении линии на дестабилизацию международной жизни, на такое развитие событий, которое бы соответствовало американским милитаристским планам. Иными словами, ЦРУ и другие спецслужбы США дождались своего "звездного часа". В 1983 году бюджет на подрывные операции ЦРУ возрос на 25 процентов и достиг 1,5 миллиарда долларов. В 1984 году запланировано израсходовать на подрывные операции за рубежом до 17 миллиардов долларов. Интересно, что темпы роста ассигнований для ЦРУ опережают даже темпы расходов на военные цели. Число сотрудников Центрального разведуправления достигло 16 тысяч человек.

Неотъемлемая часть американского образа жизни — лоббизм. Этим термином называют в США систему давления на законодательные органы и правительство. Такое давление оказывают монополистические объединения, политические организации и группы. В понятие лоббизма входит и практика подкупа законодателей и чиновников. Казалось бы, в условиях, когда монополисты получили возможность непосредственно решать свои дела, заняв правительственные посты, лоббизм потерял смысл. Однако его активность не только не ослабла, а, напротив, усилилась. В системе американской "демократии" на его долю приходится наиболее скрытная и грязная часть работы по использованию конгресса и правительства в интересах монополий. Лоббисты комплектуются из числа бывших крупных политических деятелей, генералов и адмиралов, имеющих связи и знающих, к кому обратиться в Вашингтоне. Концерны, фирмы, банки, компании, организации, общественные объединения посылают в Вашингтон представителей для "проталкивания" своих вопросов. "Группы давления" — так обычно американская пропаганда именуется лоббистов и

финансирующие их организации — называют "третьей палатой" конгресса, служащего лишь "местом для рынка, товары для которого производят везде, главным образом в комитетах и кулуарах"[145]. Особенно большим вниманием лоббистов пользуются партии и правительство. "Дело в том, — говорится в сборнике „Теория и практика американской внешней политики“, — что партии просто должны стоять в стороне и позволять доминирующим группам определять решения"[146].

Многие авторы отмечают, что партия у власти имеет Долги и обязательства перед заинтересованными группами. Партия, успешно идущая к власти, как бы получает "мандат" от таких групп. Когда партийные лидеры попадают в правительственные учреждения, определение политики они оставляют главным образом за "группами давления"[147]. Последние, не чураясь работы и внутри партий, главные силы бросают на помощь то одной, то другой партии в зависимости от того, какая из них кажется более обещающей в данный момент. В американской литературе отмечается решающая роль "групп давления" и в президентских выборах. Эти группы и их доверенные лица не обязательно присутствуют на партийных съездах, они действуют через лидеров партий и делегатов. "Группы давления" стремятся "при помощи денег диктовать назначение кандидата в президенты и обеспечить избрание кандидата, отвечающего их интересам"[148].

"Идеи, — пишет Блейсделл, — которые вошли в наши законы, — это в большой степени их идеи. Мнения и точки зрения на вопросы общества, которые ежедневно путешествуют по воздушным волнам, — это их идеи или отражение их идей. Люди, которые в качестве представителей законодательных органов, адвокатов или прокуроров выступают за эти группы в залах конгресса, в исполнительных департаментах и перед судом, являются их агентами"[149].

Наибольшего расцвета система лоббизма, подкупа, взяток достигла в местных законодательных и исполнительных органах. Американский журнал "Ридерс дайджест" напечатал однажды рассказ местного парламентария. В нем раскрывается "кухня" лоббизма.

Сначала лоббисты оплачивают счета законодателей в ресторанах и отелях, а затем, не колеблясь, "хлещут их кнутами", напоминая, с какой стороны хлеб намазан маслом. "Здесь я обнаружил, что мне можно не платить в ресторанах. Кто-нибудь из лоббистов всегда готов оплатить мой чек. Как наивный новичок, я обходил стороной лучшие рестораны города, куда лоббисты водили законодателей, и мрачно съедал бутерброд с беконом и помидорами в кафетерии. Мои коллеги не терзались подобными сомнениями. Я слышал, как они спрашивали друг у друга: „Идешь на обед? Кто сегодня твой голубчик?“

Когда один не в меру горячий член собрания выступил против лоббиста промышленников, последний передал репортерам копии оплаченных чеков этого законодателя. "Если я сукин сын, — говорил лоббист, — то этот человек был избран в собрание на деньги сукина сына". Он намекнул, что есть и другие, более крупные чеки, которые можно предать гласности". Автор статьи признает, что после долгих "сомнений" и "угрызений совести" он тоже решил брать деньги у лоббистов.

В 1981 году при полном единодушии обеих партий были сняты ограничения на "деловые расходы" конгрессменов, введена специальная налоговая скидка, что дало каждому конгрессмену по меньшей мере 20 тысяч долларов в год. Показательно, что это решение было оформлено как поправка к закону об улучшении обеспечения больных силикозом

(1). Своеобразной формой взятки является и организация поездок за границу на казенный счет. Так, в 1982 году группа из 14 конгрессменов побывала в Сингапуре, Бомбее, Каире и Афинах с целью определить "масштабы деятельности Советского Военно-Морского Флота". Американским налогоплательщикам этот круиз обошелся в 300 тысяч долларов. Позорным пятном легла на конгресс США история с подставными шейхами, роль которых играли агенты ФБР. Передав крупные суммы семи конгрессменам, агенты заручились их поддержкой в решении вопроса о проживании мнимых шейхов в США. ФБР пришлось расследовать эту операцию, ибо в публику стали просачиваться факты о массовых подкупах законодателей. Надо было срочно спасти конгресс, по возможности с меньшими издержками.

В 70-е годы "уотергейтское дело", о котором мы уже упоминали, открыло период беспрецедентных разоблачений. Каждый утопающий стремился прихватить с собой "на дно" кого-то еще. Партии, фракции, группировки непрерывно сводили друг с другом счеты. Открылось много любопытного, в том числе и по поводу морали тех, кто претендует на моральное руководство миром. За это десятилетие около 20 конгрессменов были в судебном порядке признаны виновными в уклонениях от уплаты налогов, взяточничестве, нарушении избирательных законов. Еще большее количество дел не дошло до суда, осталось лишь на страницах печати. Было все: связи с преступным миром, содержание любовниц на деньги налогоплательщиков, наркотики, многое другое. Использование служебного положения в целях личного обогащения уже считается чуть ли не само собой разумеющимся. За последние 15 лет в США не было ни одного правительства, члены которого не оказывались бы замешанными в скандальных, а то и откровенно преступных махинациях. Республиканские и демократические администрации различались разве что числом подобных скандалов.

Взяточничество, казнокрадство, подкуп — типичные черты буржуазного общества.

Политическая коррупция органически присуща капитализму, так как, по словам американского исследователя Дж. Гарднера, "занимающие выборные государственные должности выигрывают их потому, что получают деньги, а получают деньги потому, что занимают выборные должности"[150]. В США коррупция существовала в государственной, законодательной и судебной власти всегда. Последние десятилетия дали новый, невиданный размах этому позорному явлению. Если с 1941 года по начало 70-х годов в среднем в стране разражался один крупный скандал в два года, то в 70-е годы этот показатель составил уже три политических скандала в год. Особенно этим отличалось президентство "моралиста" Дж. Картера. Попадались не только министры. Брат президента продавал при помощи З. Бжезинского государственные секреты, сын был обвинен в торговле наркотиками, сестра — в финансовых спекуляциях и т. д. Пришедшая на смену администрация — этот, по определению американской прессы, "клуб миллионеров" — сразу же побил все "рекорды. Всего лишь несколько примеров, характеризующих подлинное лицо администрации „большого бизнеса“.

Ричард Аллен — бывший помощник президента по Национальной безопасности. Долгое время представлял консорциум португальских фирм в США, получая большие деньги лишь за то, что занимался формированием благоприятного общественного мнения в отношении действий португальских колонизаторов в Анголе. Затем основал фирму "Потомак интернэшнл корпорейшн", которая проталкивала японские товары на американский рынок. Сам Аллен снабжал японцев конфиденциальной экономической информацией, получая за это соответствующую мзду. Отмечались тесные личные связи

Аллена и с военными из Западной Германии, что также помогало "коммерческим" успехам фирмы. Он всегда славился безграничным антисоветизмом, который служил прикрытием для подпольных махинаций в бизнесе. Попался Аллен на японских взятках, но и после этого не был уволен, ему был предоставлен "административный отпуск" с сохранением зарплаты. Впоследствии Рейган назначил Аллена своим советником по иностранной разведке.

Уильям Кейси — директор ЦРУ, мощной организации террора и провокаций, давно представляет интересы военного бизнеса. Например, летом 1969 года в американской печати (в 25 газетах) публикуется (на целую газетную полосу) призыв поддержать программу правительства по строительству системы противоракетной обороны. Впоследствии обнаружилось, что воззвание, стоившее немалых денег, подписали директора, другие руководители фирм, субподрядчики, непосредственно связанные с работами по ПРО, осуществление которых сулило сказочные контракты, а также продавцы оружия. Общественная "озабоченность" оказалась циничной корыстью. А воззвание поместил Кейси от имени организованного им "Гражданского комитета за мир в условиях безопасности". Оказавшись затем во главе шпионского ведомства, он продолжает путать свой личный бизнес с государственными делами, не особенно опасаясь последствий, тем более что председателем сенатской комиссии по разведке является небезызвестный ультра Б. Голдуотер. Например, и сейчас Кейси держит в ЦРУ специальную группу, наблюдающую за биржей с тем, чтобы с наибольшей выгодой осуществлять свои биржевые спекуляции, аферы с акциями. Махинации и беззакония, творимые Кейси, приобрели широкую известность. Они вынудили "Вашингтон пост" написать, что Кейси "из пиратского мира частного бизнеса перешел на государственную службу, не ощутив никакой разницы... В отличие от жены Цезаря он не выше подозрений"[151].

Реймонд Доновэн — министр труда, председатель предвыборного комитета Р. Рейгана в штате Нью-Джерси и агент по сбору средств в фонд его кампании. До министерского поста был исполнительным вице-президентом строительной компании. Когда его утверждали министром, один из осведомителей ФБР, ныне осужденный за уголовщину, узнал в Доновэне человека, который вручал ему деньги от фирмы "Шиафон констракшн компани", которые шли профсоюзным боссам за их службу по предотвращению забастовок. Доновэн носил тогда специальную кличку, как это и принято в уголовном мире.

Позднее оказалось, что фирма "Шиафон" связана с мафией, а Доновэн — с миром организованной преступности.

В сокрытии своих доходов был обвинен министр юстиции У. Смит, в присвоении государственных средств — министр внутренних дел Дж. Уотт, в финансовых аферах — министр торговли М. Болдридж, в использовании служебного положения для личного обогащения — министр военно-морских сил Дж. Леман, в махинациях с ценными бумагами — первый заместитель министра обороны П. Тэйер, в незаконных финансовых операциях — специальный помощник Рейгана Т. Рид, в получении взяток — помощник президента Э. Миз. "Счастливая" команда республиканцев оказалась шайкой казнокрадов и взяточников.

В 1983 году стало известно, что ближайшие помощники Рейгана выкрали конфиденциальные предвыборные документы из штаб-квартиры Картера. "Рейгангейт" (по аналогии с "Уотергейтом") нанес определенный удар по Рейгану, попортив лубочный

образ "честного парня", созданного средствами массовой информации монополий. Этот факт еще раз обнажил нравы в нынешних коридорах власти. Судя по уровню морали, господствующей в верхнем эшелоне правящей элиты, очередные скандалы еще впереди, хотя уже и сейчас администрация побила по сравнению со своими предшественниками все рекорды по ставшим известными случаям коррупции и жульнических махинаций. Десятки высших чинов из правительственных учреждений уже уличены во взятках. Впрочем, о какой морали правительства можно говорить, если на один из ответственных постов в министерстве торговли назначен человек, который специализировался доселе на чистке конюшни на личном ранчо президента. Жалкое зрелище. Жалкая демократия. Но жалкая не только сама по себе. Достоинно большего сожаления то, что еще многие американцы полны иллюзий относительно этой "демократии". Они всерьез думают, что выбирают своего законодателя, "благодетеля" и "защитника", а он, оказывается, давно куплен.

Таковы некоторые стороны американской жизни. Даже один из братьев Кеннеди — Эдвард, осторожный в формулировках, — в книге "Планы на следующее десятилетие" писал об упадке демократии в США. Для многих американцев управление страной — это "процесс, в котором их участие нежелательно", а правительство, пронизанное "бюрократией на всех уровнях", "отделено от них, часто враждебно им"[152].

Деформируются общество, его институты, весь образ жизни. Основная деформация — движение к неонацизму. Рассматривая факторы, создающие наиболее плодородную почву для произрастания идеологии и политики мирового господства, правомерно еще раз вернуться к этой опасности. Буржуазные идеологи утверждают, что США никогда не примут фашистские формы правления. Рассуждают о психологическом складе американцев, которые, дескать, не склонны к слепому повиновению, слишком индивидуалистичны и т. д. Ссылаются на историю США, на приверженность американцев к "демократии". Было бы, конечно, неправильным отрицать роль традиций, психологических факторов и т. д. Они оказывают определенное воздействие на возникновение тех или иных явлений, поворотов в жизни общества. Кстати, в американских традициях имеется немало такого, что вовсе не противоречит фашистской идеологии, а, напротив, является ее необходимой предпосылкой. Например, культ силы, пронизывающий всю историю этой страны.

При движении на Запад, сопровождавшемся истреблением индейцев, кровавыми стычками между различными семейными кланами, общинами или просто разного рода авантюристами, насилие утвердилось как крайнее проявление буржуазно-индивидуалистической морали, как основа права сильного. Более того, оно превратилось в орудие утверждения американского образа жизни. Показательно, что только американцы из всех западных народов изобрели такой изуверский механизм институционализированного насилия, как виджильантизм, наиболее известными выражениями которого стали "суд Линча" и ку-клукс-клан. Виджильантизм, или виджильантские движения, основанные на принципе отправления "правосудия" самими гражданами, возникли как реакция на типично американскую проблему: отсутствие эффективного закона и порядка в зоне "пограничья".

Культ насилия внутренне присущ общественной системе, основанной на принципах безудержного индивидуализма, "свободной", ничем не ограниченной или же монополистической конкуренции, приоритета частного, эгоистического интереса над интересами всего общества, системе, главным девизом которой является

социал-дарвинистский принцип "выживания наиболее приспособленных". Так, калифорнийская, клондайкская, невадская "золотые лихорадки", сыгравшие столь большую роль в становлении американского буржуазного сознания и развитии самого американского капитализма, невозможно себе представить без вакханалии насилия, которой они сопровождалась.

Немногим отличался и начавшийся в последней трети XIX века процесс восхождения различных групп монополистической буржуазии и формирования "нового типа" американского предпринимателя. Железнодорожные, нефтяные, промышленные и прочие магнаты добивались богатства и славы гангстерскими методами. Недаром их окрестили не иначе как "бароны-грабители", которые пробивали дорогу, сокрушая все на своем пути. Этот "новый тип американцев, — писал известный историк В. Паррингтон, — отличался грубостью, жестокостью, хищническими повадками и порой недюжинными способностями. То были люди настойчивые в достижении своих целей, зачастую мошенники и негодяи, никогда не проявлявшие слабости, не ведавшие сомнений и укоров совести, не знавшие, что такое хныкать и скулить, — именно из таких, как они, складывалась порода капиталистов и пиратов"[153].

Типично американская тяга к богатству уже сама по себе предрасполагает к насилию, если иными средствами не удастся преодолеть помехи, встречающиеся на пути к его достижению. Насилие в Америке приобрело статус "законного" средства или по крайней мере оно не осуждается, если приносит ощутимые дивиденды, то есть если оно служит подтверждению одного из основополагающих мифов о "человеке, сделавшем самого себя" и добившемся богатства и славы неважно какими средствами. Порождением такого мифа явились предприимчивые дельцы самых различных калибров и категорий — бизнесмены, юристы, бутлегеры, гангстеры, лавочники, держатели игорных и публичных домов, все те лихоимные профессии, для которых существовал лишь один принцип: "Цель оправдывает средства". Даже появление в Америке в XX веке организованной преступности, как указывает Д. Бурстин, представляло собой "лишь один из эпизодов в грандиозной саге беспокойных новых американцев, стремившихся завоевать богатство и место в мире"[154].

Сначала объектом виджиянтских движений были разного рода правонарушители, но постепенно виджиянтизм приобрел политическую и националистическую окраску, стал орудием защиты и насаждения американизма. В этом качестве виджиянтские движения в разные периоды американской истории делали объектами своих нападок католиков, негров, евреев, иммигрантов, политических радикалов, профсоюзных лидеров и нонконформистов всех мастей. Так называемые "нейтивисты", антимасоны, кланисты, антикатолики в XIX веке, многочисленные "суперпатриотические" организации вроде "Общества Джона Бэрча" и "Минитменов" в наше время использовали и используют различные формы насилия для защиты и утверждения "стопроцентного" американизма. Для того чтобы показать несостоятельность оптимизма идеологов американской буржуазии, отрицающих реальность фашистской угрозы в США и повторяющих тривиальную формулу "у нас это невозможно", за примерами ходить недалеко. Достаточно вспомнить результаты президентских выборов 1964 и 1968 годов. Комментируя выборы 1964 года, буржуазная печать подняла шум по поводу "невиданной победы" демократической партии, утверждая, что ни один президент не получал такого внушительного большинства голосов, как Л. Джонсон. Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что демократам действительно удалось добиться перевеса в

голосах. Однако праздничный фейерверк, устроенный по этому поводу, ослепил либеральствующих идеологов до такой степени, что они проглядели или не захотели увидеть другую особенность избирательной кампании.

Кандидат республиканской партии Голдуотер (кстати, руководителем его избирательной кампании в Калифорнии был нынешний президент Р. Рейган), выступавший под откровенно профашистскими лозунгами (его программа включала в себя и открытые призывы к применению термоядерного оружия, и оголтелый расизм, и требование отмены прав, завоеванных рабочим классом США в результате многолетней упорной борьбы), получил 27 миллионов голосов. Важно отметить, что профашистская сущность программы Голдуотера была незавуалированной, тогда как прежде кандидаты "бешеных" прикрывали крайне реакционный стержень своих программ изоцрненной и блудливой демагогией.

Следовательно, 27 миллионов голосов, полученных Голдуотером, отданы за открыто профашистскую программу. Зловещая суть этого факта станет особенно наглядной, если вспомнить, что в Германии гитлеровская партия на выборах 1932 года не получила и половины числа голосов, которое собрал лидер американских "ультра" осенью 1964 года.

Разумеется, действительность требует поправок к этой цифре. Низкий политический уровень значительной части средних американцев, не желающих вникать в тонкости программ, их неинформированность. Оторванность небольших городков и местечек от политической жизни. Сила привычки, когда целые семьи, улицы, даже кварталы голосуют не за программы, а по традиции. Склонность к конкретному кандидату, а не к его платформе. Многие избиратели голосовали не за Голдуотера, а против политики демократов. С некоторой долей условности можно учесть эти поправки.

Но и в этом случае, по оценкам наблюдателей, число американцев, отдавших свои голоса барабанщику американского фашизма, колеблется между 5 и 6 миллионами. Откуда возникают эти цифры? Называя их, имеют в виду число людей, входящих в массовые организации фашистского и полуфашистского толка, возникшие в США. Именно наличие массовой базы отличает движение американских "ультра" 60-х годов от подобного движения в 50-е годы. Голдуотеризм от маккартизма.

Говорят, что многие американцы голосовали за профашистскую программу Голдуотера неосознанно. Но и здесь не следует искать политического утешения. Во-первых, именно такое безразличие и служит питательной почвой фашизма. Одураченный есть одураченный. Его можно провести и повести куда угодно. Во-вторых, подобная "неосознанность" может практически привести к фашизму. После результатов голосования поздно рассуждать, кто и из каких побуждений голосовал. Зато пепла, чтобы посыпать голову, будет предостаточно.

Маккартисты действовали открыто. Их главными методами были провокационная шумиха в печати, скандальные выступления в конгрессе, на пресс-конференциях, в комиссии по расследованию "антиамериканской" деятельности, публичные расследования "подрывной работы", в которой обвиняли всех инакомыслящих. Фронтальная атака на права трудящихся, на остатки буржуазных свобод захлебнулась, хотя и оставила тяжелый след в жизни нации. Она подготовила новую волну реакции, которая затем пришла в форме "новых правых".

После победы над Голдуотером в 1964 году восторгов у идеологов, кокетничающих с либерализмом, было хоть отбавляй. Они разглагольствовали о "победе американской

демократии", о том, что маккартизм навсегда отошел в прошлое. А неомаккартисты тем временем вдали от посторонних глаз, избегая до поры до времени огласки, приступили к перестройке своих рядов, повели планомерную организационную деятельность.

Неомаккартисты и не помышляли о том, чтобы покинуть политическую арену. Они готовились вернуться во всеоружии, используя поддержку могущественных сил для того, чтобы попытаться захватить власть и сыграть решающую роль в политической жизни страны. Именно с этим и связано "второе пришествие" маккартистов, о котором заговорила американская печать в 1961—1964 годах.

Осмысленная причина и уроки успеха Л. Джонсона на выборах 1964 года, тогда уже известный своими крайне правыми взглядами Р. Рейган писал в журнале "Нэшнл ревью": "Мы не собираемся отречься от своих позиций, но мы не можем наступать без подкреплений... Сейчас необходима мягкая подача идеологии правых, с тем чтобы у избирателей не создавалось впечатления „наступления радикалов“ [155].

В 70-е годы "ненавязчивая продажа" взглядов правых была поставлена на широкую ногу, но в течение некоторого времени механизм ее достаточно успешно скрывался от глаз и внимания общественности. В эти годы правым экстремистам в США удалось создать в отличие от их предшественников эпохи маккартизма весьма разветвленную сеть различных комитетов, коалиций и ассоциаций, поддерживающих и взаимодополняющих друг друга, ведущих масштабную информационную, пропагандистскую и лоббистскую деятельность на самых разных уровнях — от местных органов власти до конгресса и Белого дома.

Взгляд на "новых правых" как на идеологических варваров и политических фанатиков, считает американский обозреватель консервативного направления Д. Бонафид, является упрощенным и далеким от истины. Сила современных правых радикалов во многом определяется тем, что они умеют объединять декларируемую ими идеологическую жесткость с ловким и умелым политическим маневрированием [156].

В 1962 году в США вышла книга И. Сьюэла "Американские ультра". Она содержит интересные данные о деятельности фашистских организаций и их связях. Говоря об отличиях "ультра" 60-х годов от маккартистов, этот буржуазный исследователь пишет: "Маккарти имел последователей, но не имел организации, которая мобилизовала бы его последователей на активные действия. Отличительной особенностью движения крайне правых в настоящее время является создание ими разветвленных и выполняющих широкие функции организаций, имеющих тесные связи с военно-промышленными и политическими кругами" [157].

В последнюю четверть века в США выросли и продолжают расти сотни реакционных организаций, под ура-патриотическими названиями которых скрываются откровенно неонацистские взгляды и воинственные программы. Одни из них невелики, другие объединяют тысячи людей. Они находятся в тесном контакте и с такими старыми отрядами американской реакции, как ку-клукс-клан, "Дочери американской революции" и др. Трудно сказать, в какой степени координируется деятельность таких организаций (это тщательно скрывается), но призывы к максимальной консолидации действий и созданию единого руководства движением на страницах реакционной печати звучат все громче. Из кого рекрутируют заправилы американского неонацизма свои ряды?

Массовую базу партий Гитлера и Муссолини составляла, как известно, прежде всего мелкая и средняя буржуазия. В современных Соединенных Штатах общая численность мелких буржуа, включая определенную часть фермеров, превышает 30 миллионов

человек. Процессы, происходящие в экономике США, выбивают почву из-под ног этой части общества. Мелкие и средние предприниматели разоряются, их предприятия захватывают крупные монополии. Не менее остра и проблема массового разорения фермеров.

Видный американский социолог Миллс говорил в свое время, что в США возникла своеобразная "люмпен-буржуазия". Многие представители мелкой буржуазии, лишившись своего бизнеса, теряют привычное положение, превращаются в отчаявшихся, озлобленных, на все готовых людей. Они не могут понять истинные причины своего краха. Мелкие буржуа крайне неустойчивы, склонны к шараханью из стороны в сторону. Лишенные былых привилегий, они беспощадны и весьма податливы на демагогию. Взбесившийся мелкий буржуа легко становится слепым орудием крупных монополий, которые стоят за спиной ультраправого движения и являются его направляющей силой.

Но дело не только в существовании фашистских мракобесов и десятков их организаций (включая, по многим сообщениям, и вооруженные отряды потенциальных погромщиков). Бертрам Гросс, в прошлом сотрудник аппарата конгресса США, то есть человек, хорошо знакомый с подлинной структурой и механизмом функционирования власти в Америке, предупреждает, что сама "логика событий... ведет к установлению высококонцентрированного, репрессивного, не чуждого милитаристских форм контроля над обществом, призванного гарантировать сохранение прибылей сверхбогачей"[158]. В книге "Дружелюбный фашизм. Новый облик власти в Америке" Гросс справедливо, на наш взгляд, выделяет три грани этой проблемы. Во-первых, он прав, когда считает главным не форму, в которую выливается фашизм (повторение в современных США во всех деталях того же фашизма, который существовал полвека назад в гитлеровской Германии, маловероятно), а содержание этого социально-политического процесса. Суть же эту Гросс видит в доведенном до логического завершения союзе между буржуазным государством и монополистическим капиталом.

Нельзя не согласиться и с другими утверждениями автора, а именно, что теснейшая связь между "сверхбогачами" и "сверхадминистраторами" в сегодняшних США — это не только тенденция их внутреннего развития, но и уже много лет существующая реальность. Речь идет не об ее становлении, а о дальнейшем закреплении и усилении. И третье. Узкая элита, финансовая олигархия, заправляющая в США, располагает сейчас самым высокоразвитым и совершенным за всю историю капитализма аппаратом насилия и подавления. Подавления, как справедливо отмечает Гросс, далеко не только физического, но и изощренного психологического, включающего такие методы контроля над массами, как "внутренне подчеркиваемая гибкость системы, дозированное использование реформ, кооптация недовольных в структуры власти различных уровней, творческая контрреволюция и новейшие методы насаждения политической апатии"[159]. Гросс предвидит усиление в ближайшем будущем в США двух тенденций. Это использование против самых широких слоев американцев тех приемов и методов подавления, которые ранее, на протяжении 60-х и 70-х годов, применялись против негритянских активистов, национальных меньшинств — индейцев, "чиканос" и т. п. Будет использоваться опыт проведенных в последние годы операций против инакомыслящих — таких, как "Хаос" (ЦРУ), "Коинтелпро" (ФБР), "Гарден плот" (секретная служба министерства обороны), "Стресс" (полиция Детройта) и др. Вторая тенденция — применение методов так называемого "позападного террора", осуществляемого с

нарастающей силой до тех пор, пока человек не будет сломлен: сбор одного или нескольких досье на данного индивида, блокирование его профессионального роста, увольнение с "волчьим билетом", запугивание, превентивные аресты, суд с использованием сфабрикованных "доказательств". Делается все это без огласки, без ненужных "шумовых эффектов", к которым так любили прибегать главари "третьего рейха".

В сентябре 1984 года газета "Вашингтон пост" сообщила, что вскоре после прихода к власти президента Р. Рейгана Торговая палата передала в Белый дом "черные списки" сотрудников ряда министерств. Обвинение было одно — нелояльность к "большому бизнесу" и сомнения в эффективности экономических программ администрации. В ходе чистки все попавшие в "черный список" были уволены. Торговая палата составила этот список на основе характеристик, полученных от руководителей корпораций.

В области политической американские "ультра" нацеливаются на установление неофашистской диктатуры финансового капитала. Правые видят причину неудач США в том, что правительство ведет страну "по ложному пути". "Предательство", "измена" — это основной пропагандистский лозунг "ультра". Р. Уэлч даже Эйзенхауэра называл сознательным агентом коммунизма. К. Кортни, руководитель "Консервативного общества Америки", заявлял, что в конгрессе США масса скрытых коммунистов, которые на 100 процентов голосуют за то, что нужно коммунистам. Бэрчисты и их единомышленники без устали твердят о проникновении коммунистов в руководство университетов, благотворительных обществ и даже в редакции буржуазных газет. Один из самых ярких правых, К. Эндрюс, комиссар по вопросам внутренних доходов в правительстве Эйзенхауэра, заявлял, что "Нью-Йорк таймс" — это "Дейли уоркер" аристократических районов города, добавив, что столица США тоже имеет свою "Дейли уоркер" — "Вашингтон пост".

Расовая ненависть всегда была краеугольным камнем фашизма. Борьба негров рассматривается крайне правыми как проявление коммунистического заговора. Расистский дух настолько пропитал программы правых, что от него не смог избавиться, хотя бы в целях маскировки, и Голдуотер в книге "Совесь консерватора", предназначенной для широкого распространения. На словах признавая решение верховного суда о совместном обучении белых и черных, сенатор в то же время заявляет, что он не видит, как можно осуществить это решение. "Я, — добавляет он, — убежден, что проблему расовых отношений лучше всего оставить людям, которых она непосредственно касается"[160], то есть белым расистам.

Голдуотер, а в еще более резкой форме лидеры правых обществ выступают против всего, что хоть в какой-то мере затрагивает основы "чистого" капитализма и империализма. Их страшат нынешние провалы США в политике и экономике. Они обращают взоры к прошлому, когда положение политической и экономической системы США было относительно стабильным. Ч. Боулс заметил как-то, что эти люди все время порываются сказать: "Остановите мир, мы хотим сойти".

Лидеры ультраправого движения — против любого вмешательства правительства в дела монополий. Они намерены оградить бизнес не только от интервенции правительственных властей, но и от всякого вмешательства профсоюзов. Идеологи "ультра" отрицают право рабочих объединяться, поскольку это, мол, ущемляет "свободу личности". На самом же деле речь идет о беспрепятственном праве капиталистов эксплуатировать рабочих, не опасаясь при этом профсоюзов и их лидеров, даже таких

продажных, какими являются нынешние руководители ведущих объединений в США. Основной огонь своих выступлений по экономическим вопросам руководители правых направляют против подоходного налога. Один из лидеров "ультра", некто Ф. Чодороф, назвал федеральный подоходный налог "корнем всех зол, взятым прямо из „Коммунистического манифеста“. По словам американского журнала „Ньюсуик“, общим для большинства правых организаций является требование отмены подоходного налога на крупный капитал[161]. В городе Далласе на сборище "Конвенции национального негодования" один из лидеров этой организации, Рональд Рейган, ставший в ноябре 1966 года губернатором Калифорнии, а в 1980 году — президентом США, заявил, что подоходный налог был изобретен Карлом Марксом еще 100 лет назад и посему должен быть уничтожен[162].

И наконец, последнее. Некоторые обозреватели, как мы помним, утешались тем, что за Голдуотера "сознательно" голосовали всего 5—6 миллионов американцев. Дальше этого барьера ультрастам пройти, мол, не дано. Так говорилось в то время. Но прошло всего четыре года. И правые выставляют своего "чистого" кандидата в президенты, кандидата вне двух основных партий — Уоллеса. Кандидата с откровенно профашистской программой. Он собрал наибольшее число голосов, когда-либо полученных в ходе президентских выборов так называемыми независимыми кандидатами. Никто не должен недооценивать этого факта. Никто не может, опираясь на то, что Уоллес пока еще не мог на равных соперничать с кандидатами республиканской и демократической партий, сбрасывать со счетов реальность неофашистской угрозы в Америке. В 1968 году Уоллес, по его собственным словам, боролся не за Белый дом, а за массовую базу. Этот год был для него репетицией к следующим выборам.

Испуг либеральствующих буржуа, иронизировавших над "угрозой фашизма", оказался настолько сильным, что в США начали поговаривать о возможности краха извечного "политического равновесия" двух партий, так нежно пестуемого американской буржуазией. Этот испуг имел свои основания. За Уоллеса в "чистом виде" проголосовало около 10 миллионов человек. Но эта цифра тоже требует поправки. Ведь многие, кто голосовал четыре года назад за Голдуотера, проголосовали в 1968 году за Никсона. После открытой пробы сил американские ультра поняли, что победа в "чистом виде" пока не созрела. Начинается собирание сил, их консолидация. В политическую тактику была внесена поправка. Ультраправые решили сосредоточить все внимание на избрании в президенты такой личности, которая бы вполне устраивала их на данном конкретном отрезке истории. Наиболее подходящей фигурой оказался Р. Рейган. Чувство исторической обреченности определяет политические метания лидеров старого мира. Один из столпов американского неофашизма, генерал Э. Уокер, откровенно заявил: "На нас, экстремистов, в основном производит впечатление то, что способно помочь нам выйти из наших затруднений". Выкарабкаться любой ценой — о большем современная буржуазия не мечтает. Она теряет голову, в панике пытается найти спасение на путях войны и фашизации жизни.

Правые предлагают простые решения, утешительные для национального "я", привлекая тем самым многих из тех, кого угнетает неразрешимость существующих проблем. Простота берет верх.

Иными словами, лидеры американских "ультра" выдвинули авантюристическую по содержанию, но "решительную" по форме программу. В этом они старательно повторяют своих европейских предшественников. Неискушенные люди, воспитанные на слепом

преклонении перед силой денежного мешка, перед системой "свободного предпринимательства", увидев прах и крах традиций, которым они поклонялись, теряют почву, и часть растерявшихся и отчаявшихся становится жертвой крайне реакционных демагогов и их простых рецептов.

В начале XX столетия В. И. Ленин охарактеризовал империализм как реакцию по всем направлениям. В полемике с оппортунистами II Интернационала, в частности с К. Каутским, он дал глубокую критику реформистских концепций, которые идеализировали буржуазную демократию, игнорировали глубинные процессы, неизбежно ведущие в условиях империализма к перерождению буржуазного парламентаризма в различные формы тоталитарного правления. Сторонники теорий "чистой демократии" выступали со злобными нападками на ленинские выводы. Они, надо полагать, и не подозревали, что трансформация буржуазного государства в эпоху империализма может привести к возникновению такой античеловеческой формы правления, как фашизм.

Глава третья. Ультраправые: переиграть историю

Нарастание правых тенденций внутри страны, консолидация реакционных сил, прорыв их к власти оказали прямое влияние на международную политику США. Идеология панамериканизма с самого начала была достоянием крайне правых. Она переплеталась с национализмом, расизмом, шовинизмом, джингоизмом, щеголяла консерватизмом во всех его исторических обличьях.

В маккартизме — тугой узел имперского мышления и действий правого лагеря США. Здесь — исходная точка послевоенных консервативных течений, стремившихся позднее — в 60—80-х годах — овладеть рулем американской внешней политики, направляя ее в единственно возможном, по их мнению, направлении — к сохранению и упрочению американского господства в мире, к мировой гегемонии. Во времена маккартизма была до предела, можно сказать, до абсурда доведена и классово-политическая цель "Pax Americana" (мира по-американски) — антикоммунизм, антисоветизм.

Конечно, сопряженность имперского подхода и антикоммунизма родилась в среде американских правых задолго до того, как сенатор Дж. Маккарти возник в качестве нового "мессии" антикоммунизма дома и на международной арене. Но никогда, должно быть, ранее в американской политической элите имперская идея не была так четко и неразрывно связана с антикоммунистической, антисоветской ориентацией внешней политики США. Сегодня это надо вспомнить, чтобы понять эволюцию американской внешней политики под натиском крайне правых сил в 70—80-х годах.

Американский консерватизм, в том числе и в сфере внешней политики, явление многослойное, исторически менявшееся в организационном плане, а иногда и по своему составу. Разделение его на отдельные "этажи", фракции, сменяющие друг друга течения весьма условно. Взаимопроницаемость, взаимовлияние, наследственность и преемственность почти всегда превращают правых в США в более или менее единый исторический массив. Но различать, видеть разные пласты и ипостаси правых, особенно во внешнеполитической идеологии и практике США, можно.

Правые радикалы и консерваторы, и это надо всегда принимать в расчет, традиционно имеют сильные позиции в "среднем классе" — его взглядах на экономику и политику, хотя воззрения всего "среднего класса", особенно в некоторые периоды американской истории, вовсе не сводились к правой идеологии. Особенно понятна была "среднему

классу" "американская мечта", как ее называют в литературе. "Американская мечта" всегда имела сильный "имперский" внешнеполитический акцент, по сути дела воспроизводивший идею "мира по-американски". Консерваторы владеют сознанием значительной части "среднего класса" во многом потому, что он, как уже отмечалось, податлив манипулированию, бездумно воспринимает их интерпретацию политического развития в стране и за ее пределами. Такая восприимчивость к идеологии и политике монополистической буржуазии объясняется прежде всего тем, что сам "средний класс" в известной мере носитель националистических, расистских, шовинистических, милитаристских настроений и устремлений.

В этой среде родились, в ней действовали, получая признание и поддержку, практически все ультраправые организации, возникавшие и действовавшие под руководством различных лидеров в те или иные отрезки времени 50—80-х годов. Все они пропагандировали "имперские" идеи и замыслы. В конце 60-х годов, по сведениям "Первого национального справочника правых групп, публикаций и некоторых лиц", в США насчитывалось около 2600 таких организаций и групп. Кроме уже упоминавшихся в другой связи, среди них можно назвать "Христианский антикоммунистический крестовый поход", "Американцы за конституционные действия", "Мы — народ!", "Национальная студенческая ассоциация", "Американская независимая партия", "Консервативная партия Нью-Йорка", "Крестовый поход христиан", "Лобби свободы".

Иногда считают, что все эти организации объединяли людей, не слишком разбирающихся в политике, действующих по невежеству. И тогда легко сказать: что с них возьмешь, если они не видят исторических перемен, не понимают их причин, требуют от внешней политики США "крайностей" как в целях, так и в методах, инстинктивно тянутся к идее американского мессианства, ибо воспитаны на ней с малолетства.

Спору нет, консерватизм "среднего класса" подчас не имеет интеллектуальной и рациональной основы, не выражен столь отточенно и изощренно, как у правящего слоя монополистической буржуазии. Но нельзя забывать о научных центрах и средствах массовой информации, где сосредоточены "повивальные бабки" правых из интеллектуалов. Они-то и придают примитивизму правого мышления респектабельный "товарный" вид, приемлемый для широкой публики. Глубоко укоренившийся в "среднем классе" консерватизм стабилен, крепок и весьма активен. Это не только объект манипулирования верхов, не только инстанция, к которой они каждодневно апеллируют, не только их постоянная, довольно надежная опора и поддержка, но и проводник идей, питающих имперскую политику вашингтонского эшелона власти, подталкивающих верхи в этом направлении.

В среде американской монополистической буржуазии консерваторы делят власть и влияние с либералами по принципу маятника. Но и здесь разграничение не является простым делом. Политологи, стремясь расщепить волос, улавливают непроверяемые тонкости в определениях, видят — порою придумывают — самые удивительные гибриды: левых и правых либералов, соответственно левых и правых консерваторов. Как они умудряются провести грань между правыми либералами и левыми консерваторами, сказать трудно. Нащупать различие между либералами всех мастей и консерваторами во всем их спектре, опираясь на дихотомию двух буржуазных партий — демократической и республиканской, практически невозможно, если не поддеваться уговорам банальных писаний американских авторов. Перебежки от одной такой неформальной, умственной конструкции к другой для американских политологов вполне

обыденное и нехлопотное дело.

Ознакомим читателя с примером подобного "теоретизирования". Известный американский политолог Д. Белл совершил глубокую эволюцию вправо и еще правее. Выступая на симпозиуме "Кто левый, что является правым?", он попытался дать следующее определение правым: "Либеральный консерватор (скажем, Милтон Фридман) верит в свободный рынок и в право индивидов делать с собой все, что им угодно... Консервативный консерватор (например, Лео Страусс) полагает, что массы должны воспитываться философской элитой и что необходима цензура, которая не позволяла бы людям читать порнографические книги. Консервативный либерал (вроде Пола Самуэльсона) убежден в достоинствах смешанной экономики, не зная, впрочем, какова пропорция „смеси“. Либеральный либерал (подобный Джорджу Макговерну) верит в необходимость больших государственных расходов и в систему социального обеспечения"[163].

И самое важное: такого рода разграничения еще имеют какой-то смысл, когда говорят о внутренней политике, особенно об отношении к роли государства. Но совсем иначе, зачастую полностью меня сложившиеся конфигурации, располагаются демаркационные линии, едва дело заходит о проблемах внешней политики, об "имперском" мышлении с ее сугубым антикоммунистическим, антисоветским контекстом. Правые едины в главном, они отличаются накалом милитаристских и агрессивных притязаний, крайней воинственностью конкретных рекомендаций.

Более или менее очевидную разницу между правыми можно заметить лишь тогда, когда они оказываются в неодинаковом положении относительно власти. Одно дело теория и совсем другое — практика. Одно дело — осуществление внешнеполитического курса как бы извне, издали, опосредованно. Другое дело — повседневное воздействие на механизм принятия решений. И уже совсем иное положение, когда правые внедряются в высшие звенья этого механизма, оказываются на вершине власти в Белом доме, в основных министерствах и ведомствах.

Процесс продвижения правых к власти развивался в послевоенное время неравномерно: были удачи, были и спады. Возьмем краткий отрезок времени, связанный с политикой разрядки, которая рождалась в муках, поскольку правящая элита США стояла перед трудным для себя выбором. Политика, направленная на ослабление напряженности, просуществовала недолго — в начале 70-х годов при администрации Р. Никсона. Ей сразу же стали оказывать сопротивление различные группировки в правящих кругах США. Как уже отмечалось, немаловажную негативную роль сыграл здесь Картер, особенно в два последних года своего президентства. На этой почве произошел поворот к острой конфронтации и военно-силовым принципам внешней политики при администрации Р. Рейгана. И на всех этих этапах внедрение правых в механизм внешней политики имеет прямую связь с действиями США на международной арене.

Американские правые сегодня с сожалением вспоминают о временах Карибского кризиса 1962 года. Именно в нем они видят последний всплеск политики, опиравшейся на ракетно-ядерное превосходство США. Затем наступил перелом, обозначивший к концу 60-х годов равновесие стратегических сил. Поражение в Юго-Восточной Азии привело к "вьетнамскому синдрому". Потерпели провал и провокации против некоторых социалистических стран в Восточной Европе. Это все и вынудило Р. Никсона пойти на разрядку напряженности в мире. Здесь исходная точка современного мышления и

действий правых в контексте "Pax Americana".

Карибский кризис был связан с возрождением правых сил в начале 60-х годов, когда усилилась пропаганда тотального антикоммунизма. Их почерк разительно похож на тот, которым правые изображали свои требования к внешней и военной политике в конце 70— начале 80-х годов. В недавно вышедшей в США книге "Достаточно будет лопат: Рейган, Буш и ядерная война" видный американский журналист Р. Шеер, встречавшийся со многими своими "героями" — деятелями правых сил, пишет, что идея "окна уязвимости" США, вытащенная на свет божий правыми в борьбе с ОСВ-2 и в желании подтолкнуть затею с "довооружением", напоминает версию о "разрыве в ядерных вооружениях", которая была разыграна во время избирательной кампании Дж. Кеннеди в 1960 году. Кеннеди тогда предложил простой лозунг, который избиратели могли "купить". Кандидат в президенты от демократов усиленно использовал тезис, что республиканцы допустили якобы "разрыв в ядерных вооружениях" между США и СССР. "Когда он был избран, — отмечает Р. Шеер, — и ознакомился с данными разведки, то обнаружил, что Советы имели лишь немного ракет с сравнении с тысячами наших. Но это не имело значения. Ко времени, когда это было им обнаружено, он стал президентом"[164]. Правые, стремясь ориентировать администрацию демократов на жесткую конфронтацию с СССР, не теряли времени даром ни в ходе избирательной кампании, ни в первые годы пребывания Дж. Кеннеди у власти. Они усиливали нажим на Вашингтон. И в ряде случаев администрация им уступала. Более того, опиралась на их поддержку, искала ее. Именно в марте 1962 года журнал "Лук" в статье "Возрождение правых" отмечал, что возрождение правых "началось 18 месяцев назад и теперь, подобно пожару в прериях, бушует на Юге и Западе"[165]. Журнал отмечал, в частности, активную деятельность правых в Далласе.

Эта география влияния правых в начале 60-х годов весьма поучительна. На Юге, в Далласе, был впоследствии убит Дж. Кеннеди. На Западе, в Калифорнии, деятельность правых была связана с Р. Рейганом. Интересен и отсчет времени: "18 месяцев назад" — это ноябрь 1960 года — выборы, на которых победил Дж. Кеннеди. На правых и была рассчитана версия о "разрыве в вооружениях". Тогда-то и начался подъем в движении ультраправых.

Один из далласских правых, Дан Смут, вел тогда программу в передачах 32 телевизионных и 52 радиовещательных станций. Его соратник Д. Льюис — глава лос-анджелесской фирмы "Льюис фуд корпорейшн", выпускающей консервированные корма для собак, был в числе финансистов этой программы, "Коммунистический заговор в Вашингтоне, — говорил Д. Льюис, — представляет даже большую опасность, чем во времена Алджера Хисса и Гарри Декстера Уайта (их преследовали маккартисты. — А. Я.). Государственный департамент выполняет работу коммунистов лучше, чем они сами".

Сам Дан Смут — бывший служащий ФБР. После девяти лет службы в этой организации он вышел в отставку и стал руководителем передач по радио и телевидению, финансируемых Х. Хантом — техасским мультимиллионером. Разумеется, это были крайне реакционные по содержанию передачи. Потом он создал свою организацию, найдя других финансовых "доноров". Он метал громы и молнии по поводу не только Москвы, но и Вашингтона. Крайне правые взгляды Д. Смута относились и к внутренней политике (он неистово нападал на идею усиления федерального правительства, политический курс Г. Трумэна, "Новые рубежи" Дж. Кеннеди, республиканизм 60-х годов,

именуя их не иначе как "философией коммунизма, фашизма и нацизма"), и к внешней политике (он требовал, чтобы США вышли из ООН, "силой опрокинули" Фиделя Кастро, бойкотировали бы Россию, если она "не уйдет" из Восточной Европы). Убеждения Д. Льюиса также не оставляли сомнений: бывший президент Д. Эйзенхауэр был "сознательным агентом тайного коммунистического заговора". В области внешней политики выражался еще категоричнее. Например, о Кубе он сказал: "Я бы смел коммунистов с лица земли в 24 часа".

Журнал "Лук" доказывал, ссылаясь на того же Д. Льюиса, что идеи Смута благоприятствуют бизнесу, поскольку "люди так восторгаются постановками Дана, что они скормили бы собачьи консервы людям, если бы им это позволили. Тысячи пишут нам, а сотни тысяч покупают товар, поскольку им нравится наша программа". Это и есть "средний класс" США в его идеологическо-предпринимательском консервативном традиционализме. И сегодня он такой же, каким был в начале 60-х годов, хотя многое изменилось в мире с тех пор.

Ф. Небел в статье о возрождении правых в США в начале 60-х годов не ограничивается этими двумя фигурами. Он описывает множество организаций и лиц, формировавших тогда лагерь правых, делает попытку отличить сторонников крайне правых от "умеренных" консерваторов. Консерватор, по его мнению, убежден, что США "должны посвятить себя победе над коммунизмом", он решительно выступает против экономического диалога с "коммунистическими" государствами. Крайне правый разделяет, как уверяет "Лук", эти воззрения, но идет еще дальше. Он убежден, что внутри администрации США орудуют "коммунистические заговорщики, стремящиеся помешать осуществлению их целей".

На вопрос, чего же хотят крайне правые, автор из журнала "Лук" приводит длинный список требований в области внешней и внутренней политики. Сошлемся лишь на те из них, которые касаются внешнеполитического курса: заблокировать Кубу или вторгнуться на нее. Выйти из Организации Объединенных Наций. Объявить войну коммунистическим партиям всего мира. Покончить с дипломатическим признанием России и других коммунистических стран. Сократить до минимума помощь иностранным государствам. Свернуть культурный обмен с СССР. Не вести переговоров с коммунистами. Цель очевидна: создать в мире обстановку предвоенного психоза, предвоенной истерии. Опять-таки бросается в глаза сходство с тем, что мы слышим от правых в конце 70-х — начале 80-х годов, в том числе и от лиц, облеченных высшей государственной властью. Родство этих подходов несомненно.

Журнал "Лук" попытался тогда ответить на вопрос: что же привело к столь бурной активизации правых сил в эти 18 месяцев? Хотя правые имеют разные мнения на этот счет, Ф. Небел после двух месяцев бесед как с рядовыми, так и с высокопоставленными сторонниками правых пришел к весьма категоричному выводу: Куба оказалась тому "причиной". Но он наряду с этим выводом выстроил и более длительную причинно-следственную связь. Оказывается, на "донышке" причин взлета правых лежит разочарование, подстегнутое неспособностью США выиграть корейскую войну и боязнь "коммунистического нашествия". Провал американского вторжения на Кубу в 1961 году дал правым богатейшую пищу для демагогии. "Искусные лидеры правых принялись за работу, пустив в ход густую заварку антикоммунизма, чтобы поколебать устои правительства", — писал "Лук", как бы предвещая аргументацию и действия правых в США в ситуации 70-х годов.

Характерны в этом отношении сентенции вашингтонского журналиста-консерватора, писавшего в журнале "Америкэн опинион", что возрождение правых произошло вследствие огромного разочарования тем, что Соединенные Штаты стали сползать со своих позиций мирового превосходства, а также возмущения "нашей неспособностью сдержать это сползание. К этому следует добавить тревогу относительно нового правительства, политика которого скорее ускоряет, чем сдерживает, это сползание". Сегодня звучит та же мотивация, та же фразеология, что и тогда, в 60-х. Это симбиоз маккартизма, гуверовской идеологии ФБР, врожденного упоения силой, гегемонизма. И, конечно, в подобных рассуждениях присутствует достаточно явно образ "Рах Americana", стремление подталкивать правительство к реализации такой идеи, даже если это могло бы привести к опаснейшему ракетно-ядерному кризису вроде Карибского.

К моменту, когда Вашингтон пошел на усугубление Карибского кризиса, кампания правых, на которых и была ориентирована версия о "разрыве в ядерных вооружениях", выдвинутая демократами против республиканцев, была уже в самом разгаре. Не в последнюю очередь правые определили "кризисный" менталитет демократической администрации в 1962 году. Правые шли напролом, они толкали администрацию Дж. Кеннеди к ядерному авантюризму. Когда же лидеры правых обнаружили, что Дж. Кеннеди склоняется к взвешенным действиям, обнаруживает склонность вести переговоры с СССР, президента убрали "старым американским способом". Правые стали рваться на арену национальной и внешней политики еще более напористо и открыто. В истории правого движения, ориентированного на имперскую политику, не прошла незамеченной попытка Б. Голдуотера завоевать Белый дом на выборах 1964 года. Он шел с программой, пронизанной "имперскими" идеями в самой резкой, недвусмысленной форме. Аризонская группировка крайне правых была поддержана всем конгломератом реакционных организаций в стране. Выборы, однако, были проиграны. Но в американской политической элите считается, что именно тогда правые организационно окрепли.

В имперских, антикоммунистических убеждениях Р. Никсона сомневаться не приходится. Его прежняя близость к Маккарти подавала правому движению некоторые надежды. Но Никсону пришлось действовать в условиях, стеснявших свободу его политического маневра. Эти условия были созданы двумя основными обстоятельствами. Сначала обнаружился факт сложившегося равновесия стратегических сил США — СССР, что в принципе переводило "Рах Americana" в сферу недостижимого военными средствами. Военно-стратегический кризис совпал с военно-политическим из-за поражения во Вьетнаме.

Одна из фракций правящего класса США сделала из всего этого, хотя и на время, более или менее реалистические выводы, была вынуждена пойти в определенных целях и границах на разрядку напряженности в мире. Но крайне правые усмотрели в этом "сползание" США с позиций мирового превосходства, обвиняя Р. Никсона и Г. Киссинджера в том, что они не могут и не хотят остановить это сползание, играя на руку русским. Правые нагнетали в различных слоях населения, прежде всего в "среднем классе", чувства унижения и страха, националистические и шовинистические настроения, переводя их в русло антикоммунизма и антисоветизма. Они усилили обработку общественного мнения в алармистском духе, требуя новой гонки вооружений, чтобы обеспечить "национальную безопасность" США, оказавшуюся якобы под угрозой

из-за "роста военной мощи" Советского Союза.

На арену борьбы правых за коренное изменение внешней и военной политики США вышли две группировки, несмотря на некоторые различия, они во многом — и социальной базой своей, и идейно-политической основой, и ориентацией на военную мощь и превосходство США в контексте "имперского" мышления и "Pax Americana" — были схожими, действовали в общем направлении.

От маккартистов и правых 60-х годов тянется нить преемственности в реакционных идеях, включая и апофеоз имперского мышления, к "новым правым". Последние утверждают, что их воззрения в прошлом разделяли многие деятели правого политического толка, которым приходилось бороться против Дж. Кеннеди, Э. Стивенсона, Г. Хэмфри. Предшественники у них, конечно, были и в американской правящей элите, и в "среднем классе". Да и сегодня "новые правые" не единая, монолитная организация с определенной структурой внутренних и внешних связей, а конгломерат различных сил со своим руководством.

Бесспорно, США пережили в 70-х годах кризис традиционного либерализма, во многом утратившего свое значение влиятельного политического течения. Поражение либералов объясняется тем, что они не смогли ни поставить, ни тем более решить назревшие проблемы внутренней и внешней политики, не сумели сохранить и защитить линию на разрядку напряженности. В своей борьбе против либералов "новые правые" имели возможность использовать и ухудшение положения в американской экономике, и явные дефекты внешнеполитических программ. Вырядившись в популярную тогу моралистов и защитников "ценностей" американской семьи, они выступили против порнографии и наркомании, в распространении которых обвинили либерализм, что прибавило им дивидендов. Но основные битвы "новые правые" развертывали вокруг тезисов о "советской угрозе" и "падении американской мощи". Связав эти стереотипы воедино, "новые правые" получили известную поддержку националистических, шовинистических, антикоммунистических сил в стране.

Важным моментом в ходе отвоевания правыми плацдарма в политической жизни был кризис доверия к двум основным буржуазным партиям — республиканской и демократической. "Уотергейт" подорвал авторитет первой, правление Дж. Картера дискредитировало вторую. Либерализм и его "пограничный вариант" — "умеренный консерватизм" оказались в глазах многих американцев несостоятельными.

Отсюда и интерес к альтернативе — "новым правым". Доверие американцев к двум ведущим политическим партиям "продолжает падать, — отмечал известный американский консервативный деятель А. Кроуфорд в книге „Угроза справа“, — и многие обращаются в поисках защиты своих интересов и покровительства к новым политическим силам и новым лидерам. Все чаще адресатами — и эксплуататорами — человеческих тревог и опасений становится новая группа властно утвердивших себя политических лидеров, известных как „новые правые“. По мнению некоторых политических деятелей, „новые правые“ стали в сегодняшней Америке четвертой по могуществу политической силой после двух основных партий и профсоюзного движения"[166].

Сегодня движение "новых правых" — это прежде всего "Американский консервативный союз", "Клуб конгресса", "Национальный консервативный комитет политического действия", "Консервативный кокус", "Молодые американцы за свободу", "Комитет за сохранение свободного конгресса", "Комитет за выживание свободного конгресса",

"Моральное большинство", "Католики за христианские политические действия", "Объединенные граждане за ответственное воспитание". Это исследовательские центры вроде "Хэритэдж фаундэйшн", периодические издания "Консерватив дайджест", издательства "Грин Хилл пабликейшн", филантропические фонды, юридические фирмы, "просветительские центры" и т. д. К сети "новых правых" относятся "Комитеты политических действий".

Лидеры "новых правых" вышли не из низов. Но они и не принадлежали к верхушке монополистического капитала. Это представители мелкой и средней буржуазии. Их больше всего манит концепция "Pax Americana", впитавшая присущие им "имперские" вожделения и антикоммунизм. Это и сформировало генеральную тенденцию идеологии и политики всех разнородных организаций и групп, созданных "новыми правыми".

Успех "новых правых" на первых порах определился тем, что они не только выдвинули новую генерацию ловких и изворотливых молодых организаторов вроде Р. Вигери, Т. Долана, Р. Филиппса, П. Уэйрича, Дж. Фалуэлла и других, более эффективно использовали новые технические средства политической деятельности — радио, телевидение, компьютеры, "прямую почту", оставив в этом позади себя иных профессиональных политиков, но и сумели разработать элементарные общедоступные позиции, которые успешно работали прежде всего на "средний класс".

И "средний класс", проявив присущий ему "эгоизм", не желая жертвовать своими доходами для повышения уровня жизни низших слоев населения, направил свои эмоции в том направлении, куда его толкали "новые правые". Тем более что он был унижен, раздражен и взвинчен навязчивой информацией о "падении" военной мощи и влияния США на мировой арене, "ростом" советской военной мощи и динамизмом мирового коммунизма. "Новые правые" с самого начала опирались на спектр политических сил, которые располагаются от центров "академического сообщества" до экстремистских группировок не вполне легального характера, "Новые правые" действуют в самой гуще "среднего класса" — мелкобуржуазных слоях, фермерской среде, в мелких провинциальных городах, особенно южных, в группах служащих и рабочей аристократии. Социальная демагогия "новых правых" рассчитана на то, чтобы использовать эти слои населения для воздействия на правительство.

Небезынтересны идеология, организация, источники финансирования различных ультраправых групп, исповедующих "имперское" мышление, видящих и сегодня в "Pax Americana" реальную внешнеполитическую цель США. Рассмотрим лишь основные. Детищем Б. Голдуотера является с 1964 года 300-тысячный "Американский консервативный союз", выделяющийся своей реакционной политической ориентацией даже среди крайне правых организаций. В его лоне старые "классические" консерваторы пытаются отстоять свои позиции перед натиском "новых правых". В свое время он был в руках таких людей, как У. Бакли, Дж. Килпатрик, С. Эванс, но постепенно стал переходить, под контроль "новых правых". Им руководит Д. Крейн, член палаты представителей. Старые консерваторы все еще рассчитывают сохранить его вместе с журналом "Нэшнл ревью" в качестве своего пристанища. Но сам "Американский консервативный союз" наиболее охотно сотрудничает с различными организациями "новых правых"[167]. Более того, политических деятелей правой ориентации для всей страны он готовит именно в духе "новых правых". "Американский консервативный союз" создал целую паутину исследовательских центров, пропагандистских рычагов, механизмов по сбору финансовых средств. Он широко использует в этих целях

Просветительско-исследовательский институт, через него командует Национальным журналистским центром, который действует под руководством известного правого обозревателя С. Эванса. Здесь молодых журналистов, писателей, публицистов надлежащим образом обрабатывают, а затем продвигают в ведущие средства массовой информации, где они пропагандируют "имперские" взгляды на внешнюю политику США. В центре политической, в том числе и внешнеполитической, деятельности "новых правых" находятся "Клуб конгресса" и "Национальный консервативный комитет политического действия" (НККПД). "Клуб конгресса" действует уже в самом механизме политической власти в США. Его деятельность носит непосредственно политический характер. Он не замыкается на какой-либо одной партии, а стремится к "двухпартийным" связям. "Клуб конгресса" стал чем-то вроде шлюза между крайне правыми республиканцами и крайне правыми демократами: здесь осуществляется их политическое блокирование, формирование общих политических представлений и замыслов в духе "имперского" мышления, кристаллизация новой политической силы, распространяющей свое влияние на страну. "Клуб конгресса" давно превратился в политическую машину современного технического уровня. Он оперирует сложными компьютерными системами, новейшими приемами сбора финансовых средств. Но при этом клуб сохраняет в своем арсенале и "классические" способы шантажа, клеветы, давления в политических целях, особенно когда речь идет о либералах, "допустивших разрядку" и "снижение" военной мощи страны.

Ежегодные финансовые вложения в политическую деятельность клуба подсчитать нелегко. Но только на поддержку Р. Рейгана в его избирательной кампании 1980 года он дал более 4 миллионов долларов. Это равно половине ежегодных "дотаций" самому клубу от его могущественных покровителей в мире бизнеса. Большие суммы были истрачены на предвыборные кампании нескольких десятков правых кандидатов в сенат и палату представителей конгресса США. Насколько сильнее клуб традиционных партийных механизмов, можно судить хотя бы по тому, что в начале 1981 года, когда республиканцы были уже у власти, этой организации удалось собрать на свои цели на 3 миллиона долларов больше, чем получил Национальный комитет демократической партии[168].

"Как и другие организации „новых правых“, — отмечал Дж. Стакс в журнале „Тайм“, — „Клуб конгресса“ небезуспешно обращает настроения страха в финансовые средства, а набожность избирателей — в свои доходы"[169]. Духовным наставником "Клуба конгресса" является один из самых крайне правых деятелей — сенатор-республиканец от Северной Каролины Дж. Хелмс, обладающий закоренелым мышлением в духе "Pax Americana" в самом экстремистском его выражении. Под его контролем находится и механизм республиканской партии в сенате. Здесь вокруг Дж. Хелмса действуют более 30 крайне правых сенаторов-республиканцев. Среди прочих его должностей — председательское место в подкомиссии по делам западного полушария. Влияние Дж. Хелмса не ограничивается конгрессом и его кулуарами. Его люди активно действуют в Белом доме — и не всегда только в коридорах, проникают в средства массовой информации. Под приглядом Дж. Хелмса находится целая сеть научно-исследовательских учреждений. Один из институтов разрабатывает для него проблемы внешней политики. Сенатор осуществляет патронат над многими общественными организациями правой ориентации. Он собирает пожертвования от всех сотрудничающих с ним и сочувствующих — более 2 миллионов долларов в год.

Облик Дж. Хелмса описал Х. Деуар в статье "Джесси Хелмс — архангел правоверных правых в сенате", опубликованной "Вашингтон пост". "Особенность Хелмса состоит также в том, что ему удалось создать о себе представление как о человеке... который занимается политикой скорее по необходимости, чем по личному желанию, и не стремится любой ценой пробиться в политический истеблишмент. Без тени смущения Хелмс обращается к таким высоким понятиям, как Бог, Патриотизм, Моральные ценности, Свободное предпринимательство, Традиционные добродетели. Конечно, в политических махинациях и закулисной борьбе этот „Дон-Кихот“ может превзойти любого из своих циничных оппонентов, но кажущаяся наивность приносит Хелмсу определенные дивиденды. Он умеет открыто и просто говорить с людьми, уставшими от сложностей современного мира, он всегда „твердо знает“, что хорошо и что плохо, а это выгодно выделяет его среди людей с половинчатыми воззрениями и противоречивыми суждениями"[170]. И что еще постоянно демонстрирует Дж. Хелмс, — это "непримиримость" взглядов, "отвращение" к каким-либо компромиссам с погубившими США как "великую страну" либералами, неистовая вера в "имперские ценности" "Pax Americana". Он готов защищать это всеми средствами. Он и в самом деле стоит на страже казенного американского патриотизма, прав США ввязываться в любые ситуации, защищать свой "интерес" в любом уголке мира.

В "год Уотергейта" крайне правые в республиканской партии создали весьма влиятельную группу всего правого лагеря, состоящую из самих конгрессменов — Республиканский исследовательский комитет. Она вела свои дела в секретной обстановке. Даже в Вашингтоне, как признает теперь бывший руководитель комитета Э. Фельнер (ныне президент "Хэритэдж фаундэйшн"), мало кто знал о ее планах и делах. Республиканский исследовательский комитет шаг за шагом внедрял коренные идеи консерваторов в государственную политику, программы, законодательство, тесня либералов, подрывая инфраструктуру их влияния в "коридорах власти". Постепенно комитет стал распространять свои щупальца не только на среду правых республиканцев, республиканскую верхушку, но и на руководство конгресса, включая и консервативно настроенных деятелей демократической партии. Он становился одним из важнейших звеньев всего механизма деятельности правых в американской правящей элите, связанным тысячами приводных ремней с другими организациями консерваторов. Со временем комитет превратился в идейного наставника правых, в генератор идей американского консерватизма.

Республиканский исследовательский комитет разрабатывал и помогал проводить в жизнь замыслы крайне правых групп уже с начала 1973 года. Тогда же он принялся и опекать Р. Рейгана. Комитет не смог добиться его победы в 1976 году. Но, продолжая свою деятельность, укрепляя свое влияние в Вашингтоне при администрации Дж. Картера, комитет последовательно и целеустремленно продвигал к власти Р. Рейгана и его группу. Без Республиканского исследовательского комитета, как утверждает в своей книге тот же Э. Фельнер, рейгановская администрация и его программа никогда бы не ожили[171]. Именно этот комитет, пишет всеведущий бывший его глава, был "ключом к начальным успехам Рейгана".

"Национальный консервативный комитет политических действий" строит свою деятельность не только и не столько на лоббистской основе, сколько на погромной реакционной агитации во время избирательных кампаний против либералов. Это особенно обнажилось в 1980 году, когда борьба велась против Ф. Черча, Дж.

Макговерна, Дж. Калвера, А. Крэнстона, Т. Иглтона, Б. Бая. Лишь А. Крэнстон и Т. Иглтон прошли тогда в сенат. Зато НККПД удалось провести Дж. Иста, ближайшего соратника Дж. Хелмса, и Дж. Дентона, который тут же возглавил подкомиссию сената по безопасности и терроризму. Сторонники "новых правых" захватили руководство и во многих других подкомиссиях сената. Выборы 1980 года рассматриваются как политическое торжество не только "новых правых", но и прежде всего самого НККПД. Конечно, эта "победа" не была полной. Один из духовных наставников "крайне правых", У. Бакли, не прошел в сенат. Б. Голдуотеру удалось сохранить свое место ценой больших усилий. "Новые правые" не смогли "остановить" в Калифорнии А. Крэнстона, а в Колорадо — Г. Харта. Уже к 1982 году "триумф" "крайне правых" сильно поплек, они потерпели поражение на промежуточных выборах.

Внутри аппарата конгресса, оказывая сильное влияние на распространение и реализацию идей "Pax Americana", немалую роль играет такая организация "новых правых", как "Мэдисоновская группа". В нее входят чиновники конгресса высших рангов. Нередко они представляют "крайне правых" членов сената, а иногда оказываются даже "правее" их, позволяют себе действовать более или менее автономно. Один из видных американских журналистов, У. Сэффайр, пишет: "Почти все время своего существования „Мэдисоновская группа“ действовала в качестве самостоятельного центра политического влияния, причем сенаторы не всегда знали (и не всегда хотели знать), чем занимаются их подчиненные"[172].

В организационной структуре "новых правых" особое место принадлежит фирме политической рекламы Р. Вигери, У истоков его карьеры стояли такие крайне правые идеологи и политики, как У. Бакли и Б. Голдуотер. Он собирал для них денежные средства. Р. Вигери написал программу всего движения. Она изложена в книге "Новые правые: мы готовы вести за собой"[173]. Р. Вигери соглашается с П. Уэйричем в том, что Америка и сегодня находится в состоянии войны. "Возможно, что пули и ракеты не пускаются в ход, но тем не менее это война. Это война идеологий, это битва идей, это сражение в защиту нашего образа жизни. И эту войну надо вести с тем же напряжением, как мне кажется, что и войну, в ходе которой гремят выстрелы"[174]. Как уверяют, Р. Вигери и его фирме РАВКО, действующей методом "прямой почты", удается собирать ныне для различных правых организаций 15—20 миллионов долларов ежегодно. Это дает им возможность игнорировать не только связи с большими контингентами населения, но и с буржуазными политическими партиями, партийными бюрократами. Все деньги для правых Р. Вигери извлекает сам с помощью своей фирмы.

В сложном переплетении и взаимодействии разных организаций "новых правых" постоянно возникают контуры "Хэритэдж фаундэйшн" ("Фонд наследия"). Созданный в 1973 году, этот центр с самого начала был задуман и финансировался как "фабрика мысли правых". Его роль в идеологическом, теоретическом подкреплении имперского мышления, расчетов на возрождение "Pax Americana" исключительно велика. Помимо теоретического обоснования консервативной политики, "Хэритэдж" имеет возможность оказывать непосредственное влияние на процесс принятия решений в администрации. Более 30 его сотрудников заняли посты в правительстве.

"Хэритэдж" сразу же включился в деятельность администрации Р. Рейгана. В течение первых месяцев ее существования "Хэритэдж" подготовил 20 томов предложений — так называемый "Мандат на руководство", содержащий две тысячи конкретных рекомендаций. Теоретики из "Хэритэдж" писали: "Новая администрация обнаружит, что

проблемы внешней политики, как и прежде, будут занимать господствующее положение в общественной жизни"[175], "Хэритэдж" поучал: центральная фигура в определении внешнеполитического курса — президент, но не конгресс. Необходимо восстановить равновесие между СНБ и госдепартаментом. Основное содержание внешней политики — возобновление помощи проамериканским режимам, развертывание борьбы против распространения марксизма в Центральной Америке, усиление поддержки ЮАР, Тайваня и Южной Кореи. Проблема советско-американских отношений провокационно освещается в разделах, посвященных задачам министерства обороны и разведслужб. По утверждению авторов доклада, США в результате односторонней сдержанности (?!) откатились в военном отношении на второе место[176]. Отсюда вывод о необходимости качественного увеличения бюджета Пентагона. "Хэритэдж" настаивал также на расширении сферы полномочий ЦРУ, восстановлении органов контроля за "подрывной деятельностью" и т. д.[177].

"Хэритэдж" оказывает политическое и идеологическое влияние на Белый дом и конгресс, стремясь протолкнуть самые воинственные проекты. После избрания Р. Рейгана на пост президента на второй срок "Фонд наследия" призвал новую администрацию активизировать поддержку антикоммунистической подрывной деятельности, включая использование вооруженных сил для свержения правительств в девяти странах, "угрожающих интересам США". К их числу отнесены Кампучия, Лаос, Вьетнам, Ангола, Эфиопия, Афганистан, Никарагуа, Иран и Ливия.

По мнению "Фонда наследия", даже если усилия США в этих странах не дадут желаемого результата, они ясно покажут, что США впредь не будут мириться со свержением "дружественных" правительств в развивающемся мире. Бывший помощник Рейгана по национальной безопасности Ричард В. Аллен, ставший сотрудником "Фонда наследия", заявил, что эти суждения окажут "очень серьезное влияние" на администрацию[178].

"Хэритэдж фаундэйшн" активен и в издательской деятельности. Ежемесячный "Нэшнл секьюрити рекорд" освещает с самых крайних позиций вопросы внешней политики. У "Хэритэдж" нет проблем с деньгами. 87 корпораций, входящих в список 500 крупнейших американских фирм, финансируют эту организацию. В 1981 году ее ежегодный бюджет превысил 5,3 миллиона долларов. Директор "Хэритэдж" Э. Фельнер не без удовольствия рассказывает публично о своих тесных связях с крупным бизнесом.

Как известно, Э. Фельнер ранее руководил Республиканским исследовательским комитетом, который с начала 70-х годов был важнейшим инструментом теоретического и практического воздействия правых на конгресс, сменявшиеся администрации республиканцев и демократов, на руководство этих буржуазных партий, всю политическую жизнь США, включая и внешнюю политику. "Хэритэдж" действует весьма эффективно в сфере пропаганды. Здесь, пожалуй, нет ему равных ни с точки зрения целенаправленности, ни по изощренности приемов. "Нью рипаблик" отмечает, что "едва ли не каждую неделю одна из крупнейших газет страны помещает статью или передовицу, основанную на материалах, подготовленных его сотрудниками"[179].

На политической сцене США, формируя и укрепляя "имперское" мышление, действует и организованное правое движение религиозных сил. Центральное место в этом движении занимают фундаменталистские баптистские общины (мормоны, южные баптисты, адвентисты седьмого дня). Число приверженцев евангелических церквей достигло более чем 44 миллионов человек. Южная баптистская конвенция, сосредоточив в своих рядах

13 миллионов человек, стала самой крупной в стране протестантской церковью. Конечно, в политическом плане баптизм не сводится только к правым. У него есть и свое "левое крыло", в ряде организаций поддерживается антивоенное движение. Но на севере страны фундаменталистские общины стали опорой "новых правых". Автор статьи о "новых правых", помещенной в журнале "Крисчен сенчури", назвал методы действия религиозных правых "параноидальным стилем в американской политике". "Имперское" мышление этих группировок основано на таком восприятии мира, согласно которому "существуют некие сатанинские внешние силы, объединившиеся против какой-либо нации, культуры или образа жизни, и их надо во что бы то ни стало любыми средствами остановить, пока они не подорвали самих основ нашего существования"[180].

Это в представлении "параноидально" мыслящих людей из религиозной среды — "мировой коммунизм", СССР, а также все, кто не согласен с "новыми правыми" внутри страны. С этих позиций "крестовый поход" против коммунизма, американское вторжение на Гранаду и в Ливан — вполне объяснимые и правомерные действия. Религиозные силы "новых правых" используют в политических целях радио и телевизионные станции, создавая "электронную церковь". Их смотрят и слушают около 130 миллионов человек в неделю (число посещающих церкви — меньше). По этому каналу текут пожертвования на сумму более 1 миллиарда долларов ежегодно[181].

Среди консервативных проповедников выделяются своими крайне реакционными, "имперскими" взглядами Дж. Фалуэлл, П. Робертсон и Дж. Робинсон. Они постоянно выступают по вопросам "отношения к коммунизму" и военным проблемам. Наиболее колоритна фигура Дж. Фалуэлла, который еще в 1978 году создал религиозно-политическую организацию "Моральное большинство". Дж. Фалуэлл стал политическим проповедником в своей баптистской церкви в штате Вирджиния еще с конца 50-х годов. Он набирал учеников прямо из детских садов и доводил их до колледжа, насаждая в них фашистскую дисциплину и образ поведения. Уже в начале 80-х годов, шаг за шагом внедряясь в политическую жизнь с помощью средств "электронной церкви", он соорудил телецентр стоимостью в 4 миллиона долларов. В настоящее время проповеди Дж. Фалуэлла транслирует ежедневно около 300 радиостанций. С 1975 года он получал по 1 миллиону в месяц. К концу 70-х годов доход церкви Дж. Фалуэлла достиг суммы около 30 миллионов долларов ежегодно, сообщает журнал "Эскавайр"[182]. Пещерные взгляды Дж. Фалуэлла более чем откровенны: он постоянно требует обеспечить эффективное наращивание военных расходов для борьбы с "мировым коммунизмом", прежде всего с СССР. Куба — предмет его особой ненависти. Маккартистская практика преследований всех "инакомыслящих" в стране привлекает Дж. Фалуэлла и тем, что она связывается со взглядами "подозреваемых" по внешнеполитическим вопросам. Помощник генерального секретаря Национального совета церквей США У. Фор подметил у Дж. Фалуэлла важнейшую политико-идеологическую установку — проповедь неизбежности войны между США и СССР, хотя проповедник и прибегает для этого к витиеватым, иносказательным выражениям[183].

"Таким образом, — пишет Эдвард Эриксон, директор Центра моральной демократии, организации, выступающей против „новых правых“, — возникает политическая система, содержащаяся на средства, которыми манипулируют люди, связанные с экстремистскими, религиозными и идеологическими организациями, незаметно

действующие через фундаменталистскую церковь, правые организации и печать"[184]. "Новые правые" обладают, конечно, своей внешнеполитической программой, в основе которой лежат идеи "всемирного заговора" коммунистов и "Pax Americana". Но выделить такую программу из всего комплекса консервативных представлений по этому вопросу трудно. Многие их объединяет, выявляет сходство и преемственность. Различия в нюансах чаще всего носят конъюнктурно-тактический, фразеологический характер. Иногда они диктуются историческими условиями, в ряде случаев — вкусами и стилем отдельных правых деятелей, создавая конгломерат пестрых представлений и подходов. Но в этом есть и своя логика.

Лидеры ультраправых вышли на арену политической борьбы с четкой ориентацией и на лозунги, и на людей, которые с их помощью придут к власти. "Новые правые" вполне определенно поддерживали кандидатуру Р. Рейгана на президентских выборах и до момента его реального избрания. Вклад в победу Р. Рейгана "новых правых" хотя и не адекватен роли всех правых сил, сам по себе был значительным. Если послушать самих лидеров "новых правых", то окажется, что это они, и только они, привели Р. Рейгана в Белый дом. Один из лидеров "новых правых", Р. Вигери, отмечал, что президент в значительной степени обязан правому крылу консервативного движения, и в частности "новым правым", своей политической карьерой[185].

"Национальный консервативный комитет" считает своим успехом поражение на выборах 1980 года либеральных сенаторов Дж. Макговерна, Дж. Калвера, Ф. Черча, Б. Бая. По заявлениям "новых правых", они-то и провалили ратификацию Договора ОСВ-2, сплотив против него "общественное мнение". Роль их в этом деле действительно была не такой уж малой.

В представлении "новых правых" они победили "надолго", и никакие политические силы не одолеют их влияния в политической жизни страны. По их мнению, средства массовой информации ныне не враждуют с ними, а готовы к сотрудничеству. Видные либералы сошли с политической сцены или капитулировали перед правыми. Ультраправые убеждены, что именно они являются сегодня главными действующими лицами в политическом развитии страны, хотя, мол, и не представлены напрямую в высших звеньях государственного аппарата США. "Новые правые" атаковали по ряду вопросов "умеренных консерваторов", обвиняя их в предательстве "идеалов" консерватизма. Они действовали с откровенно экстремистских позиций, проявляя резкую и бескомпромиссную идеологическую нетерпимость. Но это вовсе не значит, что между "новыми правыми" и "умеренными консерваторами" нет точек сближения. В социально-экономических программах, наоборот, их позиции совпадают почти полностью. Правда, "новые правые" стремятся к достижению тех же целей несколько иными средствами. И здесь, конечно, экстремизм "новых правых" очевиден. Известный американский обозреватель У. Пфафф пишет: "Настоящая беда американских правых в том, что они не очень-то разбираются в собственном прошлом и не слишком умны. Полезная классификация правых, существующая в современной Европе, различает правых, ориентирующихся на бизнес, выступающих за свободный рынок, консервативных в своих социальных и политических взглядах. Затем идут националистические и авторитарные правые (французские „бонапартисты“). Наконец, существуют еще интеллектуальные и „реалистические“ правые, в число которых входят крупные мыслители — как Алексис де Токвиль во Франции, Эдмунд Бёрк в Англии, покойный Раймон Арон во Франции. Среди американских правых эквивалентной

традиции не существует.

Тем не менее вообще в США такая традиция есть. В современном университетском мире и журналистике США ее представляли Уолтер Липпман, Ханна Арендт, Ганс Моргантау, Райнхольд Нибур и Джордж Кеннан. Но американские правые считают таких людей опасными леваками главным образом потому, что они отрицают воинствующий национализм и манихейский подход к миру, присущий правым.

Результатом этого стало обезглавливание американского консерватизма. В своем нынешнем виде американские правые сочетают экономические доктрины бизнеса с джингоизмом и наивным, но очень злым антикоммунизмом. В интеллектуальном плане они, как и всегда раньше, на вторых ролях.

Это осложняет жизнь тем, кто хочет отыскать глубокий смысл и всеобщую значимость в посланиях, провозглашаемых сегодня из Вашингтона. Люди в Вашингтоне подают заявку на изобретение велосипеда. Зарубежный наблюдатель отмечает, что это изобретение выглядит до боли знакомо; он уверен, что уже видел эту машину раньше. В Вашингтоне говорят: "Мы нашли путь разрешения мирового кризиса". Наблюдатель, пользуясь выражением Гертруды Стайн, проверяет ответ и в результате обнаруживает, что его вообще нет"[186].

Было бы упрощением, однако, считать, что воззрения администрации Р. Рейгана и позиции "новых правых" по вопросам внешней политики США тождественны, что президент лишь механически воспроизводит идеологию и политику крайне правых. При всем сходстве и даже высокой степени заимствования идей из багажа "новых правых" у администрации есть и некоторые собственные позиции. Идеологически и политически они не уступают крайне правым по степени консерватизма и экстремизма одновременно, но имеют определенные особенности скорее по форме, чем по существу. В целом лидеры "новых правых" убеждены, что нынешний президент идет "нужным курсом", хотя и считают, что "авангардисты" и в этом вопросе именно они, а нынешний президент робеет, отстает, плетется позади них и в замыслах и в действиях. Они намекают на то, что не сказали еще своего последнего слова в политической жизни страны и будущее за ними. Правые готовы, с некоторыми коррективами, считать, что дело "Pax Americana" находится в надежных руках Р. Рейгана и его единомышленников. Роль же "корректировщиков" внешнеполитического курса справа берут на себя лидеры "новых правых". Они собираются обойти или "превзойти" Р. Рейгана в его политической философии и действиях, поставить в Белом доме еще более правую фигуру. Возможно, нынешний президент им кажется недостаточно "новым" в среде правых, архаичным и слишком "осторожным" политиком "умеренного" толка. Им нужен гораздо более воинственный и авантюристичный деятель, который бы совместил "имперское" мышление с ядерной войной.

И все же ультраправые ныне всерьез обсуждают, кому же возглавить их движение "после Рейгана". Среди потенциальных лидеров, которые могут сменить Р. Рейгана, оказываются сенатор-республиканец от штата Колорадо У. Армстронг, член палаты представителей от республиканской партии из штата Иллинойс Д. Крейн, сенатор-республиканец от штата Алабама Дж. Дентон, член палаты представителей от республиканской партии из штата Джорджия Н. Гингрич, сенатор-республиканец из штата Юта О. Хэтч, сенатор-республиканец из штата Северная Каролина Дж. Хелмс, сенатор-республиканец из штата Висконсин Р. Кэстен, член палаты представителей от республиканской партии из Нью-Йорка Дж. Кемп, член палаты представителей от

республиканской партии из штата Техас Р. Пол, сенатор-республиканец из штата Айдахо С. Симмс. В этом списке был член палаты представителей, председатель "Общества Джона Бэрча" Л. Макдональд, вскоре погибший на южнокорейском самолете, брошенном американскими разведслужбами в воздушное пространство СССР.

Все эти имена хорошо известны. Люди, которых назвал "Консерватив дайджест", принадлежат к крайне правому крылу республиканской партии. Это опытные, тертые политики. Почти все они имеют рычаги контроля в конгрессе. Они являются членами ряда влиятельных комиссий и подкомиссий, одновременно руководят крупными организациями крайне правых.

Среди этих людей значится Дж. Хелмс — уже известный нам лидер ультраправых в сенате. Другие, быть может, уступают ему по значению в иерархии власти и влияния. Но они придерживаются тех же убеждений, требуя прямой конфронтации с СССР, отказа от соглашений, наращивания военных бюджетов, неограниченной гонки ядерных вооружений, в том числе и в космосе. У Дж. Дентона, отставного контр-адмирала, — "опыт" войны во Вьетнаме. Д. Крейн в 1978 году был претендентом в кандидаты на пост президента от республиканцев, но отступил, чтобы помочь Р. Рейгану. Дж. Кемп участвовал в работе специальной сессии Генеральной Ассамблеи по разоружению и в сорванных Соединенными Штатами переговорах об ограничении стратегических вооружений в Женеве. Весьма "перспективным" человеком в среде ультраправых долгое время считался и Л. Макдональд, возглавлявший движение "бэрчистов", превратившихся в открыто фашистскую организацию.

Конвент республиканской партии в Далласе в 1984 году придал особое значение фигуре Дж. Кемпа. Он произнес там одну из самых одиозных речей, пронизанную шовинизмом, антикоммунизмом и антисоветизмом, нацеливая республиканцев на новый виток борьбы за власть, осуществление программы крайне правых дома и за рубежом. И сам конвент, и средства массовой информации подавали Кемпа как будущего преемника Рейгана на посту главы республиканской партии и кандидата в президенты в 1988 году.

По своей идеологии, политической карьере, разветвленной системе связей и в кругах ультраправых, и в вашингтонской машине власти, и в военно-промышленном комплексе, многие из кандидатур, подсказанных "Консерватив дайджест", могли бы в случае необходимости захватить руководство в республиканской партии "после Рейгана". Ясно, что вопрос о его "преемнике" уже заботит правые круги. Они хотели бы получить наследника еще правее, чтобы не выпустить власть из своих рук.

Сама постановка вопроса о том, чтобы скорректировать рейганизм "справа", могла возникнуть лишь в определенных условиях. Правые в самом деле овладели многими ключевыми позициями в американском обществе и государстве. Либералы, если они остались ими, потеснены, а некоторые из них переметнулись к правым, пополнив их ряды. Страну захлестнули настроения шовинизма, гегемонизма, агрессии. Усилился диктат монополий, военно-промышленного комплекса. Реакция наступает по всем линиям. Ф. Фитцджеральд отмечал в "Нью-Йорк ревью оф букс": "Поскольку деятели — организаторы в правом движении — Вигери, Уэйрич, Долан и другие — сами остаются вне политических постов, они оставляют за собой возможность варьировать экстремизм своих позиций"[187].

В либеральных кругах США стремятся все же найти какие-то "демаркационные линии" между "новыми правыми" и Р. Рейганом, но они, по-видимому, сильно преувеличивают существующие расхождения. Либеральный обозреватель А. Тоннелсон в статье,

опубликованной в "Форин сервис джорнэл"[188], склонен, например, полагать, будто бы главное различие между консервативными воззрениями президента и "новых правых" заключается в том, что президент и его окружение стремятся обеспечить господство США в рамках существующей ныне системы международных отношений, а "новые правые" не хотят с ней считаться, требуют отказа от "всяких правил" в осуществлении "имперской" внешней политики и руководствоваться исключительно "национальными интересами" США, причем такими, которые можно толковать произвольно. Похоже, что водораздел между Р. Рейганом и "новыми правыми" здесь все же не обнаружить. Сам президент верит в способность США изменять сложившиеся порядки в международных отношениях в желательном для США направлении. Если система международных отношений 70—80-х годов не укладывается в схему "Pax Americana", то администрация Р. Рейгана готова ликвидировать сложившееся в этой системе прежде всего военное, а затем и политическое равновесие. Это и должно, по идее Вашингтона, привести к тому, что схема "Pax Americana" будет наложена на нынешнюю систему международных отношений, деформируя ее по этому образцу. Нет, граница между Р. Рейганом и "новыми правыми" здесь отчетливо не проходит. "Политика сдерживания" нынешнего президента отнюдь не сводит ее к традиционным вариантам, кстати говоря, тоже ориентированным на "имперское" мышление. Нынешняя администрация мечтает о реализации той же политики, но новейшими ядерными средствами. И это вовсе не поиски обязательств и соглашений, несовместимых с "национальными интересами" США. Наоборот. Это отказ от переговоров, обязательств и соглашений именно для того, чтобы иметь свободу рук на международной арене, навязывать миру "национальные", а по сути, "имперские" интересы США, наращивать ядерную мощь для осуществления нового мирового господства Вашингтона. Это ядерный вариант "сдерживания", ядерный вариант "Pax Americana". И "новые правые" могли бы под этим вполне подписаться, хотя они имитируют свое несогласие с хозяином Белого дома по данному вопросу, даже готовы с ним "ссориться".

Тот же "Хэритэдж фаундэйшн" в сборнике "Первый год", подводя промежуточный итог деятельности Рейгана, одобрил изменение внешнеэкономической стратегии США в отношении развивающихся стран, предпочтение в торговле странам, идущим по капиталистическому пути, указал, что торговля могла бы быть использована в целях отдаления некоторых социалистических стран от СССР. Однако при анализе советско-американских отношений позиция администрации была подвергнута критике за "недостаточную последовательность в проведении жесткого курса" на переговорах об ограничении стратегических вооружений, в области прав человека и в торгово-экономической сфере. Крайнее неудовлетворение "Хэритэдж" выразил политикой правительства в военных вопросах, отставанием роста военного бюджета, сохранением мифического "окна уязвимости" в стратегических силах США, отсутствием необходимых "быстрых изменений" в соотношении сил[189]. Тот же Р. Вигери призывает к "политике военного превосходства" США, скомбинированной с многомиллиардными усилиями в области пропаганды во всем мире для борьбы с коммунизмом[190]. Согласно А. Тонелсону, противоречия рейганистов и "новых правых" кроются в оценке главных неудач внешней политики США на протяжении последних десятилетий. Для ультраправых они коренятся в утере "долгосрочных целей" и "идеологически обоснованных принципов". Это произошло якобы из-за того, что к руководству внешней политикой США в течение всех послевоенных лет приходили профессиональные

дипломаты и те, которых сами правые считают "академическими мыслителями". В то же время у руля внешней политики, сетуют "новые правые", не оказывалось людей, обладающих "твердыми убеждениями и последовательным мировоззрением" истинно консервативного толка. Вот где корень тяги к "компромиссам" на международной арене, считают ультраправые.

Правый экстремизм во взглядах на внешнюю политику США — это "инстинктивное неприятие любых переговоров с потенциальными противниками, особенно в области ограничения вооружений, уверенность в том, что в ходе этих переговоров США всегда остаются в проигрыше, а их противники — в выигрыше; неверие а эффективность американских политических и военных союзов, плохо скрываемое презрение к союзникам США в Западной Европе как к „либералам“, „трусам“ и даже „предателям“, стремление во всем опираться лишь на собственные силы; глубокий пессимизм в отношении будущего развития международной системы, ожидание периода дестабилизации, конфликтов и хаоса; безусловная вера в технологические возможности США, которые позволили бы добиться решающего военного превосходства над СССР путем создания некоего „абсолютного оружия“. И отличается этот подход от позиции администрации, быть может, чуть большей степенью „раскованности“ формулировок. Когда на руководителей дипломатии США навешивается ярлык "предателей", вспоминается, что и Дж. Даллеса в свое время маккартисты считали чуть ли не "красным", уступившим первое место, занимаемое доселе США, "коммунистам". Мы знаем, кем в действительности был этот американский деятель. Но ни один из преемников Дж. Даллеса не уступал ему в уровне правой, антикоммунистической ориентации, в приверженности "имперской" идеологии и политике. Вряд ли эту линию могли бы проводить "новые правые" с большей последовательностью, чем Р. Рейган, К. Уайнбергер, Дж. Шульц.

Можно согласиться, однако, с автором статьи в "Форин сервис джорнэл" в одном: ультраправые в самом деле выступают против "рационального анализа" формирования внешней политики США. Они хотели бы "вернуться к средневековым и непререкаемым догмам"[191]. И если говорить всерьез, то это вовсе не попытка припасть к традиционным истокам политической жизни США, а стремление односторонне опереться лишь на самое худшее, реакционное, агрессивное в этих традициях — концепцию "Pax Americana" с ее новейшим "имперским", антикоммунистическим и ядерным содержанием. Это и делают сегодня Р. Рейган и его единомышленники. Разумеется, в политической жизни, да и в самом правящем классе США не все развивается так, как хотелось бы ультраправым. Наблюдаются и другие тенденции. "Новые правые", увлеченные открывшимися перед ними политическими горизонтами, не замечают или игнорируют эти тенденции, которые тем не менее способны усиливаться. Сдвиг вправо и впрямь очевиден в США, но политическое размежевание в стране носит гораздо более сложный и противоречивый характер. Идеологического и политического "консенсуса", стержнем которого стал бы сдвиг вправо, в стране не наблюдается. Если в самом деле "консенсус" и существует по ряду важных параметров, то только в правящем классе, да и он не столь устойчив, как, например, в 50-е годы.

"Новые правые" намерены добиваться подъема экономики за счет углубления социального неравенства. Но это подрывает их социальную базу в "среднем классе". В своей аргументации по поводу "советской угрозы" "новые правые" оказались в нитях путаницы, которую сами соорудили. Они лавируют между стереотипами о "климате

осадного положения", якобы созданном "ростом советской мощи", и о том, что СССР в экономическом и военном отношениях "не столь уж страшен". Но в общем знаменателе всех этих рассуждений лежит образ американской империи, увлекающий их на самый опасный путь в международных отношениях, который только может быть в ядерную эру. "Новые правые" не единственная фракция ультраправых, которая хотела бы воздействовать на нынешнюю республиканскую администрацию с целью побудить ее к "строительству новой империи". В гораздо большей близости к центрам принятия внешнеполитических решений оказалась другая группировка, не столь уж отсоединенная от "новых правых", но все же имеющая собственную историю, в том числе и историю взаимоотношений с администрацией, вес и значение в ее деятельности. Это "неоконсерватизм".

"Неоконсерваторы" часто отождествляются с правым крылом республиканской партии. Это верно лишь отчасти. На самом деле эта группировка значительно более пестрая по своему политическому происхождению и связям. Среди них есть и правые республиканцы "со стажем", но есть и перебежчики из рядов левых и традиционных либералов из демократической партии, которые были психологически и политически "сломлены" исходом войны во Вьетнаме и омертвлением либерализма как движения. Ч. Тайролер, один из руководителей "неоконсерваторов", заявлял, что их задача заключается в том, чтобы "просвещать элиту".

Группировка "неоконсерваторов" возникла еще в ту пору, когда зримо определилось поражение США во Вьетнаме, возник "вьетнамский синдром". Их "имперское" мышление связано не с пиком американской "мощи", а с моментом "сползания" от этого пика к гораздо более низкой точке на рубеже 60—70-х годов. Неоконсерваторы жадно искали признаки эрозии влияния США на международной арене и в „росте советской военной мощи“, и в появлении „окна уязвимости“ США для советских ракет, и в „утрате“ Анголы, Эфиопии, Кампучии, Ирана, Афганистана, Никарагуа, хотя эти события не имели касательства к "национальной безопасности" США, отражали настроение освободительной борьбы народов.

Они видели "славное прошлое" США в "холодной войне", в Карибском кризисе. Все остальное казалось им "упадком", "гниением", "оттеснением к обрыву". Но это не пассивная ностальгия по "добрым старым временам", а откровенное стремление вернуться в эпоху, когда военное и политическое господство США в мире представлялось обеспеченным на века. "Неоконсерваторы" сознательно сеяли среди американцев настроения унижения, страха, уныния, отчаяния по поводу "бедствий" родины, пытаясь переплавить их в чувства раздражения, ненависти, национализма, шовинизма, расизма, милитаризма, антисоветизма. В какой-то мере это удалось и на этапе 1976 года, когда Дж. Картер шел к власти, и особенно в 1980 году, когда Р. Рейган, используя, в частности, ситуацию ирано-американского кризиса и шовинистическо-воинственный психоз в стране, стал президентом.

Главное же для "неоконсерваторов" в 70-х годах было связано с их фанатической ненавистью к разрядке напряженности, от которой и пошли, по их мнению, все "беды". Она, мол, "погубила" военную и политическую мощь Вашингтона, завела страну в ловушку. СССР стал "смертельной угрозой" для США. "Спасти" страну от катастрофы, от прямого "вторжения" СССР может только гонка вооружений, развертывание новых систем оружия для воссоздания военного превосходства над "русскими".

"Имперская" идеология "неоконсерваторов" сложилась на основе исторической

ретроспективы "холодной войны". Но это еще не все. Характерной ее чертой стал упор на войну ядерную. "Внезапно, — отмечает Р. Шеер, — на поверхность всплыла целая клика сторонников „холодной войны“ из числа неисправимых „ястребов“ и „неоястребов“, чьи симпатии никогда не были на стороне усилий в области контроля над вооружениями при правительствах Никсона, Форда и Картера. Члены этой группы категорически отвергают мирное сосуществование с Советским Союзом... Вместо этого они ищут возможности конфронтации, пытаясь путем использования политического и экономического давления и угрозы военным оружием коренным образом изменить характер советского общества... Будучи убеждены в том, что не сама по себе гонка ядерного оружия, а лишь достижение Советами „превосходства“ в этой гонке было бы опасным, они сдвинули акцент в американской внешней политике от необходимости избежать ядерной войны к подготовке подобного исхода событий"[192].

На пересечении линий искусственно нагнетаемого "разочарования" в прошедшем этапе внешней политики, связанного в представлении неоконсерваторов прежде всего с разрядкой и "коммунистическим заговором" и столь же навязываемого представления о том, что с помощью оружия, в том числе ядерного, "мир по-американски" может быть заново создан, и родилась равнодействующая "неоконсервативной" идеологии и политики. Это дало импульс рейгановской кампании на выборах. "Серьезное давление со стороны правых республиканцев было оказано с конца 1975 года до августа 1976 года. Главный формальный успех в этом секторе общественного мнения был достигнут в конце периода во внешнеполитической программе, принятой сторонниками Рейгана на республиканском конвенте", — отмечает английский исследователь К. Белл[193].

Когда в ноябре 1976 года Р. Рейган провалился на выборах, начал действовать "Комитет по существующей опасности". Вокруг него стали концентрироваться увлеченные идеей имперского реваншизма "неоконсерваторы". Здесь встретились люди типа М. Тейлора, Д. Диллона, Г. Фаулера, Л. Керкленда, Д. Паккарда, Э. Уильямса, Ю. Ростой, П. Нитце, У. Кейси, Ч. Тайролера, Н. Подгоретца, С. Беллоу, Р. Аллена, Р. Пайпса, Ф. Карлуччи, Дж. Кемпа, Ф. Икле, Дж. Киркпатрик, Р. Стилуэлла, И. Кристола, Р. Перла, Э. Роуни, Дж. У. Ван-Клива, К. Грея, К. Эдельмана, Дж. Шульца, А. Уоллиса, Дж. Лемана, М. Новака, М. Кампелмана. Среди них был и Р. Рейган.

В вывеске комитета был свой исторический смысл. Именно так называлась организация крайне правых в дни корейской войны. Теперь мишенью комитета стала разрядка и Договор ОСВ-2. Конечно, это были другие люди, чем в руководстве "новых правых". Р. Шеер подчеркивает, что в комитете слились "в целом изощренная идеология бывших левых и бывших либералов с примитивными, крайне правыми взглядами Рональда Рейгана, его советников и помощников", и это имело далеко идущие последствия для американской политики[194]. Кроме того, у этой группировки и цель была иной — проникнуть непосредственно в "интимный круг" внешней политики США, в самые центры принятия внешнеполитических решений, чтобы не только словом, но и делом продвигать новое "имперское" строительство на ядерной основе.

Для понимания политической устремленности "Комитета по существующей опасности" характерно выступление Н. Подгоретца в журнале "Комментарии — цитадели „неоконсерваторов“: „Утратили ли мы волю защищать свободный мир — да, свободный мир — против распространяющегося повсюду коммунизма? Видя, как сегодня растут изоляционистские настроения в Соединенных Штатах, можно было бы прийти с легкостью к заключению, что мы такую волю и в самом деле потеряли“[195]. Ю. Ростой

считает, что мир живет в обстановке "кануна третьей мировой войны"[196]. В этом заявлении есть и стремление "переиграть" историю. "В особом мире Ростоу и „Комитета по существующей опасности“ кубинский ракетный кризис 1962 года — высший пункт американского ядерного превосходства над Советами, представлялся добрыми старыми денечками... Но к концу 60-х годов отчаяние по поводу поражения во Вьетнаме истощило национальную волю и привело к разрядке и разоружению 70-х годов, наиболее опасному из десятилетий с точки зрения комитета", — пишет Р. Шеер[197]. Уже упоминавшийся на страницах этой книги Р. Барнет, директор вашингтонского Института политических исследований, отмечал в связи с этим, что воссозданный "Комитет по существующей опасности" сыграл важную роль в перестройке общественного сознания в США на более милитаристский лад. Комитет развязал три кампании против сторонников разрядки. Его члены активно участвовали в так называемой группе "Б", составившей доклад о "росте советской военной угрозы" и задавшей тон "игре цифрами", из которых следовало военное отставание США[198]. Затем последовала атака на главу Агентства по разоружению и контролю над вооружениями Л. Уорнке. Самую активную роль комитет сыграл в срыве ратификации Договора ОСВ-2[199]. В результате, по мнению Р. Барнета, правительство Картера было вынуждено отступить от идеи ограничения гонки вооружений[200]. Р. Барнет лукавит. На самом деле и администрация Картера, и "Комитет по существующей опасности" делали общее дело, просто каждый играл свою роль.

Формирование рейгановской администрации в 1981 году походило на тотальную мобилизацию членов "Комитета по существующей опасности". В период от выборов до официального вступления в должность президента около 50 членов комитета работало у него в качестве советников. Если сам Р. Рейган стал президентом США, то на видных государственных постах, особенно в области внешней политики, обороны, разведки, пропаганды оказались люди из этого комитета. Ч. Тайролер, возглавлявший одно время комитет, хвастался, что до прихода Р. Рейгана к власти "небольшая группа поборников „холодной войны“ поставила целью изменить внешнюю политику США, которую они считали чересчур мягкой в отношении русских, и внезапно самые, казалось бы, невероятные их мечты были воплощены в жизнь. Один из членов этой группы стал впоследствии президентом Соединенных Штатов, и он взял с собой многих из тех, кто занимал в комитете определенное положение, чтобы сделать их высшими чиновниками в области внешней политики. Члены комитета поставлены ныне во главе ЦРУ, Агентства по контролю над вооружениями и разоружением, находятся на высших постах в государственном департаменте, министерстве обороны и Белом доме"[201].

Тот же Ч. Тайролер оповестил всех, что "руководители правительства, министр обороны, президент Соединенных Штатов, государственный секретарь, глава Агентства по контролю над вооружениями и разоружением, служащие Совета национальной безопасности, когда им случается произносить речи, говорят в целом то же, что говорили мы в 1976 году"[202].

Две главные цели комитета были, по-видимому, достигнуты с созданием администрации Р. Рейгана: развитие разрядки было надежно прервано; правительство обострило политику антикоммунизма и подготовки к ядерной войне во имя "имперских" планов. "Неоконсерваторы" опираются в своей деятельности на ряд "мозговых трестов" — Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, откуда вышли такие люди, как Р. Аллен, У. Смит, Дж. Киркпатрик; Американский

предпринимательский институт, где находили приют Дж. Буш, А. Бэрнс, М. Новак, И. Кристол; Гуверовский институт, в котором подвизался С. Липсет; Гудзоновский институт, воспитавший К. Грея. Это придает им своего рода особый "интеллектуализм", по крайней мере в глазах публики.

Конечно, Р. Рейган и сам привнес свою "имперскую" идеологию в "Комитет по существующей опасности". Но, в свою очередь, он многое воспринял от комитета, будучи его членом, а потом и став президентом США. Пытаясь представить доминанту всех внешнеполитических и военных устремлений рейгановской администрации, Р. Шеер пишет: "Истоки политики администрации могут быть обнаружены в основополагающем заявлении комитета: „Главной угрозой нашему государству, международному миру и делу свободы человеческой личности является стремление Советского Союза к мировому господству, основанное на беспрецедентном наращивании вооружений“[203]. Эта чушь напоминает старую сказку Льюиса Кэрролла "Алиса в Зазеркалье".. В переиначенной наоборот формулировке "Комитета по существующей безопасности" и рейгановской администрации— плохо спрятанная ностальгия по "Pax Americana", попытка оправдать неискоренимую тягу к его достижению любыми средствами. Но не следует думать, что Р. Рейган и "неоконсерваторы" — одно целое.

"Неоконсерваторы" не раз критиковали справа президента и администрацию по вопросам внешней политики. Они всячески доказывают, что действия президента не предел "неоконсервативного авангардизма", что мировая американская империя — желанная, но пока далекая цель, которой администрация добивается недостаточно энергично. Иногда они, впадая в риторику, говорят, что президент продолжает ошибки предшественников и не достиг перелома в процессе "упадка" США. "Нью-Йорк таймс" писала в мае 1982 года: "Правое крыло консерваторов, такие люди, как Норман Подгоретц, редактор журнала „Комментарии, выражают недовольство тем, что Рейган в своей деятельности возвращается к старой линии администраций Никсона, Форда и Картера“[204].

Известный идеолог "неоконсерватизма" И. Кристол в несколько более завуалированной форме также подвергает внешнюю политику Р. Рейгана критике справа: "Внешняя политика как защита чьих-то национальных интересов перестала бы существовать, если бы была полностью заменена дипломатией, преследующей цели примирения интересов всех. Наш государственный департамент в основном действует таким образом, как если бы дипломатия не была больше служанкой внешней политики, а ее хозяйкой"[205].

Не переоценивая разногласий "неоконсерваторов" с президентом, понимая разделение труда между администрацией и "оппозицией" справа, ту игру, которую ведут администрация и "неоконсерваторы", готовя общественное мнение к более жесткой политике США на международной арене, необходимо видеть, что для правых в целом нет пределов движения вправо. Р. Рейган, с точки зрения его оппозиции справа, не достиг еще многого из того, о чем они мечтали, в частности, не продвинулся достаточно далеко в строительстве "мира по-американски".

Бывшие люди из "Комитета по существующей безопасности" ныне разделились на чиновников администрации и "свободных критиков". Одни призваны осторожничать, а другие — подстрекать. Впрочем, такие люди, как Р. Пайпс и К. Грей, и на официальных постах себя не очень-то сдерживали. Работая в Совете национальной безопасности (СНБ), Р. Пайпс однажды разоткровенничался: "Нет альтернативы войне с Советским Союзом, если русские не откажутся от коммунизма". К. Грей, влиятельный консультант

аппарата СНБ и министерства обороны, стоящий на позициях "приемлемости" и даже "неизбежности" ядерной войны с СССР, был столь же циничен: "Идея победы США в ядерной войне охватывает все — от восстановления территориального статус-кво в Европе до уничтожения Советского государства"[206]. Любое соглашение с СССР в области; ограничения вооружений, по К. Грей, было бы "крайне опасным". Он считает, будто СССР испытывает неодолимое желание тайком нарушать договоры. К. Грей видит главную проблему американской ядерной стратегии в "уменьшающейся надежности стратегического устрашения СССР". Поэтому США, как он полагает, должны разработать более реальные планы ядерной войны — "ограниченной" и "всеобщей", укреплять материальную основу для ведения такой войны.

Администрация республиканцев замыкает на себе взаимосвязи со всеми руководителями крайне правых, а не только с близкими к ней "неоконсерваторами". Впитывая в себя идеологические и политические позиции правых организаций — "старых", "новых" и "неоконсервативных", она в то же время и сама подхлестывает их деятельность своей внешнеполитической практикой, в главном отвечающей "идеалам" ультраправых. "Имперское" мышление и "имперская" политика Вашингтона настраиваются на волну крайне правых, звучат в унисон с ней. И в то же время администрация сама является камертоном для ультраправых в вопросах "строительства империи". Практика рейгановской администрации — борьба за военное превосходство, развертывание новых систем оружия, установка ракет первого удара в Европе, произвольное определение "жизненно важных для национальных интересов США зон", оккупация Гренады, агрессия в Ливане, помощь контрреволюционным наемникам в Никарагуа и Афганистане, объявление "крестового похода" против коммунизма — все это кирпичики, укладываемые в фундамент "американского века" по схеме крайне правых 70— 80-х годов.

И потому "критика" со стороны ультраправых в адрес Белого дома скорее двусторонний тактический прием. В тех случаях, когда администрацию "критикуют", "наставляют", "подстрекают", "поторапливают" справа, — это зачастую как раз то, что администрация ожидает, даже жаждет получить ради осуществления своих дальнейших замыслов. Деятельность нынешней администрации — своего рода сигнал крайне правым и впредь держаться лозунга "Pax Americana", будоражить и обманывать массовое сознание, побуждать определенные слои населения поддерживать и даже подталкивать администрацию в самых ее воинственных шагах, продиктованных "имперскими" целями. Таким путем — непростым, но достаточно ясным — "имперская" политика с идеологических и политических знамен крайне правых переносится в официальные доктрины и программы американского правительства, в его практическую деятельность на международной арене.

Все общественные явления имеют свои истоки. Истоки глубинные, которые коренятся в самой жизни. Такие истоки имеют и внешнеполитические доктрины американского империализма. Они вскармливаются самим строем, оплачиваются монополиями, произрастают в обстановке антидемократии, роста реакции и милитаризма. Политология не только приучает американца к мысли о незыблемости капиталистического строя, но и делает многое, чтобы его сознание становилось более восприимчивым к различного рода доктринам, планам и действиям корыстного, захватнического характера. Самые откровенные доктрины войны охотнее, легче, с меньшим моральным сопротивлением воспринимаются людьми, которые уже уверовали в "американскую исключительность",

"национальное превосходство", "руководящую миссию" в мире.

Буржуазные идеологи хорошо понимают, что доктрины войны и мирового господства требуют подготовки. Тщательной и длительной. По многим направлениям. Надо доказать человеку, что войны и огромные расходы на оружие не только не зло, а даже благо. Войны и вооружения помогают якобы американцу лучше жить материально, укрепляют "авторитет" этой страны в мире, поддерживают американский "боевой дух", необходимый для достижения будущих "великих" целей. Надо подготовить сознание человека, сделав его вполне восприимчивым к насилию вообще. Американский образ жизни и пропаганда настойчиво формируют такую личность, "способную" править миром средствами насилия.

Итак, сегодня руль политического управления Соединенными Штатами Америки находится в руках правых консерваторов и ультраправых. Но их идеология взращивалась давно усилиями многих поколений консервативной и праворадикальной Америки. Что же касается внешнеполитической сферы, в действиях рейгановской администрации также нет ничего особенно нового, кроме разве ковбойской простоты в ведении международных дел. "Имперская" доктрина американского превосходства была предметом заботы всех послевоенных правительственных команд — и в политико-практическом плане, и с точки зрения ее теоретического обоснования. О том, как это делалось, рассказывают следующие главы.

Часть II. Доктрины

Глава четвертая. Обман, которому десятилетия

Доктрины международных отношений, в обилии поставляемые на американский и мировой рынок, вырастают на реальной социальной почве, служат реальным политическим целям, рассчитаны на реальную конформированную личность. Идеология и атмосфера "холодной войны" сузили горизонт мышления до небольшого примитивного набора стереотипов вроде "национальных интересов", "угрозы коммунизма", "предопределения судьбы" и т. д. В этой обстановке легко получают распространение человеконенавистнические доктрины войны, "термоядерного убийства", "всеобщей смерти". Далекое от благочестия проповеди политологов находят свое продолжение в интервенционистской политике правящей элиты, становятся питательной средой антисоветизма и антикоммунизма. Среди многочисленных концепций и стереотипов, разрабатываемых американскими идеологами, первое место занимает миф о "советской угрозе" вообще и "военной угрозе", в частности.

В чем его суть? Каковы причины возникновения и живучести? Как он используется в буржуазной пропаганде?

Миф об "опасности с Востока" и "советской угрозе" — ровесник Советского государства. Сразу же после Октября и до второй мировой войны он подавался в виде "красной", или "большевистской опасности". Изначально в его основу легли установки, которые американский исследователь Д. Йерджин называет "рижскими аксиомами", поскольку они базировались на оценках американских дипломатов, обосновавшихся в Риге после победы Советской власти. По словам Йерджина, эти дипломаты придерживались мнения о Советском Союзе как о государстве, "отрицающем возможность сосуществования и ведущем безжалостную идеологическую борьбу, подчиненную целям

мессианского стремления к мировому господству"[207]. Изобретателей, "аксиом" ничуть не смущало несоответствие своих утверждений с действительностью. Их интересовало совсем другое. Они запускали в политический и идеологический оборот выдумки, которые могли бы служить обману общественного мнения западных стран, оправдывали бы агрессивную внешнюю политику империализма, подрывные действия против социализма. Подхватив эти инсинуации и игнорируя тот факт, что Советское правительство во главе с В. И. Лениным с первых же дней провозгласило мирное сосуществование в качестве принципа своей внешней политики, будущий президент США Г. Гувер в марте 1919 года, обосновывая тезис о непризнании Советской власти, употребил такой довод: "Существует опасность того, что большевистские центры, возбужденные сейчас большими эмоциональными надеждами, предпримут широкие военные крестовые походы в стремлении навязать свои доктрины другим беззащитным народам"[208]. Вторя Гуверу, государственный секретарь США Б. Колби в августе 1920 года обратился с посланием к правительствам многих стран, в котором оправдывал позицию США о непризнании Советского правительства. Для правительства Соединенных Штатов, писал он, "невозможно признать нынешних правителей России в качестве правительства, с которым можно сохранить отношения, характерные для дружественных правительств"[209]. В этом официальном документе достаточно ясно была выражена классовая позиция империалистических Соединенных Штатов по отношению ко вновь родившемуся социалистическому государству. Сформулированный на основе подобных исходных посылок миф о "советской угрозе" использовался для оправдания интервенции стран Антанты против СССР и попыток его изоляции на международной арене. Создание Антикоминтерновского пакта, а затем нападение гитлеровской Германии на нашу страну также пытались "обосновать" необходимостью защиты мировой цивилизации от "советской угрозы". После второй мировой войны миф о "советской угрозе" стал политической основой развязывания против Советского Союза "холодной войны" империалистическими державами во главе с США и создания агрессивного блока НАТО. Преследуя цели достижения мирового господства, американский империализм особенно настойчиво пропагандирует этот миф в настоящее время.

Между тем известно, что все войны и вооруженные конфликты нынешнего века порождены империализмом, борьбой за передел поделенного мира, за источники сырья и дешевой рабочей силы, поприща приложения капитала, за сферы влияния и господства, получение наивысших прибылей.

Еще в 1906—1907 годах английская дипломатия начала работать на сближение с Францией и Россией, чтобы вместе выбить из седла Германию, ставшую серьезным конкурентом на мировых рынках. Ее успехи в химии, электричестве, строительстве подводных лодок, торговых связях приобретали угрожающий характер для конкурентов. Конечно, империалистические хищники — и англо-франко-русской Антанты, и германо-австро-венгерского блока — искали "причины" войны в чем угодно, но только не в корыстных интересах монополий. Клялись в приверженности демократии, свободе, служении нации, звали к выполнению патриотического долга, защите "чести и достоинства" народа. Война принесла неслыханную наживу монополиям и 9 миллионов только убитыми — народам, не говоря о безмерных страданиях людей, разрушениях, неисчислимых бедствиях гражданского населения.

Практически сразу же после первой мировой войны началось организованное

возрождение германского милитаризма, способного, по замыслу прежде всего американского империализма, "расправиться", если ему будет предоставлено "жизненное пространство" на Востоке, с коммунизмом. Уничтожение социалистической державы помогло бы, как планировалось, стабилизировать обстановку в капиталистическом мире. Все делалось для того, чтобы толкнуть фашистскую Германию против Советского Союза.

Впрочем, каждый из западных "игроков" имел свои цели и решал свои задачи. В частности, правящие силы американского империализма, тщательно взвешивая возможные итоги войны и хладнокровно наблюдая за тем, как все воюющие страны уничтожают людские и материальные ресурсы друг друга, выбирали момент своего вступления во вторую мировую войну. Они откровенно надеялись на роль арбитра в споре, покровителя угодных им стран, режимов и политических партий, филантропа, раздающего милостыни попавшим в беду, а в конечном счете — на положение государства, диктующего свою волю всем другим странам мира.

Очередная авантюра империализма стоила более 50 миллионов человеческих жизней, тысяч и тысяч разрушенных городов, заводов, фабрик, музеев, больниц и школ. И вновь золотой поток прибылей устремился в сейфы американских монополий.

Хорошо известно, что, вскормленные на деньги своих братьев по классу, заправили германского империализма, нападая на Советский Союз, манипулировали банальными лозунгами "свободы", "демократии", "великой миссии народа" и, конечно же, мифами о "большевистской угрозе", "советской опасности" и т. д. Верно то, что правящим силам западного мира было о чем беспокоиться. Если до революции социализм был теоретической возможностью нового общественно-политического устройства, то партия большевиков, трудящиеся России приступили к практической ее реализации. Поэтому мировая, прежде всего американская, буржуазия усмотрела в молодом Советском государстве, его опыте по утверждению принципа социальной справедливости угрозу самому существованию капиталистической системы, системы частного предпринимательства, угнетения и эксплуатации. Наиболее оголтелую форму антисоветизм получил у идеологов и политиков американской буржуазии. В США морально-этические ценности и идейно-политические установки, тесно ассоциируемые с частным предпринимательством, сформировались и утвердились в наиболее "чистой" форме. Они стали интегральной частью американской национальной психологии. Именно эта особенность активно использовалась буржуазными идеологами в работе по нагнетанию враждебности к социализму. В сознание американцев вдалбливалась идея об исключительности путей общественно-исторического развития Америки и ее роли в мировой истории, об особом "предопределении судьбы", "явном предначертании" Соединенных Штатов, призванных облагодетельствовать мир повсеместным утверждением своих "несравненных" принципов демократии и свободы. И единственно, кто угрожает осуществлению этой миссии, — это социализм, то есть Советский Союз, который не только не приемлет этих принципов, в их американской трактовке, но и отвергает их.

По представлению правящей американской буржуазии, особенно благоприятные условия для реализации имперских целей сложились после второй мировой войны, из которой США вышли экономическим лидером капиталистического мира. Но американским расчетам на установление своего полного господства в "свободном" мире не суждено было сбыться, хотя правящим силам США и удалось резко ослабить и тем

самым на время устранить своих главных конкурентов из Западной Европы и Японии. Однако заложенные в сложившейся экономической ситуации противоречия неизбежно вели к возрождению борьбы западноевропейских и японских монополий, равно как и других, за свое место под солнцем.

Теперь все членораздельнее говорят о том, что американский капитал находится в обороне, что его интересам серьезно угрожают. Подобные жалобы не лишены оснований. Действительно, американским монополиям сейчас не так уютно жить и не так легко наживаться, как это было еще 15—20 лет назад. Новые "центры силы" (Западная Европа и Япония) заявляют о себе как о равноправных и конкурентоспособных партнерах, а точнее — соперниках, отстаивают концепцию "многополюсности" мира, претендуют на увеличение своей доли в прибылях.

Ход событий затронул важнейшую болевую точку американских монополий — сверхприбыли, которые в значительной мере питают политику агрессии, милитаризм, идеологию исключительности и вседозволенности. Образовался многоплановый и глубокий конфликт, в основе которого лежат обостряющиеся межимпериалистические противоречия. С 1971 года правительство США, чтобы "насолить" своим конкурентам, начало тайком способствовать повышению цен на нефть. В июне 1972 года в Алжире состоялся 8-й арабский нефтяной конгресс. Представитель США Дж. Акинз заявил, что страны ОПЕК собираются поднять цены на нефть до 5 долларов за баррель. Другие участники конгресса услышали об этом впервые, да никто, кроме США, и не планировал подобное. Эта американская акция явилась мощным ударом по западноевропейской экономике, США начали широкомасштабную операцию экономического давления на Западную Европу с тем, чтобы сделать ее более податливой по отношению к американскому курсу на конфронтацию в противовес политике разрядки напряженности, которая всегда противоречила интересам правящей военно-политической и экономической клики США. Как известно, эта американская акция переросла западноевропейские рамки, она так или иначе вылилась в мировой экономический кризис.

В итоге в 1973—1974 годах произошел первый "нефтяной шок". По свидетельству американского журналиста, который собрал конфиденциальные высказывания по этому поводу, "целью Вашингтона было стимулировать разработку нефти и развитие, новых источников энергии путем установления высоких цен на нефть, нанести мощный удар по экономической конкуренции Японии и Европы — районов, сильно зависящих от импорта нефти, и увеличить американский экспорт в страны ОПЕК[210].

Цели американских монополий достигнуты не были, все дело приобрело неожиданный для США поворот. "Мы предали наш союз (имеются в виду Западная Европа и Япония), совершив оплошность космической важности"[211]. Более того, многое повернулось, в частности, против США. И хотя США быстрее других выкарабкались из кризиса, им не удалось навязать другим странам свои порядки на мировом рынке. Западная Германия не преминула использовать нефтяной кризис в собственных интересах, увеличив экспорт (главным образом оборудования) в страны ОПЕК с 2,2 миллиарда долларов, в 1973 году до 11,9 миллиарда долларов в 1978 году. Франция поддержала ФРГ во многих ее начинаниях; усилилась тенденция к самостоятельности японской экономической политики.

Убедившись, что конкуренты играют не по американским правилам, Вашингтон попытался весь мир превратить в своего заложника. Под рукой оказался и предлог —

иранская революция. Американские нефтяные компании создали искусственную нехватку нефти, увеличив у себя ее стратегические запасы. Цены подскочили на 60 процентов, что подорвало усилия Западной Европы и Японии по обеспечению положительного сальдо своих платежных балансов, а европейская валютная система, задуманная как противостоящая доллару зона валютной стабильности, оказалась под угрозой краха.

Но вывернуться из кризиса США не удалось. В качестве выхода вырисовывалось повышение учетных ставок и взвинчивание курса доллара, рассчитанное на подстегивание бегства зарубежного, прежде всего западноевропейского, капитала в США. Момент был подходящим: конкуренты, пораженные вторым нефтяным шоком 1979—1980 годов, искали выход. Западноевропейские капиталы потекли в американскую экономику, вытаскивая ее из кризиса и в значительной мере финансируя милитаризм США. Здесь особенно отчетливо проявился механизм переплетения внутренней и внешней политики этой страны. Одни и те же силы — в основном финансовые круги — навязывают дефляцию и спад внутри страны и сразу же заменяют товарный экспорт (слабый доллар), который был главной ставкой в международной борьбе, привлечением капиталов (сильный доллар) из-за границы.

В январе 1979 года в Гваделупе президент Картер согласился с созданием европейской валюты, пообещал подписать Договор ОСВ-2. Западные европейцы, прежде всего ФРГ, в ответ уступили нажиму США и дали свое "добро" на размещение американских ракет первого удара в Западной Европе. Более поздние попытки объяснить решение о размещении евро ракет ссылками на советские ракеты СС-20 основаны на чистой выдумке. Приглашение американских ракет было принято вне связи с этими ракетами. "Угроза" со стороны советских ракет была сочинена позднее, через несколько месяцев после закрытого совещания в Гваделупе.

Одновременно на фоне крикливой риторики о "советской угрозе" шло преднамеренное нагнетание международной напряженности. Ложь века продолжала свою разрушительную работу, а тем временем в Западной Европе росла безработица, капиталы утекали в США, подрывая экономическое положение стран субконтинента. В конце 1979 года "цена" золота резко пошла вверх: если в январе этого года унция золота стоила 225 долларов, то в конце августа цена повысилась на 40 процентов, достигнув 315 долларов, затем в декабре — 524 доллара (+66 процентов), а в январе 1980 года — 850 долларов (+ 62 процента). Общее повышение составило 277 процентов. Это позволило американскому правительству изъять или заморозить значительную часть долларов, находящихся за границей или на счетах богатых американцев. Доллар вступил в полосу счастливых дней. Приток денег с других континентов был использован для модернизации производства, гонки вооружений. И то и другое носило своекорыстный, эгоистический характер в отношении союзников. Западная Европа стала жертвой интересов американских монополий, причем жертвой, с которой обходились и обходятся довольно безжалостно и бесцеремонно. Все эти маневры американской финансовой олигархии и стоящего на страже ее интересов правительства требовали объяснений. У партнеров по союзу, или, иными словами, у конкурентов, росло раздражение, ибо все обнаженнее становилась эгоистическая суть американской политики. Нужна была сильная отвлекающая операция, которая помогла бы правящей элите США потребовать, а быть может, и добиться "нового единства". В этих целях был использован Афганистан.

Серьезные наблюдатели сходились на том, что ввод по просьбе афганского правительства ограниченного контингента советских войск был направлен на защиту этой страны от американской агрессии, служил интересам афганского народа. Первоначальная, в основном спокойная и реалистическая реакция мирового общественного мнения отражала понимание сути происходящего. Вашингтон, помолчав неделю, пришел к выводу, что на афганских событиях можно погреть руки. Цель до предела очевидна: конфронтация, нагнетание военной опасности, которые являются уникальными средствами прикрытия экономической экспансии и удержания союзников в узде взаимных обязательств перед лицом "советской угрозы". О подписании в Вене соглашения ОСВ-2 еще продолжали говорить как о факте, который зафиксировал военно-стратегическое равновесие сторон, а в Белом доме уже и "вдруг" обнаружили, что СССР-де несет "смертельную опасность", что нужно срочно вооружаться, что в подготовку к войне должны незамедлительно и активно включиться Западная Европа и Япония. Пропагандистский визг на этот счет нарастал с каждым днем.

Нельзя не поражаться легковерию многих людей на Западе, за которое потом приходится платить миллиарды. Можно лишь посочувствовать бессилию и оцепенению, охватывающим господствующие силы некоторых стран перед лицом самоуверенных действий американской правящей хунты. Большую роль, разумеется, играет общность классовых интересов, которая застилает глаза, мешая видеть мир таким, какой он есть в действительности. И все же не может не удивлять близорукость некоторых западных лидеров, неспособных замечать ров, разделяющий национальные интересы той или другой страны и эгоистическую политику США, пренебрегающую любыми интересами, кроме собственных.

В конечном итоге Дж. Картером был сделан поворот к новой, причем весьма острой напряженности международной обстановки. Отказ от Олимпийских игр в Москве, зерновое эмбарго, свертывание научных и культурных связей, расширение диверсионной пропаганды — все это было подчинено эгоистическим интересам американской элиты.

Высокие процентные ставки в США стали магнитом для капитала, они сделали Западную Европу ненадежным местом для его приложения. Огромные потоки денег потекли со "старого континента", выгодно устраиваясь за Атлантикой. Состоятельные европейские семьи завели себе квартиры в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе для укрытия в случае непосредственной военной опасности. Американская недвижимость взлетела в ценах. Спрос на доллары и курс "зеленого билета" полезли вверх. В конечном счете со времени, когда президент Картер объявил о санкциях против СССР, сотни миллиардов долларов покинули Западную Европу. Провозглашенная и организованная правящими силами США, "новая напряженность" до сих пор дорого обходится Западной Европе, снижая ее экономическую и политическую конкурентоспособность с США.

Как известно, больной организм нуждается в каких-то инъекциях. Так и напряженность, зараженная милитаризмом и смертельной бациллой войны, требовала искусственных эмоций, вспышек ненависти. Отсюда — новые инсинуации, бойкоты, выдумки о новых "злодеяниях коммунистов", новые провокации с "правами человека", каждый раз превращаемые американскими политиками в фарс, организация страстей и страхов, скажем, вокруг терроризма, организуемого спецслужбами США, или "дела Антонова", построенного на обыкновенном песке. Все это приносило и приносит значительные экономические прибыли американцам, но одновременно оттирает Западную Европу в

сторону от позиций реального влияния на мировые дела, канализируя это влияние на проамериканском направлении.

Так или иначе, американская политика нагнетания напряженности все выпуклее проявляла и свою антизападноевропейскую сущность, не говоря уже об общемировой опасности этого курса. В этих условиях в Западной Европе росло понимание необходимости консолидации вокруг идеи противодействия эгоистической политике США. В самих Соединенных Штатах политическое развитие еще резче поворачивалось в сторону шовинизма. Капиталы, покинувшие Западную Европу, стали откровенно использоваться для подготовки войны.

Определенную специфику имеют американские отношения с Японией. Являясь наиболее агрессивным экономическим конкурентом США, Япония при Накасонэ активно демонстрирует свою военно-политическую преданность Соединенным Штатам. Японский премьер-министр объявил свою страну "непотопляемым авианосцем", всерьез играет формулой, согласно которой "Япония — это щит, а США — меч", грозит в случае войны подорвать проливы и загнать таким образом "в бутылку" советский Тихоокеанский флот, охотно разглагольствует на тему о "советской угрозе". Американскому президенту все это по душе.

В результате японцам удастся "удержаться в седле". Япония пока не испытала дестабилизирующих ударов со стороны США, которые являются обычной практикой в отношении стран Латинской Америки, а в последние годы их мощь испытали и страны Западной Европы. Возникает правомерный вопрос: а не собирается ли Япония принести в жертву свой территориальный суверенитет ради американских интересов? Думается, что нет. Японские правящие круги активно подыгрывают американцам, но затеянная игра выгодна обеим сторонам. Японцам ее диктуют торгово-экономические условия, они понимают, что США имеют в своих руках такой мощный рычаг, как огромный дисбаланс в японо-американской торговле в пользу Японии. Он может быть использован в любой выгодный для США момент. США, в свою очередь, нуждаются в поддержке своего конфронтационного, милитаристского курса, особенно в условиях, когда его авантюристичность и крайняя опасность для дела мира становится все шире осознаваемой.

Как долго эти две страны удержатся в одной лодке, сказать пока трудно. Волны истории часто набегают довольно неожиданно, захлестывая и поглощая союзы и вражду, расчеты, надежды и страхи. В любом случае японцы не такие уж простаки, чтобы всерьез согласиться на роль самоубийц, хотя на словах они и пообещали Америке исполнить такую роль. А пока суд да дело, Япония искусно пользуется самообманом Белого дома, стимулирует свой общий экономический рост развитием военной промышленности. Она включилась в торговлю оружием, пытается играть в политику "с позиции силы" в тихоокеанском бассейне. Одновременно полным ходом идет автоматизация производства в самой Японии, размещаются целые его отрасли в развивающихся странах, все шире налаживается сбыт готовой продукции японских фирм. Японские ТНК быстро проникают в Европу и США путем создания там предприятий с высоким уровнем оснащения робототехникой. Более того, Япония, по некоторым оценкам, сможет стать экспортером электронного оружия.

Тем временем, как пишет французский журнал "Монд дипломатик" (№ 5, 1984), президент США форсирует гонку вооружений. Дипломатия ищет новые предлоги, чтобы оболгать Советский Союз. Белый дом формирует глобальные военные условия,

обеспечивающие, по замыслам милитаристов, "победную будущую войну". В центре военно-политической деятельности республиканской администрации — достижение стратегического преимущества, она торопится установить как можно больше "Першингов-2", которые в течение нескольких минут могут достичь территории СССР. Как пишет журнал "Тайм", глаза американской делегации на переговорах о разоружении П. Нитце не раз говорил Рейгану, что его предложения неприемлемы для СССР, на что президент однажды ответил: "Вам остается только сказать русским, что вы „работаете на неуступчивого сукина сына“[212]. Наряду с размещением ракет первого удара в Западной Европе правящие силы США пытаются раздвинуть границы своей военной империи за счет космоса, осуществляя программу создания ударного космического оружия, получившую название программы "звездных войн".

Итак, обострение межимпериалистических противоречий с новой силой высветило давно известную истину, что США являются жертвой соблазна мирового господства, "мира по-американски". При этом правящие круги этой страны отчетливо сознают, что главное препятствие на пути реализации "американского века" — Советский Союз. Если до второй мировой войны американская буржуазия усматривала в Советском Союзе главным образом идеологическую угрозу устоям капиталистической системы, то после войны Советский Союз, сыграв главную роль в разгроме гитлеровской Германии, показал, что он способен преградить путь любому агрессору, то есть стал мощной материальной и моральной опорой сил мира. Укрепив свое военно-политическое могущество, СССР в послевоенный период последовательно и решительно выступал против американских имперских и гегемонистских амбиций, попыток правящих сил этой страны развязать новую войну, подчинить своим целям и интересам экономику, политику и идеологию всего мира. На этой корыстной имперской программе и была организована "новая волна" пропаганды мифа о "советской угрозе". Идеологический и военно-политический аспекты этого стереотипа соединились, дополнили друг друга. В итоге в послевоенные десятилетия миф о "советской угрозе" приобрел свои, так сказать, "классические" формы.

По всем линиям усилилась обработка общественного мнения. Одним из основных компонентов мифа стал тезис о "тоталитарном" характере Советского государства, который, мол, и рождает "угрозу". С первых дней возникновения СССР в разработке и пропаганде этого тезиса участвовали как государственные и политические деятели, так и академические круги. В течение многих десятилетий обширная информационно-пропагандистская сеть, стоящая на службе империалистического государства, настойчиво и целенаправленно внедряла в массовое сознание тезис о "тоталитаризме Советского государства". Составной частью этой концепции стали разного рода спекуляции о "несовместимости" демократии и социализма, "отсутствии" свободы слова, "нарушении прав человека" в СССР и т. д. Как писали американские профессора А. Спайро и Б. Барбер, концепция тоталитаризма "использовалась для тотального оправдания американского вмешательства в борьбу против враждебной идеологии, осуществляемого под лозунгом „свободы“[213]. Инструментальный характер этого тезиса состоит и в том, что он служит для прикрытия тоталитарного характера буржуазного государства, в частности нарастания фашистских тенденций и сил в самих США.

Будучи не в силах отрицать имперскую, экспансионистскую сущность общественно-политической системы США, делаются попытки противопоставить

"хорошую" американскую экспансию "плохой" русской. "Экспансия как США, так и России, — пишет, например, Х. Кон, — носила идеологический характер. Американская идеология основывалась главным образом на идеях Просвещения, а русская — на ортодоксальном христианстве и отказе от Просвещения"[214]. Все оказывается простым и ясным, становится на свои места с точки зрения "просвещенцев" из США. США "открытое общество", а вот "русская идеология" всегда отвергала, мол, все проявления современной мысли — либерализм, демократию, идею народного суверенитета, свободу печати, религии, отражая тем самым психологию "закрытого общества". При этом настойчиво проводится идея о "дьявольской хитрости" и "тайных устремлениях" царской империи, которая, руководствуясь мессианскими побуждениями, организовывала постоянные международные заговоры для подрыва позиций, а то и для захвата европейских стран.

Для придания хоть какого-то правдоподобия утверждению, будто русский народ испокон веков отличается особой воинственностью, на свет снова и снова вытаскивают так называемое "завещание Петра Великого", сфабрикованное в начале XIX века французской дипломатической службой. В этой фальшивке утверждается, будто перед Россией всегда стояла задача захватить Средний Восток и выйти к побережью Индийского океана. Пресловутое "завещание" использовалось еще Наполеоном для обоснования своего похода в Россию. С тех пор оно многократно переиздавалось и использовалось для дискредитации внешнеполитических целей царской России, а после Великой Октябрьской социалистической революции, как это ни кажется смешным, — Советского Союза. К нему апеллировал лорд Керзон для оправдания агрессии стран Антанты против молодой Советской Республики, на него ссылались руководители гитлеровского "третьего рейха", начиная войну против СССР. Оно использовалось американской пропагандой с первых дней "холодной войны". Уже с 1946 года американская пресса по указанию правительства начала печатать статьи о том, что СССР держит свои войска в Иране с целями реализации "завещания Петра Великого". Подобные "аргументы" активно использовались и буржуазной политологией. Большую лепту в популяризацию и внедрение в сознание широких слоев населения всего комплекса изложенных домислов внесли буржуазные средства массовой информации и пропаганды. Они создали своего рода непроницаемый зонт лжи и дезинформации о Советском Союзе, пробить который отнюдь не простое дело. В результате всех этих злостных манипуляций у довольно значительной части населения США сложился определенный образ нашей страны, замешанный на негативных представлениях. "Русские, — пишут Дж. Гаррисон и П. Шивпури, — стали народом, которого западная публика любит ненавидеть. Они — современные дьяволы. Они персонифицируют в сознании публики все, что есть зло и чего следует бояться... Это делается спешно, поскольку для многих на Западе русская опасность настолько неизбежна, что вопрос состоит не в том, совершат ли они вторжение, а в том, когда они его совершат"[215].

Ликвидацию Советским Союзом атомной монополии США и приобретение способности нанесения ответного ядерного удара непосредственно по американской территории американские идеологи использовали для дополнительного нагнетания страха перед "нападением" Советского Союза на США. На эту тему особенно изощрялись разного рода советологические и информационно-пропагандистские центры, а также средства массовой информации. Показателем "советской угрозы" была призвана служить целая

серия книг, кинолент, телевизионных программ, в которых разыгрывались темы предстоящего советско-американского конфликта. По наблюдениям известного экономиста Дж. Гэлбрейта, "после второй мировой войны среди людей, страх которых перед богом подкреплялся опасениями за судьбу их имущества, легко было распространить страшную боязнь по поводу безбожного коммунизма. Эта боязнь приобрела параноидный характер"[216].

Особая опасность такого подхода состоит в том, что он присущ не только рядовому обывателю, "среднему" американцу, но и многим представителям правящих кругов США, которые внедряют подобную идеологию в основу своей внешнеполитической стратегии. Как отмечает известный специалист по международным отношениям О. Хоффман, в послевоенный период американцы воспринимали противоречия между США и СССР в "почти шизофреническом свете". Господствовала тенденция интерпретировать любые действия противной стороны как "часть хорошо продуманного и широкого плана", направленного против США. Например, корейская война рассматривалась как прелюдия к нападению СССР на Западную Европу, а кубинский кризис — как прелюдия к захвату Западного Берлина. При этом, писал Хоффман, приписывая противнику всякие козни, "мы, американцы, в действительности не ставили под вопрос наше моральное и материальное превосходство"[217].

При всем этом всегда игнорировался тот факт, что не СССР, а США, и только США, представляли и представляют реальную угрозу миру во всем мире.

Соединенные Штаты дважды использовали атомное оружие, а после второй мировой войны угрожали применить его по крайней мере девятнадцать раз: Эйзенхауэр — во время корейской войны, Кеннеди — во время кубинского кризиса, Никсон — во время вьетнамской войны, Картер — в Иране и т. д. При этом правящие круги США предпринимали усилия для наращивания такого ракетно-ядерного потенциала, который позволил бы им избежать заслуженного возмездия. Поэтому есть своя циничная логика в том, что интенсификация пропаганды мифа о "советской угрозе", "ракетном отставании" США, "бреши в ракетных вооружениях", "окне уязвимости", нагнетание страха наблюдаются каждый раз, когда правители США планируют новые качественные и количественные скачки в гонке вооружений. "Коммунистическая опасность, — писал С. Ленз, — должна постоянно поддерживаться в американском сознании, если хотят добиться от страны гор денег на вооружение"[218]. Так было в 1960 году, когда Дж. Кеннеди сделал одним из своих предвыборных лозунгов преодоление "ракетного отставания от Советского Союза". Так обстояло дело в 1969 году, когда была выдвинута программа противоракетной обороны "Сэйфгард". Выступая в марте того года в конгрессе, тогдашний министр обороны США М. Лейрд заявлял, что правительство располагает "новыми секретными данными о стремлении Советского Союза к приобретению способности нанесения первого удара"[219]. Защищая программу "Сэйфгард", Р. Никсон также утверждал: "Мы получили новую информацию, которая свидетельствует о том, что уже к 1973 году Советский Союз сможет нанести по США первый ядерный удар, уничтожив при этом 80 процентов наших межконтинентальных баллистических ракет"[220]. Подобные приемы — обычная практика в политической жизни США.

Пропаганда самоуверенности и вседозволенности настолько криклива и массивна, что даже многие прожженные и ни во что уже не верящие ведущие политики США оказались сами мистифицированными представлениями, что этой стране все под силу.

Авантюра во Вьетнаме оказалась сильнодействующим средством, самонадеянность силы обернулась паническим бессилием. Но теперь снова, при Рейгане, берет верх имперская идеология кулака.

Но время не повернешь вспять. События на Ближнем Востоке показали, что, несмотря на свой огромный военный потенциал, США не способны контролировать события в мире. Американская дипломатия потерпела серьезные провалы в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Африке, что весьма болезненно воспринимается американцами, привыкшими к победам. Глубокий отпечаток на национальную психологию наложили афганские и иранские события. Все это постепенно формирует представления в общественном сознании об утрате Соединенными Штатами контроля над развитием событий в мире. Это убеждение усугубляется пониманием того факта, что достигнутый паритет в стратегических ядерных вооружениях США и СССР положил конец географической недосыгаемости Североамериканского субконтинента от возмездия. Воспринималось все это разными слоями американского народа отнюдь не однозначно. Одна его, более реалистически мыслящая, часть начинала осознавать необходимость пересмотра роли США в мире, отказа от притязаний на мировую гегемонию. Другие же, особенно в правящем классе, воспринимали эту реальность со страхом, как крушение устоев привычного им миропорядка, как угрозу самому существованию США. В этих условиях фанатический американский национализм очутился перед щекотливой проблемой. Хотя ощущение реальности американского всемогущества исчезло, иллюзия его осталась. Самонадеянность силы продолжает присутствовать в речах и действиях американских лидеров. По крайней мере и здесь выходит так, что виноваты русские. Одурманенные патологическим антикоммунизмом и антисоветизмом, представители этой части американской буржуазии продолжают видеть в Советском Союзе "безбожную" державу и "злую силу", замышляющую уничтожение Соединенных Штатов. Причем в целях гальванизации мифа о "советской угрозе" извращенно истолковываются любые события. В начале президентства Дж. Картера из недр ЦРУ вышел доклад, в котором подчеркивалась мысль о неизбежном падении добычи нефти в СССР и его вступлении в борьбу с Западом с целью достижения контроля над ближневосточной нефтью, чтобы прорваться к "теплым морям", завладеть чужой нефтью. Так был сочинен миф о "советской военной угрозе" Персидскому заливу. Примечательно, что даже антисоветчик такого масштаба, как З. Бжезинский, вынужден был признать, что упор на "советскую угрозу" Персидскому заливу представлял собой "упрощение сложной проблемы"[221]. Извращенно, гипертрофированно, в истерических тонах воспринимаются многие шаги СССР на международной арене. Та часть правящего класса, которая привела к власти в 1980 году администрацию Рейгана, с середины 70-х годов предприняла широкомасштабные усилия для подрыва разрядки. Совпавшие с ее периодом провалы американской политики в Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, Африке, Центральной Америке были истолкованы как свидетельство неприемлемости разрядки, недопустимости отказа от военной силы как орудия внешней политики США. Развернув через средства массовой информации шовинистическую кампанию, они выдвинули лозунг возможности силового поворота международных тенденций в пользу США, возврата военного превосходства над СССР. "Если не обратить процесс ослабления Америки вспять, — сетует один из ведущих идеологов рассматриваемой фракции американской буржуазии, Н. Подгоретц, — результат может быть только один: „политическое и экономическое подчинение Соединенных Штатов превосходящей

советской силе"[222]. Инициатором этого милитаристского курса, по сути дела, выступил военно-промышленный комплекс, чьи корпорации в период разрядки не сумели приспособиться к конкурентной борьбе на гражданских рынках и потерпели в ней ряд ощутимых поражений.

Наконец, в достаточно широких кругах американского правящего класса крепло убеждение, что нельзя допускать дальнейшего падения роли США в мировых делах, в том числе в соревновании двух систем. Со ссылкой на текущие проблемы социалистической экономики был выдвинут тезис о том, что победить СССР в экономическом соревновании надежнее всего можно в гонке вооружений, которую советское хозяйство технологически и финансово на каком-то этапе "не выдержит". К тому же считалось, что гонка вооружений в любом случае ложится на СССР более тяжелым экономическим бременем, чем на США, а поворота в динамике соревнования двух систем можно добиться пробой сил именно на этом участке, получить одновременно преимущества в военной области, поломать стратегический паритет.

На службу этой стратегии поставлена глобально-гегемонистская идеология.

Антикоммунизм и антисоветизм, слепая ненависть к народам, борющимся за свободу и прогресс, придают этой идеологии чрезвычайно злобный характер. В ход пущена колоссальная пропагандистская машина, призванная всячески оклеветать и очернить Советский Союз, другие страны социалистического содружества, представить США как единственного "гаранта свободы народов", навязать всему миру капиталистическую общественную систему, капиталистический образ жизни.

Жупел "советской угрозы" стал, например, центральным элементом проекта "Истина". Особый упор в нем сделан на пропаганду американских целей и идеалов, того, что США — это страна, для которой характерна глубокая верность делу мира, заинтересованность в переговорах о контроле над вооружениями и т. д., и одновременно подчеркивается "советская угроза" стабильности и безопасности в различных районах земного шара. Происходит своего рода реидеологизация мифа о "советской угрозе" в противовес ее некоторой "деидеологизации" в 60-х — первой половине 70-х годов. В этот период идеологический аспект был несколько отодвинут в сторону и "советская угроза" изображалась в геополитических категориях. Теперь же все рассуждения о "советской угрозе" пронизаны остро враждебным содержанием. "Преподнося Советский Союз как конкурирующую сверхдержаву, с которой мы можем заключить прочные мирные соглашения, вместо того, чтобы представить его как коммунистическое государство, враждебное нам по своей природе и пытающееся распространить свое правление и свою политическую культуру на все более обширную часть мира, — писал один из ведущих представителей неоконсерватизма, Н. Подгоретц, — администрация Никсона, Форда и Картера лишила советско-американский конфликт его морального и идеологического измерения, ради которого правительство может обоснованно потребовать жертв, а народ — с готовностью принести их"[223].

При этом намеренно и грубо извращается советская военно-стратегическая доктрина. Р. Пайпс, например, утверждает, что "стратегическая доктрина, выработанная СССР в течение двух последних десятилетий, предусматривает политику, прямо противоположную той, которая была выработана господствующими в этой области в США гражданскими стратегами: не сдерживание, а победа, не достаточное количество вооружений, а превосходство, не возмездие, а наступательные действия"[224]. Ему

вторит редактор журнала "Сервей" Л. Лабедз, который пишет, что советские стратеги "упорно отказывались признать тезис о взаимном гарантированном уничтожении в качестве основы советской стратегии и избрали вместо этого стратегическую доктрину, предусматривающую возможность сражаться и победить. Они были готовы „мыслить о немислимом“[225].

В пропаганде мифа о "советской угрозе" широко используется кинематограф. Милитаризация кино идет быстрым темпом. Кино-, телеэкраны захлестнули психология насилия, воспевание "звездных" и иных войн. Изображение ядерных кошмаров, будто бы возникших по вине Советского Союза, стало прибыльным делом и в художественной литературе. Ядерный призрак стал главным содержанием вышедших за последние годы книг Л. Коминза и Д. Лапьер "Пятый всадник", Н. Колдера "Ядерные кошмары", Л. Р. Бре "Апокалипсис" и др., многих статей, пьес и т. д. Все это способствует созданию определенной психологической атмосферы, благоприятствующей восприятию довольно широкими слоями населения мифов о военном превосходстве СССР над США и соответственно об усилении "военной угрозы" с его стороны самому существованию американцев. В их сознании все активнее возвращается психология неприязни и враждебности к внешнему миру, ура-патриотизма и национализма, психология, помогающая проталкивать все новые и новые военные программы.

Приход в 1980 году к власти правых сил означал победу экстремистских внешнеполитических доктрин, основывающихся на идеях американской исключительности. Политика республиканской администрации, писал западногерманский журнал "Шпигель", "окутана светом и воздухонепроницаемой, затхлой идеологией консервативного мессианства. Ее проповедают кликуши вроде Джин Киркпатрик, а осуществляют на практике министры, которые по своим мессианским амбициям не уступают главе администрации"[226].

Некоторые западные наблюдатели, которых можно заподозрить в чем угодно, но только не в симпатиях к Советскому Союзу, справедливо усматривают основной порок внешней политики в упрощенном черно-белом подходе к мировым проблемам. Ведущие деятели рейгановской администрации исповедуют заветную максиму правого радикализма, согласно которой американцы — особая, избранная богом, единственная в своем роде нация. Следовательно, Соединенные Штаты в военном, экономическом, политическом плане должны повсюду в мире занимать ведущее положение, поскольку руководить миром и даже спасти человечество от грозящих ему опасностей надлежит им, и только им. Как бы подтверждая эту установку, Рейган как-то заявил, что бог "отдал в руки Америки больное человечество". Такая позиция предполагает не только то, что противная сторона представляет собой "империю зла", но и то, что Америка — "средоточие добродетели". Рисуя мир в мрачных пророческих тонах как арену борьбы между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, американский президент окрестил Советский Союз "злом в современном мире", "империей зла". Когда в мире есть такое "зло", утверждает он, то "по велению священного писания и Иисуса Христа мы должны противиться ему всеми силами". "В мировой драме, как он ее понимает, действуют лишь два игрока, заслуживающих внимания, — Америка с ее приверженностью правому делу и свободному предпринимательству и Россия, исповедующая антихристовую идеологию.

Суть этого манихейского кредо состоит в том, что никто не должен иметь дело с дьяволом, что единственный способ справиться со злом — бороться против него"[227].

Игнорируя реальности современного мира, Соединенные Штаты ставят своей целью изменить соотношение сил на мировой арене в свою пользу, установить американское господство в мире, осуществить американскую мечту об "американском веке" — о таком мировом порядке, в котором не останется места для Советского Союза и социалистической системы, любой альтернативы "американскому образу жизни" и капитализму. Рекламируя "прыжок в космос" как средство вернуть США военное превосходство, вашингтонские стратеги распространяют иллюзии о том, будто создание новых дорогостоящих систем оружия "вымотает" русских и "заставит их сдаться", "Рейган, — пишет обозреватель „Вашингтон пост“ М. Макгроди, — утверждает, что место русских „на свалке истории“ и что мы должны „помочь им туда попасть“ при помощи разорительной для них конкуренции в создании все более устрашающих и экзотических вооружений"[228].

Прикрываясь подобными нелепыми рассуждениями, администрация объявила "крестовый поход" против СССР и социализма как общественной системы. Она смотрит на все события, происходящие в мире, через призму советско-американского соперничества. "Если копнуть достаточно глубоко в любом из удаленных очагов напряженности, — заявил Рейган, — то вы обнаружите Советский Союз, преследующий свои имперские амбиции. Если бы Советский Союз просто вернулся восвояси, то в мире прекратилась бы большая часть кровопролитий"[229]. Так был пущен в оборот насквозь клеветнический тезис, что именно СССР стоит за террористами всех мастей во всем мире. По признанию газеты "Вашингтон пост", "прямое связывание Москвы с глобальным терроризмом представляет собой один из аспектов попытки расширить у общественности представление о советской угрозе интересам США, угрозе, которую обычно видели прежде всего в советской военной мощи"[230].

В действительности именно Вашингтон возвел терроризм в ранг государственной политики. Об этом свидетельствуют многочисленные преступления ЦРУ на международной арене, использование силы для подавления национально-освободительного движения, захват Гренады, политика в отношении Никарагуа, Ливана и т. д. и т. п. Показательны следующие данные. После 1945 года в мире произошло 125 насильственных конфликтов. Из них 95 процентов имело место в "третьем мире". Причем в большинстве случаев были использованы иностранные войска. 79 процентов из этих иностранных вмешательств приходится на США и НАТО[231].

Форсирование вооружений оправдывается "необходимостью" с позиции военной силы ограничить сферу советского влияния. При этом миф о "советской военной угрозе" гальванизируется с помощью явной фальсификации соотношения военно-стратегических сил между Востоком и Западом, разного рода передержек. В этом плане показательны содержание пропагандистского 30-минутного фильма "Синдром ОСВ", который в течение ряда лет демонстрировался в США и Западной Европе. Этот фильм, созданный так называемым Комитетом по американской безопасности, ратует за "мир с помощью силы". В нем утверждается, что США и их союзники по НАТО опасно отстали от СССР в военном отношении и лишь широкомасштабная программа вооружений способна удержать Советский Союз от вторжения на Запад. Появившись на экране в одном из кадров фильма, бывший госсекретарь А. Хейг заявил, что ставка Запада на оборону носит "аморальный, пораженческий и разрушительный" характер. А Г. Киссинджер сетует на то, что "редко в

истории какая-либо нация так пассивно приняла такое радикальное изменение в военном балансе"[232].

Анализ военных приготовлений самих США и их союзников показывает, что они носят ярко выраженный агрессивный характер. Именно стратегия подготовки к ядерной войне для достижения мирового господства диктует поведение американской стороны на переговорах с Советским Союзом об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Прикрываясь ходячими лозунгами вроде "русские признают только силу" или вульгарным запугиванием "русские идут", американские руководители не прочь достичь "абсолютного превосходства над СССР", что, мол, "даст возможность обеспечить мир посредством силы".

Изменение общественно-политической системы СССР и даже его уничтожение возводится в ранг одной из основных целей американской внешней политики. В более или менее "интеллигентной" форме эта цель сформулирована в одном из докладов Трехсторонней комиссии. "В качестве главной установки в наших долгосрочных взаимоотношениях с коммунистическими державами, — говорилось в нем, — Запад не должен удовлетворяться защитой своих фундаментальных ценностей и стремлением воплотить их в явь на собственной территории: он должен поставить себе цель оказывать влияние на естественные процессы изменений в „третьем мире“ и даже в коммунистическом мире в направлении, скорее благоприятном, нежели неблагоприятном для этих ценностей"[233].

Особая опасность такого подхода состоит в том, что довольно влиятельные группы "новых правых" считают ядерную войну вполне приемлемой. По их логике, только наличие оружия для первого удара способно обеспечить безопасность Америки. Как утверждают эти деятели, без конца говорящие о своей приверженности религии, ядерная война вполне совмещается со священным писанием относительно наступления судного дня, возвещающего второе пришествие Христа. Правящие круги США пытаются приучить население страны к возможности и неизбежности ракетно-ядерного конфликта, из которого рассчитывают выйти победителями.

Еще при президенте Картере вступила в силу так называемая "президентская директива № 59", которая предусматривает нанесение точных, "ограниченных" ударов по военным объектам СССР. Особое значение эта доктрина приобретает в комбинации с действующей американской военной доктриной, которая не исключает возможности использования первыми ядерного оружия. Во влиятельном журнале "Форин полиси" под характерным заголовком "Победа возможна" появилась статья сотрудников Гудзоновского института К. Грея и К. Пейна, в которой даются рекомендации по применению директивы № 59. Авторы статьи критикуют "оборонное сообщество Соединенных Штатов" за "тенденцию рассматривать стратегический ядерный конфликт не как войну, а как всеобщую катастрофу". Они рисуют гипотетическую картину советско-американской ядерной дуэли, при которой хоть и погибнет примерно 20 миллионов американцев, но США выйдут победителем, "уничтожив Советскую власть и установив послевоенный мировой порядок, совместимый с ценностями Запада".

"Вашингтон, — пишут Грей и Пейн, — должен указывать цели с тем, чтобы в конечном счете обеспечить разрушение советского аппарата власти и установление такого международного порядка после войны, который совместим с западными представлениями о ценностях... Соединенные Штаты должны планировать победу над Советским государством. Причем победа должна быть достигнута ценой, которая не

помешает восстановлению США"[234].

Как справедливо отмечают даже некоторые западные политологи, от идеи о возможности ядерной войны и возможности одержать в ней победу до "превентивной войны", "упреждающего удара" остается лишь один шаг. Причем усилия правящих кругов США в этой сфере отнюдь не ограничиваются призывами к богу или молитвами. В документе "Директивные указания в области обороны", в котором излагаются основные цели Пентагона на 1984—1988 годы, подчеркивается, что США должны готовиться вести длительную ядерную войну с СССР. "Соединенные Штаты, — говорится в этом документе, — должны одержать в ней победу и иметь возможность вынудить Советский Союз искать скорейшего ее прекращения на условиях, благоприятных для США"[235].

В конечном счете мировая общественность является сейчас свидетелем организованной империализмом, прежде всего американским, политической аферы международного масштаба. Правящие монополистические круги США и ряда других стран НАТО азартно играют на напряженности и "советской угрозе", мошеннически обманывая народы своих стран, запугивая людей и манипулируя их сознанием. Ловкие дельцы подключились к игре на напряженности. Это любимое детище империализма, и весьма доходное. Что же касается "советской угрозы", то она тут ни при чем.

Что же дальше? Война? Взвинчивание ненависти к социализму?

Военно-психологический "крестовый поход" против коммунизма? Однако искусственно организуемый страх перед "советской угрозой" не может продолжаться бесконечно.

Время высвечивает обман, снимает с глаз пелену, сотканную ложью, изолирует наемных манипуляторов общественным мнением.

Но пока что Соединенные Штаты и их разрушительная машина пропаганды, дестабилизирующая психологическую обстановку в мире, ведет дело к дальнейшему обострению международной напряженности. И чем скорее это будет осознано, тем ближе человечество окажется к спасению.

Глава пятая. Омут атомных страстей

В сущности, сами по себе доктрины войны мало кого могут привлечь, кроме их заказчиков. Но рассчитаны они все-таки на массы. Вот почему в основу милитаризма и военной пропаганды в США положен тезис о "национальных интересах". От него веет холодом, он угрожающ, с ним не спорят, под него можно подверстать любое действие, даже такое, которое может быть квалифицировано как преступление.

"Национальные интересы" — самые священные, они позволяют правящим силам и их карательным органам преследовать за все, что можно истолковать как противоречащее "национальным интересам", и освящать этими магическими словами все, что "необходимо" для интересов правящей элиты. Политика креста и меча, силы и доллара апеллирует нынче к "высшим национальным интересам", какое-либо недоверие к которым — предательство. Доктрина "национальных интересов" в концентрированной форме выражает агрессивные устремления американского империализма, волнуяще заманчивой целью которых является мировое господство.

Уже в ходе второй мировой войны и после нее не раз утверждалось, что США допустили ошибку стратегического характера, связав себя с Советским Союзом узами антигитлеровской коалиции. Бывший лидер республиканской партии Р. Тафт в книге "Внешняя политика для американцев" напоминает, что он еще 25 июня 1941 года

предупреждал: победа коммунистов в войне "будет гораздо опаснее для Соединенных Штатов с идеологической точки зрения, чем победа фашизма". Послушай, мол, тогда американское правительство его, Тафта, совет, все бы сложилось иначе, гораздо выгоднее для интересов США. Бейли в работе "Америка лицом к России" называет совместную борьбу против гитлеризма "противоестественным союзом" и ругательски ругает Рузвельта за то, что тому "недостало" политической мудрости воспользоваться с наибольшей выгодой для США тяжелым положением СССР в 1941 — 1942 годах. Каким же образом? Ответ можно найти в книге "Войны Америки". Автор Роберт Леки. Он пишет, что после второй мировой войны американцы не смогли установить "мировое господство" только вследствие субъективных причин. Со смертью Рузвельта, замечает Леки, "перестало биться сердце человека, который мог бы приказать американцам идти на Восток"[236].

Повторяя известное высказывание Трумэна, политолог С. Гриффитс пишет, что "было бы намного лучше просто позволить русским и немцам истреблять друг друга"[237]. Взобравшись на президентское кресло, Трумэн, по свидетельству Б. Гарднера, отказывался верить во что бы то ни было, "кроме худшего"[238], когда речь шла об отношениях с Советским Союзом.

Следствием подобного мышления, отражающего вполне конкретные интересы правящих сил, и явилась первая "холодная война", которую развязали Соединенные Штаты Америки. Собственно, сама "холодная война" во многих исследованиях и высказываниях связывалась логически с победой над фашизмом. Еще в 1952 году небезызвестный Маккарти говорил: "Можно уверенно утверждать, что третья мировая война началась с русской победы у Сталинграда"[239]. Некоторое время подобная точка зрения еще смущала своей откровенностью, но уже примерно с 1959 года она была взята на вооружение в качестве "научного" вывода и раскрепощена в политологии. Так, У. Ростю утверждает, что "начало „холодной войны“ следует отнести к тому времени, когда было решено, что Сталинград продержится, — примерно к началу 1943 года"[240].

Итак, "холодная война" началась, оказывается, в тот год, когда фашистские захватчики получили удар, после которого поражение нацистской Германии стало очевидным даже для поклонников фашизма в США. Не будь Сталинграда, не было бы "холодной войны". Всею виной — победа над нацизмом.

Рассуждения о "противоестественности" союза США и СССР в войне с фашизмом получили в буржуазной политической науке широкое хождение. Они имели точную цель. Надо было готовить американцев к новой войне, но теперь уже против советского народа. Психологическая переориентация приняла после войны весьма широкие размеры. В ход пошло все. Фальсификация событий. Ложь. Вырванные из контекста цитаты. Вывернутая наизнанку логика. Грубая подмена понятий. Низменное подыгрывание шовинистическим, националистическим чувствам. Спекуляция на невежестве. И многое другое.

Программные истоки "холодной войны", как уже подчеркивалось, уходят в речь У. Черчилля от 5 марта 1946 года в Фултоне. Практически идеология антисоветизма, "крестовых походов", "советской угрозы", которая использовалась английским политиком всю его жизнь, послужила сводным кодексом тезисов, аргументов, лозунгов для той части политологии, которая была профессионально ориентирована на антикоммунизм. "Тень упала на землю, еще недавно ярко освещенную победой союзников... Коммунистические партии, или „пятые колонны“, всюду представляют собой угрозу

христианской цивилизации. Старая доктрина равновесия сил представляет собой нечто нездоровое. Мы не можем позволить себе удовлетвориться небольшим превосходством сил, потому что мы тем самым рискуем ввести другую сторону во искушение захотеть помериться силами". В этой речи можно обнаружить практически все стереотипы пропаганды послевоенного периода. Здесь и призывы к защите "свободы", "демократии", "прав человека", штампы об "агрессивности" СССР и т. д. Черчилль взывал и запугивал. "В настоящий момент, — говорил он, — Соединенные Штаты стоят на вершине мирового могущества... Вы должны испытывать... и тревогу, как бы не лишиться достигнутых позиций. Сейчас имеется благоприятная возможность... Берегитесь, может не хватить времени. Давайте не будем вести себя таким образом, чтобы события развивались самотеком"⁶. Англия тем временем продолжала держать до конца войны в своей зоне оккупации Германии 700 тысяч нерасформированных немецких войск⁷, видимо лелея надежду на "благоприятную возможность".

Но и речь У. Черчилля была своего рода лишь сформулированным манифестом "холодной войны". Она выразила то, что практически уже стало внешнеполитическим курсом США. По свидетельству У. Таубмэна, беседу с В. М. Молотовым еще 23 апреля 1945 года Г. Трумэн вел в вызывающей манере, что означало "новый американский подход, который изменил ход истории". Но в то время, по мнению Таубмэна, американскому президенту еще "не хватало уверенности в занятой им жесткой позиции". Однако вскоре провокационная программа Черчилля вылилась практически в "доктрину Трумэна" — первую оформленную политическую директиву, официально начавшую "холодную войну". В марте 1947 года на объединенном заседании конгресса американский президент, оправдывая претензии США на мировое господство, говорил, что "свободные народы" ждут от США защиты "их свобод", призывал к "решительности" в выполнении "лидирующей роли". В конечном счете оратор в конгрессе буквально и по смыслу повторял фултонского оракула.

В июльском номере журнала "Форин афферс" за 1947 год была опубликована статья "Источники поведения Советов". Подпись "Икс". В ней говорилось, что "главным элементом любой политики США по отношению к Советскому Союзу должно быть длительное, терпеливое, но сильное и бдительное сдерживание"[241]. Позднее стало известно, что автором ее был Дж. Кеннан.

Статья положила начало доктрине "сдерживания коммунизма". В словах Кеннана заложены ее основные параметры: "длительность" и "терпение", но "бдительность" и "сила". Вскоре терпение обернулось провокациями, а принцип силы — угрозой термоядерной войны.

Тот факт, что Кеннан предпочел остаться неизвестным, не случаен, поскольку его роль в системе американской пропаганды весьма своеобразна. Будучи опытным дипломатом, умелым оратором и публицистом, он зарекомендовал себя и как мастер обработки общественного мнения. Тесно связанный с правительственными кругами и хорошо информированный о практической стороне внешней политики, Кеннан время от времени выступает с "пробными шарами", зондируя общественное мнение по острым проблемам международных отношений. Как и замышляется, вокруг его предложений развертываются дискуссии. В ходе их политические лидеры США имеют удобную возможность изучить реакцию мирового общественного мнения, проверить "работоспособность" тех или иных доктрин, их возможные издержки и выгоды. Правящие круги довольны вдвойне. С одной стороны, дискуссия в известной степени

амортизирует прямую критику по существу, а с другой — создается удобная возможность прислушаться к настроениям и в случае надобности отойти на запасные пути. Критика текущего международного курса канализируется в выгодном направлении, а заодно проходят испытание на прочность "новые узлы" внешнеполитических планов. Роль Дж. Кеннана в этом отношении во многом сходна с ролью У. Липпмена, в какой-то степени Дж. Уорберга, Ч. Боулса и др.

Итак, счет доктрины "сдерживания" американская политическая наука ведет со статьи Кеннана, опубликованной в 1947 году. Но время опубликования этой статьи — всего лишь вопрос тактики. Фактически доктрина родилась раньше, отражая давнюю позицию правящих кругов США относительно Советского Союза. В своих мемуарах Кеннан признает, что он никогда "не считал, что Советский Союз может быть подходящим союзником либо партнером"[242]. Но его позиция получила полное признание только с наступлением "холодной войны".

Еще в феврале 1946 года он, Кеннан, представил меморандум, в котором утверждал, что только превосходящая военная мощь США сможет "сдержать" коммунизм. Кеннан хвастается, что еще задолго до статьи в "Форин афферс" он "подстрекал" Вашингтон к проведению жесткой линии[243]. Февральский меморандум и был положен в основу нашумевшей статьи. Основная стратегическая надежда обоих документов сводилась к тому, что "перед лицом устойчивой контрсилы" Советская власть "рухнет" через 10—15 лет. Когда же рухнула не власть, а надежда, Кеннан начал изворачиваться. Теперь он обвиняет правительство, которое, мол, неправильно его поняв, сделало главный упор на войну, а не на экономику и политику. "Но, — как пишет Г. Фейс, — предпринятая Кеннаном попытка ограниченного толкования того, что он Написал, неубедительна"[244]. Свои оправдания Кеннан изложил позднее в мемуарах. Конечно, справедливо будет сказать, что Дж. Кеннану при всей его профессиональной функциональности не откажешь в способности и реалистически оценивать ход международных событий, и критически относиться к собственному политологическому наследию. Выступления и статьи Дж. Кеннана в 1979—1984 годах характерны своим антивоенным настроением, в них содержатся призывы к решению спорных международных проблем за столом переговоров, к обузданию гонки вооружений. Но это сегодня, а тогда доктрина "сдерживания" широко обсуждалась в печати, заняла прочное место в университетских лекционных курсах, посвященных истории, теории и практике внешней политики США. Она нашла как последователей, так и критиков.

Среди первых следует назвать Г. Моргентау. В статье "Источники американской внешней политики"[245], поддерживая доктрину "сдерживания", он предложил, по его словам, "активное" ее продолжение. "Сдерживание" Моргентау назвал "реалистическим подходом" к международным делам.

Историю внешней политики США Моргентау делит на три периода. Первый, самый ранний, — "реалистическая ориентация". В то далекое время внешняя политика, по Моргентау, точно учитывала национальные интересы; ее главной целью была борьба за власть, а методом — сила. Второй период он называет идеологическим, когда в политике якобы начали брать верх моральные принципы. Испано-американскую войну 1898 года автор считает началом третьего этапа. С этого времени, утверждает Моргентау, американская дипломатия действовала только на основе моральных абстракций, полностью оторванных от национальных интересов.

Разумеется, эти утверждения лишены исторической правды. Испано-американская

война открыла эпоху империалистических войн, послужила началом особенно агрессивной политики империализма. Какое отношение эта война имела к "моральным абстракциям", понять невозможно. Впрочем, и агрессивные войны против Вьетнама, Ливана, Гренады, Никарагуа объясняются моральным диалогом и национальными интересами. Это уже ближе к воззрениям Г. Моргентау. Но экскурс в прошлое понадобился ему лишь для того, чтобы заявить о необходимости возврата к "реалистическому курсу", соответствующему "национальным интересам" без каких-либо изъятий и оговорок.

Г. Моргентау настолько уверовал в концепцию "национальных интересов", что отсутствие крупных столкновений в советско-американских взаимоотношениях объяснял "патологическими извращениями" национальных приоритетов. Как только закончится американская агрессия во Вьетнаме, предрекал Г. Моргентау, США начнут проводить внешнюю политику на базе "рационального понимания интересов" и потому вновь столкнутся в конфликте с Советским Союзом"[246].

Излагая свою концепцию "реализма" в международных отношениях в книге "В защиту национальных интересов", Г. Моргентау в какой-то мере развивает идеи, изложенные в работе "Политика наций", вышедшей еще в 1948 году. По его мнению, политика, основанная на "национальных интересах" и проникнутая "здоровым эгоизмом", преисполнена подлинного морального величия. Всякая другая политика аморальна. Взаимоотношения государств — это только борьба за власть, в которой важна лишь грубая сила. Поэтому политика "национальных интересов" не может быть успешной, если она не подкреплена силой.

С этой точки зрения Соединенные Штаты Америки, утверждает Моргентау, допустили в послевоенное время четыре крупные ошибки. Во-первых, внешняя политика США страдала утопизмом: властители этой страны наивно полагали, что в отношениях между США и другими государствами нет каких-либо корыстных целей, а господствуют "моральные принципы". На этом, мол, американских "моралистов" ловят "реалисты" — другие государства — и надувают их. Во-вторых, "легализм". Суть ошибки: США надеются на некие абстрактные юридические схемы, полагая, что при помощи договоров и законов можно решить все политические вопросы. В-третьих, американских руководителей замучил, оказывается, "сентиментализм": в неустанных заботах о "всеобщем благополучии" они якобы забывают об интересах собственной страны. И наконец, международная политика США обвиняется в "неоизоляционизме". Старые изоляционисты, утверждает автор, вообще "не хотели общаться с миром", новые же, цепляясь "за иллюзию об американском всемогуществе"[247], хотели бы установить отношения со всем миром только на "американских условиях". "Неоизоляционизм", таким образом, приобретает форму империалистической политики.

Претенциозная терминология, словесные ухищрения, которыми изобилует книга, подчинены одному — призыву к политике, основанной на силе. Особенно характерен пример с "неоизоляционизмом". Моргентау верно подметил, что американские политики хотели бы установить отношения с миром только на американских условиях, и подчеркивает, что такая позиция ошибочна. Но сам же призывает к "реализму" в политике, который формулируется им как политика силы, если этого требуют "национальные интересы".

Доктрина "национальных интересов" оказалась весьма удобной, так как придавала захватническим целям монополий видимость общенациональной заинтересованности.

Эта доктрина, подробнее о которой речь пойдет дальше, не только не увяла со временем, но и стала ведущей практической концепцией американской международной политики. Продолжаются обсуждения и тезиса о "морализме", который Г. Моргентау увязывал с "национальными интересами".

В отличие от активной защиты доктрины "национальных интересов" рассуждения о "морализме" носят не столь единодушный характер, хотя, скажем, Р. Рейган в пропагандистских речах постоянно спекулирует на обоих тезисах. Эволюция прежних теорий привела, по мнению Колковича, к "освобождению американского стратегического мышления" от большей части "этического содержания"[248], поскольку центральная идея "новой науки о войне" концентрируется на тотальном ядерном конфликте. Хотя тезис о наличии этических соображений при проведении в прошлом внешней политики США весьма спорен, все же признание автором того, что их нет сейчас, заслуживает внимания.

Г. Моргентау активно поддержал Дж. Кеннан. В книге "Американская дипломатия в 1900—1950 гг." [249] он писал, что внешняя политика США прошлого страдала "юридически-моралистическим подходом к международным проблемам". Как и Моргентау, такое утверждение потребовалось Кеннану для обоснования "реалистической" доктрины. В основу ее автор положил "силу" как наиболее надежный фактор, определяющий развитие международных событий. Это и есть, по Кеннану, "реализм" политики, наиболее полно отвечающий национальным интересам страны. Как видно, все сторонники доктрины "реализма" главным арбитром в международных отношениях считают силу. Но подают эту далеко не остроумную мысль в разных обертках. Полно рассуждений об эклектизме, легализме, идеализме, утопизме. Но в итоге "теоретических" построений у всех одна и та же банальная мысль: "угроза" коммунизма диктует политику его "сдерживания", а "сдержать" можно только превосходящей силой. Отсюда вывод: наращивай вооружения, милитаризируй хозяйство и сознание людей.

Удивительно "бесхитростная" логика! Капитал в кармане, а в глазах невинность, да еще сентиментализм с утопизмом. Прибыли от вооружений растут, но якобы не от корысти, а из-за нужд политики, из-за "угрозы" коммунизма. Альтернативы никакой. "Миролюбие" торжествует, по-американски, разумеется. Штыками наружу. А тем временем гремят слова: "защита нации", "оборона от агрессора", "национальные интересы" и т. д. Но для этого нужно оружие. Обычное и ядерное. Много оружия. Только за первые двадцать послевоенных лет на него затрачено в США около 1 триллиона долларов. В последующие пятнадцать — еще столько же. До конца 80-х годов США намереваются удвоить эту сумму.

Трудно понять причину, но доктрину "сдерживания" не один раз обвиняли в "либерализме". Она, мол, пассивна, малопригодна для активных практических действий, передает инициативу в руки противника. Это несправедливый упрек. Тот же Кеннан в статье, положившей начало доктрине "сдерживания", вовсе не отказывается от идеи "мировой империи" и от войны с социалистическими странами. Для него это вопрос времени, и только. "Теория неизбежности постепенного отмирания капитализма подразумевает, что с этим не спешат, — философствует Кеннан. — Силы прогресса еще имеют время для подготовки последнего удара"[250]. Но... сие не состоялось. Кеннан потом утверждал, что его не поняли. Он, оказывается, и не помышлял об ударах. "Я не видел, — пишет Кеннан, — необходимости советско-американской войны, не видел

ничего, что можно было бы достичь с помощью такой войны ни тогда, ни в иное время"[251].

Но это было написано позднее. Пока же шла оголтелая милитаристская пропаганда.

Мудреные термины не котировались. В ходу была военная прямолинейность.

Незамысловатость аргументов как бы намекала на то, что можно обойтись и без них.

В политической литературе встречаются утверждения, что в первые послевоенные годы американские руководители были преисполнены стремления укреплять сотрудничество с Советским Союзом. И только где-то ближе к первым послевоенным президентским выборам (1948 г .) и непосредственно после них, когда СССР стал, мол, заметно проявлять "агрессивные тенденции", США вынуждены были "защищаться" и стали на путь "вооруженного мира".

Заметим: защищаться. Как увидим в дальнейшем, все, даже наиболее агрессивные доктрины обряжались в "оборонительные" одежды. Надо признать, что такой прием с точки зрения влияния на американского обывателя оправдал себя. Буржуазная пропаганда сумела внушить миллионам американцев, что подготовка к войне, огромные затраты на вооружения носят ответный характер.

Ту же палитру красок мы видим и на сегодняшнем полотне американской политической жизни. Оказавшись у власти, республиканцы под флагом "защиты США", необходимости укрепления их "слабеющей мощи" проявили предельное усердие по форсированию гонки вооружений. Создав в стране обстановку милитаристской истерии, резко взвинтили военные расходы, совершив тем самым простейшую операцию перекачки денег из карманов налогоплательщиков в сейфы корпораций. Такая повторяемость политических кампаний приобретает в США определенную систему, совпадая по времени с производством новых поколений оружия.

Мне не раз приходилось беседовать с представителями различных слоев американского общества (рабочими, фермерами, студентами, учителями, врачами, деятелями науки и искусства, политиками и дипломатами). За небольшим исключением, они с той или иной степенью убежденности верят, что Советский Союз просто ждет удобного случая, чтобы послать свои войска к берегам Америки или сбросить на американские города атомные бомбы. Аргументы, опровергающие эти выдумки, американец выслушивает внимательно, но сомнения не исчезают. Таковы деструктивные итоги разлагающей пропаганды, которая лишает американца даже элементарной фактической международной информации, препарирруя ее таким образом, чтобы она работала на корыстные эгоистические интересы верхов бизнеса, особенно военного, которые без истерии вокруг "внешнего врага" процветать и даже существовать просто не могут. Подобная обстановка помогает, с одной стороны, без особых трудностей выколачивать деньги на производство вооружений, а с другой — является серьезным препятствием на пути формирования антивоенных взглядов. То и другое идет в политическую копилку правящих сил. .

Подлинных фактов американец знает ничтожно мало. Даже буржуазная политическая наука, не желая того, не раз проговаривалась, что именно стратегия США была направлена на сокрушение Советского Союза, предельно откровенно высказывалась о воинственных вожделениях монополий, убеждала американцев в фатальной неизбежности войны. Бывший посол США в Москве Буллит писал в сентябре 1944 года в журнале "Лайф"[252], что поскольку "западной цивилизации угрожают орды захватчиков, идущих с Востока", то война вполне вероятна и даже неизбежна. Да что там

послевоенное время! Еще в декабре 1919 года государственный секретарь США Лансинг писал президенту Вильсону, что "над этой машиной (Советской властью. — А. Я.) может одержать верх только сила"[253].

В 1947 году в США вышла работа "Борьба за мировое господство". Ее автор Дж. Бэрнхэм. Потом за ним признали авторство доктрины "освобождения от коммунизма", активно подхваченной Даллесом и Эйзенхауэром. В этой работе Бэрнхэм яростно пропагандирует необходимость третьей мировой войны ради достижения мирового "демократического порядка", разумеется, под эгидой США. Главная надежда в достижении этой цели — атомное оружие. Другой хорошо известный в США идеолог, Г. Файнер, в книге "Судьба Америки"[254] утверждает, что только США могут возглавить мировое государство. Поэтому не следует останавливаться ни перед чем, дабы завоевать власть над миром.

Правящей клике не терпелось поскорее использовать атомное оружие. Нужна была срочная обработка общественного мнения. Надо было до предела разжечь шовинистические чувства, сыграть на "неповторимости" момента, когда бомба жгла руки, сулила власть над миром. Предмет векового вождения казался реальным. Идеологические пророки империи очертя голову бросились в омут атомных страстей. Буржуазная политическая наука, став непомерно самоуверенной, начала убеждать мировое общественное мнение, что господство США — историческая неизбежность, даже благо. Таково, мол, провидение. Создаются работы, в которых утверждается, что сама по себе экспансия всегда отвечала и отвечает теперь национальным интересам США. Она оправдана историческим опытом[255].

Длинная цепь американских агрессий и интервенций всегда находила освещение в доктринах политологов. Например, известный историк Д. Перкинс в книге "Эволюция американской внешней политики"[256] рассуждает так. США никогда не стеснялись в средствах достижения своих целей. Если обратиться к основным доктринам, то суть их всегда была исполнена "разумного интервенционизма". Какое изящное словосочетание! Доктрина Монро: единоличное господство в западном полушарии. Иначе — война с любым противником, который посмеет посягнуть на это право.

Доктрина Кливленда: любой спор европейского государства с американским передается на третейский суд США, другого арбитра быть не может.

Доктрина Хейса: любой водный путь из Атлантического океана в Тихий должен находиться под контролем США (напомним, что во время второй мировой войны У. Липпман модифицировал эту доктрину, заявив, что Атлантический океан должен рассматриваться как внутреннее американское море).

Доктрина "открытых дверей" — экспансия в Китае. Доктрины "большой дубинки" и "доброго соседа" — вариации доктрины Монро для латиноамериканских стран в конкретных исторических условиях. Доктрина Трумэна — вмешательство в дела любого государства, но под видом "помощи" и "борьбы с коммунизмом".

Добавим к Перкинсу: доктрина Эйзенхауэра — Даллеса — "отбрасывание" коммунизма и "балансирование" не грани войны. Доктрина Рейгана — "крестовый поход" против коммунизма, провозглашение огромных, пространств земного шара зонами "жизненных интересов" США, подлежащих военной защите, угроза первым ядерным ударом в целях достижения победы в войне против Советского Союза.

Трудно сказать, знал ли Д. Перкинс о "реалистической" доктрине Г. Моргентау, особенно о жалобах относительно преувеличения неких моральных аспектов в политике. Но в его

изложении американская международная политика "морализмом" не страдала ни в коей мере, а ее характеристика Перкинсом куда ближе к истине, чем рассуждения о "легализме", "сентиментализме" и "морализме", присущих, по Моргентау, внешней политике США.

Согласно Перкинсу, интервенционистская политика США не является чем-то необычным. Без войн и агрессий США никак нельзя. Они принесли стране славу и величие. Значит, не следует колебаться в выборе дальнейшего пути. Ведь и Моргентау, тоже запутавшийся с туманными "измами", писал: морально то, что выгодно.

Но вернемся к тем временам, когда упорно насаждался американский тезис, что ядерная война может послужить эффективным средством сохранения капиталистического строя, лекарством от его неизлечимых болезней. К. Лондон в работе "Как делается внешняя политика"[257] считал, что США могут и должны использовать атомную войну в качестве средства национальной политики, пока у Советского Союза не было атомной бомбы, требовал усиления "холодной войны", дабы подготовить людей к войне "горячей". В книге В. Буша "Современное оружие и свобода человечества"[258] также утверждается, что, поскольку у Советского Союза нет атомного оружия, война не грозит США большими разрушениями и жертвами. Поэтому сложившуюся ситуацию следовало использовать для установления в мире свободы по американскому образцу. Отстаивая гонку вооружений, он всерьез заявлял, что милитаризация американской "демократии" вполне укладывается в понятие и рамки "демократического строя".

Г. Алмонд в книге "Американский народ и внешняя политика"[259] призывает не бояться последствий войны и начать ее немедленно во имя защиты "ценностей" демократии. Пусть человечество "не вознаградит ни любовью, ни уважением" за такую политику, утверждает Алмонд, но американский народ одобрит ее, как одобрит даже превентивную войну против СССР.

Все эти высказывания особенно примечательны тем, что формулировались они в годы, когда американские генералы активно плодили планы атомного нападения на Советский Союз. Если сравнить тексты директив Совета национальной безопасности по этому поводу и систему доказательств политологов в пользу войны, то явственно видны терминологические совпадения. Словом, "свободные" мысли под копытку Пентагона. Для политологии начала 50-х годов характерна заметная вспышка шовинизма на волне "имперских" амбиций. Например, Дж. Киффер вещает: "Завтрашнее поле битвы — весь мир. А сегодня задача состоит в том, чтобы обеспечить в мире как можно больше стратегически важных пунктов и готовить наши войска к тому, чтобы они удерживали эти территории". Германию автор объявляет трамплином "для дальнейшего продвижения к Балканам и на Украину". Настойчиво советуя "смело применять в международном масштабе политику большой дубинки", автор, впадая в воинственный транс, изрекает: "Нам надо очень хорошо понять, что мы сейчас находимся в состоянии войны и что сейчас условия военного времени"[260]. Т. Дьюи тоже предлагает во внешней политике идти напролом, отбросить в сторону "робость" и "пойти на риск", полагаясь только и всецело на "политику силы"[261].

Но встречались и более завуалированные варианты поджигательской пропаганды. Ф. Бидл, например, в книге "Лучшая надежда мира"[262] трактует захватническую политику США всего лишь как переход от "традиционного изоляционизма" к "гуманной политике поддержания независимости других стран и их экономического возрождения". Другой

автор, Г. Уильямс, начинает свои рассуждения о войне издали, старательно затуманивая суть вопроса. Он пишет, что все этические нормы существуют только в рамках самосознания, поэтому хорошо все то, что хорошо для данного субъекта, будь то даже преступление. Уильямс пропагандирует идею "прогрессивной войны" и создания мирового правительства во главе с США. В этих условиях "успешная война может быть выгодной"[263]. И снова к войне, только теперь через "субъективное самосознание". Ретивые трубадуры зовут к войне, обсуждают сроки нападения на СССР. По разработанным военным сценариям были созданы планы, известные под кодовыми обозначениями "Чариотер", "Когвилл", "Ганпаудер", "Флитвуд", "Дропшот". Это лишь то, что стало известно сейчас, 30 лет спустя. Причем обращает на себя внимание совпадение по времени предполагаемых сроков ядерной атаки против СССР и взлетами шовинистической пропаганды, оправдывающей и обосновывающей "имперские" амбиции США, необходимость их реализации через всеуничтожающую ядерную войну. Итак, доктрина "сдерживания коммунизма" вступила в "добродетельный брак" с политикой атомного уничтожения "строптивной державы", посмеявшейся стать на пути США к мировому господству. Доктрина оказалась удобной, а диапазон ее толкования — весьма широким. И вообще американские внешнеполитические доктрины очень податливы к разного рода толкованиям, нередко противоположным, изворотливы, поэтому весьма удобны для практического употребления. Но их отбрасывают без особой жалости. Так, корейская авантюра прикрывалась доктриной "сдерживания" коммунизма, но, когда аппетиты американского империализма выросли, ее объявили "негативной", "пассивной", "трусливой", "недостаточно твердой".

В мае 1952 года и еще раз в январе 1953 года Даллес охарактеризовал "сдерживание" как "политику, находящуюся на грани провала, потому что чисто оборонительная политика ни при каких условиях не может успешно противостоять политике агрессии". В качестве альтернативы он предлагал бороться за "освобождение" Восточной Европы методами, "близкими к настоящей войне", — войной политической, психологической и пропагандистской[264]. Надо было срочно подыскать новую кличку политике, оставив нетронутой ее главное содержание.

Так родилась доктрина "освобождения". Наиболее активным ее идеологом считают Дж. Бэрнхэма. В книге "Сдерживание или освобождение?"[265] он подвергает концепцию "сдерживания" уничтожающей критике, считает ее "оборонительной", "медлительной", "половинчатой", а главное — "нерезультативной", поскольку она не решает задачу "полного сокрушения коммунизма". Бэрнхэм требует насильственного "освобождения" всех народов, утвердивших или утверждающих социализм в своих странах. Автор предлагает конкретный план расчленения Советского Союза и других социалистических стран. Он уверяет американцев, что предлагаемая им политика полностью отвечает "национальным интересам" США.

Наиболее воинственный вариант "политики силы" можно видеть, например, в обширном труде Р. Страус-Хюпе и С. Поссоли "Международные отношения в период конфликта между демократией и диктатурой".

Она рекомендовалась в те годы в качестве университетского пособия. Ее авторы на протяжении всей своей научной деятельности выступают идеологами крайней реакции, поборниками политики силы, сторонниками всеобщей войны и необходимости американского "мирового руководства".

Экспансионистская политика; США, по мнению авторов, естественна и логична,

поскольку вся история западной цивилизации — это история непрерывным войн. Внешняя политика любого государства направлена на создание наилучших условий для успешного исхода войны. Война — главный арбитр, предопределяющей судьбы наций. Средством, от которого зависит решение этого арбитра, является сила. Поскольку борьба — закон международного сообщества, а существование каждого государства зависит "от его мощи", следовательно, достижение "оптимального уровня мощи" является важнейшим вопросом стратегии. Сила — "закон и образ жизни общества"[266], утверждают Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны. Отсюда вытекает и характер отношений с другими государствами: они могут быть или союзниками, или врагами. А коль существуют враги, нужно вооружаться, накапливать атомные бомбы.

Кстати, книга Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны иллюстрирует один из важных приемов американской пропаганды, который применяется в течение многих лет. Суть его состоит в следующем: критикуется какая-либо позиция или доктрина, но для подтверждения критики приводятся "факты", взятые из арсенала антисоветизма. Таким образом, на фоне спора о ценности доктрин ведется банальная антисоветская пропаганда.

Скажем, авторы обвиняют американских политиков в том, что они не учитывают достижения современной цивилизации. "Превращение безграмотного кули в авиамеханика, африканского туземца в радиослушателя, а русского мужика в оператора электронной машины является ужасающей психологической катастрофой"[267], а поскольку такие скачки в развитии культуры порождают агрессивность (почему это происходит, неизвестно, конечно, и авторам), то понятна "ошибка" американских политиков, когда они к Советскому Союзу подходят с иной меркой, чем к "туземцам" Африки. "Дикий человек" на все способен, внушают американцу авторы книги.

Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны ругают политиков США за узость мышления, за то, что они не принимают ответных мер против некой территориальной "экспансии" "мирового коммунизма", конечной целью которой будет континентальная Европа, Англия и Соединенные Штаты Америки[268].

Далее. Рассматривая примеры "политики умиротворения", авторы пишут: верно, что "умиротворение" не останавливает агрессора, укрепляет его в материальном и политическом отношениях путем уступок и капитуляций. Но верно, мол, и то, что зачастую у правительства нет другого выхода и оно вынуждено умиротворять агрессора ввиду своей слабости. Временное умиротворение является, утверждают авторы, "эффективным внешнеполитическим приемом". И дальше заявляют: "Нет сомнения в том, что „политика умиротворения“ нацистской Германии, проводившаяся Англией и Францией в 1938 году, в значительной мере диктовалась военной слабостью этих двух стран". Так изображается "оправданное умиротворение".

В период политики "умиротворения" в отношении СССР в 1945—1947 годах (так авторы называют первые годы развязанной империализмом "холодной войны") Советскому Союзу якобы были сделаны "существенные уступки" на том основании, что он имеет право "на безопасные границы". Возможно, это был "косвенный способ компенсации русским за их вклад в войну против Германии", — пишут Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны. Но, как бы то ни было, это "разожгло их аппетиты"[269]. Так изображается "неоправданное умиротворение".

Чтобы представить себе степень реакционности авторов этой книги, можно упомянуть о том, что они оправдывают нападение нацистской Германии на Советский Союз. Это нападение в 1941 году было "в значительной мере превентивной войной", заявляют они.

А с военной точки зрения превентивная война — "логичная и разумная вещь". Надо стремиться "нанести врагу удар прежде, чем ударит он"[270].

Вернемся, однако, к доктрине "освобождения". Ее старшая сестра — "сдерживание" — сжигается на костре критики, предается анафеме за "нереалистичность" и несоответствие национальным интересам, поскольку "реализм" предполагает активную политику "с позиции силы". Как писал, например, Ч. Болен в статье "Создание ситуации силы", любая попытка договориться с Советским Союзом обречена на провал, если она не будет базироваться на военной, политической и экономической мощи США. Это и есть, утверждал автор, реализм в современной политике[271]. То же самое повторяет сегодня американский президент.

Усилия политологов были направлены на рекламу "освобождения". Перейти от "безынициативного сдерживания" к "энергичному отбрасыванию" — вот ведущий мотив обработки общественного мнения. Утверждалось, что доктрина, по существу, мол, новая, хотя в основу ее был положен старый принцип — принцип "силы", ее стержнем остались "национальные интересы", а практическим выводом — наращивание военного потенциала США.

"Сдерживание" исповедовали демократы, пока были у власти до 1953 года.

"Освобождение" придумано было для республиканцев. Прошли выборы, затихли и споры о доктринах. Но так же исправно, как и прежде, несла свою службу обнаженная пропаганда войны и гонки вооружений. Д. Сарнов, например, довольно откровенно поделился планами усиления конфронтации и подготовки к войне. "Холодную войну" он считает слишком пассивной... и пишет, что можно "замерзнуть до смерти с таким же успехом, как и сгореть до смерти"[272]. С точки зрения Сарнова, лучше сгореть, чем замерзнуть. Он предложил "рассматривать социалистические государства в качестве территории, оккупированной врагом"[273], призывает к диверсиям, террору, подрывной деятельности, шпионажу.

Не ослабевает в это время и пропаганда атомной бомбы в качестве спасительницы западной "свободы" и "демократии". Призывы к ядерной войне становятся все назойливее. Так, Уильбур единственным средством спасения мира считает атомную бомбу. Любое соглашение по запрещению ядерного оружия приведет-де к гибели Соединенных Штатов. Вся политика США должна заключаться в том, чтобы использовать "атомную бомбу в качестве угрозы"[274]. В борьбе против коммунизма в Европе автор призывает полагаться только на Западную Германию, как имеющую наибольший потенциал для этих целей. Уже упоминавшийся Страус-Хюпе сожалеет, что после второй мировой войны США, располагавшие всеми возможностями для завоевания мировой гегемонии, добровольно подарили этот неповторимый момент суду истории[275].

Работы эти — лишь малая толика в потоке милитаристской литературы. Она старательно обслуживала надежды правящей элиты США на ядерную войну, на завоевание мирового господства, соответствующего американским "национальным интересам". Несколько лет спустя некоторым американским идеологам пришлось, подводя безрадостные итоги обеих политик (как "сдерживания", так и "освобождения"), с сожалением констатировать провал расчетов, связанных с этими доктринами. Как пишет Р. Стил, США в последнюю четверть века проводили политику "распространения в мире американских ценностей"[276], что породило доктрины "сдерживания" и "освобождения". Интервенция была "доминирующим мотивом в послевоенной внешней „политике“, но

цели и методы ее „оставались скрытыми в тумане путаной риторики“[277]. Считалось, что американцы сдерживают или отбрасывают коммунизм. Но вместо этого они терпели поражения, лишали себя шансов на политические решения, в конечном счете „стали жертвами двух мифов: мифа об американском всемогуществе и мифа о глобальном коммунистическом заговоре“. Признание верное, соответствует фактам. Но курс американской политики оставался прежним — агрессивным и милитаристским. Политология продолжала свою привычную работу — обоснование „особой миссии“ США в современном мире.

Глава шестая. Упреждающая капитуляция

У политологических доктрин свои имена и титулы, свои „должности“ и функциональные „обязанности“, своя иерархия. Одни умирают незаметно, не познав славы или бесчестья. Других осыпают насмешками, они служат в качестве отрицательных персонажей в политических перепалках. Иные возвеличиваются.

Некоторые чрезвычайно тщеславны и высокомерны. Есть доктрины рабочие, промежуточные, общие, частные, доктрины-разведчики, а также рассчитанные на определенный возраст, социальное положение, образование.

Правящий класс не очень озабочен калейдоскопом и судьбой этих доктрин. Запутывая читателя, они несут тем самым свою службу, но если помирают своей смертью или насильственно, то тоже не беда. Но есть доктрина, которая находится на особом попечении. На нее держат равнение все другие. Арбитр безжалостный и непреклонный. „Национальные интересы“.

Доктрину „сдерживания“ превозносили до небес. Прошло время, и ее отвезли на политическую свалку; оказалось, что она не столь пылко, как это требуется, служит имперским амбициям Вашингтона.

С „освобождением“ поступили не лучше. Эта концепция тоже оказалась не в чести у „национальных интересов“, поскольку практически продемонстрировала свою беспомощность. „Освободить“ по-американски, пока доктрина была на вооружении, никого не удалось. Множество доктрин появилось и после них. „Устрашение“, „гибкое реагирование“, „контрсила“ — все они так или иначе вращались вокруг политики правительства, направленной на конфронтацию с Советским Союзом. Эти доктрины готовы „отдать душу“, как только потребует того политическая обстановка.

Доктрина „национальных интересов“ — совсем другое дело. По своей сути и форме она служила и служит шовинистическим оправданием верховной цели США — достижению мирового господства. Все другие доктрины, как и партии, подвержены политической конъюнктуре. Когда приходит время „замены лошадей“ на бесконечных политических скачках, уходящие в запас партии и их доктрины ругают за плохую службу „национальным интересам“. Обе партии попеременно — жертвы этих стандартных обвинений.

Идеологически и политически необходимо было не только соорудить доктрины, оправдывающие саму войну в высших интересах США, но и проводить постоянные манипулятивные операции по „промыванию мозгов“, с тем чтобы убрать препятствия, сдерживающие восприятие необходимости американского „мирового господства“, превратить эту идею в общенациональную цель.

Необходимость в такой работе была очевидной. Далекое не всем американцам близка и

понятна политика "мировой гегемонии". Убедить в этом — дело нелегкое и требует времени, усилий и средств. Кроме того, продолжает жить идея "изоляционизма", которая время от времени выплескивается на поверхность политической жизни. Главное — на пути к "мировому господству" встала альтернативная политика "мирного сосуществования" социально разнотипных государств.

Политика "изоляционизма" длительное время верно служила правящим кругам. Она способствовала развитию капитализма в США, прикрывала экспансию на континенте, помогала исподволь собирать силы для глобальных, захватнических акций. Уже к 1900 году Соединенные Штаты стали державой, в которой сочетались самым интересным образом консервативная идеология и экономическая экспансия. Подобная комбинация не вдохновляла революций. Интервенции против повстанцев на Кубе и на Филиппинах последовали за заявлением Теодора Рузвельта, что Соединенным Штатам необходимо быть жандармом Карибского региона с целью предотвращения переворотов. Через десять лет Вудро Вильсон рационализировал применение экономической и военной силы против Мексики, идеологически оправдывая его американской традиционной либеральной риторикой[278].

"Изоляционизм" шел рука об руку с консерватизмом и контрреволюцией. Но время шло. Правящим силам стало тесно в изоляционистских одеждах. По мере того как американский империализм все самоувереннее предъявлял свои претензии на мировое господство, громче становилась и критика "изоляционизма".

Политологи рьяно взялись за дискредитацию "изоляционизма". В 1953 году выходит книга Е. Голдмана "Рандеву с судьбой"[279]. В ней рассматривается проблема борьбы "изоляционизма" с интервенционизмом на протяжении всей истории государства. Симпатии автора отдаются интервенционизму. В книге "Политическая война" "изоляционизм" объявляется "глупым и аморальным"[280]. Критикуя "изоляционизм", С. Падовер пытается изобразить политику, направленную на завоевание мирового господства, как фатальную неизбежность[281]. Ростоу и Хэтч также заявляют, что "США как государство, весь американский народ и его отдельные личности должны принять ответственность за другие части мира"[282]. В книге "Мощь и бессилие" Э. Стиллмен и У. Пфафф, рассуждая об "особой" роли США в мире, пишут: "наступил час Америки в истории", она "несет главную ответственность" за будущее человечества[283].

С. Адлер считает, что "изоляционизм" был "продуктом чрезвычайных условий"[284] и, словно ледник, растаял в войнах XX столетия. Вторая мировая война окончательно похоронила его. Адлеру жалко эту политику, но в современных условиях он считает ее нереальной.

Но жалко, собственно, не саму доктрину. Беда в том, что США "еще не нашли соответствующей замены изоляционизму"[285]. Как же быть? В поисках "новой" доктрины Адлер не высказывает собственной точки зрения. Он упоминает книгу Лэтана с весьма многозначительным названием: "От изоляционизма к мировому руководству". По утверждению Адлера, тенденция, выраженная в заглавии книги, особенно быстро наращивала силу после 1945 года. "Стало даже модным говорить, — подчеркивает он, — что американский народ сделал свой окончательный выбор"[286].

Д. Перкинс в работе "Внешняя политика и американский, дух", признавая агрессивный характер американских войн XIX века, в то же время оправдывает их "исторической необходимостью". Американский народ "желает другим народам самим управлять собой" "демократическим путем"[287]. Но поскольку во многих странах такие условия не

созрели, Перкинс оставляет за американцами право определять "пути демократии" и назначать сроки получения "свободы". "Когда-нибудь, — пишет он, — мы даруем самоуправление тем, над кем мы господствуем". Он определяет США как империализм "с тревожной совестью"[288].

Любят властители США "раздавать свободу", словно рождественские подарки. Если послушать всех послевоенных президентов, американских идеологов, то другой заботы у США и нет, как приводить другие страны в восторженное состояние, даруя им свободу по-американски. Мозаика хунт и диктаторских режимов достаточно широка и разноцветна, и все они в особо дружеских отношениях с США, не говоря уже о том, что самому своему возникновению они обязаны деньгам, оружию или прямой интервенции США.

Откровенное изложение агрессивной программы представляет собой работа "Сила и цель". Ее авторы, Т. Кук и М. Мус, заявляют, что войны соответствуют "интересам человечества". "Изоляционизм" же стал своего рода "психологическим барьером к ответственному руководству" и является теперь с точки зрения внутренних условий бесполезным, а в международном плане вредным. Эта политика вступила в противоречие с "национальными интересами"[289].

Итак, активизация политики экспансии (напомним: по американским данным, в период до 1941 года США не менее 150 раз вмешивались в дела других государств; с 1945 по 1976 год только с использованием военной силы такое вмешательство имело место 215 раз. А в скольких случаях вмешательство "ограничивалось" применением услуг спецслужб, экономического шантажа, мер политического, пропагандистского, дипломатического давления?) требовала новых лозунгов, соответствующих интервенционистскому курсу правящих сил.

"Изоляционизм" терял свой священный статус догмы и свои позиции как основы политики[290]. Могло показаться, что с этой политикой простились навсегда.

Но "изоляциялизм" оказался весьма податливой доктриной, готовой к исполнению любой роли. Интересные замечания по этому поводу есть у У. Липпмана. "Изоляционизм, — пишет он, — означает не пассивность летаргию, а динамику и экспансионистскую энергию американской нации"[291].

В последние годы, особенно при администрации Картера и Рейгана, в США начали вновь поговаривать об "изоляциялизме", но на сей раз — об ограниченном. Он касается только Западной Европы, используется в качестве шантажа. Содержание этих "изоляциялистских" разговоров очень простое. Западноевропейцев запугивают: вот, мол, мы, американцы, уйдем и оставим вас с глазу на глаз с "советской угрозой". Если же не хотите, чтобы мы ушли, тогда подчиняйтесь, поддерживайте политику Вашингтона, впрягайтесь в американскую милитаристскую колесницу.

В целом же "изоляциялизм" оказался поверженным. Доктрина "мирового господства" очистилась от отягощающего груза "изоляции" (пусть даже как психологического феномена), от разлагающего сентиментализма изоляционистских настроений. Впрочем, "изоляциялизм" сопротивлялся недолго, поскольку спор-то шел не о существовании политики, а всего лишь о психологических наслоениях, оставленных длительной словесной игрой вокруг слова "изоляция".

Но особенность послевоенного времени состояла в том, что американским лидерам и политологам пришлось вести борьбу как бы на два фронта: и против психологии буквально понятого изоляционизма, и против социалистической доктрины мирного

сосуществования противоположных общественных систем. Если носителями первой была определенная часть легко манипулируемых американцев и она не представляла особых трудностей, то со второй оказалось куда сложнее. На борьбу с концепцией мира и мирного сосуществования пришлось выделять огромные ассигнования, создавать все новые и новые исследовательские и пропагандистские центры, готовить многочисленные кадры. Американской политологии и пропаганде не раз приходилось перестраивать свои защитные порядки, чтобы хоть в какой-то мере нейтрализовать влияние этой идеи и политики.

Прежде всего идеологи буржуазии стараются извратить причины войн, внушить среднему американцу мысль, что мир всего лишь пауза между войнами. Война же фатально неизбежна, и человек бессилён предотвратить ее. Но есть, конечно, и конкретные "виновники" войн. В современном мире в их роли выступают прежде всего коммунисты, которые хотят сначала усыпить американцев разговорами о мире, а потом покорить их. Этими вымыслами прикрываются зловещие планы создания "американской мировой империи". Утверждается, что мировая война есть единственное средство спасения цивилизации.

В докладе исследовательской группы Колумбийского университета говорилось, что война — главное средство разрешения международных вопросов, а мирное сосуществование — ненужная политика. Война, хотя и "ужасна во всех формах и почти непереносима в своей тотальной форме", не является "худшим из зол". Поэтому война и подготовка к ней — "необходимые составные части политики"[292]. В ее основе — "агрессивность", "первородный грех", "безобразные стороны человеческой природы", которые искоренить невозможно. Только сила всемогуща и в состоянии управлять человеком. Концепцией силы объясняется и стремление "каждой нации к мировому господству". Это положение преподносится как аксиома, из которой следует вывод, что для дипломатии остается лишь деятельность, рассчитанная "на подрыв и ослабление" других государств, после чего их "легче раздавить". Подлинная цель дипломатии состоит в том, чтобы "навязать будущим жертвам свою волю — раздроблять, изматывать и держать их в состоянии обороны"[293].

Этим словам более тридцати лет. Но живут они и по сей день. Администрация республиканцев дала политике силы ракетно-ядерную оркестровку, надеясь, что в этой форме она наконец принесет успех имперским планам.

Шовинистические идеи войны как естественного состояния общества имеют давнюю историю и своих многочисленных апологетов. В сущности, фашизм в основу своей идеологии захватнических войн положил те концепции прошлого, в которых войны рассматривались в качестве органического, присущего человеческому обществу элемента. В период империализма концепция войны как обязательного условия жизни получила активную поддержку "социальных биологов" (представителей так называемой "органической школы"). Войну стали пропагандировать как проявление "универсального закона" человеческой расы, поскольку она служит средством отбора наиболее "приспособленных" к жизни наций и народов. Мировое господство может осуществить огласно этому учению только нация "сверхчеловеков". Эти принципы легли в основу доктрин национальной и расовой экспансии. Еще в начале нынешнего века американский президент Т. Рузвельт призывал своих сограждан к "энергичным стремлениям" в мировом соперничестве. "Если мы будем уклоняться от борьбы, в которой люди должны рисковать своей жизнью и всем тем, что им дорого, тогда более

смелые и более сильные народы обгонят нас и завоюют мировое господство"[294]. О "божественном" начале войн, их предопределенности свыше как "бесконечной" расплате за "бесконечные" грехи человека пишут идеологи религиозного толка. Другие утверждают, что войны диктуются "биологической сущностью" людей, их "природным инстинктом" разрушения или жаждой подвига. Война — излюбленная "привычка людей, доставляющая удовольствия и выгоды, — пишет известный историк Ф. Шуман. — Ее огромное превосходство над всеми остальными видами греха состоит в том, что она, включая в себя все пороки, прикрывает их волнующим покровом опасности и блестящим покровом чести, превращая их таким образом в „героические“ или, по крайней мере, дозволенные действия"[295].

В новейших писаниях политологов наряду с утверждениями, что войны и другие конфликты лежат в "греховной" или "психобиологической первоприроде" человека, активно романтизируется "грубая сила", готовая безоглядно, не терзаясь сомнениями, разрушать и убивать; все это прикрывается рассуждениями о "героизме" и "чести". Воспевание насилия помогало выращивать безжалостных убийц во Вьетнаме, Гренаде, Ливане, Никарагуа и других странах мира. Теперь американские лидеры с беззастенчивым цинизмом говорят о "героизме", "чести" и "благородстве", которыми были преисполнены деяния убийц в этих суверенных государствах.

По логике американских идеологов, причинами войн может быть все, что угодно, но только не интересы господствующих классов. Некоторые буржуазные социологи не отрицают, что гонка вооружений — золотое дно для монополий, но утверждают, будто прямая заинтересованность капиталистов в этой гонке продиктована не стремлением к наживе, а более высокими соображениями, заботой о "национальной безопасности". Корысть обнажена до предела, но подслащивается шовинистической фразеологией. Вариантов рассуждений буржуазных ученых и политиков о причинах войн множество. Однако ныне, когда проблемы мира и войны стали глобальными, общечеловеческими, когда американская военная угроза резко возросла, аргументация, обращенная в прошлое, разного рода "мистические" или "биологические" толкования причин войн становятся все менее убедительными. Приходится учитывать, что уровень образования людей значительно возрос, поскольку читающий и мыслящий мир приобрел больше возможностей для самостоятельных выводов, оценок, сопоставлений. А главное, новый социальный строй — социализм выдвинул и проводит такую политику по вопросам войны и мира, разумность которой очевидна для всех, кто не ищет в войнах удовлетворения корыстных интересов.

В этих условиях буржуазная политология значительно упростила аргументацию, огрубела и до предела политизировала ее. С особым рвением она разрабатывает тезис, согласно которому опасность войны коренится в "мировом коммунизме". Буржуазная наука грубо искажает отношение коммунистов к войнам, представляя дело таким образом, будто победа нового строя невозможна без войн и кровопролития. В книге Дж. Хадсона "Тяжелый и горький мир" утверждается, например, что политика Советского Союза представляет собой синтез "коммунистической революционной веры" и "русского национализма" и направлена на "завоевание мирового лидерства, перед которым должны склоняться все другие народы"[296]. Из этой нелепой посылки автор выводит причины напряженности и возможной мировой войны.

Подобные утверждения рассчитаны не только на невежество и политическую незрелость. Пропаганда "воинственности" коммунизма, "советской угрозы" служит целям

гонки вооружений, роста милитаризма, психологической подготовки американцев к мировой войне ради установления мировой империи. При этом мастера, ведающие обманом, прибегают к довольно нехитрому приему. Они приписывают Советскому Союзу как раз то, что лежит в основе американской политики, — гонку вооружений, подготовку к войне, интервенционизм, достижение мирового господства.

В американской политологии можно встретить рассуждения о том, что войны — дело плохое, жестокое".

В то же время книг, добросовестно раскрывающих и показывающих ужасы войн, очень мало, да и спроса на них особого нет. Несравненно больше интереса к примитивному чтиву, культивирующему насилие во всех его формах[297].

Особенно усердно буржуазная политология упражняется на фальсификации советской политики мира и мирного сосуществования, ударившей по самым основам основ империалистической политики. На другой же день после революционного переворота, 8

ноября 1917 года, американская газета "Вашингтон ивнинг стар" писала: "Сегодняшние новости из Петрограда являются самыми печальными. Большевики во главе с Лениным захватили власть в столице... Это новая революция. Самым серьезным аспектом положения является то, что новая власть в России провозглашает „немедленный справедливый мир“[298]. Испуг был настолько велик, что американская пропаганда немедленно начала готовить общественное мнение к "крестовому походу" против большевиков. Уже 10 ноября 1917 года газета "Нью-Йорк таймс" посылает проклятия в адрес революции, а на следующий день взывает к "сильной личности", способной остановить "парад русских Маратов". "Сент-Луис дейли глоб-демократ" требует "одного хорошего залпа картечью, который бы смел большевиков навсегда с лица земли".

Декрет о мире объявляется "тактическим маневром", продиктованным лишь трудностями Советской власти. Утверждается, что объявленная политика мирного сосуществования служила всего лишь удобной формой "советской агрессии" и "мировой революции", "мобилизационной паузой для прыжка". Политика мира преподносится как результат "отчаянного положения"[299], своеобразный нэп в международных отношениях[300]. Как пишет Ф. Баргхорн, советская пропаганда против войны была вынужденной, защитной мерой сравнительно слабого государства перед лицом сильных внешних и внутренних врагов. Ф. Новак же считает ее хитроумным маневром для подготовки следующей фазы экспансии. Пишут и так — будто социалистическое толкование проблем мира и мирного сосуществования включает в себя только конфликты, в конечном счете означает идеологическую подготовку к мировой революции[301].

Ясно, что подобные "изыскания" основаны на домыслах, но буржуазная политология делает свое дело, запугивая западного обывателя угрозой "коммунистического завоевания". Что же касается реальных фактов, то они просто игнорировались. Никто с такой силой не выступал против антимарксистских идеок "экспорта революции", как В. И. Ленин. Он неоднократно подчеркивал, что любая теория подталкивания революции извне находится в полном разрыве с марксизмом и несовместима с интересами и целями социалистического государства.

5 декабря 1919 года VII съезд Советов принял резолюцию, в которой заявил, что социалистическая республика "желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство". "...Вся наша политика и пропаганда, — указывал В. И. Ленин в декабре 1920 года, — направлена... к тому, чтобы... положить конец войне"[302]. "Я не вижу никаких причин, — говорил он, — почему такое

социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами"[303]. Характеризуя ленинскую внешнюю политику, Г. В. Чичерин говорил на заседании ВЦИК в июне 1920 года: "Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были"[304]. На IX съезде Советов в 1921 году В. И. Ленин подчеркивал, что, "взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно".

Этот ленинский принцип лег в основу внешней политики Советского государства, его международных отношений. На внеочередном мартовском (1985 г .) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: "Мы будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования"[305].

Более 60 лет американские пропагандисты, историки, социологи ведут, не переставая, осаду ленинских принципов мира. Дж. Скотт в книге "Политическая война" утверждает, что русские нарочно придумали слово "сосуществование", которое никто не может выговорить"[306]. Небезызвестный К. Сульцбергер называет его "мрачным словом", изобретенным Лениным[307]. Некоторые авторы изображают мирное сосуществование как "зашифровку скрытой агрессии"[308]или как "тактику коммунистической подрывной деятельности"[309], опасную выдумку коммунистов. Политика мирного сосуществования представляет собой лишь "изменение в методах, а не в целях"[310], а по другой формуле — "сложную и утонченную доктрину агрессии и наступления"[311]. Ее называют также "миражем", "троянским конем", "обманным лозунгом".

У. Уильямс в книге "Трагедия американской дипломатии" пишет, что стратегия американских правящих сил строилась в расчете на научно-техническую "отсталость" СССР, на перманентный характер такой "отсталости". Поэтому американцам незачем было идти на такую компромиссную, с их точки зрения, политику, как мирное сосуществование. Верховным арбитром в отношениях между нациями, единственно надежным средством достижения "национальных интересов" выступала сила. Теперь же, когда Советский Союз овладел ядерной мощью, остается одно — согласиться с концепцией мирного сосуществования. Но, приняв ее, надо вложить в эту политику выгодное содержание, рассматривать ее как "продолжение войны невоенными средствами", то есть приспособить к агрессивным планам монополистических сил. Наиболее грубым вариантом такого "согласия" являются рассуждения Дж. Скотта в книге "Политическая война". Он утверждает, что мирное сосуществование вполне приемлемо для США, поскольку оно якобы включает в себя "постоянную разрушительную политическую войну", в задачи которой входит "ослабление и, если возможно, разрушение врага средствами дипломатических маневров, экономического давления, информации и дезинформации, провокаций и запугивания, саботажа и терроризма, изоляции врага от его друзей и сторонников"[312].

Иное "толкование" проблем мира содержится в работе "Перспективы Запада". Ее автор У. Фулбрайт признает, что в современных условиях западные страны не могут рассматривать свои идеи и ценности как имеющие всеобщее применение. Запад часто строит политику, основываясь на дезориентирующих аналогиях с конфликтами прошлого, отыскивая идентичность там, где есть всего лишь внешнее сходство, в то же время отказываясь видеть в революционных сдвигах века результаты действия новых общественных сил, а не иллюзорные и эгоцентрические похождения.

Фулбрайту не по душе и грубая имперская стратегия. Переделать мир на американский

манер невозможно. В наш век практически неосуществимы ни концепция "избранного народа", ни идея "лидирующей нации". Фулбрайт отвергает теорию "золотого века американской цивилизации", тем более что опыт других наций убеждает в несбыточности такой доктрины. Афины Перикла, рассуждает Фулбрайт, достигли высочайших вершин в развитии античной цивилизации, а затем были превращены в руины. Ради чего? Ради погони за славой и завоеваниями. Катастрофой закончилась и попытка гитлеровской Германии продемонстрировать силу путем военных авантюр. И Фулбрайт делает вывод, не лишенный здравого смысла. История, пишет он, судит о величии народа не по завоеваниям и военному могуществу, а по его способности к созиданию, по вкладу в развитие цивилизации.

Фулбрайт, как и другие буржуазные политики, полон предрассудков и обычных пропагандистских клише, которыми оперирует буржуазная пропаганда. Он, например, утверждает, что капитализм и войны мало связаны между собой, а колониальная политика западных держав диктовалась не классовыми экономическими интересами, а соображениями престижа. Он обнаруживает у Советского Союза стремление навязать миру "свою форму" общества[313], попутно приписывая социализму в качестве мотивов международной политики "иррациональные страхи и надежды", "агрессивный национализм"[314] и др. И наконец утверждает, что Америке угрожает "коммунистическая агрессия". Но в отличие от многих других Фулбрайту хватает реализма для отрицания военных способов борьбы с коммунизмом, он решительно выступает за мирное урегулирование возникающих проблем. Бороться с коммунизмом, по Фулбрайту, нужно, но только политическими, идеологическими, дипломатическими методами. А для начала надо навести порядок дома. Только решение внутренних проблем даст США возможность предложить другим народам "американскую цивилизацию)".

Итак, наиболее опытные идеологи не пишут прямо о "неизбежности американского века". Одни рассуждают о "наведении мостов" через реку, разделяющую две общественные системы. Другие говорят о будущем "концерте наций", но с американской режиссурой. А суть одна и та же: стремление направить мировое развитие в русло вожделений американских правящих сил.

Из древних поэм и сказаний известно, как греческий военачальник Одиссей перехитрил троянцев. Ахейцы долго не могли взять Трои. Тогда греки сделали громадного деревянного коня и поместили в него самых, могучих воинов. Затем они сожгли все постройки в своем лагере, сели на корабли и отплыли в открытое море. В бывшем греческом лагере остался только деревянный конь. Жрецы и воины осажденного города долгое гадали, что делать с конем. Подосланный ахейцами шпион Синон уверял троянского царя Приама, что конь сооружен в дар богине Афине и находится под ее покровительством. Жрец Лаокоон, заподозрив ахейскую хитрость, уговаривал своих сограждан сжечь деревянное чудовище. Но змеи задушили Лаокоона и его сыновей. Троянцы втащили коня в город, для чего даже пришлось сломать ворота. Глубокой ночью ахейцы выбрались из коня, перебили стражу и впустили в город воинов Одиссея. Так пала Троя.

Пожалуй, ни одно другое событие античной истории не подвергается ныне на Западе такой активной эксплуатации, как история с "тройским конем". Еще в 1954 году политический предшественник Голдуотера и Рейгана сенатор Ноулэнд, призывая к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом, говорил: "Мирное сосуществование — это „тройский конь“[315]. Коммунисты, кликушествуют буржуазные

пророки, используют идею мирного сосуществования, чтобы взорвать капиталистическое общество изнутри, поскольку, мол, люди на Западе "доверчивы", а идея заманчива.

Период разрядки вынудил американских политологов несколько изменить тон высказываний о политике мирного сосуществования, поскольку ее голое отрицание уже не могло убедить американцев, находившихся под свежим впечатлением позорной и кровавой интервенции во Вьетнаме. В этих условиях предпринимались активные усилия в поисках таких интерпретаций принципов мирного сосуществования, которые бы вымывали их суть, ограничивали и принижали возможности этих принципов. Основной упор в новых трактовках делался на то, как использовать процессы разрядки напряженности для давления на международную и внутреннюю политику Советского Союза, каким образом не потерять в этих процессах "силовые аспекты" внешней политики США.

Апологеты "холодной войны" продолжали развивать тезис о том, что мирное сосуществование — это всего лишь "тактический маневр", рассчитанный на подрыв устоев "западных демократий". Они отрицали возможность действительной нормализации отношений между США и СССР из-за непримиримости двух идеологий. Особенно усердствовали здесь крайне правые политологи вроде Р. Пайпса, Ю. Росту, которые при Р. Рейгане стали ведущими идеологами милитаристского курса. В таких изданиях, как "В поисках разрядки", "Оценка разрядки", "Разрядка. Комментарии", была сформулирована программа подрыва мер по ослаблению международной напряженности. Утверждалось, что разрядка напряженности в советском толковании — всего лишь изменение методов, попытка достичь тех же самых разрушительных целей, но идеологическими средствами[316]. Представители правого крыла политики и идеологии выдвинули термин "истинного сосуществования", пытаясь при этом совместить несовместимое. Они, например, в качестве условия "истинного сосуществования" выдвигали наращивание американского ядерного потенциала, а в качестве гаранта таких отношений — "равновесие страха". Эту концепцию активно развивает в своих речах и Р. Рейган. Ее сторонниками была сформулирована и позиция, в соответствии с которой Советский Союз должен "платить дань" за ослабление напряженности, скажем, внести изменения в общественные порядки и законы социализма[317]. В конечном итоге концепция "истинного сосуществования" вела к возрождению "холодной войны".

Другая группа политологов, признавая необходимость налаживания взаимовыгодных связей с Советским Союзом, считала, что этот процесс должен идти в атмосфере нажима на СССР, "жесткого торга" с использованием всех рычагов давления. Оценки целей и мотивов внешней политики СССР не расходились с оценками сторонников теории "истинного сосуществования". Они тоже считали, что советская доктрина мирного сосуществования не является мирной[318], что внешней политике СССР присуще стремление "к напряженности"[319] и т. д. Эта группа (А. Улам, Ф. Колер, Дж. Шлессинджер, Л. Бентсен, П. Нитце и др.) также требовала уступок от Советского Союза в качестве платы за разрядку напряженности. Важнейшим содержанием своей концепции она считала "функциональное проникновение в советскую систему"[320]. Цель такого "проникновения" вполне очевидна. Особое внимание в писаниях проповедников "жесткого торга" или "перманентного давления" на СССР отводилось "экономическим рычагам". Рейгановская администрация взяла на свое активное

вооружение и эту разработку политологов правого толка.

Более реалистические круги в политике и идеологии стоят на той точке зрения, что мирное сосуществование может быть разумной основой международной политики США. Рассуждения представителей этой группы (Дж. Кеннан, М. Шульман, А. Гарриман) довольно противоречивы, они выступают за политику дальнейшего укрепления американских позиций в мире, но отвергают военные средства достижения этих целей. Их концепция — "соревновательное сосуществование". Особенно важным является вывод, который, например, был сделан М. Шульманом. Он заявил, что интересы СССР и американские интересы не приходят в конфликт в общей задаче предотвращения ядерной катастрофы[321].

С акцентом на сотрудничество трактуют политику мирного сосуществования и сторонники концепции "совместного существования". Суть ее можно выразить, например, словами С. Шрайвера, который заявил: "Совместное существование означает, что сосуществования самого по себе недостаточно, что, хотя и сохраняется соперничество в определенных сферах, тем не менее имеют место неизбежные и усиливающиеся императивы сотрудничества..."[322]. Сторонники этой концепции, которую в тех или иных аспектах развивали Э. Кеннеди, У. Мондейл, К. Пелл и др., выступали за меры по ограничению вооружений и по ослаблению угрозы ядерной войны, за мораторий на испытания и развертывание крылатых ракет, за всеобщее запрещение ядерных испытаний. Излагая свое понимание перспектив советско-американских отношений, Э. Кеннеди писал, что "ослабление напряженности только тогда приобретает глубину и значимость, когда советско-американские отношения, будучи интегрированными в более широкие рамки мирового масштаба, позволят решать международные проблемы. Именно это должно стать действительной отличительной чертой разрядки..."[323]. Подобных же позиций придерживался и У. Мондейл. Но, став вице-президентом, он не сумел воплотить эти идеи в жизнь, больше того, оказался в одной лодке с Дж. Картером, который в конце своего правления сломя голову пустился на разрушение процесса разрядки напряженности, расчистив тем самым дорогу оголтелому милитаризму нынешней администрации.

Проблемы, связанные с концепцией и политикой мирного сосуществования, их разнообразными трактовками идеологами и политологами США, всегда увязывались в той или иной степени с вопросами гонки вооружений и разоружения. Пожалуй, ни по одной другой проблеме не проявляется столь отчетливо служебная роль политологии, последовательность агитации за производство оружия. Собственно, вся политологическая, информационная, пропагандистская система антисоветизма, кроме прямой классовой функции, служит обоснованию необходимости гонки вооружений. Линия Р. Рейгана на достижение американского военного превосходства имеет свою давнюю историю. Единственный путь к разоружению — это наращивание военного превосходства, которое, по мысли американских политологов, только и может быть "подлинной стратегией контроля над вооружением". Так, например, утверждает в сборнике "Перспективы контроля над вооружением" Р. Крейн, ему вторят другие авторы сборника. Догерти: "В действительности и быть не может такой вещи, как полное разоружение"[324]. Кац: "Всеобщее и полное разоружение немыслимо"[325]. Лондон: "Разговоры о разоружении чисто тактический прием"[326]. "Военная мощь Соединенных Штатов является лучшей гарантией дальнейшего существования и роста свободного мира"[327].

Американские правящие круги рассчитывали, что после второй мировой войны Советский Союз будет сломлен экономическими трудностями, не справится с восстановлением хозяйства и пойдет на поклон Западу, Журнал "Форин афферс" писал еще в 1945 году, что в результате колоссальных разрушений, вызванных войной, СССР может превратиться в "одну из самых слабых и самых жалких стран" и будет вычеркнут из списка влиятельных мировых держав.

Один из лидеров буржуазного мира, У. Черчилль, заявил в 1946 году, что отношения западных держав к Советскому государству должны быть основаны на признании русским народом англо-американской силы. Президент США Г. Трумэн провозгласил "доктрину силы" официальным курсом американского правительства. Президент Р. Рейган объявил силу альфой и омегой всей американской внешней политики. Цель этой политики — расчистить путь к мировому господству путем всемерного ослабления Советского Союза, социалистического содружества в целом, подавления национально-освободительных движений. Апологеты планов завоевания "мировой гегемонии", замороженные американской послевоенной мощью и богатством, делали и продолжают делать все возможное, чтобы заблокировать экономическое сотрудничество. Экономические эмбарго, запреты и ограничения в торговле, разного рода манипуляции в кредитно-финансовой сфере, принуждение союзников к единым действиям против социалистических стран в торгово-экономической сфере — все это и многое другое являются составными частями единого плана "удушения" социалистического мира.

Гонка вооружений — неотъемлемая часть экономики капиталистических стран, которая в конечном— счете ведет к ее дестабилизации. Даже некоторые буржуазные экономисты признают, что развитие военного производства носит паразитический характер. В результате каждый пятый американец "живет в нищете", а более пяти процентов трудоспособных граждан "не могут найти работу"[328]. Значительная часть технических специалистов и научных работников заняты в военном производств. В конечном итоге "беспрецедентное сосредоточение научно-технического таланта и нового капитала в военном производстве" неизбежно ведет, как пишет С. Мелман, "к оскудению американского общества"[329]. Г. Хэмфри в работе "Речь идет о человечестве" писал, что "концентрация большинства нашей талантливой молодежи в промышленности, ориентирующейся на оборону", ведет к "умственному истощению" остальной части экономики[330].

Однако голоса в пользу гонки вооружений куда более влиятельны, чем трезвые предупреждения, ибо за первыми стоят реальные интересы могущественных сил — фабрикантов оружия, выделяющих огромные суммы на подкуп издательств и газет, политиков и идеологов. Правящие круги США активно запугивают возможностью разоружения. Как отмечается в предисловии к работе Кокса "Опасности мира", разоружение приведет к такой "депрессии, что волосы станут дыбом"[331]. Американцам внушается, что снижение расходов на военные заказы — это серьезная угроза промышленности. Утверждается также, что разоружение грозит катастрофой и экономике союзников, поэтому первостепенная проблема — "избежать экономического спада в странах", где военное производство действует как наркотическое взбадривающее средство[332]. В книге "Сдерживание и изменение" подчеркивается, что "милитаризованная экономика требует милитаристской политики", а войны "помогают вертеть это колесо"[333]. Особенно активно взбадривается провокациями, всплесками

напряженности, угрозами, пропагандой войны рейгановская военная машина. Навязав всему миру почти непрерывную "холодную войну", поглощающую огромные суммы на военные расходы, империализм приносит огромный вред человечеству, тормозя его развитие. Машина милитаризма работает в полную силу. Гонка вооружений остается золотой жилой для монополий. Разоружение "ведет к катастрофе... Само по себе слово „разоружение“ не соответствует основной цели США и искажает ее"[334]. Что же это за цель?

Авторы книги "Передовая стратегия для Америки" отвечают следующим образом: борьба против ослабления международной напряженности, которая ведет к "деморализации" свободного мира; продолжение ядерных испытаний и совершенствование химического и биологического оружия; постоянная готовность к ядерной и ограниченной войне; возможность превентивной войны; передача ядерного оружия НАТО; непрерывная гонка вооружений, ибо она приведет "к удивительно устойчивой стратегической ситуации" и "может сломать хребет советской экономике"[335].

И этим планам более двух десятков лет, но звучат они, как если бы писались или произносились правителями США 80-х годов. Подобная мрачная последовательность в действиях американского империализма порождает вопрос: а не иллюзорна ли сама возможность всеобщего и полного разоружения?

Проблема эта сложная. Сложная потому, что милитаризм — органическая часть империализма и гонка вооружений — наиболее надежное средство обогащения военно-индустриальной элиты США. Сложная и потому, что продолжает жить взаимное недоверие, возбуждаемое империализмом посредством насилия, войн и провокаций: еще многие люди капиталистического мира находятся в плену равнодушия — страшного удела этого мира; еще в полную меру действует пропагандистская машина милитаристов, которая запугивает людей войной, выдумывает всяческие небывлицы о социализме, чтобы легче выкачать деньги у налогоплательщиков и готовить народные массы к новой войне за мировое господство.

Но согласиться с неизбежностью гонки вооружений — значит обречь человечество на фатальное ожидание ядерной катастрофы, развязать руки силам оголтелой реакции и войны. Кроме того, в такой альтернативе нет ни грама практического смысла, так как миролюбивые народы, объединившись, вполне могут оказать эффективное давление на милитаристские круги и вынудить американскую олигархию признать реальности эпохи. Хотя американскому империализму еще удастся организовывать вспышки напряженности, нагнетать обстановку милитаристской истерии, но шаг за шагом сквозь дурман шовинизма, ненависти, страха у многих людей пробивается понимание того простого факта, что социализму в силу его природы война не нужна. Уже сейчас могущество социализма и его влияние на общественное развитие способны обезопасить человечество от реставрации отживающих порядков, от попыток вернуть прошлое насилием.

Достигнутый военно-стратегический паритет сдерживает американский империализм, понуждает его лидеров к размышлениям о собственном выживании. С другой стороны, и в среде буржуазии ее наиболее трезвые представители постепенно утверждают в выводе, что ядерная война не принесет им ни экономических, ни политических выгод. "Мы только обманываем себя, если полагаем, что сможем выжить в результате термоядерной войны"[336], — отмечается в книге "Заложник — Америка". В работе У. Миллиса "Конец оружию" говорится, что сосуществование — "единственно практическая

модель жизнеспособной международной политической системы"[337]. Э. Этциони в статье "Америка в многообразном мире" призывает американцев понять, что Советская власть "не погибнет ни сама собой, ни из-за запрета торговли с Западом, ни из-за передач „Голоса Америки“"[338], поэтому мирное соревнование с Советским Союзом — самая разумная политика. Об этом же пишет и Дж. Дрэйн в работе "Путешествие в Утопию", заявляя, что "русское образование является гораздо большим вызовом Америке, ее целостности и суверенитету, нежели русская военная мощь"[339]. Исходя из этого, автор считает "соревнование умов", "научную гонку" гораздо предпочтительнее "горячей" и "холодной войны", гонки сооружений.

Все это верно. Но классовая ненависть к народам, строящим социализм, борющимся против империализма и колониализма, может толкнуть монополистическую клику, у которой находится реальная власть, к "войне отчаяния" — судорожной и преступной попытке спасти уходящий с арены истории капиталистический мир. Природа империализма такова, что он не преминет воспользоваться любой возможностью, чтобы потеснить силы мира, вернуть потерянное, а если условия покажутся благоприятными, то и развязать мировую войну.

Факторов, сдерживающих партию войны, в США стало меньше. Если раньше антивоенные силы обвинялись только в наивности, то в 80-е годы они все чаще именуются предателями. "Изоляционизм" объявили глупым и аморальным, а мирное сосуществование — политикой "упреждающей капитуляции". Концепция "подавляющей силы" превратилась в господствующую, которая, по интерпретации американских идеологов, полностью соответствует "национальным интересам", "имперским" вожделениям правящих сил.

Действия нынешней администрации ясно демонстрируют, что американский империализм не хочет расставаться с обанкротившейся политикой войны. Обостряя до предела международную обстановку, бросаясь в военные авантюры то в одном, то в другом районе земного шара, правящие силы США пытаются угрозой войны шантажировать народы и заставить миролюбивые силы капитулировать. Но эти попытки встречают мощное противодействие всех прогрессивных демократических сил.

Обеспечение мира и международной безопасности не мечта фантастов. Коммунисты — решительные сторонники реальной оценки исторической ситуации. Уверенность, что войну можно и должно устранить из жизни, основана на научных выводах, на понимании того, что человечество располагает для этого могучими силами.

Хорошо понимая, что угроза войны остается, КПСС и Советское правительство крепят и будут крепить оборону государства. Советский ракетно-ядерный щит и впредь будет надежно защищать мирное коммунистическое строительство, созидательный труд народов социалистических стран, мир на нашей планете. Советский Союз вместе со своими союзниками и всеми миролюбивыми силами сделают все для того, чтобы утвердить мир на земле, не допустить, чтобы жизнь капитулировала перед смертью.

Глава седьмая. Полицейский альтруизм

Американские правящие круги лишь из фарисейства сочувствовали европейским метрополиям, когда на глазах всего мира распадалась, рушилась колониальная система. Все их внимание было сосредоточено на том, чтобы не упустить ни одной возможности "прибрать к рукам" ту или иную освобождающуюся страну, набросить новое ярмо на

бывшие колонии, сделав их частью американской "мировой империи". И вот уже многие годы американская внешняя политика мечется в поисках "наилучших" путей к "взаимопониманию" с развивающимся миром: от меча к доллару, от доллара к кресту, снова к мечу.

Поточные линии американской пропаганды выбрасывали на "рынок идей" доктрины самых разнообразных оттенков, но с одной и той же штампованной мыслью: как лучше извернуться, чтобы освобождающиеся страны попали в сферу "решающего влияния", если не колониального господства США?

Колониальные войны США во Вьетнаме, Корее, Ливане, на Гренаде закончились позором. Интервенции такого же рода в ряде стран Латинской Америки приводили к установлению диктаторских режимов, что свидетельствовало о подлинной жандармской роли США в послевоенном мире. Подкупы правительств и убийства неугодных лидеров тоже не приносили устойчивых результатов. В конечном счете перьев в хвосте американского орла, демонстрирующих его горделивую и воинственно-заносчивую позу, становилось все меньше.

Специально созданная для выявления причин поражений США исследовательская группа журнала "Бизнес уик" представила доклад "Падение мощи США", в котором без околичностей возлагает всю вину за сложившееся положение на "неумелых" президентов и крайне ловких и эгоистичных союзников США. Современное положение авторы характеризуют весьма красноречиво: "Впервые в истории мощь и влияние США среди стран мира больше не возрастают. В самом деле, США находятся сейчас в процессе глубокого упадка, и Рах Americana, который характеризовал мировую историю со времени второй мировой войны, быстро дезинтегрируется". По мнению авторов, американцам постоянно приходится быть начеку в отношении развивающихся стран и их организаций: "За рубежом ОПЕК, — пишут авторы, — держит нож у горла американской экономики, глубоко зависящей от иностранной нефти"[340]. "И пока, — сетует далее „команда“ крупного бизнеса, — президенты Джонсон, Никсон и другие выясняли, „кому пушки, кому масло“, жечь ли напалмом Вьетнам или строить в самих США „великое общество“, провалы следовали один за другим"[341]. Достается незадачливым американским президентам и от других авторов. Так, экономист и политолог Джон Гёрлинг в книге "Америка и Третий мир. Революция и интервенция" считает, что "провалы администрации Картера" объясняются "явной нерешительностью президента"[342].

Итак, виноваты президенты, союзники, кто угодно, но только не действительный виновник — империалистическая система отношений США с освобождающимися странами, питаемая претензиями на мировое господство. Даже после жестокой "трепки", полученной в 50—70-е годы, ученые мужи из "Бизнес уик" требуют от 80-х годов лишь одного — усиления позиций США: "Без мощи и лидерства Америки мир сломя голову вступает в наиболее опасный период со времени 30-х годов"[343].

Немало работ американских политологов посвящено региональной политике США в развивающихся странах. В них основное внимание сосредоточено на конкретных вопросах, хотя содержатся попытки через частные явления и ситуации ограниченного характера рассмотреть более широкие, перспективные проблемы.

Нечего церемониться!

Раз европейские империи потерпели банкротство, не сумели удержать народы в узде колониализма, то наследство должно перейти к США. Все настойчивее звучат

требования передать под их эгиду те районы мира, из которых изгнаны старые колониальные империи.

Но даже многие союзники США скептически относятся к попыткам США возродить имперскую систему. Например, английский историк Бартлетт не без сарказма упоминает о "ссылках ряда американских ученых и политиков на роль США как естественного наследника Британской империи в качестве мирового полисмена..."[344]. Бартлетт солидаризируется с теми американскими деятелями, которые считают, что США зарвались в своих попытках везде и всюду действовать с позиции грубой силы: после вьетнамской войны "растущее число американских ученых, — пишет он, — настаивало на том, что демона интервенции надо укротить. Ученые доказывали, что американская политика стала слишком амбициозной, вышла за рамки национальных интересов и ресурсов и руководствовалась желанием переделать мир или большую его часть в американском духе"[345].

В конечном итоге реальность оказалась такой, что после ряда воинственных, агрессивных наскоков на освобождающийся от колониального гнета и развивающийся мир американские правители приходили к неутешительному для себя выводу, что меч не только остр, но и обоюдоостр.

Американский политолог, бывший главный редактор журнала "Форин афферс" В. Банди отмечает: "В глубине души мы знаем, особенно со времен войны во Вьетнаме, что США не в состоянии выполнять функции „мирового или даже регионального полицейского“. Более того, следует осознать, что, если тем не менее мы попытаемся действовать как „мировой полицейский“, возникает рискованная ситуация, при которой все молодое зарождающееся поколение в таких районах, как Латинская Америка, будет испытывать к нам враждебность"[346].

Начались поиски новых вариантов решения проблем. В этом смысле определенный интерес представляет работа У. Росту и Р. Хэтча "Американская политика в Азии". Какова их программа? Меньше пушек, побольше денег и пропаганды. Но тут же следует оговорка, что любые изменения должны касаться лишь тактических сторон внешней политики, но ни в коем случае не стратегических. Авторы рекомендуют следующее: втянуть страны Азии и Африки в антикоммунистические блоки, активно вовлекать их в локальные конфликты, не исключая применения атомного оружия. Цель? Постепенное подавление национально-освободительного движения, подчинение стран развивающегося мира диктату США. Выдвигалась и сверхзадача: политическое и экономическое "истощение" Советского Союза, который, являясь естественным союзником освобождающегося от колониализма мира, не оставит его в беде, будет защищать его от интервенционистской политики Соединенных Штатов Америки. В книге много сочувственных слов, сожалений, громких фраз о судьбах Азии. Автор патетически апеллирует к карману американца, чтобы последний отдал деньги на "помощь", но при этом, правда, обещаются высокие проценты. В конечном итоге в планах "нового" курса народам Азии уготована та же роль, которая им отводилась всеми колонизаторами прошлого, то есть роль материала для удобрения капиталистической "цивилизации". Позднее Росту в книге "Взгляд с седьмого этажа" настойчиво рекомендует бывшим колониям капиталистическую систему как наиболее для них подходящую, только советует дополнить экономические принципы этого строя "национальным планированием"[347].

Нечто подобное предлагает и Д. Ачесон в книге "Сила и дипломатия". Рассуждения об

американской стратегии он строит на признании, что Советский Союз может догнать США в индустриальном отношении. Полагая такую перспективу главной угрозой "свободному миру", Ачесон призывает ответить тем же оружием: приступить к форсированной индустриализации "наиболее обещающих", по его мнению, государств — Индии и Бразилии. Но индустриализацию надо проводить с умом. Так, чтобы экономика этих стран была тесно привязана к США и без постоянного "взаимодействия" не могла функционировать. Кроме того, советует снабдить страны развивающегося мира необходимыми "идеями и целями политического развития"[348].

Подобные рецепты особенно участились, когда в полном объеме выявилась уязвимость США от поставок ближневосточной нефти и других видов сырья. Как отмечалось на ежегодной конференции, проводимой Фондом Стэнли с целью анализа американской внешней политики, "возможность прекращения поставок нефти из стран ОПЕК создает для американской безопасности вторую по своему значению после ядерного нападения угрозу"[349]. Не случайно поэтому правительственный консультант по политическим аспектам доступа к стратегическим сырьевым материалам профессор М. Конант в книге "Нефтяной фактор во внешней политике США, 1980—1990 гг." подчеркивает необходимость политики кнута и пряника в отношении развивающихся стран. В особенности настаивает он на том, чтобы "не потерять" регион от Египта до Саудовской Аравии и Ирана, привязать его прочными хозяйственными нитями к экономике США[350].

Но обратимся к свидетельству тех, кто на себе ощущает все прелести западной цивилизации. В сборнике статей и выступлений африканских политических и общественных деятелей говорится, что "колониализм был не только системой политического и экономического контроля". Он являлся одновременно "системой социального и культурного подчинения африканцев стандартам европейцев". Колониализм выступал "как форма отрицания африканской социальной и культурной системы"[351]. И сегодня, по прошествии почти 20 лет, эти оценки не изменились. В делийской декларации VII конференции движения неприсоединения 1983 года главы молодых государств единодушно подчеркнули, что "империализм, колониализм, неоколониализм, экспансионизм, апартеид, расизм, сионизм, эксплуатация, политика силы и все формы или проявления иностранной оккупации, доминирования и гегемонии являлись и в прошлом тем злом, воздействие которого и теперь испытывают многие развивающиеся страны, а в настоящее время служат препятствием в их борьбе за развитие"[352]. Но к таким оценкам в США не желают прислушиваться. Там в почете другое. Вздыхая о банкротстве продажных режимов, тот же Конант пишет: "Шах, хотя его не любили и ему не доверяли почти все лидеры государств Персидского залива, был, несомненно, единственный руководитель, способный играть роль регионального полисмана, хотя немногие это признают"[353].

Политология продолжала активные поиски концепций и практических путей, рассчитанных на новое закабаление освобождающегося мира. Возникли теории "партнерства", "общих жертв", "технической и культурной интеграции". Экономическое партнерство Ачесон, например, называет слаженно действующей и взаимозависимой системой экономики "некоммунистического мира", защищаемой общей военной мощью. Ее создание? автор считает одной из главных задач в борьбе с коммунизмом. "Конечно, — пишет он, — могут сказать, что я говорю на языке империализма, колониализма или на обоих сразу и что политика установления силы и единства в

центре свободного мира как дело первостепенной важности вызовет враждебное отношение народов Азии и Африки"[354]. Однако более широкие задачи борьбы с коммунизмом, ради которых надо пожертвовать национальными интересами и традициями (не американскими, разумеется. — А. Я.), диктуют необходимость жесткой политики "с позиции силы".

У. Росту, обосновывая теорию "модернизаторской революции", утверждал, что "единое индустриальное общество" способствует развитию отсталых стран и делу их свободы и независимости. На самом деле она служила всего лишь прикрытием экспансионизма США, поскольку главная суть американской политики сводится к тому, чтобы расширить границы для американского бизнеса. "От этого зависит выживание системы"[355], пишут Оглсби и Шолл. Они же высмеивают и легенду о "честном предпринимательстве", ибо "американские капиталисты никогда не станут выращивать себе конкурентов"[356]. Поскольку концепции "честного партнерства", "единого общества" недостаточно активно помогали утверждению идеи "американской империи", в политологии вновь громко зазвучали призывы перестать церемониться с "азиатами" и "африканцами". Они, мол, как и американские негры, не понимают еще, что хорошо, а что плохо. Б. Голдуотер писал, например, что "если справедливость для банту влечет за собой отход правительства Южно-Африканской Республики от Запада, то банту должны быть готовы еще некоторое время носить при себе пропуска"[357].

По мнению Р. Таккера, основная доктрина США никогда не препятствовала "наступательному применению силы тогда, когда внутренние беспорядки или революции поддерживаются в какой угодно мере каким-либо государством извне"[358]. Разумеется, определение того, "беспорядок" это или нет, а также установление факта "поддержки извне" американцы оставляют за собой. События всех послевоенных лет, связанные с интервенциями США в страны Азии, Африки, Латинской Америки, особенно при администрации Р. Рейгана, недвусмысленно подтверждают тезис Таккера о том, что "основная американская доктрина поведения на международной арене никогда не препятствовала „применению силы“ под банальным прикрытием примитивных лозунгов об „угрозе коммунизма“. Практически такую же оценку политике США в отношении развивающихся стран дают в своих вышедших в последнее время работах американские ученые Дж. Петрас и М. Морли, отмечая, что, начиная с послевоенного периода, конфликты между правящими режимами в „третьем мире“ и США концептуально рассматривались американскими политиками „в терминах антикоммунистической идеологии с целью оправдать интервенционистский внешнеполитический курс“[359]. Об этом достаточно откровенно пишут и политологи — профессора Пенсильванского университета А. Рубинштейн и Д. Смит: "По мнению американских политиков, „третий мир“ важен для США прежде всего по той причине, что он может попасть под влияние коммунизма". И в этой связи авторы выделяют несколько приоритетных задач с точки зрения американской политики в отношении развивающихся стран. К ним относятся: "подключение как можно большего числа развивающихся стран к военным альянсам, субсидируемым и поддерживаемым Вашингтоном, образование новых и сохранение прежних американских военных баз в стратегически важных районах мира, оказание экономической помощи проамериканским и даже неприсоединившимся странам, если эта помощь гарантирует ослабление влияния СССР, недопущение свержения в развивающихся странах проамерикански настроенных правительств, невзирая на их характер, и, наоборот, свержение правительств левого толка, проявляющих симпатии к

СССР"[360].

Предложенная Р. Рейганом в апреле 1984 года серия законопроектов ставит целью узаконить "интервенцию", "военные вмешательства", "превентивные" удары, запугивания против стран, чем-то не потрафивших американским правящим силам, под предлогом борьбы с "терроризмом". Эти документы служат прикрытием государственного терроризма, возведенного теперь в ранг закона.

Провалы неоколониалистской политики США вызвали многочисленные упреки в том, что действия правительства были недостаточно решительными и жестокими, а дипломатия США прозевала не один благоприятный момент для интервенции, за что, мол, США и расплываются. Теперь приходится "сочетать" принуждение с убеждением, "доказывать", что американская оккупация есть благо, а отсутствие таковой — досадное упущение. Касаясь вопроса о намерении США фактически оккупировать стратегический район Персидского залива, Конант пишет: "Задача добиться общей поддержки размещению американских сил безопасности в Заливе или около (!) него потребует продолжительных и мучительных усилий по убеждению государств Залива о том, что эта роль США необходима для общих и специфических интересов в районе Залива"[361].

Предложений и предположений для спасения надежд на создание "американской империи" множество. Одни политологи, признавая конечную бесперспективность военных методов, считают более "обнадеживающим" перевести политику в русло экономического, политического и морального соперничества с социализмом[362]. Другие агитируют за тесное сближение "западников и африканцев". Необходимо, пишут они, найти реальный и разумный синтез западных ценностей и африканских традиций, западных политических институтов и племенных обычаев[363]. Итак, согласны даже на синтез собственной "демократии" с племенными обычаями. Вообще элементу этнических культур американские политологи уделяют все более пристальное внимание. Более того, некоторые видят в учете "культурного фактора", особенно в Африке, уникальную возможность "овладеть" душой африканца. Эту мысль проводит, в частности, М. Станилэнд в книге "Африка, американская интеллигенция и тень Вьетнама". Он предлагает подкрепить культурным "сближением" шаткие "отношения обмена и доминирования в рамках обычных дипломатических, экономических и стратегических категорий"[364].

Страны Африки получили независимость "слишком рано", поскольку большинство из них не способно к самоуправлению и не готово к нему[365], утверждает Эллендер. Б. Голдуотер предлагал создать в Африке протектораты под управлением западных стран. Он писал: "Во многих местах такую политику заклеивают как реакционную, шовинистическую и захватническую. Нам придется пережить эти обвинения. Нам-то ведь ясно, что колониальная система, даже на нынешнем этапе ее развития, лучше для африканских народов"[366].

Конечно, ясно! Ясно, что монополиям куда как выгодно иметь колониальные владения с даровым сырьем и дешевой рабочей силой. Отсюда ясность у Голдуотера и ему подобных. А вот народам Азии, Африки, Латинской Америки приходилось и приходится до сих пор "выяснять" отношения с империализмом, особенно с американским, с оружием в руках.

В условиях реальностей 80-х годов интервенционистские действия администрации Р. Рейгана не смогли запугать развивающийся мир. Наоборот, попытки подавить оружием национально-освободительное движение ведут к усилению борьбы за свободу, прогресс

и демократию. И в этом контексте захват крошечного острова Гренада скорее говорит о бессилии, чем о мощи США, невозможности в наше время задушить борьбу против диктаторов — американских ставленников в различных районах мира.

Характерно, что эта акция США вызвала осуждение даже у самых "верных" западноевропейских союзников Вашингтона. Так, премьер-министр Англии М. Тэтчер, консервативность взглядов которой ни у кого не вызывает сомнения, публично осудила США за их действия против Гренады в 1983 году и минирование никарагуанских прибрежных вод в 1984 году[367].

Наряду с откровенно интервенционистскими концепциями и действиями, особо близкими психологии Р. Рейгана, в американской политологии все активнее разрабатываются и концепции "тихого" колониализма. Наиболее четко основа этих концепций была разработана в свое время дипломатом и политологом Ч. Боулсом, который, в сущности, является автором доктрины, предполагающей использование в странах Азии и Африки главным образом политических и идеологических средств в качестве основных в борьбе против социализма.

Обратимся к работе "Отчет посла". Книга представляет собой наблюдения и некоторые выводы, сделанные автором на основании личного опыта, когда он был американским послом в Индии и Непале в первый раз. Боулса беспокоят прежде всего два вопроса: размах национально-освободительного движения и рост влияния марксистской идеологии на ход развития Азии, в первую очередь Индии. США должны сделать все, чтобы Азия пошла по капиталистическому пути и объединилась с Западом в единый фронт борьбы против социализма.

Ч. Боулс одобряет основные направления американской внешней политики в Азии. К ним он относит: добиваться популярности Америки; купить или завоевать благодарность людей, населяющих Азию; приобретать здесь как можно больше союзников; расширять сферу государств, принявших систему капитализма[368]. Автор в целом поддерживает колониалистскую программу правящих сил США. Но неверные методы достижения поставленных целей могут привести, по мнению Боулса, к провалу всей политики в этих критических районах мира. Политика США, неправильно оценив отношение народов стран Азии к Советскому Союзу, избрала грубые, негибкие пути взаимоотношений, которые напоминают методы колониальных империй. Наша политика, пишет Боулс, придерживается лозунга "Кто не за нас, тот против нас!"[369]. В этом и лежит корень провалов. Другая ошибка — опора на режимы, судьба которых полностью зависит от долларовых подачек США и штыков американской армии. "Сердце Азии и ключ к будущему", подчеркивает Боулс, находятся не на Формозе и не в Южной Корее, а в миллионах людей, населяющих нейтральные страны, "стратегическим и политическим центром которых является Индия"[370].

В работе "Новые горизонты мира" Боулс пытается осмыслить основные задачи политики США в развивающемся мире в историко-теоретическом плане. Автор сравнивает развитие революций в СССР, США, Индии и Китае. Главное явление столетия — борьба между США и СССР, между противоположными социальными системами и принципами жизни. Разумеется, автор считает американский путь наиболее подходящим для человечества. Современность, однако, богата неожиданностями. Исход битвы колоссов, рассуждает автор, будет решен не в прямом столкновении. Судьба соперничества зависит от народов, населяющих "третий мир". За кем он пойдет, тот и одержит победу. По своим взглядам Боулс, конечно, отличается от идеологов правого толка. Хотя бы тем,

что отрицает войну как средство решения спорных вопросов. Боулс справедливо подчеркивает, что война не может решить ни одного спорного вопроса. Он критикует политику "массированного возмездия", считая ее слишком воинственной и бесперспективной. Но если говорить о его отношении к конечной цели американского государства, то здесь рассуждения Боулса сходны с обычными империалистическими концепциями.

Американская политика, пишут Страус-Хюпе и Поссоны, порой "наскоро разрабатывается и слишком бесцеремонно проводится в жизнь. США сами помогают создавать картину грубого бюрократического произвола. Но это не означает, что США должны посыпать пеплом голову и отказаться от своей руководящей роли"[371]. Примерно то же самое и у Боулса. Америка должна выступать не только как "партнер", но и как "архитектор" мировых порядков, пишет он. "Без такого взгляда люди погибнут"[372], утверждает Боулс. Но "если этому суждено сбыться, американский народ возьмет на себя роль, которую еще ни одна преуспевающая и могучая нация не брала на себя за всю историю цивилизации"[373].

Боулс считает доктрину "силы" правильной, он только полагает, что руководители внешней политики, неверно истолковав ее, нарушили необходимое соотношение военного и морального аспектов этой теории. В результате международная политика стала слишком воинственной и неубедительной.

Боулс надеется на "моральную силу" американизма, хотя и признает, что с нынешним багажом идей и господствующим образом мышления очень опасно пускаться в идейное сражение с коммунистической идеологией и тем более надеяться на успех. Почему? Ответы далеки от оптимизма. С одной стороны, утверждается, что американская нация, "созданная революцией" и "на основе веры в свободу и неприкосновенность личности", является наиболее "щедрой" и "образованной", имеет "самый высокий жизненный уровень" и т. д. Иными словами, Боулс не жалеет красок для восхваления американского образа жизни. С другой — автор встревожен тем, что американцы производят впечатление "расчетливых и эгоистичных" людей. Они отгородились от "надежд и стремлений большинства населения Земли" и не хотят жертвовать ничем для предотвращения войны. В стране "не устранена расовая дискриминация". Свои надежды США возлагают "на деньги и военную силу", а процветание зиждется на непрочных основаниях оборонных программ "холодной войны". Он отмечает упадок "демократии" и пишет, что свобода оказалась в оборонительной позиции[374].

Подобный взгляд Ч. Боулса, особенно его отрицание войны в качестве средства решения спорных проблем, отражали нарастание реалистических настроений в различных слоях американского общества. Даже явные милитаристы подправляют тон. Например, Финлеттер пишет, что США были "слишком поглощены в Азии военными договорами и угрозами войн"[375]. Он, как и Боулс, на первый план выдвигает задачу убедить народы Азии и Африки в существовании опасности завоевания их коммунистическими странами[376]. Если это удастся, то можно надеяться на усиление позиций США в "третьем мире" и в конечном итоге на "успешный исход" борьбы двух систем. Позднее, в 70—80-е годы, эти идеи Финлеттера развивают и другие американские политологи[377].

В работе "Идеи, народ и мир" Боулс резко критикует политику экономической помощи. Прежде активно проповедовался тезис, что "помощь" — это проявление "американского гуманизма". Политику "помощи", как утверждают Р. Страус-Хюпе и С. Поссоны,

"некоторые страны, главным образом США, проводят исключительно из благородства и сострадания"[378]. Об этой "филантропической" концепции любят поговорить в США и до сих пор.

Но в "сострадание" перестали верить, а "благородство" США всегда выглядело слишком комично. Американцы, пишет Боулс, думают, что их деньги идут на цели, помогающие борющимся нациям "облегчить бремя бедности и создать основы для свободного общества". На самом деле четыре доллара из каждых пяти тратятся на военные нужды. В решениях конгресса об "экономической помощи", в частности в законе от 1957 года, подчеркивалось, что эту помощь необходимо оказывать до тех пор, пока "мировой коммунизм будет угрожать нашим интересам"[379]. Другим мотивом "экономической помощи" было приобретение военных или политических союзников. Но теперь, признает автор, уже невозможно купить лояльность наций. Да и помощь США оказывают только тем, кто безоговорочно "принимает американскую интерпретацию мировых событий"[380].

США и в настоящее время не отказываются от такого подхода к проблеме выделения "помощи". Доказательством тому служит, например, письмо, разосланное в 1982 году в адрес 64 неприсоединившихся стран бывшим представителем США в ООН Дж.

Киркпатрик. В этом письме она без обиняков "призывала неприсоединившиеся страны к порядку", требовала у них отказаться от позиций, занятых ими на прошедшем накануне пленарном заседании неприсоединившихся стран в ООН, где политика США была подвергнута критике. Дж. Киркпатрик открыто заявила, что поведение стран — участниц в движении США непосредственно связывают с возможностью получения американской помощи[381].

Третьим аргументом в пользу "экономической помощи" обычно выдвигалось предположение, что можно сохранить статус-кво "регулярным заполнением голодных желудков рисом". Этот принцип, навеянный рабовладельческой психологией американских плантаторов, также оказался неэффективным.

В основе "помощи", пишет Б. Уэстерфилд, лежат отнюдь не филантропические соображения, а собственная "национальная безопасность" и связанное с ней "сдерживание коммунизма"[382]. Г. Фейс, автор работы "Иностранная помощь и внешняя политика", признает, что основным условием и задачей "помощи" является создание частного сектора, то есть капиталистической экономики, а также противодействие "коммунистической угрозе"[383]. Встречаются более откровенные формулировки.

Например, У. Хавард пишет, что "помощь" "слишком отдает разновидностью интервенционизма, осуществляемого Соединенными Штатами в середине XX века под флагом „долларовой дипломатии“[384].

Резкой критике программа "помощи" подвергается в работе "Американская империя". Ее автор, Р. Стил, отмечает, что "помощь иностранным государствам в качестве инструмента „холодной войны“ принесла разочарование и в конечном счете потерпела фиаско. Она не купила нам союзников, не завоевала друзей и не создала самообеспечивающихся наций". Помощь стала "формой империализма". Прикрываясь заботой об экономическом развитии, мы "осуществляли глубокое, иногда трагическое вмешательство в политику тех стран, которым мы „помогали“[385]. В результате для многих людей в "третьем мире" США не столько эксколониальная, сколько неколониальная держава, осуществляющая экономическую власть и предъявляющая политические требования, которых не приходилось терпеть от старых метрополий[386].

Политику "помощи", впрочем, как и всю международную линию США, критикуют и за то, что она мало руководствуется долгосрочными целями, часто упивается непосредственными и поверхностными результатами, легкомысленно отмахиваясь от возможных последствий перспективного характера. В докладе большой группы ученых сенату США "От канонеров к дипломатии" говорится: "Слишком часто политика США была импульсивной и опирающейся на соображения краткосрочного характера"[387]. А то, что "импульсивные" действия могут привести "к всеобщему ожесточению против США", даже не маскируется.

В работе "Идеи, народ и мир" Боулс, возвращаясь к проблеме "антиколониальной революции", утверждает, что вначале освобождающиеся нации смотрели на США как на политического и экономического лидера мира, но страна оказалась "недостаточно подготовленной к такой миссии"[388]. Больше того, грубые политические ошибки в отношении стран Азии и Африки привели к тому, что США стали отождествляться с колониальными державами.

Заслуживают внимания и взгляды Боулса на будущие отношения с КНР. Он предупреждал американских лидеров, что упрямый "негативизм" может привести США к "политической и военной изоляции в этом критическом и чреватом взрывами районе"[389]. США, ослепленные ненавистью, теряют возможности извлекать выгоды для себя из событий и поворотов в политической ситуации в этом районе мира. Следует заметить, что аналогичная мысль значительно раньше и более откровенно выражена в коллективной работе "Следующий шаг в Азии". Еще в 1949 году ее авторы советовали американскому правительству как можно скорее установить с КНР экономические и культурные связи, втянуть его в орбиту западной политики, поскольку, добавляют авторы работы, уже "слишком поздно" предпринимать "военные или другие интервенционистские действия"[390].

Почти двадцать лет спустя Роберт Кеннеди писал, что нужны поиски политического компромисса, который предшествовал бы "примирению с КНР", считал необходимым отказаться от мнения, что Китай "будет оставаться враждебным США", исходить из того факта, что Америке "угрожает не всякое распространение влияния КНР"[391].

На протяжении 70-х годов в американо-китайских отношениях произошли серьезные перемены. Как развивались их взаимоотношения, известно хорошо. Что из этого получится — покажет будущее. Здесь лишь подчеркнем, что на всех этапах так называемого "сближения", нормализации этих отношений позиция США диктовалась неизменным соображением: использовать отношения с КНР, любые подвижки в этих отношениях как средство ослабления позиций социализма в мире, как средство нажима на СССР, как способ осложнить положение других социалистических стран в Азии, как метод затруднить конструктивное развитие отношений между ними и ведущими неприсоединившимися странами региона, прежде всего в "треугольнике" СССР — КНР — Индия. Наконец, как путь желательного для американских правящих кругов воздействия и на саму КНР. Притом не только потому, что империализм не может быть "другом" социалистического строительства где бы то ни было, но и потому, что в "коридорах власти" Вашингтона КНР никогда не рассматривалась как равноправный партнер, а отношения с ней — в качестве средства справедливого решения важных проблем двух стран, мировой политики. В этой игре американская правящая элита видит лишь инструмент достижения собственных имперских целей и ничего более.

Возвращаясь к книге Боулса, надо заметить, что особое его беспокойство вызывает

мнение о США как о державе, поддерживающей колониальные режимы и преследующей собственные эгоистические цели. Надо, следовательно, доказать народам освободившихся от колониализма стран, что они должны участвовать в общей борьбе против коммунизма не ради американцев, как они думали до сих пор, а ради "самих себя"[392]. Более "тонкая" политика в странах Азии и Африки должна, по мнению Боулса, привести к перелому в умонастроениях их народов в пользу США, решить судьбу сражения за "умы и сердца людей", в конечном счете "изолировать Кремль"[393]. Ч. Боулс мечтает о создании единого блока Запада и возможно большего числа развивающихся стран под эгидой США для борьбы с коммунизмом и для решения экономических задач в интересах американских монополий. Путь к этому: терпеливая борьба за "умы и сердца" народов Азии и Африки, проведение такой экономической политики, которая бы накрепко привязала промышленность развивающихся стран к экономике США. Такова стратегическая задача.

Позиции Боулса во многом разделяет Дж. Уорберг. Его перу принадлежит много работ по проблемам внешней политики США. В книге "Программа действий" он подчеркивает, что американская военная помощь странам "третьего мира" не ослабляет, а усиливает "внутрирегиональные ссоры". Поддержка враждующих сторон создала убеждение, что США хотят занять на Востоке место старых колониальных империй.

Более резкая, чем у Боулса и Уорберга, критика внешней политики США в развивающихся странах прозвучала в книге Бромфилда "Новый путь для уставшего мира". Если Уорберг, а тем более Боулс еще пытаются спасти некоторые, в том числе и обанкротившиеся, позиции США в освобождающихся странах, то Бромфилд требует радикальных изменений. Он пишет, что "мировая антиколониальная революция" является не только борьбой за свободу и независимость эксплуатируемых народов, но и одновременно неизбежной перегруппировкой вокруг "новых основных путей экономического развития стран и народов мира"[394]. В этой обстановке воинственная политика США не может рассчитывать на успех.

Свою политику США базировали "на военной и политической интервенции"[395] против других государств вместо того, чтобы направить силы на "облегчение экономических трудностей". Поэтому мир и смотрит на США как на "реакционную силу, пытающуюся восстановить то, что нельзя восстановить". Эта фальшивая и опасная роль постоянно возбуждает "подозрения, ненависть и страхи". Автор с горечью признает, что США "слепы и глупо пытаются сдержать то, что нельзя сдержать, препятствуют свободному обмену товарами и держат мир в постоянном волнении, организуя повсюду свои военные союзы и базы"[396]. И до тех пор, пока США не перестанут оказывать дипломатическую, военную и экономическую помощь бывшим колониальным империям, они не могут рассчитывать на доверие. Многие в мире начинают понимать, что огромная часть "нашей энергии, денег и ресурсов направлена не в будущее, а в прошлое"[397].

Соединенные Штаты хотят, отмечает Бромфилд, на века привязать развивающиеся страны к своей экономике, задобрить их правительства подачками, накрепко стянуть новые государства обручами военных союзов, помочь компрадорской буржуазии захватить решающие экономические и политические позиции. Бромфилд критикует американскую политику и за ее полицейскую роль. Корейскую войну автор называет трагической ошибкой. И до тех пор, пока американские войска будут находиться в Корее, не может быть мира в этом районе. Американские объяснения полицейских акций, направленных якобы против "красной агрессии", являются "просто глупыми"[398].

Например, американскую помощь Франции в Индокитае мотивировали необходимостью сопротивления "агрессии". Для народов Азии такое объяснение звучит лицемерно, ибо на самом деле не "сопротивление агрессии", а борьба за сохранение колониального режима была главной целью интервенции. Полицейскими акциями Соединенные Штаты защищают режимы, наиболее "ненавистные в Азии", пишет Бромфилд.

Теми же аргументами и почти в тех же словах объясняются провалы американской политики в "третьем мире" в книге Дж. Амори "Обходя грань войны". В ней также отмечается, что политика США связала себя с обанкротившимися режимами меньшинства, идет вразрез с "эрой народной войны". Автор призывает сменить флаги: отказаться от мифа, что народные войны — "происки коммунистов", и встать на сторону большинства, направляя его действия в собственных интересах[399].

Рассматривая проблемы "интересов" США в Азии и Африке, предлагая рекомендации для будущего курса, политическая наука все чаще склоняется к выводу Боулса: от того, по какому пути пойдут афро-азиатские государства, во многом зависит судьба капитализма. Но при этом и капитализм надо преподносить умеючи. "Нравится нам это или нет, но США, ставшие после второй мировой войны сильнейшей державой мира, часто рассматриваются как консервативная сила, друг и союзник режимов, выступающих против всяких перемен"[400]. Поэтому следует не защищать капитализм, не восхвалять систему "свободной конкуренции", а убеждать людей в том, что в США произошла трансформация капитализма в "новый", "просвещенный" строй "всеобщего благоденствия и равных возможностей"[401].

В развитие такого подхода активизируется тезис, что в последние годы США якобы уже "с большей симпатией" относятся к стремлению афро-азиатских народов к независимости, перестали считать нейтралитет аморальным, как это утверждал в свое время Даллес. Идеологи буржуазии советуют приспособиться к революционному духу в Африке и Азии и по возможности относиться к нему как можно более сочувственно. В работе "Арабы и мир" содержится совет: "Создавать представления о США как о стране, которая с пониманием относится к проблемам и нуждам развивающихся стран"[402].

В начале 80-х годов сторонники такого подхода призывают администрацию Рейгана более трезво оценить обстановку в мире и строить свою политику в отношении развивающихся стран с учетом существующей реальности. Они указывают, что интервенционизм американской политики приведет к огромному росту потенциального риска американским интересам"[403]. Они предлагают отказаться, где это возможно, от интервенционизма, однако не потому, что такая политика противоречит международным нормам, в результате чего попираются законные права свободных государств, а по той простой причине, что такая политика создает угрозу "американским национальным интересам".

Трудно складываются дела и там, где США стремились создать "витрины" капитализма в развивающемся мире. Сегодня на этих "витринах" можно продемонстрировать лишь многомиллиардные цифры задолженности американским и другим западным банкам. На начало 1983 года из общей суммы долга развивающихся стран в размере 630 миллиардов долларов только на Бразилию (87 млрд.), Мексику (80 млрд.), Аргентину, (43 млрд.) и Южную Корею (36 млрд.) приходилось почти 250 миллиардов долларов[404]. США, опасаясь "цепной реакции" банкротств в развивающемся мире, пошли на отсрочку выплат по займам, но, разумеется, не даром. Помощь была предоставлена на кабальных социально-экономических условиях, включая сужение роли

госсектора, "свободу рук" частному капиталу и монополиям США. Политика создания слаженно действующей и взаимозависимой экономики "некоммунистического мира", создания капиталистических "витрин" потерпела провал. Никого не могут обмануть и косметические эксперименты с собственным капитализмом. Американские идеологи стараются убедить народы бывших колоний, что США бескорыстно пекутся о "благе", "процветании" и "демократии". Но "бескорыстие" по-американски не может быть бескорыстным. Нет-нет да и проскальзывают признания о подлинных целях США в Латинской Америке, Азии, Африке. О войсках. О прибылях. И других атрибутах американской "демократии и свободы".

Так, например, по признанию специалистов, принимающих участие в исследованиях в рамках Фонда Стэнли, половина средств, выделяемых американским правительством на "помощь в целях развития", была передана Израилю, Пакистану и еще нескольким странам — основным получателям американской военной "помощи"[405], то есть послушным США правительствам в развивающемся мире.

Современная история капитализма еще и еще раз подтверждает, что вывоз капитала — мощное орудие экономического и политического закабаления народов колониальных и слаборазвитых стран. "Для старого капитализма, — указывал В. И. Ленин, — с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз товаров. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз капитала"[406]. Никогда в истории ни одна страна не имела таких огромных вложений капитала за границей и не получала таких прибылей от них, как США в послевоенные годы. Именно по этой причине в зонах экономических интересов США создаются военные базы и содержатся оккупационные войска. Как писали еще авторы сборника "Внешние аспекты национальной безопасности США", в обязанности правительства входит "гарантирование инвестиционной программы", оказание помощи предпринимателям и вкладчикам в "производстве капиталовложений за рубежом"[407]. Известный политолог Дж. Болл считает, что в основе внешней политики должны лежать три принципа: "сотрудничество, баланс и доминирование"[408]. Выходит, баланс балансом, а без "доминирования" никак не обойтись.

Но не только капиталовложения охраняют американские солдаты за рубежом. Они нужны там еще и для того, чтобы помогать выкачивать из развивающихся стран сырье. Экономисты и социологи пытаются убедить американцев, что политика США в странах Азии, Африки и Латинской Америки соответствует "национальным интересам". Без сырьевых ресурсов этих районов невозможно успешно развивать собственную промышленность, а значит, и обеспечить необходимый жизненный уровень. США, как пишет Морли, намерены "рассматривать в качестве врага любую силу, которая угрожает этому снабжению, и как союзника — любую силу, которая обеспечивает снабжение"[409]. Зная обостренную чувствительность американцев ко всему, что касается их личного материального благополучия, политологи пытаются прикрыть обычный международный разбой разговорами об "интересах" всего народа и даже каждого человека. Не мешай, мол, грабить — и тебе перепадет кусочек. Поэтому ухудшение политической ситуации в развивающихся странах, например "возникновение политики крайнего экономического национализма, экономической и административной регрессии, широких смут и беспорядков всех родов... будет крайне отрицательно влиять на такое благосостояние"[410], Чтобы не допустить ничего подобного, Голдуотер требовал создания протекторатов и сохранения пропусков для африканцев. Р. Эмерсон в книге

"Африка и политика Соединенных Штатов" считает, что "осложнения в „холодной войне“ могут повлечь необходимость вмешательства вооруженных сил на Африканском континенте, как это имело место в Корее и во Вьетнаме"[411].

Заметим, что подобные заявления обычно предшествуют очередным провокациям американской военщины, которая постоянно ищет новые полигоны для столкновений, конфликтов, колониальных военных операций. В сущности, вся кровавая история войн на Ближнем Востоке, трагедия палестинского народа, агрессивные войны Израиля при прямом участии США замешены на нефти. Как известно, американское правительство, выполняя волю монополий, время от времени устанавливает районы своих жизненных интересов, куда входят страны, моря, проливы и океаны, где действуют американские монополии.

Выгодные капиталовложения в даровое сырье — вот что прежде всего привлекает американских капиталистов в развивающихся странах. Империализм и впредь хотел бы использовать эти страны в качестве экономических придатков.

Все большую тревогу монополий вызывает Латинская Америка. Политология активно разрабатывает тезис о зависимости экономики США от сырьевых ресурсов. Она пытается доказать, что любые "неблагоприятные" изменения принесут бедствия американскому народу, что прекращение экономических связей с Латинской Америкой превратит США во второразрядную державу и приведет к разорительному понижению жизненного уровня.

Считая латиноамериканский континент "задним двором" с входной дверью прямо в США, американские колониалисты напуганы ростом здесь

национально-освободительного движения. Автор книги "Кризис Панамериканского союза" У. Мэнгер пишет, что отношения США с латиноамериканскими странами становятся все хуже и хуже, это сообщество "быстро превращается в фикцию"[412].

Мэнгер называет разброд в Панамериканском союзе "величайшей трагедией эпохи"[413]. Точку зрения Мэнгера разделяет Дж. Уайс в книге "Соединенные Штаты и межамериканские отношения". Он пишет, что США "теряют свои позиции" в Латинской Америке. Вернуть их будет очень трудно, поскольку "ослабла вера латиноамериканцев в добрые намерения США, в их право быть лидером континента"[414].

Правящие круги сильно беспокоит угроза потери господства над Латинской Америкой. Как только, мол, она выйдет из-под контроля и власти могучего соседа, так и сами США потеряют свои господствующие позиции в капиталистическом мире. Их величие поблекнет. "Благоденствие" народа исчезнет. "Нет в мире другой части света, более жизненно важной для США, чем Латинская Америка, — отмечается в книге „Крепость Куба“. — Латинская Америка и Азия являются сейчас основными районами конфликта, но, если США могут „потерять Азию и выжить, потеря Латинской Америки поставит их в положение безнадежно борющихся за выживание“[415].

Все эти рассуждения выступают, как об этом свидетельствует практика, в качестве психологической подготовки к интервенциям, агрессивным войнам, убийствам лидеров, созданию бандитских формирований для борьбы против тех народов, которые встали на прогрессивный, демократический путь развития. Государственный секретарь США Шульц в одном из своих выступлений в августе 1984 года заявлял: "С 1945 года каждый американский президент, демократ или республиканец, понимал, что для поддержания мира мы должны обладать силой и, более того, должны быть готовы использовать эту силу"[416]. По мнению Шульца, проблемы Вьетнама, Ливана или Центральной Америки

невозможно решить, не пуская в ход козырь "силы". Только тогда переговоры принесут желаемые плоды. Нападение на Кубу, постоянные угрозы в ее адрес, свержение законного правительства в Чили и замена его фашистской диктатурой, захват Гренады, агрессивная война против Никарагуа — все это звенья преступлений США в Латинской Америке.

В опубликованной газетой "Вашингтон пост" статье "Комиксы ЦРУ"[417]рассказывается о гнусной "священной войне" Белого дома против Никарагуа, о провокациях американских подрывных центров. Газета объясняет термин "священная" ссылкой на слова Р. Рейгана о том, что его политику в Никарагуа поддерживает папа Иоанн Павел II. Далее приводится содержание "Пособия для борцов за свободу", изданного ЦРУ и призывающего к "участию в последней битве против узурпаторов подлинной сандинистской революции". Руководители контрреволюционеров и разведывательные круги США признали подлинность пособия и подтвердили авторство ЦРУ. Книжка небольшая — всего 16 страниц. Она представлена как "практическое пособие для освобождения Никарагуа от угнетения и нищеты путем подрыва военно-промышленного комплекса государства без применения специальных инструментов и с минимальным риском для борцов".

Что же рекомендует ЦРУ никарагуанскому народу? Опаздывать на работу, чаще отсутствовать под предлогом болезни, не выключать свет и воду, забывать ремонтировать автомобили и механизмы, выбрасывать инструменты в сточные канавы, бронировать места в гостиницах, а потом не приезжать, не закрывать ворота на государственных животноводческих фермах, подсыпать грязь и подливать воду в бензобаки, рассыпать гвозди на дорогах и затыкать унитазы губками. В пособии можно найти вещи и посерьезнее. Например, рекомендуется перерезать провода сигнализации и обрывать телефонные кабели самодельными баграми, выводить из строя двигатели грузовиков, прокалывать покрышки, бить ветровые стекла и фары, спиливать деревья и блокировать дороги, поджигать здания, изготавливать самодельные бомбы.

Напоминая о "священной войне", газета язвительно замечает; в брошюре можно найти изображение, которое, наверное, понравится Ватикану. Мы видим человека, который пишет лозунг "Да здравствует папа!", а на следующей странице — людей, которые забрасывают кирпичами окна полицейского участка, бьют уличные фонари из рогаток и колотят палкой по тормозным огням автомобиля.

По свидетельству сенатора Д. Мойнихена, наставление ЦРУ для террористов в Никарагуа создано на основе инструкций, которые использовались во время американской интервенции во Вьетнаме. По этим инструкциям обучались "зеленые береты", в них так же, как и в никарагуанском наставлении, содержались рекомендации по технике "устранения" гражданских руководителей, причем, как заявил сенатор, термин "устранить" обозначал "убить".

Когда американский президент на одном, из своих пресс-конференций провозгласил, что он не собирается свергать сандинистов, но всерьез намеревается "причинить им неудобства", он, надо полагать, вспомнил благословленное им "Пособие" по диверсиям в Никарагуа. Чего стоят после этого "гневные" речи против "террористов" в Сальвадоре, Ливане, Северной Ирландии, то есть там, где идет патриотическая борьба за национальное и социальное освобождение от гнета империализма, если американское политическое руководство не только благословляет, но и организует террористическую деятельность?

Положение Латинской Америки как сырьевого придатка, "задней двери" уже не совсем устраивает монополистов США. В книге Дж. Рейди "Стратегия для Америки" откровенно звучат мотивы "мировой империи". Рейди стоит за "глобальную политику", предполагающую включение латиноамериканских стран в "атлантический треугольник" во главе с Соединенными Штатами Америки. Затем, по его мнению, следует искоренить в этих странах все национальное, провести там "вестернизацию" с таким расчетом, чтобы Латинская Америка стала не только экономическим и политическим, но и культурным "продолжением" США. Полная интеграция. Полное слияние.

Новые рецепты политики США в отношении Латинской Америки выдвигают А. Левенталь и А. Фишлоу в книге "Становление Латинской Америки: относительно ответа США". Авторы без тени сомнения говорят о том, что до последнего времени США определяли политику и экономику, культуру и потребление, торговлю и инвестиции — все стороны жизни западного полушария, исходя "из гегемонистской предпосылки" своих псевдозаконных прав[418]. Однако положение стало иным. Тучи над политикой США в Латинской Америке сгустились настолько, что уже не помогают ни зверские расправы, ни либеральные жесты, ни обещания "исправиться". Отсюда и главный совет авторов: не ждать, когда грянет гром, а создать единую технико-экономическую систему с Латинской Америкой, убрав барьеры на пути ее экспорта, предоставив ей широкую помощь в промышленности и технологии. И тем не менее все тот же знакомый мотив ставит финальную точку: "Потребность в лидерстве очевидна"[419].

Таким образом, в послевоенные годы в политической науке заметно активизировалась дискуссия относительно американской политики в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Разного рода доктрин, на которые так падки американские стратеги, было предложено множество. Но все они, пожалуй, вращаются вокруг двух основных точек зрения.

Одна отстаивает "жесткий курс". Примерно по формуле: нечего с ними церемониться. Коль сплеховали европейские державы, ошибку повторять не следует. Надо смело брать наследство. Что же касается методов и средств политики, то здесь тоже не может быть особых раздумий: доллары, пропаганда, а лучше всего штык.

Другая точка зрения пытается учесть реальную обстановку в развивающихся странах. Ее представители понимают, что идти сейчас к народам Азии, Африки и Латинской Америки с огнем и мечом — дело безнадежное. Поэтому изыскиваются такие подходы, которые тоже предлагают подчинение молодых государств, но не военными, а экономическими, политическими, идеологическими средствами.

Несмотря на тяжелые уроки прошлого, которые не раз получал американский империализм в Латинской Америке, Азии и Африке, правящие круги вновь и вновь прибегают к обнаженной неокOLONиалистской политике. В сущности, колониальные интервенции в Ливане и на Гренаде, содержание наемных бандитских формирований, действующих против законных правительств Афганистана и Никарагуа, — это варианты политики штыка, уже опозоренной во Вьетнаме.

Американские правящие круги связывают свое "выживание" с тем, как сложатся их дела в освобождающемся мире. Именно здесь им видятся миражи спасительных надежд. Но в любом случае, независимо от расчетов правителей США, их неокOLONиалистские планы не свидетельствуют о политической дальновидности, и "выживание", построенное на самообмане, — не более чем иллюзия. Свободолюбивые народы видят на "новых" одеждах старые доспехи расистских, шовинистических и гегемонистских устремлений.

Имперская политика в ядерный век практически бессмысленна, как необратимо время, породившее ее.

Глава восьмая. "Благочестивая" проповедь метаидеологии

В писаниях американских идеологов по проблемам войны и мира много нелепого и противоречивого. Задающие тон пропагандистской машине политологи не отличаются особой сдержанностью в определениях и оценках, вероятно, вследствие гипертрофированного представления, будто сама судьба "возложила" на их страну всю ответственность за род людской. Следовательно, нет нужды и в поисках каких-то утонченных аргументов, способных убедить или обмануть, но не грубо, а исподволь. Но даже в атмосфере такой самоуверенности идеологи американизма вынуждены под прессом событий как-то приспособлять свои взгляды к изменившимся условиям и требованиям времени. Но логика сохраняется та же: стереотипизировать и то новое, что возникает.

Пропаганда насилия, войны и пропаганда американского образа жизни, буржуазной идеологии, борьба с социалистическими идеями мира и международного развития как бы дополняют друг друга. Например, стратегическая линия на борьбу с коммунизмом базируется на двух фундаментальных опорах: материальной подготовке к войне, находящей свое выражение в наращивании средств массового уничтожения, и резком усилении психологической войны. Впрочем, и до рейгановской администрации правящие круги США уделяли подрывной пропаганде огромное значение, но Р. Рейган, задавшись целью поставить шовинизм внутри страны и устрашение войной народов всего мира на службу американской глобалистской политике, фактически сам возглавил пропагандистскую машину США, жестко координирует все ее направления.

Нельзя сказать, что усилия США затрачиваются впустую. Пропагандистская машина довольно эффективно оболванивает самих американцев и немало людей в других странах. Но похвастаться какими-то серьезными достижениями, которые бы изменили настроения в мире в пользу США, американская пропаганда не может. Скорее, наоборот, немало таких примеров, когда американские пропагандисты терпели серьезные поражения.

Взять доктрину мира, мирного сосуществования социально разнотипных государств и систем, о которой уже шла речь в предыдущих главах. Сколько сил затратила американская политическая наука и пропаганда, чтобы опрокинуть ее! Попытались вложить в эту концепцию такое содержание, чтобы она сама взорвалась и потеряла политическую эффективность. Усилия не оказались заметно эффективными.

Некоторые идеологи и политики пошли по иному пути. Они стали признавать, что концепция мира и мирного сосуществования современна и может быть полезной. Но при этом активно развивался тезис, что она находится в русле некоего объективного процесса выравнивания и чуть ли не слияния всех систем и стран на основе тождественных и неизбежных требований научно-технической революции. Исчезнут, мол, классы, противоречия, материальное и социальное неравенство. Не будет нужды в армиях и правительствах, в партиях и политиках. Почти идиллия, только нет в ней ни грана смысла и реального содержания.

Борьбу двух социально противоположных систем устранить нельзя. Огнем и мечом не разрешить спора о различии противоположных идеологий.

История хорошо знает собственное содержание — борьбу антагонистических классов, классовую борьбу. Так будет до тех пор, пока существуют эксплуататорские классы. Мира, мирного сосуществования между угнетенными народами и колонизаторами, между пролетарской и буржуазной идеологиями нет и быть не может. Движимые ненавистью к социализму, страшаясь подъема революционного движения в собственных странах, правящие круги ведущих капиталистических стран пытались удушить Советское государство экономической блокадой, разрушить его войной с фашистской Германией, поставить на колени, истощить экономически гонкой вооружений.

Советские люди никогда не забудут разного рода "санкции", эмбарго, неоднократные попытки активно навредить советскому народу, оскорбить и оболгать его. Все это — составная часть имперских замашек США, "логичного" международного поведения "мировой империи", которая столь активно будоражит болезненное воображение правящих сил заокеанской державы.

Ни один строй не принес столько горя, бед и несчастий трудящемуся человеку, как империализм. Нынешний мир — свидетель продолжающихся преступлений империализма. Буржуазным идеологам не по нутру антиколониальные революции угнетенных народов, их свободное, подлинно независимое социально-экономическое развитие. Они за такое толкование принципа мирного сосуществования, которое означало бы статус-кво, то есть им хотелось бы оставить все по-старому. Не идут империалисты и на удовлетворение требований, выдвигаемых освободившимися странами в программе нового международного экономического порядка. В американской буржуазной прессе не раз писалось и говорилось, что все это "козни Москвы". В книге Д. Кросса "Борьба во мраке"[420] утверждается, что национально-освободительная борьба является "коммунистической стратегической агрессией", а в сборнике "Международные аспекты гражданской войны" говорится, что войны за национальное освобождение служат "ярким примером провоцируемого насилия"[421].

На пороге 1980 года Р. Рейган в ходе предвыборных баталий заявил, что "причина всех беспорядков на земном шаре — Советский Союз"[422]. Комментируя это заявление, сделанное в интервью газете "Уолл-стрит джорнэл", известный американский политолог А. Шлезингер писал: "Многим представлялось, что эти слова — обычная дань избирательной риторике, которая выражает безнадежно ошибочное представление об истории человечества... Если бы не было Советского Союза, Иран и Ирак все равно вели бы междоусобную войну, палестинцы и израильтяне вряд ли смогли бы найти путь к примирению, мира не было бы ни в Северной Ирландии, ни на Юге Африки... в Сальвадоре и без этого бы разразилась гражданская война"[423].

Пытаясь на деле взорвать концепцию мира и мирного сосуществования государств с различным социальным устройством, буржуазные идеологи утверждают, что усиление борьбы между буржуазной и пролетарской идеологиями противоречит принципам мирного сосуществования. Именно этим, а не чем-либо иным они объясняют ухудшение советско-американских отношений с конца 70-х годов, как будто такого факторе не существовало и в годы разрядки, и в годы второй мировой войны, и до нее, после установления дипломатических отношений между СССР и США. Нации, говорят эти идеологи, только тогда можно признать миролюбивыми, если они "во имя мира терпят ненавистные им идеологии". Больше того, буржуазные политики выдвигают "идеологический мир" в качестве условия, предваряющего разрядку напряженности, разоружение, решение спорных проблем за столом политических переговоров.

Откажитесь от борьбы идей, откажитесь от своей идеологии — и вы получите мир, заявляют они. Эти суждения являют собой не что иное, как прикрытие доктрины мировой гегемонии США: сначала "мировой порядок", а потом всеобщий мир. Впрочем, подсовывая концепцию "идейного примирения", буржуазные идеологи вовсе не помышляют отказываться от своих идей. Соединенные Штаты, говорил Дж. Картер в речи при вступлении в должность президента, должны "заново поверить в нашу старую мечту". А что это за мечта, он поведал в тот же день, но уже в другой речи перед иностранной аудиторией: "США выполняют свое обязательство содействовать утверждению стабильного, справедливого и мирного мирового порядка", причем "они в силах возглавить такие усилия и непременно осуществят это"[424].

Не намерены американские идеологи отказываться и от борьбы с коммунистической идеологией. Вот уже более ста лет буржуазия ведет с ней ожесточенную войну. На почве антикоммунизма все теснее объединяются все мракобесы современности. "Стремиться к тому, чтобы поощрять плюралистические течения в Советском Союзе, содействовать эрозии идеологической приверженности СССР своим конечным целям, несовместимым с отношениями мира и сотрудничества"[425].

Все это до крайних пределов доведено нынешней администрацией США. Как признавала "Вашингтон пост", "президент Рейган продолжает говорить о русских в таких выражениях, которые подразумевают сегодняшнюю угрозу и вечную вражду. Тем самым он дает полное основание для советских обвинений во враждебности Америки"[426]. Такова платформа "примирения идеологий", выдвигаемая буржуазией. Речь идет, стало быть, о том, чтобы коммунистическая идеология разоружилась и прекратила свое существование, а буржуазная, напротив, получила бы беспрепятственное распространение. Об этом и грезит буржуазный мир, лицемерно ратуя за мирное сосуществование идеологий. Иначе как бы это могло стать возможным? Ведь заявил же А. Хейг, возглавив госдепартамент, что "мы, можно сказать, разгадали в историческом плане истоки величайшей опасности международному миру, и это — марксистско-ленинское движение"[427].

В условиях ожесточенного столкновения между старым и новым миром ослабить борьбу против идеологии империализма значило бы сползти на позиции буржуазии и предать коммунистические идеалы. "...Буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... — учил В. И. Ленин. — Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной"[428].

В 60-е и последующие годы буржуазные идеологи много писали о теории "единого индустриального общества". Украшали его на все лады. Приспосабливали к разным аспектам политической и идеологической борьбы на мировой арене. Появились продолжения — теории "супериндустриального" и "постиндустриального общества", "общества массового потребления". С легкой руки патриарха различных вариантов "технотронного общества" Д. Белла, а также З. Бжезинского, К. Боулдинга, У. Ростоу и других Г. Кан провозгласил это идеологическое течение "полной энтузиазма адвокатурой техники и экономического роста"[429]. Нашлись и такие идеологи, которые объявили "технологический фактор" едва ли не единственной причиной, вызвавшей разрядку[430].

Объективное развитие науки и техники приведет якобы все общества к единому знаменателю, в том числе и в сфере надстройки. Исчезнут классы, социальные различия. Исчезнут антагонизмы. Будущее "единое" общество возьмет все лучшее из всех существующих, модифицирует и приспособит взятое к новой обстановке. Таким

путем, по мысли буржуазных социологов, капитализм и социализм как бы растворятся в будущем, обществе и перестанут существовать в качестве самостоятельных цивилизаций. Но такое общество потребует и единой идеологической платформы. Подобной платформой, отражающей цели "единого индустриального общества", может стать "культурная конвергенция", понимаемая и преподносимая как слияние существующих культур (цивилизаций).

Специальных исследований проблемы "культурной конвергенции" в США не так много. Но попытки сформулировать "консолидирующие" идеи носят активный характер. Подробно проблема "культурной конвергенции" рассматривается в работе Л. Бенсона "Национальная цель. Идеология и идеологические противоречия в Америке"[431]. Сейчас, когда со времени появления этой книги минуло двадцать лет, особенно ясно, что Л. Бенсону удалось с большей полнотой, чем другим исследователям, даже писавшим на эту тему позднее, как бы собрать воедино разнородные идеологические концепции, помогающие решать, как утверждает автор, "общенациональные" задачи. Поэтому его работа, хотя она и увидела свет довольно давно, заслуживает рассмотрения в качестве примера, как идет в США процесс создания единой идеологической платформы. Автор ставит задачу: "выяснить роль идеологии в целенаправленной деятельности граждан современного государства, прежде всего США", учитывая, что к любой идеологии относятся в этой стране якобы с подозрением, а всякие исследования, связанные с ней, встречают с раздражением, в лучшем случае с "плохо скрываемой терпимостью".

Здесь действительно следует сделать одну оговорку: в США под идеологией, как правило, подразумевается некая устоявшаяся система постулатов, вечная на все времена и эпохи. Когда же возникает вопрос о ее влиянии на внешнюю политику, считают более предпочтительным толковать не об идеологии, а о всеобщей морали и нравственных нормах, общечеловеческих ценностях и идеалах. Поэтому еще Г. Киссинджер не раз, правда на словах, но отнюдь не на деле, ратовал за то, чтобы "развести" идеологические отношения и дипломатическую практику, отделить их друг от друга, обособить. Такую линию Киссинджер противопоставлял внешней политике СССР, "неотъемлемой характеристикой которой, конечно же, является коммунистическая идеология, превращающая международные отношения в философские конфликты"[432]. Можно понять, что Киссинджеру никогда не нравился, да и сейчас не нравится, неизменно миролюбивый курс ленинской внешней политики, вытекающий из самих принципов и природы коммунистической идеологии.

Такой курс многие американские идеологи тщатся представить "аморальным"[433], а "мораль" США разрисовать свободной от авторитаризма и догматизма. И здесь, как видим, черное выдается за белое и наоборот. Ведь требовал же сенатор Д. Мойнихэн в августе 1977 года, чтобы "защита прав человека" стала "такой же неотъемлемой частью американской внешней политики, какой является марксизм-ленинизм для Советского Союза". Вульгарный примитивизм Мойнихэна очевиден. Если бы он действительно заботился о "правах человека", то его внимание, несомненно, было бы обращено на американское общество, которое является мировым чемпионом по части самых злостных нарушений жизненных прав человека. Уже одна политика разжигания ядерной войны говорит об облике заокеанских защитников "прав человека", не говоря о миллионах безработных, детской преступности, дискриминации женщин, расизме и многом другом.

Впрочем, деятели типа Р. Рейгана, Дж. Картера, Д. Мойнихэна никогда, надо сказать, и не говорили о необходимости "защиты прав человека" в их собственной стране. Речь всегда шла об использовании закодированной под права человека широкомасштабной операции по вмешательству во внутренние дела других стран. И здесь имперская претензия на всемирную заботу обо всем человечестве. Кроме того, провокационная идея о "защите прав человека" служила и целям подрыва процесса разрядки напряженности. Как подчеркивал Дж. Макговерн, кампания по "правам человека" воспринимается как возврат Америки к конфронтации периода "холодной войны". Но вернемся к Л. Бенсону. "Холодная война", замечает он, усилив интерес к идеологии, в то же время создала и трудности на пути ее объективного исследования. Сейчас требуют действий от "дипломатов и солдат, а остальные члены общества участвуют в их борьбе, лишь убежденно доказывая свою лояльность". Военные и дипломатические вопросы выдвигаются на первый план, тогда как перспективы развития культуры и идеологии весьма туманны. Такое отношение к идеологии Бенсон считает вредным. В условиях кошмаров "холодной войны", пишет он, "культура, идеология настолько тесно переплетаются со всеми другими областями человеческой деятельности, что при анализе их нельзя оставаться на сугубо нейтральных позициях"[434]. Он проводит мысль, что любые идеологии, особенно те, которые оказывают серьезное влияние на жизнь общества, имеют сходные основы и сходные конечные цели. Отсюда и возникает возможность симбиоза идеологий. Некоторые виды идеологии "жизненно важны для общества. Они способны вызывать социальные сдвиги и обеспечивать дисциплинированность всех членов общества, руководителей и рядовых... Хотя они и действуют под различными названиями и часто независимы друг от друга, наиболее значительные из нынешних идеологий содержат одинаковые положения, касающиеся природы современных социальных изменений и методов их использования"[435]. Что же Бенсон предлагает внести в "общую идеологическую копилку", что, по мысли автора, представляет всеобщую ценность в американской идеологии? Он отвечает так: существование двух противоречивых эмоций — силы и достоинства, которые уживаются друг с другом во имя "национального единства". Именно эти черты американской идеологии, пишет он, и должны быть "правильно вплетены в общее развитие человеческой культуры".

Что же дальше? С тех пор как взаимозависимость наций стала более очевидной, а американское понимание "природы социальных изменений более космополитичным", утверждает автор, любой анализ данного общества немислим без анализа состояния всей человеческой культуры, которая претерпевает быстрые и глубокие изменения, и не только в сфере материальных условий жизни, но и в идеологии. Главное здесь то, что американцы, считая собственную страну наиболее развитой и могущественной, рассматривают свои решения в области политики и экономики как "превосходящие все другие альтернативные решения"[436]. Эту концепцию автор предлагает принять в качестве основы правильного понимания "национальной цели".

Итак, автор начал свои рассуждения со скромного пожелания, чтобы отдельные черты американской идеологии были "вплетены" в развитие общечеловеческой культуры. Но поскольку эти "черты" слишком туманны, автор переходит на более определенный политический язык, требуя рассматривать американские решения как превосходящие все остальные, ибо они основаны на силе и могуществе.

Бенсон выступает против "холодной войны". Причины ее "кошмаров" он видит в

конфликте культур, но отнюдь не в социально-экономических и политических интересах и противоречиях. "Войну культур" автор считает неотъемлемой чертой отношений между нациями. Движущими силами "войны культур" выступают, по мнению Бенсона, этноцентризм и неравномерность культурного развития. Суть этноцентризма в том, что одни народы стремятся судить о других по собственным меркам жизни. Этноцентризм служит источником споров уже потому, что в условиях "холодной войны" разделяет нации только на "свои" и "враждебные".

"Война культур", по Бенсону, подчинена неким "скрытым силам", направленным на сохранение "культурных непрерывностей", а затем продвижение их в мир. Среди таких "непрерывностей" наиболее важны; политическое влияние, с которым связаны понятия государственного суверенитета, военной и экономической мощи; экономическая стабильность и экспансия, укрепление позиций американских фирм в борьбе за рынки, источники сырья и торговые преимущества; национальный престиж (самосознание), который обретает форму "соревнования в популярности". Сюда же относятся зарубежные поездки руководителей страны, международные спортивные соревнования, успехи на международных ярмарках, признание национальных героев своей страны за рубежом, успехи в науке и технике, различные культурные и другие достижения. Основная "культурная непрерывность" — это политическое влияние на основе "дифференцированных компромиссов". Они могут рассматриваться и как "идеологическое сдерживание", при котором "бывает полезно сотрудничать с представителями неприемлемой идеологии, а также в качестве возможности завоевания плацдарма (идеологического и политического) для борьбы против СССР"[437]. Позднее об этом писалось очень много. В одном из докладов "Трехсторонней комиссии" подчеркивалось, что Запад должен стремиться оказывать влияние на естественные процессы изменений в коммунистическом мире, подталкивать к изменениям в направлении западных ценностей[438], к движению к некой "третьей системе", но на условиях американизма.

Пресловутая концепция "наведения мостов", в соответствии с которой политики империализма пытаются разрыхлить и разрушить социалистическое содружество, в формулировке Бенсона выступает как политика дифференцированных компромиссов. В конечном счете словесная демонстрация Бенсона против "риторики" и "кошмаров" "холодной войны" обернулась призывом к захвату "плацдармов" в конфликте с Советским Союзом. Весьма своеобразная эскалация "национальной цели" — от продвижения "идеологических тонкостей" до утверждения американской "свободы" во всем мире через промежуточную стадию — создание "политико-идеологических плацдармов" против СССР.

Особое место в мировом конфликте, в "войне культур" автор отводит идеологии, призванной играть одну из "решающих ролей" в развитии цивилизации. Почему? Идеология — средство укрепления социального строя. Как бы ни были развиты "методы управления массами", безопасность государства не будет обеспечена, пишет автор, если в основе его действий не лежат выгодные идеологические концепции. Что касается внешней политики и укрепления данного режима на международной арене, то здесь идеология играет роль "щита, прикрывающего отнюдь не идеологические мероприятия и маневры". "Война культур" является, как никогда, идеологической, рассуждает Бенсон, причем она обостряется во всех сферах. Растущая грамотность "когда-то инертных низших классов" позволяет им все шире входить в область идеологии. Либо "в том

плане, который импонирует всем классам (то есть в идеологию, провозглашающую неограниченные возможности свободного предпринимательства и социальной гибкости). Либо в плане поддержки призывов к ликвидации устаревшего статус-кво"[439]. Обратим внимание на то, что здесь Бенсон (как бы между прочим) в качестве аксиомы подсовывает мысль, что капиталистическая идеология ("свободное предпринимательство", "социальная гибкость") импонирует всем классам.

Далее автор отмечает, что страны охотно "продают свою идеологию" другим нациям, особенно новым, нарождающимся. Характер ее во многом определяет "покупателя" и "способ продажи". В результате идеология становится "миссионерским товаром", средством продвижения "национальной мощи в новые районы".

Не исключено, полагает автор, "сближение социальных форм жизни обоих главных блоков".

Может показаться, что Бенсон готов ради этого "сближения" пожертвовать какими-то американскими "ценностями", от чего-то отказаться. Но получается, что все это касается других стран, но не США. Когда речь заходит о Соединенных Штатах, то главным фактором, определяющим силу идеологии, выступает могущество государства. Иначе говоря, чем мощнее кулак, тем "логичнее" аргументация. Не "имманентные пружины" развития, а мощь государства — вот решающее условие влияния на мировую культуру, равно как и на мировую политику.

Кроме "явных факторов мощи", есть, пишет Бенсон, и другие, довольно ощутимые. К их числу автор относит "высокое" моральное состояние американской нации, несмотря на "отдельные проявления разлагающе действующей моральной лихорадки", выражающейся в увлечении мистицизмом, спиритизмом, в организованной преступности. Вполне уместно заметить, что даже некоторые официальные лица говорят об этом куда откровеннее, чем ученый-политолог Бенсон.

Об американском патриотизме автор пишет следующее: "Граждане США патриотичны, и в случае кризиса на них можно положиться. Национальный патриотизм, безусловно, силен и поддается регулировке. Он поддерживается многочисленными ритуалами, которые дают гражданам большое удовлетворение и обеспечивают распространение народной культуры". В дополнение к обычным патриотическим церемониям и манифестациям большое значение имеют "ритуалы американского воскресенья", "всемирные серии" бейсбола (в течение нескольких дней они приковывают внимание всего народа), организуемые правительством массовые каникулы под девизом "Посмотри сначала Америку", которые рассчитаны на то, чтобы вызвать "гордость за свою страну"[440]. А вот теперь Р. Рейган установил, что каждый год 1 мая все граждане должны проявлять свою лояльность властям, демонстрировать, так сказать, свой восторг всем происходящим в этой стране.

Не нахвалится Бенсон американской цивилизацией, и все для того, чтобы распространить любезные его сердцу "культурные непрерывности" на весь мир. Он оптимистически оценивает перспективы американской культуры в будущем "едином" обществе. Но его оптимизм становится менее устойчивым, когда он пытается ответить на вопрос: кто же выиграет "холодную войну"? Автор вынужден признать, что там, где в свое время американцев "принимали с восторгом, сейчас они не пользуются ни влиянием, ни гостеприимством".

Л. Бенсон жалуется, что "самокритика в условиях „холодной войны“ слишком обнажила американские недостатки". Позиции США слабеют, представители других стран "теснят

американцев на мировых рынках, культурных выставках, в международных дипломатических организациях, в научных кругах, в спорте и даже в дискуссиях о природе демократии и образе жизни"[441].

Почему это происходит? Автор объясняет потерю влияния тем, что "США невольно унаследовали мантию колониального администратора", показали свою "неспособность симпатизировать происходящим по всему миру социально-политическим революциям и в то же время неспособность положить им конец"[442]. И так, с одной стороны, "неспособность симпатизировать", а с другой — та же "неспособность положить конец" социально-политическим революциям.

Принято считать, замечает автор, что у американцев нет единой общенациональной цели. Об этом говорили не раз лидеры США. Эйзенхауэр, как известно, даже учредил комиссию для ее выработки. А позже Д. Белл, один из отцов американской политологии, признал, что ничто, кроме гедонизма — жизненного стиля, основанного на идее наслаждения, всеобщем увлечении потребительством, — не объединяет американцев. "Гедонизм стал культурным, если не моральным, обоснованием капитализма"[443]. Если отбросить его в сторону, то "у нас нет ни общей цели, ни общей веры, ни общего дела"[444]. Но и эту "бесцельность", отсутствие веры Белл готов экспортировать в другие системы, в том числе и социалистические.

Отсутствие объединяющей цели Бенсон объясняет тем, что в США нет национальной философской концепции, которая служила бы теоретической основой такой цели. У нас "нет философии, которую можно было бы экспортировать, как нет и ничего в нашем опыте, что имело бы всемирное значение"[445].

Но ведь автор провозгласил образ жизни своей страны как "превосходящий все другие альтернативные решения". И здесь Бенсон делает сногсшибательный вывод: коль нечего экспортировать, то долой сосуществование с коммунизмом. С ним надо воевать. Логика рассуждений не может не потрясти и на этот раз.

Итак, общенациональной цели нет. Однако национальные интересы вполне очевидны. Автор сводит их к усилению американского политического влияния в мире. Но интересы, как и цели, не имеют, мол, общей философской идеи. Стало быть, необходимо "найти" какой-то новый философский "камень", позволяющий "направлять жизнь американского общества". Таким "камнем" должна быть "идеология", которая автором преподносится по-разному. И как "вполне доступная система идей и критериев для той сферы жизни, которую она пытается объяснить". И как "маскировка интересов той или иной группы, которые (интересы) открыто не высказываются и не провозглашаются"[446]. И как "интеллектуальное и духовное выражение статус-кво". И еще один вариант:

"Идеологическая система состоит из взглядов, идей, знаний, теорий, верований, традиций, мифов, теософских постулатов, легенд, предубеждений, поговорок и пословиц, народной мудрости, оценок норм поведения, идеалов и устремлений"[447].

Как можно заметить, ни одно из этих определений не затрагивает социального назначения идеологии, состоящего, как известно, в служении классу, исповедующему эту идеологию.

Идеология, которая хочет быть доступной для широких масс, должна строиться, утверждает Бенсон, не "самых примитивных и понятных вещах". Но если она хочет продержаться долго, то должна отвечать и требованиям интеллектуальной элиты.

Идеология призвана убеждать людей, причем делать это так, чтобы "логические непоследовательности" в ней либо преднамеренно игнорировались, либо "как-то хитро

объяснялись". В противном случае, пишет автор, "чем сильнее будут призывы (сверху) к идеологическому единству, тем интенсивнее будет бунт разочарованных"[448].

Что же, по мнению автора, всего сильнее объединяет людей? Война! Именно война — наилучшее средство объединения и солидарности. Она неприятна, однако "обеспечивает базу для необычайно сильной коллективной мотивации (стимулов) и самопожертвования"[449].

В мирное же время необходимо "сильное руководство", опирающееся на "единую иерархическую лестницу". В условиях "холодной войны" гражданское руководство неизбежно становится квазивоенным. "Холодная война" требует "ограничения индивидуальной свободы в национальных интересах".

Бенсон выступает за систему "совместного опыта", то есть такую организацию, которая смогла бы "дисциплинировать одинаково мыслящих граждан" на базе какой-то монодоктрины. В конечном счете идеология должна служить "средством социального контроля"[450].

К важным идеологическим явлениям Л. Бенсон относит бюрократизацию государственного управления, которая помогла создать экономическое изобилие, открыла путь способным людям, снизила влияние личной власти, сохранила необходимые формы соревнования между людьми, упорядочила отношения между людьми на основе справедливости. Для чего же понадобился такой панегирик бюрократической машине? Бенсон предлагает превратить бюрократические принципы социальной организации в универсальные, высшее развитие которых приведет к отождествлению "государства" с "отечеством", "фирмы" — "с одной большой семьей". Конечный же продукт развития бюрократической машины автор видит в создании всемирной индустриальной цивилизации.

А что же американское общество может предложить мировой индустриальной цивилизации? Плюрализм воззрений, отвечает автор. И снова подводит логика: ведь только что он ратовал за единую идеологию, способную наилучшим образом осуществлять социальный контроль над всем обществом и всеми его гражданами, воспитывать их в духе повиновения. Теперь Бенсон утверждает, что в США нет единой, пронизывающей все сферы жизни идеологии. Американцы руководствуются якобы несколькими "системами культурных ценностей", или "функциональными идеологиями". Среди них наибольшим влиянием пользуются христианство, капитализм, риторика политической демократии, которая выражается в двухпартийной системе, научная идеология, носителями которой являются научные общества и организованные группы ученых, тред-юнионизм, народно-культурная идеология, антикоммунизм, который, как пишет автор, служит в современной Америке серьезной "руководящей силой".

Этот набор "идеологических подсистем" служит автору для подтверждения тезиса, что американское общество якобы "деидеологизировано", что плюрализм мнений говорит о "свободе выбора" и т. д. Но даже из перечисления "подсистем" видно, что выбирать, собственно, не из чего, а перечисленные "подсистемы" являются всего лишь формами проявления или средствами выражения буржуазной идеологии. Но сам автор, как видно из его рассуждений, вовсе не сторонник плюрализма. Он озабочен созданием единой, всеохватывающей идеологии.

Установлению такой универсальной идеологии мешают, сокрушается Бенсон, индивидуализм и прагматизм. Индивидуализм сводится к противопоставлению личных интересов общественным: люди больше думают о себе, чем о других. В этом и

заключено рациональное зерно священной "инициативы" — главного постулата философии капитализма: если каждый будет проявлять инициативу для себя, то и всем будет лучше. Иными словами, индивидуализм отрицает всякую возможность появления "организованной идеологии".

Все ставится с ног на голову. Даже многие буржуазные идеологи признают, что воспитание индивидуализма выступает в качестве важнейшей цели "американского образа жизни", политической науки, пропаганды, всей политики правящих сил. Что же касается философской основы индивидуализма — прагматизма, то Бенсон критикует его следующим образом. Поскольку прагматизм предполагает очень "гибкий, интеллектуальный подход к вопросам", то результатом такого подхода является забвение всяких застывших принципов. Его цель — успех, инструмент — знание, почерпнутое опытным путем. Поэтому никакие идеи или институты не священны. В силу этого прагматизм — неприятнейший тормоз создания единой идеологии, хотя и может считаться идеологической альтернативой "для полностью эмансипированного индивидуализма"[451].

Конечная суть долгих рассуждений автора сводится к тому, что необходима национальная цель, способная сформировать эту единую идеологию. Но где ее искать? На этот вопрос автор отвечает с обезоруживающей откровенностью. Коль скоро в США, пишет он, существует такая мощная идеология, как антикоммунизм, то и поиск национальной цели нужно вести в этом направлении. И далее. Антикоммунизм предполагает накопление военных сил, поддержку антикоммунистических режимов, проведение таких реформ в "дружественных" США странах, которые бы смогли предотвратить развитие коммунизма.

Теперь все понятно, кроме одного. Зачем нужны были хитроумные аргументы, демонстрация учености и терминологическая карусель, если вывод вполне укладывается в рамки дежурного заголовка заурядной американской газеты или заявлений не менее заурядных министров. "Необходимо обладать способностью применять военную мощь", — требовал К. Уайнбергер[452]. И, как бы загодя поправляя его, Дж. Шлессинджер, один из предшественников Уайнбергера на посту министра обороны, утверждал, что США должны поддерживать свою военную мощь "не потому, что мы непременно пойдем на ее применение. Военный потенциал наиболее важен, когда дело не доходит до его использования. Он важен для устрашения, для обеспечения фундамента политических переговоров"[453]. Итак, снова — и все о том же. У США нет иного выхода, как гонка вооружений, подготовка к войне, ослабление или сокрушение коммунизма.

Выводы Бенсона банальны. И все же его работа примечательна по ряду аспектов. Во-первых, в ней четко обозначена попытка выработать единую идеологическую линию, адекватную "общенациональной цели", "общенациональным интересам". В сущности, это отражает стремление правящих сил объединить американцев вокруг интересов господствующей иерархии, задушить иные, неудобные точки зрения. Поиски "национальной цели" на путях антикоммунизма — довольно ясное выражение единой идеологической платформы.

Во-вторых, Бенсон всячески хочет убедить читателя, что идеология в США не отражает интересов каких-то классов, что ее вообще нет в систематизированном виде. Плюрализм взглядов, находящий свое выражение в "идеологических подсистемах", хотя и мешает установлению "дисциплины" и "порядка", все же свидетельствует об

отсутствии самодовлеющей Идеологической доктрины, исходящей от господствующего класса.

В-третьих, в общей схеме, в которой автор пытается увязать идеологию и "национальную цель", большое место отводится "культурной конвергенции" как средству создания единой цивилизации на базе американских "культурных ценностей". Но чтобы такая перспектива не казалась слишком мрачной для культур, обреченных Бенсоном на растворение и умирание, внушается мысль о неких внутренних законах, пружинах, которые ведут к синтетическому результату независимо от социально-экономических условий жизни общества. Задача американской культуры в связи с этим — как можно активнее внедряться в общемировую культуру сейчас, с тем чтобы принятие "американских ценностей" в качестве всеобщих выглядело вполне естественным следствием "слияния", "конвергенции".

В-четвертых, если говорить о практических аспектах "теоретических" рассуждений автора, то они чрезвычайно огрублены. Здесь и тоска по общенациональной "солидарности", наивысшая степень которой вызывается только войной, и призывы к гонке вооружений и военной борьбе с коммунизмом.

В-пятых, активизация идей "культурной конвергенции" говорит о том, что проблема борьбы с пролетарской идеологией занимает представителей политической мысли все больше и больше. Особенность ее в нынешних условиях заключается в усилении завуалированных атак. Вот и в случае с Бенсоном. На словах проявляя заботу о развитии культуры, цивилизации, призывая к "компромиссам" и "терпимости" во имя мира и всеобщего процветания, он на деле предлагает американскую культуру в качестве образца для всех и как наиболее предпочтительную по сравнению с любыми другими. Да и сами по себе идеологические аспекты борьбы двух систем, облаченные Бенсоном в респектабельные наряды соревнования "культурных ценностей", не содержат даже словесных намеков на "примирение" и "слияние". Только один расчет — на победу буржуазной идеологии над коммунистической.

В конечном итоге теория "конвергенции" в ее культурно-идеологическом варианте служит широким планам правящих сил, мечтающих об установлении мирового господства, подчинена стратегии на разрушение социалистической формации как силы, без упразднения которой невозможно создать американскую мировую империю. В таком контексте концепции "идеологической конвергенции" отводится роль фактора, долженствующего расслабить оппонента, посеять иллюзии, благодушную инфантильность, а затем под лицемерные разговоры об идеологических компромиссах внедрить свою идеологию, расширить сферу влияния буржуазного мировоззрения. В этом и состоит социальное назначение "конвергентных" концепций. Разработка и трактовка доктрины "культурной конвергенции" буржуазными учеными еще раз показывают, что всякие разговоры об "идеологическом мире", "примирении" и "слиянии" цивилизаций в любом толковании не что иное, как попытки обмануть людей мещанской фразеологией, расширить фронт борьбы с идеологией рабочего класса.

Но теория конвергенции, провозглашенная буржуазными политологами в качестве "глобального императива" современного развития, при всей ее направленности на борьбу с коммунистической идеологией, все же допускала словесные пируэты относительно того, что и капитализм должен сделать кое-какие уступки. "Спонтанное схождение", "синтез" систем предполагают, мол, движение к "обществу-гибриду", в котором проявятся лучшие черты всех культур.

По мере того как правящие круги США начали осуществлять поворот от разрядки к нагнетанию напряженности и вновь активно заговорили о "мировом господстве" как американской цели, "культурная конвергенция" с ее словесными уступками уже не соответствовала замыслам правящей олигархии. Требовался более твердый вариант "транснациональной метаидеологии".

В качестве идеологической глобальной альтернативы социализму в ходу теперь концепция "планетарного сознания". О ней говорили и раньше, но в период перехода к "новому" политическому глобализму эта доктрина оказалась, как никогда, кстати. Чтобы как-то оправдать требование о необходимости "трансидеологического сознания", адепты "метаидеологии" связывают ее с глобальными проблемами — энергетической, сырьевой, экологической, продовольственной, демографической, которые, с их точки зрения, подвластны только единому обществу с транснациональным сознанием. Классовая борьба объявляется анахронизмом, национальный суверенитет — тоже. Один из американских политологов, Г. Хиршфельд, пишет по этому поводу: "Первые шаги к преодолению границ между людьми должны заключаться в более широком и терпимом понимании взглядов других и в создании на этой основе нового искусства, новой экономики, новой системы образования, новой религии и новой науки. В каждой из этих областей уже существуют течения, ориентированные на Человечество в целом. Эти течения и движения — наднациональные стили в искусстве, многонациональные корпорации... надо всемерно культивировать и развивать. В то же время следует отдавать себе отчет, что ощущается недостаточное внимание к двум жизненно важным элементам — подчеркиванию примата Человечества перед любыми его частями и поддержке в первую очередь не нации, не класса, не религии, а Человечества"[454]. Особо здесь умиляет призыв к развитию "многонациональных корпораций".

Теоретики "планетарного общества" весьма близки к идеологам неоконсерватизма в политике. Они охаивают разрядку, поскольку она не продвинула вперед идею "глобального общества". Из "конвергентных" вариантов "планетарщины" взяли лишь положение о борьбе за "капиталистическую эволюцию" социализма, но опять-таки для утверждения, что в будущем "едином" мире социализму места нет, в нынешнем виде он "непригоден быть частью „глобального общества“. Ему сначала надо демонтировать свои основополагающие устои. Таким образом, и здесь мессианская политика правящих сил США находит свою „планетарную“ упаковку. Видимо, в дальнейшем концепция „планетарного сознания“ будет приспособливаться к официальной политике антикоммунистического „крестового похода“, в которой уже нет и намек на „синтез“, „слияние“ и прочую „расслабляющую риторику“. Нынешнему президенту США грезится только мир по-американски.

Теории идеологической борьбы в любых их вариантах — обостренных, словесно приглаженных или наукообразных — всегда были нацелены на обслуживание "американизма", "американоцентризма", американской "сверхдержавности", а в конечном счете "мирового господства". Как мы видели, в буржуазной политологии и в дорейгановский период в широком ходу были концепции идеологического противоборства, замешанные на грубой военной силе. Крайне правая фракция американского истеблишмента практически полностью отбросила камуфляжные оболочки, которыми обволакивались разного рода концепции, направленные на идеологическую эрозию социализма.

Администрацию США называют сегодня самой идеологической в истории страны.

Президент США открыто объявил "крестовый поход" против коммунизма. На подрывные идеологические диверсии выделены огромные средства, созданы целевые подрывные программы.

Основными методами "подавления" коммунистической идеологии, носителями которой в США считают страны, группы людей или отдельные лица, не разделяющие американские взгляды на мир и его будущее, являются нынче огонь и меч, убийства, терроризм, ставший в США государственным делом. Линия на казенный "американизм" пронизывает и всю внутреннюю жизнь страны. Растущие на этой почве шовинизм, психоз "всеобщей лояльности" активно подталкивают страну к фашизму американского типа. Это представляет для человечества особую угрозу, особенно в контексте реальной ядерной мощи США, ориентированной на завоевание всего мира.

Глава девятая. Ночные сны и дневные кошмары

"Бог избрал американцев, чтобы окончательно переkreить мир". Это изречение, принадлежащее сенатору А. Бевериджу, относится к 1900 году. Но как свидетельствует Р. Эльстайн в книге "Возвышение американской империи"[455], еще в 1850 году одна из газет Нового Орлеана, размышлявшая, писала: "Орел республики будет гордо возвышаться над полем Ватерлоо, после того как он пролетит над ущельями Гималайских гор или Урала и наследник Вашингтона взойдет на трон мировой империи". Это было в прошлом столетии.

В XX веке американских политологов буквально завороживала идея "мирового господства". В конечном итоге все наиболее воинственные доктрины американского империализма — "сдерживание", "освобождение", "контрсила", "гибкое реагирование", "принуждение", концепции "ограниченной войны", "продолжительной войны", "локальных конфликтов" и многие другие — тесно связаны между собой стратегическим курсом американских монополий на создание "мировой империи". При этом доктрина "национальных интересов" готова благословить любые взгляды и любые действия. В основе ее — примитивная философия эгоцентрического, крайнего индивидуализма, принявшего затейливо извращенную форму "мессии" XX века, "исторического предопределения" американского владычества над миром.

Разумеется, как в прошлом, так и сейчас интервенционистская политика правящих сил США диктовалась интересами большого бизнеса, получившими название "национальных интересов". Жажда наживы толкала монополистическую буржуазию к захватам, войнам, подрывным акциям, военным переворотам, насаждению хунт, подкупу партий и целых правительств. Но, кроме этой определяющей, главной пружины американского экспансионизма, есть и дополнительная, коренящаяся в особенностях исторического формирования этого государства и общества, в культе силы, который органически вплетен и в ткань высокой политики, и в стиль человеческих отношений, и в практику бизнеса, и в психологию повседневного поведения индивидуума.

Сами американцы признают, что насилие является интегральной частью американского образа жизни. "Насилие — это один из базовых амбивалентных элементов в нашем обществе. Мы часто прибегаем к нему и порой любим его... Насилие — необходимая часть американской жизни... Мы узнаем его вскоре после рождения и практикуем его вплоть до самой смерти"[456].

Носители различных форм насилия использовали его для достижения богатства и

славы, для расправы с политическими, религиозными противниками, соперниками по бизнесу. Виджилянты силой утверждали свою версию "порядка" на пограничье, а затем свои принципы американского образа жизни. Вскоре после образования государства стало обнаруживаться, что принцип силы начинает играть всевозрастающую роль в сфере отношений с другими странами. Постепенно складывался миф об "американской исключительности", или "американской миссии". "Наше дело — дело всего человечества"[457], — объявил еще Бенджамин Франклин.

В силу комплекса социально-экономических, географических, политических, социально-психологических факторов с самого начала формирования американского национального сознания важнейшим его компонентом была идея исключительности путей общественно-исторического развития США и их роли в мировой истории. Более или менее завершённую форму это получило в доктрине "предопределения судьбы", или "явного предназначения", сформулированной в середине XIX века. Она включала мифы о превосходстве и избранности Америки, которые проповедовались политическими и идеологическими лидерами США, начиная от пуританских вождей до "отцов-основателей", от первых поселенцев до идеологов экспансии на Запад. В националистических и экспансионистских кругах доктрина "явного предназначения" трактовалась в том духе, что США суждено нести всем народам "идеалы демократии и свободы". Во второй половине XIX века, когда США все глубже вовлекались в водоворот общемировых событий, внимание к этой доктрине явно повысилось. Более того, она получила как бы второе дыхание. При всех разговорах о грядущей "американской империи", которой уготована роль мирового благодетеля, под теорией "явного предназначения" подразумевалось лишь "континентальное предназначение". Когда же все земли на континенте были захвачены, миф об американской исключительности требовал новых пространств для экспансии. И в этих новых условиях все громче стали звучать лозунги о долге США вести за собой весь мир, что диктовалось усилением империалистических устремлений правящих кругов США. Эта страна стала со все большей откровенностью претендовать на единоличное решение всех общемировых проблем.

Территориальная экспансия давалась США сравнительно легко, что возвращало новые претензии и укрепляло самоуверенность. Действуя против незащищённых индейцев и мексиканцев, правящие круги США достигали своих целей ценой незначительных финансовых издержек и человеческих жертв. На рубеже XIX и XX веков они имели дело с уже угасающей, разлагающейся испанской империей, война с которой в 1898 году ценой незначительных потерь заметно укрепила США.

Победу, одержанную американским флотом над испанским флотом в Манильском заливе, стали интерпретировать как признак "божественного одобрения". В первую мировую войну США вступили почти "триумфально", провозгласив своей целью "спасение мира для демократии". Америка, утверждал президент В. Вильсон, "обладает безграничной привилегией выполнения своего предназначения и спасения мира"[458]. Из второй мировой войны, как мы говорили, США вышли фактическим лидером капиталистического мира. Миф об американской "исключительности" заявил о себе с новой силой. "Соединённые Штаты, — писал газетный магнат Г. Люс, — пользуются уникальным и особым расположением божественного провидения... В своем провидении бог сейчас призывает этот народ стать главным инструментом своей воли на Земле... Ни один народ на Земле, ни один народ истории, за исключением древнего

Израиля, не был столь очевидно предназначен для выполнения особой фазы вечной божественной цели"[459]. А коль так, то без особых колебаний и смущения было объявлено о наступлении "Американского века". Просто и скромно.

Некто Мауэр в работе "Кошмар американской внешней политики"[460] развязно требовал установления мирового господства США посредством силы, прекращения "мягкого отношения" к Советскому Союзу, усиления вмешательства в любой форме в дела любого государства. В следующем, 1949 году, когда в руководящих кругах США активно обсуждались различные планы ядерной войны с Советским Союзом (назывались, как увидим дальше, конкретные сроки ее начала), выходит особенно много книг, содержащих обоснование неизбежности и необходимости "мирового господства" США. Среди таких работ можно назвать сборник статей "Большая часть мира", книгу Ф. Уилсона "Американская политическая мысль", Л. Стоу "Вы — мишень", Э. Джонстона "Мы все в этом"[461] и многие другие. В них развиваются весьма похожие идеи.

Послевоенное материальное превосходство США стало постепенно отождествляться с моральным превосходством. То и другое выступало в маске улыбающейся "добродетели", позу которой гарантировали сила и кулачное право. Все это и нашло свое выражение в доктринах "дипломатии канонеров", "большой дубинки". Политологи пытались доказать, что мировое американское правительство — естественная ступень в развитии человечества, а если Советский Союз не захочет подчиниться такому правительству, то ему придется иметь дело с войной. Руководство всем миром США должны взять силой, рассуждает Э. Джонстон в книге "Мы все в этом", поскольку жизненные интересы США простираются за пределы национальных границ, во всех направлениях, вплоть до самых отдаленных уголков земного шара. "Эта доктрина, — верно замечает американский социолог Д. Уерджин, — характеризуется экспансионизмом... Она требует, чтобы страна находилась в состоянии постоянной военной готовности, в постоянной тревоге"[462].

В литературе все чаще появляются сравнения "американской империи" с прошлыми. Проводятся аналогии, которые не дают покоя идеологам "империи" все послевоенные годы. Р. Фландерс в книге "Американское столетие" пишет, что американский образ жизни уже одержал победу, а роль "мирового гегемона" прочно закрепилась за США. В этом нет ничего необычного, воркует автор книги. Мировое развитие подчиняется закону, по которому "мировое господство" поочередно переходит от одного государства к другому. Был период Pax Romana, затем Pax Britanica, а теперь наступило время Pax Americana.

Развивая ту же идею, С. Хьюз "перманентность" международного кризиса" объясняет столкновением двух цивилизаций: "варварской" и "эллинской". Без тени смущения "эллинской культурой" объявляется американская, которая выступает носительницей "культурных традиций всех подлинных цивилизаций"[463]. Подобная мысль возникла и у профессора Коммаджера, которую он излагает в книге "Сознание американцев"[464]. Он тоже "авторитетно" подтверждает, что американская культура является наследницей древнегреческой, римской и палестинской культур. А коль так, то народы других стран должны отказаться от "ложной доктрины" национального суверенитета во имя торжества американского федерализма, а такие понятия, как "государственность", "нация", "патриотизм", "национальная гордость", должны быть преданы анафеме.

Весьма откровенен в этом отношении Г. Гэррет. Как и его идеологические предшественники, он пытается доказать, что создание "американской мировой империи"

диктуется всем ходом истории. Гэррет уговаривает не бояться слова "империя", украшая ее сентиментальными словечками. Как Д. Перкинс приписывал империализму США "тревожную совесть", так и Гэррет спешит заверить читателя, что американская "империя" будет отличаться от всех прошлых добрыми намерениями, тем более что США уже "имеют почти все признаки былых империй". К ним он относит: превращение правительства в доминирующую силу; подчинение внутренних вопросов задачам внешней политики; господствующее положение военного мышления; систему наций-сателлитов, организованную для целей, называемых коллективной безопасностью; эмоциональный комплекс хвастовства и страха, созданный в стране за последние годы[465].

Гэррет приходит в восторг от собственного утверждения, что его страна "похожа" на империи прошлых времен. Римская империя, пишет автор, была "защитницей цивилизации", испанская добавила к этому "духовное спасение", британская исповедовала благородный миф о "бремени белого человека". США дополнили эти признаки империи лозунгами "свободы и демократии"[466]. Не особенно церемонясь, Гэррет объявляет Соединенные Штаты прямыми наследниками всех империй прошлого. Эта бесноватая идея довольно устойчива. Приведем, нарушая хронологию изложения, примеры из более поздних изданий. В сборнике "Империализм и колониализм"[467], изданном в 1964 году, колониализм изображен как объективно неизбежный и даже полезный этап развития человечества. Он, этот этап, способствовал, видите ли, взаимодействию культур. Далее авторы сборника особенно восторженно пишут о британском империализме, приписывая ему такую "отличительную черту", как стремление к цивилизаторскому преобразованию подчиненных стран. Подобная доброта в оценках английских "братьев" объясняется просто. После второй мировой войны, говорится в работе "Америка и мировое руководство", США унаследовали от Британии задачу "защиты независимости малых народов"[468], а заодно и цивилизаторскую миссию. "Концепция миссии, — пишет М. О'Лири, — включает в себя большую дозу гуманизма". Движущей силой в американском миссионерском идеале вкупе с гуманизмом является вера в то, что "американский образ жизни... может быть экспортирован к выгоде других наций"[469].

Итак, утверждают идеологи американского империализма, наступила "очередь" США принять руководство миром, установить "баланс сил добра против сил зла", расправиться с "русским варваром", а затем установить мир, "в котором все народы будут политически и экономически свободны"[470].

Американский империализм настолько уверовал в идею "мировой гегемонии", что его идейные прислужники исподволь начинают подготавливать варианты организационной структуры будущего государства. На разные лады расхваливается идея "всемирной федерации" под эгидой США. Поскольку, пишет, например, М. Стэнли, мы "оказались в позиции", обязывающей нести тяжелое бремя ответственности за судьбы человечества, необходимо в качестве первого шага создать "мировое государство". Назвать его можно по-разному: "ограниченная федерация", "Атлантический союз", "федерация свободного мира", "региональная федерация", "сверхгосударство". Но суть одна: будущее общество должно быть построено по образцу США и обладать силой федерального правительства Соединенных Штатов[471].

Планы бредовые. Но от этого они не становятся менее опасными. Временами буржуазные идеологи разговаривают особенно агрессивным тоном. Это в случаях, когда

правлящие круги затевают очередную авантюру или ведут войну. После очередного провала политологи становятся сдержаннее. Появляются "новые", слегка видоизмененные доктрины, суть которых остается прежней. Начинается разговор о "затяжном" конфликте, появляются призывы к "непрямым" подрывным действиям, к "установлению мостов." с целью идеологического, морального и политического разложения противника изнутри.

Особенно много разговоров о предпочтительности невоенных методов борьбы стало после запуска первого советского спутника Земли в 1957 году. Конечно, и до него отдельные идеологи понимали бесперспективность расчетов на ядерную войну. Но надежда, что при известных условиях, удастся изолировать Советский Союз, истощить его экономически, подорвать его моральную силу, а может быть, нанести ему и военное поражение, еще продолжала теплиться.

Например, Ростоу и Хэтч объявляют себя противниками ядерной войны. Рассуждают об этом многословно. Но, утолив душу словами о "миролюбии", они пишут, что США должны быть "готовы к борьбе и победе в тотальной войне", а для этого нужно "развивать новые возможности для локальных войн, включая использование тактического атомного оружия, развивать вместе с партнерами по „свободному миру“ методы борьбы с подрывными и партизанскими операциями"[472]. Ростоу и Хэтч подбрасывают мысль, ставшую впоследствии очень модной, что обе стороны, то есть США и СССР, должны выработать "правила игры", под которыми подразумевается отказ от "стратегических атомных атак". Позднее об этом много будут писать Г. Киссинджер, Г. Кан и др. Нужно заранее договориться и определить объекты, которые можно разрушать. Ростоу и Хэтч пропагандируют идею об ограниченной ядерной войне по заранее достигнутой договоренности воюющих сторон. Смысл этого обмана состоит в попытке убедить американцев, что без "стратегических атак" мировая война безопасна. Она не затронет, мол, территорию США. Что же касается локальных войн, которые авторы считают наиболее подходящими в современных условиях, то они могут быть на других континентах, опять же далеко от США.

Относительно законченный вид эта теория получила у Г. Кана в работах "О термоядерной войне", "Мысли о немислимом", "Эскалация" и др. Ростоу и Хэтч предлагали выработать "правила игры", согласно которым локальные конфликты или "ограниченная" война не затронут территорию США. Кана не очень беспокоят такие конфликты, их место в "теории игр". Допуская общий ядерный конфликт, он разрабатывает теорию игр "с нулевой ничьей". Смысл ее откровенно провокационен. В конце концов Кан и сам признает, что границ взаимного уничтожения в термоядерной войне никто не может определить заранее. Но и в этом случае беспокоиться не следует, поскольку последствия атомной войны не так уж и страшны. Но об этом Г. Кан скажет позднее. А пока в политологии усиленно разрабатываются стратегические варианты возможной войны в условиях, когда обе стороны имеют атомное оружие.

Известное внимание в свое время привлекла книга Г. Киссинджера "Ядерное оружие и внешняя политика"[473]. Ее автор не согласен с теми, кто считает, что атомная война будет триумфальной для США, что преимущество в количестве атомных и водородных бомб может решить исход войны. Свои рассуждения автор строит на основе отрицания всеобщего военного конфликта. Война, как писал Г. Киссинджер в то время, когда еще не был лично вовлечен в бурный водоворот политических событий, не является убедительным инструментом политики, и по этой причине международные споры могут

быть решены только средствами дипломатии. Г. Киссинджер также признает, что разрушительная сила и скорость современного оружия покончили с традиционной неуязвимостью США. Мировая война отвергается союзниками, которые считают, что если для США это "стратегический выбор", то для них — вопрос жизни и смерти. Перспектива массированного возмездия также малоутешительна. Его жертвами могут стать прежде всего европейские страны, на территории которых расположены американские военные базы. Как видим, идея европейских "ядерных заложников" начала продвигаться в общественное мнение еще три десятилетия назад. Как только Г. Киссинджер переходит от общих рассуждений к практическим предложениям, он оказывается в длинном ряду банальных защитников милитаристской политики США. Он, например, утверждает, что стратегия современной войны должна основываться на силе и понимании, что война будет вестись атомным оружием. Но поскольку ядерная война означает катастрофу, бомбы превращаются в надежную сдерживающую силу. Поэтому нельзя сокращать запасы ядерного оружия, что может лишь "увеличить" напряженность в международных отношениях и привести к войне. Любое ослабление атомной мощи уменьшит страх за последствия военного конфликта, увеличит взаимную подозрительность. Он утверждает, что надежным барьером всеобщей войне могут служить локальные конфликты. Местные войны, пишет он, решают частные задачи, и поэтому Советский Союз не рискнет ввязаться из-за них во всеобщую войну. Что же касается США, то они должны принимать участие в локальных войнах, но лишь для того, чтобы предупредить вмешательство Советского Союза. Там, где находятся американские войска, заявляет Киссинджер, Советский Союз не вступит в конфликт из-за боязни всеобщей войны. Война на истощение в местных конфликтах является как раз той войной, в которой советский блок не может победить. Все это было написано до агрессии США в Индокитае, тем более до ее поучительного поражения. Позднее Киссинджер то смягчал, то ужесточал свои воинственные высказывания, но доктрина "истощения" Советского Союза путем дипломатических, экономических, политических маневров, а также посредством локальных войн не оставила его воображение. Она получила также развитие и у других авторов, особенно у Боулса и всех сторонников концепции "поражения" социалистических стран без войны. Доктрина "перманентной опасности" модифицировалась не раз. В работах, например, Т. Шеллинга она приняла облик стратегии принуждения. Теперь война, по Шеллингу, — это "состязание нервов, риска, воли, выдержки", это "дипломатия насилия"[474]. Противник должен быть уверен, что угроза начать войну всегда может обернуться войной. Свои рассуждения Шеллинг иллюстрирует таким примером. Открытое море. Двое в лодке. Один принуждает другого грести, угрожая перевернуть лодку. Толку никакого. Спутник знает, что утонут оба. Угроза бесполезна. Но если начать так раскачивать лодку, что она в любое время может перевернуться, то эффект станет другой. Причем лодка может выйти из-под контроля. События происходят независимо от желания сторон. Видя реальность опасности, гребец может стать сговорчивее[475]. Практическое воплощение "раскачивания лодки" — локальные войны. Иными словами, политика "на грани войны", словно вашингтонская модница, обряжалась в новые и новые наряды. Буржуазные политологи упаковывали ее в разного рода теоретические концепции применительно к ситуации. Варианты — от самых воинственных до "голубиных" (в допустимых, разумеется, пределах) — не меняли сути дела. Стержнем политики оставалась сила. Идеологи дискутировали лишь о том, когда, где и при каких

обстоятельствах надлежит использовать эту силу.

В 80-е годы администрация Соединенных Штатов приложила все усилия, чтобы довести мир до опасной черты ядерного конфликта, объявила силу главным принципом международной политики. Лодка, которую с энтузиазмом и наслаждением раскачивают на реке Потомак, того гляди начнет зачерпывать воду. Но нынешний шабаш пророков силы не является чем-то новым и необычным для США. Послевоенные десятилетия таили в себе огромную опасность мировой термоядерной войны, характерной таким разгулом военной истерии, который оставил неизгладимый след в жизни американского народа. Это была оргия жрецов "холодной войны", время атомных угроз и шантажа. Т. Финлеттер признал, что запуск советских спутников Земли "открыл новую эру в послевоенной истории". До сих пор, пишет автор, американцы даже и не предполагали, что США могут потерять свое "военное и техническое превосходство", а русские в состоянии делать что-то лучше их. Американский народ "до запуска русских спутников был уверен, что США имели огромное преимущество над русскими по всем аспектам атомной мощи"[476]. Запуск советских спутников автор считает вторым по значению ударом по системе капитализма после победы социалистической революции в России. Человечество, дело мира одержали историческую победу. Военно-промышленная олигархия и политика авантюризма понесли жестокое поражение. Истории еще предстоит по достоинству оценить тот качественный вклад Советского Союза в развитие мировой политики, который круто изменил ее ход, охладив пыл американских ядерных маньяков.

Но как теперь быть с "агрессивностью" СССР? Поначалу было разыграно удивление, что Советский Союз, располагая ракетно-ядерным оружием, вновь предлагает программу мира и всеобщего разоружения. Другие изображали дело так, будто в мире не произошло ничего, что заслуживало бы внимания американцев, и продолжали повторять избитые выдумки. И наконец, третьи требовали нового подхода, новой аргументации, новых принципов, срочных мер, способных преодолеть тяжелый кризис, в котором оказалась американская политика.

Доктрина "силы" на некоторое время потеряла доверие. "Массированное возмездие" превратилось, по образному выражению Миллса, в "массированную чепуху". Надо было искать иные пути решения международных проблем. Трубадуры войны начинают выступать под маской "миролюбцев". Как видно, прием, который сегодня использует Р. Рейган, надевая поочередно то маску ястреба, то маску голубя, далеко не нов. То же было и в первое время после 1957 года. Буржуазные политологи маскируют агрессивные цели мирной фразеологией, постепенно отказываются от некоторых изрядно надоевших терминов "холодной войны",

В книге Д. Грабера "Кризис дипломатии" делается попытка применить доктрину "национальных интересов" к новым условиям, созданным в мировой политике запуском спутника. Автор выступает против мировой войны, но заявляет, что "национальные интересы" оправдывают любое вмешательство США в дела других государств. Грабер утверждает, что только на пути постоянной, истощающей врага интервенции возможна надежда на успех в борьбе с "мировым коммунизмом". Старую колониалистскую политику надо поправить только в одном. В изменившейся обстановке политика вмешательства должна быть более тонкой, дальновидной, умело сочетать "методы прямой и косвенной интервенции"[477].

Автор книги "Неопределенный призыв" М. Тэйлор свои предложения о "новой" политике

сооружает на базе критики доктрины "массированного возмездия". Вместо этой "неопределенной, неясной и робкой" формулы Тэйлор выдвигает лозунг "гибкого реагирования". Сущность его — в сочетании готовности ко всеобщей ядерной войне и способности ответить на любую локальную агрессию. Практические советы Тэйлора — всемерное развитие ракетной техники, усиление заграничных военных баз, увеличение численности армии, модернизация вооружения, подготовка народа к новым жертвам. Автор на стороне предложений Киссинджера о локальных войнах, рассчитанных на "политическое и экономическое истощение" Советского Союза. Доктрину объявили "новой". Но вся ее "новизна" свелась к перепеву старых песен идеологов империализма. Растерянность среди идеологов внешней политики, вызванная запуском спутника, однако, длилась недолго. Прошло некоторое время, и жрецы "холодной войны" вернулись на проторенную дорожку оголтелого милитаризма.

Мы уже видели, что американские факельщики войны ничем не брезгуют, чтобы оболгать политику Советского государства, приписать ему самые чудовищные планы, свалить на Советский Союз вину за авантюристическую линию США в мировой политик". Многие изменилось за последние годы в мире: люди и правительства, страны и соотношение сил. Казалось, пора бы делать выводы и американским жрецам войны. Но мало что могло научить их. С патологической ненавистью к прогрессу они продолжают свое дело, призывают не стесняться в выборе средств борьбы с коммунизмом, включая организацию беспорядков, субсидирование подрывного движения и в случае необходимости похищение или убийство руководящих деятелей в стане противника. Некто Ф. Джонсон в книге "Победу ничто не заменит" яростно нападает на правительство за его якобы оборонительную политику в отношении социалистических стран. Он требует "уничтожить коммунизм во всем мире", "прекратить все отношения с Советским Союзом", развернуть "действия полувоенного характера" (террор, саботаж, восстание)[478]. И все это ради "национальных интересов".

Массированное оболванивание, мракобесие, травля и запугивания приучили многих американцев принимать на веру любую чепуху, Говоря о пропаганде против СССР, бывший министр внутренних дел США Г. Икес еще в 1945 году заявил: "Подчас, когда я слышу эти нашептывания, я сомневаюсь в том, что Геббельс действительно мертв... мне кажется, что он лишь эмигрировал в США"[479].

Каких только теорий не сочинили апостолы империализма, продавшие себя делу войны! "Сдерживание", "освобождение", "политика на грани войны", "свобода действий", "рассчитанный риск", "способность к первому противудару", "перерастание ограниченной войны во всеобщую", "принуждение", "ограниченная война", стратегия "первого удара" и многие другие, означающие одно: освящение ядерной войны. В пропагандистском обиходе то и дело мелькают слова о "сверхубийстве", "стирании городов", "мега-смерти". Их, словно гвозди, вбивают в сознание американцев.

Все послевоенные годы американские "теоретики" активно разрабатывают доктрины "первого удара" и "превентивной войны", которые сегодня в чести у администрации республиканцев. Как пишет автор книги "Политическая война" Дж. Скотт, в Соединенных Штатах довольно распространены призывы: "Сбросить бомбу и стереть ужасных коммунистов с лица земли! Начать превентивную войну, пока имеются решающие военные преимущества!"[480].

В книге Эллиота "Если Россия нападет" превентивное нападение на Советский Союз изображается как продолжение во времени и пространстве доктрины Монро.

Страус-Хюпе и Поссопи считают превентивную войну вполне логичной и имеющей глубокий смысл с военной точки зрения[481]. В сборнике "Оборона и национальная безопасность" говорится, что американская политика "должна включать не только ударные силы, которые мы называем „большой дубинкой“, но также и средства, обеспечивающие уверенность, что при любых убедительных обстоятельствах мы будем в состоянии употребить „большую дубинку“[482]. Больше того, автор работы "Почему Соединенные Штаты проиграют третью мировую войну?" Ч. Хиггинс пишет, что любая оттяжка с началом войны является "великой ошибкой", которая все больше и больше отдаляет США "от победы в войне и установления демократии на территории врага"[483]. В книге "Передовая стратегия для Америки" откровенно признается, что отказ от превентивного удара "уменьшает гибкость политических действий и передает инициативу противнику"[484]. И далее: "Соединенные Штаты не могут отказаться от того, чтобы первыми использовать атомное оружие. Такое самоограничение чревато катастрофой"[485].

Одним из первых, кто открыто выступил в защиту необходимости термоядерной войны, был Г. Кан. В книге "О термоядерной войне" он пишет, что последствия ее не так уж страшны, а разница между ужасами мира и ужасами войны "лишь количественная — в степени и уровне"[486]. Он убеждает американцев, что экономика США после термоядерной войны "относительно быстро сможет восстановить большую часть довоенного национального продукта"[487]. Кан призывает отрешиться от иллюзии, что войны не будет. Больше того, надо "со всей серьезностью угрожать, что войну начнем мы сами"[488]. В книге "Мысли о немислимом" Кан вновь уверяет, что "относительно нормальная и счастливая жизнь будет возможна даже в суровых условиях, которые могут оказаться доминирующими после ядерной войны"[489].

И все же разговоры о первом термоядерном ударе были слишком пугающими, вызывали протест, будили недовольство. На свет появились новые концепции, наибольшее внимание из которых привлекла доктрина "гибкого реагирования", о чем уже упоминалось выше.

Как известно, концепция пошла от генерала М. Тэйлора, занимавшего при Эйзенхауэре пост начальника штаба армии. Ее основные принципы были изложены в книге "Неопределенный призыв", содержавшей острую критику "массированного удара". Стратегия "массированного возмездия", писал Тэйлор, предоставляет нашим руководителям лишь два выбора: "либо развязывание всеобщей ядерной войны, либо компромисс и отступление". Тэйлор против обоих вариантов. Стратегическая доктрина, которую "я мог бы предложить взамен массированного возмездия", пишет он, называется стратегией "гибкого реагирования". Это название указывает на то, что "мы должны быть способны реагировать на любой возможный вызов и успешно действовать в любой ситуации"[490]. Не следует ставить недостижимую цель, рассуждает Тэйлор. Надо отказаться от чрезмерных надежд на всеобщую ядерную войну. Предпочтительнее малые войны. Решение ограниченных задач более эффективно. Впрочем, о предпочтительности локальных конфликтов писали уже Г. Киссинджер, Ч. Боулс и другие.

Концепция "гибкого реагирования" по существу своему столь же воинственна, как и другие доктрины ядерной войны. Однако несогласие автора с установкой на "массированный удар" стоило ему должности, его вынудили уйти в отставку. Но время шло, и в 1962 году взгляды Тэйлора приглянулись президенту Кеннеди. Он был

возвращен из опалы и назначен личным помощником президента. Летом 1962 года Тэйлор получил высшее в американской армии назначение, став руководителем Объединенного комитета начальника штабов.

Дело, однако, не в назначении генерала Тэйлора, а в конкретных мероприятиях, которые за этим последовали. Если стратегия "массированного удара" предполагала основной упор на ядерное оружие, то для претворения в жизнь "гибкого реагирования" необходима подготовка к различного рода "ограниченным войнам". С этой целью правительство Кеннеди, увеличивая ассигнования на ядерное и ракетное оружие, стало одновременно наращивать производство обычных вооружений. Вашингтон приступил к формированию частей особого назначения — этих "пожарных команд" империализма. Речь идет о необъявленных "партизанских" и контрпартизанских войнах. Необъявленная война — это засылка в другие государства диверсантов и провокаторов, убийства неугодных руководителей, различные формы саботажа, непосредственное участие вооруженных сил в акциях против стран, с которыми США формально не находятся в состоянии войны. "Мысль о том, что США должны полагаться на партизанские методы ведения войны как на единственный способ остановить и обратить вспять наступление коммунистов, — констатировала газета „Уолл стрит джорнэл“, — пустила ныне прочные корни в национальной политике... Сейчас вполне почтенные высокопоставленные люди спокойно обсуждают такие вещи, как методические убийства коммунистических руководителей за границей"[491].

Конкретизацией теории "гибкого реагирования" явилась доктрина "контрсилы", выдвинутая бывшим министром обороны Макнамарой. Она состоит из трех частей. Первая — обоснование и подготовка к тотальному удару. В соответствии с ней Пентагон требует не жалеть усилий, чтобы иметь возможность нанести противнику термоядерный удар. В то же время лелеется надежда, что, закопавшись под землю, спрятав в подземных убежищах ракеты и командные пункты, можно избежать уничтожения своего ракетно-ядерного потенциала при ответном ударе.

Вторая часть доктрины сформулирована в выступлении Макнамары летом 1962 года в Мичиганском университете. Основной военной целью США в случае возникновения ядерной войны должно быть уничтожение вооруженных сил противника, а не его гражданского населения.

Если проще сказать, то окажется, что речь идет о попытке выработать некие "правила ведения" термоядерной войны. Теоретические построения Кана, Шеллинга и других не остались без следа. Ядерные бомбы надо взрывать по "джентльменским" правилам: не над городами, а над военными объектами. Только вот беда: как отделить военные объекты от невоенных? Как распорядиться смертоносными радиоактивными осадками, которые, возникнув, скажем, от взрыва над военным объектом, обрекут на мучительную смерть все живое на сотни километров вокруг? Американские специалисты еще в начале 60-х годов подсчитали, что если ядерные бомбы будут обрушены только на военные объекты США, а города останутся нетронутыми, то из 180 миллионов имевшегося тогда американского населения 70 миллионов погибли бы от радиоактивных излучений.

Третья часть доктрины именуется в Пентагоне "правом неядерного выбора". Суть ее заключена в следующем: поскольку времена, когда Вашингтон тешил себя иллюзиями "ядерного превосходства", безвозвратно ушли, Соединенные Штаты должны развивать обычные вооруженные силы.

В доктрине Макнамары ярко видны двойственность и метания идеологов и политиков. С одной стороны, она исходит из допустимости термоядерной войны. В то же время полагается необходимым дополнить традиционную политику ядерной мощи рассуждениями о "сохранении городов", "правилах ведения войны", "неядерном выборе". Еще недавно заокеанские стратеги целиком полагались на термоядерный кулак, охотно рассуждали о "глобальной войне". Ныне в лексиконе появились и осторожные выражения: "гибкое реагирование", "неядерный выбор", "ограниченная война". Дело здесь не в терминологических тонкостях, а в значительно более глубоких и важных процессах. По-видимому, речь шла в то время о медленном (значительно более медленном, чем это диктуется жизнью), непоследовательном, в немалой степени стихийном приспособлении политико-стратегических концепций Вашингтона к изменившейся расстановке сил на мировой арене. Но и в новых доктринах тотальная война остается наиболее вероятной альтернативой всем другим планам, а в некоторых случаях единственным выходом. Создаются "гипотетические сценарии", "канонические варианты", экстраполируются некие "условные тенденции", и на основе их многократности выводятся ожидания, сооружаются проекции, очищенные от случайностей. И все это для того, чтобы гипотетическое развитие событий выдать за реальное, а возможное смертоносное решение представить как научно обоснованное[492].

Одну из своих книг Г. Кан назвал "Эскалация". В ней он утверждает, что "эскалация", или постепенное повышение уровня насилия, может спасти человечество от всеобщей войны. Он предлагает абстрактную схему-теорию, но теперь уже в виде "лестницы эскалации", состоящей из многих ступеней и порогов — от "мнимого кризиса" до "бессознательной войны". И снова, по словам автора, эти ступени и пороги лишь "моделированные явления", своего рода метафоры, абстрактный методологический прием. Нереальность их объясняется тем, что не хватает опыта всеобщей атомной войны. А коль термоядерной войны еще не было, рассуждает автор, то "многие наши понятия и доктрины должны опираться на абстрактные и аналитические соображения"[493].

Хотя советская угроза и представляется автору проблематичной, все же во всех его рассуждениях о войне и насилии фигурирует СССР как главный участник мирового конфликта. Кан предлагает новую игру — игру в "слабака": кто первый струсит, тот и свернет с пути эскалации. Эта игра является продолжением и развитием теории игр в уничтожении городов, но там по принципу: кто первый опомнится. Новая игра предназначена для того, чтобы помочь правительству "повысить способность контролировать насилие"[494]. Если довести эту способность до совершенства, то эскалация может стать даже "повивальной бабкой истории"[495]. И не меньше. Смысл абстракций Кана сводится к тому, чтобы посеять вреднейшую и опаснейшую иллюзию о возможности контроля самой ядерной войны.

Конечно, и подобного рода идеологи империализма не остаются совсем уж слепы и глухи к реальной жизни — в противном случае капитал не стремился бы воспользоваться их услугами. С течением времени воззрения Кана претерпели определенные изменения. В своей последней книге "Грядущий бум" он в какой-то мере отходит от мысли о возможности решения исторического спора между капитализмом и социализмом посредством мирового ракетно-ядерного столкновения. Теперь центр тяжести противоборства двух систем лежит, по его мнению, в области экономики[496].

Но Кан по-прежнему придает важнейшее значение тому, чтобы "приемлемость ядерной войны" оставалась в числе активных инструментов внешней политики США, солидаризируется с требованиями администрации Р. Рейгана о дальнейшем наращивании военной мощи, утверждает, что в современных условиях "сдерживание" должно опираться на превосходство в силе и способность к ядерному шантажу"[497]. Логика здесь нет. Но стиль мышления, мировосприятие, отношение к социализму ясны. Стиль опасный, болезненный и устойчивый. Его существо в свое время выразил нынешний президент Р. Рейган. Выступая по радио еще в 1975 году, он сказал: "Русские много раз заявляли нам (именно так, и не иначе! —А. Я.), что их цель — установить во всем мире их систему. Мы вкладываем средства в вооружения, чтобы сдержать их. Но что представляется нам конечным выходом из этого положения? Либо они увидят всю обреченность их пути и откажутся от своих целей... либо... нам придется когда-то воспользоваться нашим оружием"[498].

И наконец, еще об одной разновидности проповеди войны — доктрине "жесткого среднего пути". Ее автор П. Андерсон призывает отказаться "от политики сдерживания в пользу политики инициативы"[499], то есть опять-таки готовиться к термоядерной войне. Не "освобождение" и не "атомное упреждение", а всего-навсего "инициатива", но смысл тот же: превентивный удар. Поскольку компромиссы между Западом и Востоком невозможны из-за коренного различия в жизненных принципах, то и война фатальна. Но страшиться ее не следует. Война сейчас менее опасна, хотя миллионы и будут убиты, а вот через несколько лет спасения уже не будет. Так уж лучше воевать сейчас. Подобные же идеи развиваются и в книге Р. Стромберга "Коллективная безопасность и американская внешняя политика". Пришло время, утверждает автор, отрешиться от "мессианской веры" предотвратить войну. От иллюзий о мире надо перейти к "консервативному реализму", отрицающему "абсолютные поиски мира и безопасности"[500].

В американской прессе можно было встретить статьи, в которых взгляды наиболее рьяных проповедников "атомной смерти", например Голдуотера или Уоллеса, объявлялись нетипичными. Разумеется, респектабельнее поморщить нос, слушая или читая уоллесов и голдуотеров. Но легкомысленно делать вид, что эти ультристы — всего лишь самодеятельные потешники. Оба они были выдвинуты кандидатами в президенты. С какой же в то время программой шел на выборы Голдуотер? В книге "Совесь консерватора" утверждается, что "терпимый мир" может быть только после "победы лад коммунизмом"[501]. Голдуотер выступает против всяких переговоров с коммунистами, обмена делегациями, за разрыв дипломатических отношений с СССР, за организацию восстаний в социалистических странах и т. д. Эти же идеи изложены и в другой его книге — "Почему не победа?". Победу ультраправых Голдуотер объявляет главной, ближайшей целью американской политики, без чего невозможно достижение наибольшей степени свободы, справедливости, мира и процветания. Перечислив эти ритуальные лозунги, Голдуотер спокойно заявляет, что при осуществлении изложенной им программы борьбы с коммунизмом "не всегда можно избежать стрельбы"[502].

Свобода, справедливость, мир, процветание — эти заклинания не выручили Б. Голдуотера. Он провалился на выборах.

Президентом страны стал Л. Джонсон, который вел избирательную кампанию под лозунгами приверженности к миру. А дальше был разыгран чисто американский спектакль. Лозунги одни, а дела совсем другие. Так и на этот раз: Голдуотера

забаллотировали, а голдуотеризм прижился в практических делах политики. Недаром же Голдуотер восторженно отзывался позднее о действиях Л. Джонсона, заметив, правда, что, если бы он, Голдуотер, предлагал то, что уже делает администрация демократов, его, Голдуотера, повесили бы.

Кровожадность, крайний шовинизм, которыми пропитаны многие работы по вопросам войны и мира, не могут не тревожить любого здравомыслящего человека. Если вдуматься в ситуацию, которая сложилась после 1957 года, то она, по признаниям американских политологов, характеризовалась тем, что бессмысленность мировой войны как средства решения международных споров или достижения каких-то задач стала очевидной.

Даже в такой в целом милитаристской работе, как "Советская военная политика" Р. Гартгофа, признается, что у Советского Союза имеется эффективная возможность нанести "ответный и сокрушительный удар по Соединенным Штатам"[503], а это сводит к нулю притягательность превентивного удара, пока еще активно рекламируемого в США. В новых условиях, отмечает Г. Гинзбург в книге "Военная стратегия Соединенных Штатов в 60-е годы", вполне правомерен вопрос: "Имеет ли вообще какой-то смысл в ядерный век та степень качественного и количественного превосходства, которую мы сможем обеспечить?"[504].

Казалось бы, сама логика событий говорила о бессмысленности гонки вооружений. Но от этого средства наживы американские монополисты сами отказаться не могут в силу своей "дурной экономической наследственности". Вот и появилось на свет множество доктрин, основная цель которых, по признанию автора книги "Военная система" Б. Кокрэна, "рассеять гипнотизирующую веру, что ядерной войны не будет, не должно быть и не может быть"[505]. Гонка вооружений оправдана, а сложившаяся обстановка, когда, по мнению Кокрэна, может вспыхнуть любая война (обычная или атомная, ограниченная или всеобщая), требует непрерывного усиления этой гонки.

И все же, несмотря на различия, доктрины "доракетного" периода и доктрины "ракетного" периода нанизываются на одну и ту же идею: подготовка войны с Советским Союзом. Ее фатальная неизбежность еще остается отправной позицией многих влиятельных идеологов американского империализма, его правящей клики. Небезынтересны и попытки классификации политологии. Они дают представление о том, как сами американцы оценивают взгляды своих коллег по проблемам войны и мира. Например, Дж. Реймонд в книге "Власть в Пентагоне"[506] делит буржуазных политологов на две группы: на "отказывающихся верить в немыслимость войны" и на "иррациональных апостолов мира". К тем, кто "отказывается верить в немыслимость войны", Реймонд относит Г. Кана и его единомышленников. Заметим, кстати, что другой социолог, Дж. Ньюман, высказался об этой компании каннибалов более определенно. По поводу книги Кана "О термоядерной войне" он писал, что она "пропитана такой кровожадной иррациональностью, какой я еще никогда не встречал за все время, что читаю книги"[507]. Это замечание справедливо, поскольку работы Г. Кана и ему подобных содержат не просто отказ верить "в немыслимость войны", а ее откровенную проповедь.

А. Герцог делит американских идеологов, специалистов по международным проблемам на три группы: "ужасителей", "аналитиков" и "сторонников мира". К ужасителям он относит Р. Страус-Хюпе, открыто выступающего за термоядерную войну. В этой группе и Э. Теллер, советующий американцам "освободиться от необоснованного страха перед

ядерным оружием"[508]. Аналитиками Герцог считает Г. Киссинджера, Т. Шеллинга. Шеллинг, например, заявил Герцогу, что "умелое манипулирование угрозами является более важным, чем все остальное"[509]. Г. Кана Герцог тоже зачислил в аналитики. Но и устрашителей и аналитиков автор считает сторонниками доктрины "грязных рук"[510]. Пример с классификацией Реймонда и Герцога характерен тем, что и в историографии современных проблем войны и мира происходит усечение действительных взглядов поджигателей войны. Смысл такой операции состоит в том, чтобы изобразить их в менее неприглядном свете, чем они есть на самом деле, показать проповедников убийства всего лишь представителями одной из научных точек зрения.

Буржуазные политологи не только изобретают доктрины войны, но и путем различных словесных ухищрений, исторических аналогий, литературных сравнений пытаются романтизировать атомное убийство человечества, окружить его ореолом загадочности, манящей неизвестности. Все это — свидетельство полного отказа от гуманистических традиций общественной мысли. Реакционные политические "романтики" готовы уничтожить и саму историю во имя торжества своих бредовых идей.

В докладе М. С. Горбачева на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, отмечалось, что в США

"разрабатываются варварские доктрины и концепции использования ядерного оружия", "США пытаются навязать международному сообществу свои претензии на некую исключительность и особое предназначение в истории. Только этим и можно объяснить имперские заявки на „зоны жизненно важных интересов“, на право вмешиваться во внутренние дела других государств, „поощрять“ или „наказывать“ суверенные страны и народы в зависимости от прихоти Вашингтона"[511].

В доктрине "исключительного" места США в истории человечества тесно переплетаются религиозные, политико-идеологические и социокультурные компоненты. Она объединяет и священников, и идеологов, и политиков, и издателей. Например, М. Фокс, анализируя материалы журнала "Тайм", посвященные проблемам американского национального сознания в их сопряжении с внешней и внутренней политикой правящих кругов США, пришел к выводу, что журнал смешивает религию с национализмом. Он приписывает США "божественную миссию" на Земле, особенно в борьбе с коммунизмом. Такой подход, по словам Фокса, является результатом свехупрощения американизма, коммунизма и религии. Американизм приобретает статус религии, что требует безусловной веры в Америку и ненависти к ее врагам[512]. Таким образом, американский национализм становится догматической религией, которой надо поклоняться[513]. Крайний шовинизм, повенчанный с идеей "американской миссии", оказался благодатной почвой для возникновения доктрины "крестовых походов".

Порочное супружество идеи "предопределения свыше" и практики шовинизма породило и порождает свои специфически американские плоды в виде неумеренного, полурелигиозного морализма, социального нарциссизма, самовлюбленности и чувства непогрешимости. Люди с подобной психологией даже в случаях, когда они вынуждены смотреть на других, смотрят как бы в зеркало на самих себя. Это в значительной мере и порождает фанатизм, нетерпимость к мнениям других, ненависть к любому, кто не приемлет позицию истинного стопроцентного "американизма". Именно поэтому кампании по воспитанию преданности "американизму" не раз выливались в истерию, которая, искусственно взбудораживая общественную и политическую жизнь страны, создавала атмосферу страха, политической нетерпимости, травли инакомыслящих.

Особая опасность культа силы в американской общественно-политической традиции состоит в том, что правящие круги США положили эти принципы в основу внешнеполитической стратегии. Особенно одиозные формы мессианство приобрело в деятельности нынешней американской администрации. Утерев прежние позиции в мировой экономике, монополию на ядерное оружие, скомпрометировав себя своим международным поведением, американские правящие круги, оказываясь не в состоянии правильно оценить сложившиеся реальности, предприняли новую попытку вернуть прошлое. Когда Р. Рейган, выступая в английском парламенте 8 июня 1982 года, провозгласил "крестовый поход" против коммунизма или, разглагольствуя перед евангелистами в марте 1983 года, разделил мир на "силы добра" и "силы зла", он исходил из демонологической концепции, которая требует устранения "сатанинских" сил. С этой целью американский президент объявил 1983 год годом Библии в США, сделав таким образом заявку на роль "святого отца" американского народа. Как и его предшественники, он, вероятно, полагает, что именно США являются "святым местом", что именно отсюда исходит "слово божье". Типичная американская комедия, начиненная идеями, которые всегда благословляли насилие и войны, любые злодейские дела во имя американизма.

Выступая на сессии Трехсторонней комиссии 3 апреля 1984 года, госсекретарь США Дж. Шульц сказал: "Если мы намерены защищать свои ценности и своих союзников, мы должны занять твердую позицию. И мы должны использовать свою силу. Часто говорится, что уроком вьетнамской войны должно стать следующее: США не должны вступать в военный конфликт, не имея ясной и определенной военной задачи, прочной поддержки общественности и ресурсов, достаточных для достижения цели. Это, несомненно, так. Но значит ли это, что не существует ситуаций, в которых демонстрация силы необходима и уместна для решения ограниченных задач? Вряд ли. И в кризисной обстановке, и в военном планировании, и при демонстрации силы или поддержании мира, и в локальной военной операции всегда будут моменты, когда потребуются всеобщие усилия всей страны в масштабах, в которых это происходило во вторую мировую войну.

Как заявил четыре недели назад в сенате лидер большинства сенатор Говард Бейкер, "мы не можем, как прежде, начинать наше военное вмешательство за рубежом с длительных, утомительных распрей между исполнительной и законодательной властью. Обстановка в мире и многочисленные задачи, которые она перед нами ставит, просто не позволяют нам такой роскоши.

Американцы — народ не робкий. Внешней политикой, достойной Америки, должна быть не политика изоляции и самобичевания, а политика активных действий"[514].

От этой логики деятеля, облеченного государственными регалиями, веет откровенно агрессивным милитаризмом. Автор книги "Русская рулетка" А. Кокс, характеризуя людей нынешней администрации Вашингтона, пишет, что "все они являются представителями культа военного превосходства"[515].

Политика силы, милитаризация подхода к международным отношениям представляют огромную опасность. Судя по публичной риторике хозяина Белого дома и представителей его администрации, а также их конфиденциальным высказываниям, писал после вторжения на Гренаду известный обозреватель Л. Гелб, они "не видят разницы между компромиссом с противником и сделкой с дьяволом. Для них все противники дьяволы"[516]. Вашингтон со средневековым фанатизмом, потрясая

Библией, проклинает всех "неверных" капитализму, зовет Запад в "крестовый поход" против инакомыслящих, против тех, кто отвергает систему социального неравенства. "Новые правые" испытывают "опасную потребность в ядерной войне", они отводят ей "священное место" в оценках происходящих в мире событий. Война рассматривается как провозвестница триумфального возвращения Христа. Как и у крестоносцев, у "новых правых" бог — это "бог-воитель". Один из идеологов "новых правых", В. Линдсей, даже в Библии ищет предсказания последней, ядерной войны[517]. Во влиятельном журнале "Форин полиси" под характерным заголовком "Победа возможна" появилась статья весьма близких Р. Рейгану политологов К. Грея и К. Пейна, в которой содержится критика "тенденции рассматривать стратегический ядерный конфликт не как войну, а как всеобщую катастрофу". Вашингтон должен указывать цели, с тем чтобы в конечном счете "обеспечить разрушение советского аппарата власти и установление такого международного порядка после войны, который был бы совместим с западными представлениями о ценностях... Соединенные Штаты должны планировать победу над Советским государством. Причем победа должна быть достигнута ценой, которая не помешает восстановлению США"[518].

Пророки такого хода событий проповедуют фантастическую теорию, согласно которой "решительный народ", одержав победу в ядерной войне и поднявшись из радиоактивного пепла, способен выжить и даже восторжествовать над остальным дымящимся миром. Сенатор Р. Рассел как-то патетически взывал к богу помочь американским Адаму и Еве подняться после войны из руин, дабы вновь возродить "свободный мир".

Таким представляется "судный день" в больном воображении американских ультраправых, захвативших власть в США. Похоже, что старые представления о мире, созданные на почве американской мифологии ковбоев и индейцев, полицейских и грабителей, которые, казалось, должны быть уже смыты ценностями и реальностями развивающегося общества, вновь возродились, чтобы стократно возбудить шовинизм, довести его до степени национального помешательства и поставить на службу внутренней и внешней политики.

Часть III. Реальности

Глава десятая. По краю бездны

Еще не так мало живет на Земле людей, которые помнят Великий Май Победы над фашизмом. Для советского человека это было выстраданное, выплаканное, омытое кровью отвержение войны. Радость и горе, утраты и мечты — все слилось в надежде, что сама память о миллионах погибших, слезы миллионов матерей, вдов, сирот, безысходность голодных и бездомных не допустят и мысли о новой войне, о новых безмерных страданиях человека.

Но всего через 90 календарных дней после 9 мая атомные взрывы, уничтожившие мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, возвестили человечеству, что новое оружие беспрецедентно массового уничтожения начало свою смертоносную жизнь. Еще до того, как атомная бомба прошла испытания в Нью-Мексико, государственный секретарь США Бирнс утверждал, что бомба может дать прекрасную возможность "диктовать"

американские условия в конце войны, что "обладание бомбой и демонстрация ее сделают Россию более послушной а Европе"[519]. Участвуя в послевоенных мирных конференциях, "Дж. Бирнс, „горячая голова“, пребывал в эйфории, ощущая ядерную монополию США, и вел себя как петух"[520].

Волею судеб оказавшись в Белом доме, Г. Трумэн остался мелким политиканом, лицемерным и провинциальным. Опьяненный собственной властью, не понимая реалий современного мира, долговременных интересов США, он положил в основу послевоенной внешней политики стратегию ядерного шантажа и ядерной войны, обрекая тем самым США на зловещую роль потенциального убийцы человечества и его дома — Земли. Г. Трумэн и его хозяева делали это осмысленно. Газета "Таймс" свидетельствует, что Г. Трумэн искал оправдание бомбе в Библии и нашел его в словах об "огненном уничтожении", но в то же время цинично признал, что именно обладание атомным оружием превратило США в "мирового лидера"[521]. Эта же идея двигала им и тогда, когда на первые в мирное время испытания атомных бомб в районе атолла Бикини 1 и 25 июля 1946 года были приглашены иностранные наблюдатели. Они, по свидетельству американского политолога Г. Моргентау, должны были понять, "что может сделать атомная бомба над и под водой и насколько велико в военном отношении должно быть превосходство державы, обладающей атомной монополией по сравнению со всеми остальными государствами"[522]. В своих мемуарах Г. Трумэн признает, что он исходил из посылки: новое оружие "не только революционизирует войну, но может изменить ход истории и цивилизации"[523]. Именно эта концепция и была заложена в послевоенное стратегическое планирование США, основанное на использовании ядерного оружия. Ветеран американской дипломатии Дж. Кеннан, вспоминая в своих мемуарах о тех днях, пишет следующее: "Мы отдавали на словах дань, когда выступали на международных форумах, желанию ликвидировать атомное оружие. Но было совершенно ясно... что мы основываем нашу оборонительную структуру на этом оружии и намереваемся первыми использовать его"[524].

Весной 1983 года журнал "Интернэшнл секьюрети" опубликовал исследование "История потенциала многократного уничтожения; ядерное оружие и американская стратегия периода 1945—1960 гг.", в котором подтверждается, что уже в 1946 году правительство США одобрило меры по производству тактического оружия и термоядерных бомб, приняло стратегию, согласно которой "нанесение первого удара по советскому ядерному потенциалу считалось главной задачей в случае войны"[525].

Как сообщила газета "Дейли телеграф" (7 августа 1985 года), профессор ядерной физики Нью-Йоркского университета Микио Каку сказал, что администрация США во главе с президентом Трумэном планировала в 1946 году атомную бомбардировку Советского Союза и оккупацию СССР и Восточной Европы войсками Соединенных Штатов и их союзников. Он указал, что эти планы содержатся в рассекреченных документах, с которыми Каку ознакомился. Профессор сообщил, что атомная бомбардировка Советского Союза должна была состояться всего через несколько недель после разрушения японских городов Хиросимы и Нагасаки. Подтверждающие это документы получены из Пентагона и архива Комитета начальников штабов США. Остановило то, что в 1946 году Вашингтон располагал всего семью атомными бомбами, а для того, чтобы вынудить Советский Союз капитулировать, ему потребовалось бы гораздо больше.

В одном из документов, составленном в марте 1946 года, говорится, что план атомного

нападения на Советский Союз был частью общего согласованного плана, получившего название "Пинчер" и содержавшего основные детали оккупации Советского Союза после его капитуляции. В соответствии с ним США предполагали оккупировать Советский Союз и Восточную Европу 25 армейскими дивизиями, дислоцировав их в районах между Москвой и Ригой, Ростовом и Новороссийском, Владивостоком и Иркутском и в восточноевропейских районах.

В 1954 году США выработали другой оперативный план, получивший название "Операция „Шейкдаун“, который предусматривал использование тысячи бомбардировщиков В-29 и В-36 для нанесения ядерных ударов по Советскому Союзу с тем, чтобы в течение двух часов превратить его в дымящиеся руины.

Какую сказал, что американские военные по-прежнему считают ядерное превосходство и потенциал для нанесения первого удара составной частью своей общей стратегии. Некоторое время назад на Западе (в Англии и США) опубликованы документы, касающиеся военно-стратегических планов американской военщины в отношении Советского Союза, планов ядерного нападения на нашу страну. На Западе эти документы по возможности замалчиваются. Документально подтверждено, что США осуществляли планомерную подготовку к атомной войне. Чтение документов вызывает чувство омерзения, но знать о них надо, дабы понять, сколь далеко идут замыслы американского милитаризма и сколь часто человечество оказывалось на пороге гибели. Обратимся к фактам.

Подстегиваемая успехом почти мгновенного уничтожения мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, американская военщина приступила к разработке ядерных директив. Они получили названия: "Основы формулирования американской военной политики" (1496/2) и "Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США" (1518).

Объединенный комитет начальников штабов 19 сентября и 9 октября 1945 года (соответственно) утвердил их. Составители планов включили в директиву 1496/2 ссылку на возможность нанесения первого удара. "Мы не можем позволить, — говорилось в ней, — чтобы из-за наших ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был нанесен первый удар. В этих условиях наше правительство должно быстро принять политическое решение, в то время как будет проведена подготовка для нанесения в случае необходимости первого удара"[526].

В октябре 1945 года Объединенный комитет начальников штабов рекомендовал ускорить атомные исследования и производство атомного оружия, а в секретной разработке от 31 ноября 1945 года были намечены мишени для бомбардировки.

Перечислим эти первые советские города, которых ожидала участь Хиросимы и Нагасаки: Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. К осени 1947 года в качестве объектов атомного удара было определено сто городских центров. В первом оперативном плане стратегической авиации, подготовленном в 1948 году, указывалось, что "главной особенностью атомного оружия является способность уничтожить скопления людей, и эту особенность необходимо использовать". В те годы были разработаны общие и конкретные планы боевых действий и атомных бомбардировок, получившие названия "Бройлер", "Фролик", "Хэрроу" и др.

В документе Объединенного комитета начальников штабов "Директивы по вопросам стратегического планирования" (1.5.1947) указывалось: "Если будут созданы военные

базы и возможность использования коммуникаций, Соединенные Штаты смогут вскоре после начала войны предпринять наступательные стратегические военно-воздушные операции против жизненно важных промышленных и городских центров России. ...Нужно выделить сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы для захвата ключевых районов с целью повышения эффективности стратегических воздушных налетов и, в случае необходимости, для начала крупного наземного наступления".

Предприятия советской нефтяной промышленности "могут быть подвергнуты весьма эффективным бомбардировкам с баз, расположенных на восточном побережье Средиземного моря или же в районе Каир — Суэц. Районы вокруг Москвы, бомбардировки которых дали бы наибольший моральный эффект, находятся в пределах досягаемости самолетов Б-29, базирующихся на Британских островах или в районе Каир — Суэц. Жизненно важные центры Урала и Кузбасса могут быть достигнуты с баз, расположенных в Индии. Поэтому в целях ведения максимально эффективной стратегической воздушной войны следует иметь базы на Ближнем Востоке, Британских островах и в Индии.

...Полный контроль над СССР мог бы быть, видимо, обеспечен оккупацией ограниченной по размерам территории, однако ввиду значительной площади и числа людей (военнослужащих и гражданских), которых необходимо держать под контролем, потребовались бы довольно значительные вооруженные силы союзников"[527].

А за год до этого помощник президента К. Клиффорд представил доклад "Американская политика в отношении Советского Союза", в котором обосновывался курс на войну.

"Уязвимость Советского Союза, — говорилось в докладе, — не так велика из-за огромных размеров его территории, на которой размещены основные промышленные предприятия и месторождения полезных ископаемых". Тем не менее Советскому Союзу может быть нанесен ущерб с помощью атомного оружия, биологической войны и воздушных налетов. Поэтому США должны готовиться к атомной и биологической войне, поддерживать свою мощь на уровне, достаточном для эффективного обуздания Советского Союза[528].

В эти годы формируется структура, предназначенная для координации подготовки и ведения войны против СССР. На исходе 1947 года создается министерство обороны, во главе которого оказался известный своими ультраястребиными взглядами Дж. Форрестол. С его назначением антисоветская кампания получила новый импульс, однако Дж. Форрестол сам пал жертвой истерии, выбросившись из окна своего кабинета с криком: "Русские танки!" Учреждается также Совет национальной безопасности (СНБ) во главе с президентом для координации военных усилий США. Начиная с 1947 года военная стратегия разрабатывается прежде всего этим органом, а затем облекается в форму планов Объединенного комитета начальников штабов. Наиболее характерные документы этого периода — меморандумы СНБ — 7.20/1, 20/2, 58.

Военные планы 1947—1949 годов основывались на следующем: первое — война с СССР — реальность, если не удастся "отбросить" мировой социализм; второе — СССР и его союзники не должны достигнуть уровня США в военном и экономическом отношении; третье — США должны быть готовы первыми использовать ядерное оружие[529].

В марте 1948 года Совет национальной безопасности в меморандуме № 7 обобщал главные цели американской внешней и военной политики. Они выглядят таким образом: разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное

значение для безопасности Соединенных Штатов. Этой цели невозможно достичь с помощью оборонительной политики. Поэтому Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления с целью мобилизации и укрепления собственных сил и антикоммунистических сил несоветского мира, а также в подрыве мощи коммунистических сил.

В качестве первых шагов Соединенным Штатам следовало бы осуществить следующие мероприятия:

А. Внутри страны:

1. Быстрое укрепление военной мощи США.
2. Сохранение подавляющего превосходства США в области атомного оружия.
3. Немедленная разработка и осуществление решительной и скоординированной программы... по подавлению коммунистической угрозы в США<...>
5. Энергичное осуществление внутри страны информационной программы, обеспечивающей понимание и безраздельную поддержку нашей внешней политики со стороны общественности.

Б. За рубежом:

1. При организации контрнаступления первоочередное значение придается Западной Европе<...>

307

10. Разработка и — в подходящий момент — осуществление скоординированной программы помощи движениям сопротивления в странах за "железным занавесом" (включая СССР).

11. Создание крупного денежного фонда для борьбы с мировым коммунизмом, руководимым Советами[530].

18 августа 1948 года была утверждена директива Совета национальной безопасности под номером 20/1. Она называлась "Цели США в отношении России",

Из вступительной части:

"Правительство вынуждено... наметить определенные военные цели в отношении России уже теперь, в мирное время..."[531].

"Наши основные цели в отношении России:

- а) свести мощь и влияние Москвы до пределов, в которых она не будет более представлять угрозу миру и стабильности международных отношений;
- б) в корне изменить теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России"[532].

Далее в директиве говорилось:

"Речь идет прежде всего о том, чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля"[533].

Что же касается "послевоенного урегулирования", то здесь американским маньякам недоставало уверенности в полной победе, поэтому предполагалось несколько вариантов. Например:

"В худшем случае, то есть при сохранении Советской власти на всей или почти на всей нынешней советской территории, мы должны потребовать:

- а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;
- б) выполнения условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость

от внешнего мира... Все условия должны быть подчеркнута тяжелыми и унижительными для коммунистического режима"[534].

При более предпочтительном исходе войны директива СНБ-20/1 планировала: "Мы должны принять меры безопасности, которые автоматически обеспечивали бы такое положение, что даже некоммунистический и дружелюбно, настроенный по отношению к нам режим:

а) не имел бы сильного военного потенциала;

б) экономически в значительной степени зависел бы от внешнего мира"[535].

Что же, по замыслу фашиствующих молодчиков из Пентагона, должно быть сделано с советской государственностью? Кому планировалось передать власть? На этот счет директива до предела откровенна. Трудно поверить, что этот документ исходит от правительства США, а не от рейха Гитлера. Но это так. Прочитываем его:

"В настоящее время среди русских эмигрантов есть ряд интересных и сильных группировок... Любая из них была бы более предпочтительной, с нашей точки зрения, чем Советское правительство, для управления Россией"[536]. И дальше: "На каждой части освобождаемой от Советов территории нам придется иметь дело с людьми, работавшими в советском аппарате власти. При организованном отходе советских войск местный аппарат коммунистической партии перейдет; вероятно, на нелегальное положение, как он делал это в областях, которые в прошлую войну были заняты немцами. По-видимому, он будет действовать в виде партизанских банд и повстанческих отрядов. В этом случае относительно просто ответить на вопрос: „Что делать?“ — нам нужно только предоставить некоммунистическим (какого бы рода они ни были) русским органам, контролирующим область, необходимое оружие, поддержать их в военном отношении и позволить им поступать с коммунистическими бандами в соответствии с традиционным способом русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены коммунистической партии или работники советского аппарата, которых обнаружат и арестуют или которые сдадутся на милость наших войск или любой русской власти... Мы можем быть уверены, что такая власть сможет лучше, чем мы сами, судить об опасности, которую могут представлять бывшие коммунисты для безопасности нового режима, и распорядиться ими так, чтобы они в будущем не наносили вреда..."[537].

И все это написано всерьез, в порядке директивы для действий. Это не шизофренический бред, хотя и выглядит таковым, а государственная политика США в отношении суверенного государства. И насколько же омерзительной становится обычная демагогия западного мира о свободе, демократии, правах человека и т. д., когда читаешь эти документы, для квалификации которых трудно найти адекватные определения. Здесь и фашизм, и расизм, и человеконенавистничество, что так ярко характеризует американское общество империализма и тоталитаризма, Американских военных преступников, сочинявших планы ядерного уничтожения СССР, ничуть не смущало, что директива СНБ-20/1 повторяла, по существу, по идеям и даже местами словесно директиву Гитлера № 21 по плану "Барбаросса" — плану нападения на Советский Союз в 1941 году.

Стратегия осуществления подготовленных СНБ планов была одобрена Г. Трумэном в форме директивы № 30 от 16 сентября 1948 года. В ней говорилось, что вооруженные силы "должны быть готовы незамедлительно и эффективно использовать все надлежащие средства, имеющиеся в их распоряжении, включая атомное оружие", и

обязаны "разработать соответствующие планы"[538], СНБ-30 ориентировала "на безусловное использование атомного оружия, а любое публичное обсуждение возможности его неиспользования рассматривалось как неприемлемое и подрывающее безопасность США"[539].

Другой директивой, СНБ-10/2 от 1948 года, предписывались также подрывные действия, и, разумеется, не только в военное время. Директива указывала: "Тайные операции включают пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж... подрывную работу против враждебных государств, включая помощь подпольному движению... Эта деятельность планируется и проводится так, что внешне не заметен ее организатор — правительство США, а в случае каких-либо разоблачений правительство США может правдоподобно отрицать всякую ответственность за нее"[540].

А генералам, мистифицированным своими же директивами, вообще не терпелось поскорее обрушить ядерные бомбы на Советский Союз. Министр армии США убеждал правительство: "Мы тратим 98% всех расходов по атомной энергии на изготовление оружия. Если мы не намереваемся использовать его теперь, тогда это не имеет никакого смысла"[541]. Некий полковник Болтер подходил к делу еще проще. Он спрашивал: "Зачем бог дал нам атомную бомбу?" И отвечал!

"Для того чтобы сознательно использовать ее для уничтожения коммунизма"[542].

Подпевали и законодатели. Председатель сенатской комиссии по атомной энергии Макмагон открыто призывал начать войну. "Война с русскими неизбежна, — кликушествовал он. — Надо „смести их с лица земли, и быстрее... Весь мир вращается вокруг взрывающегося атома — в этом заключено все, и нет никакой другой надежды"[543]. Этот сенатор, имевший прозвище "мистер Атом", заявил, что "бомбардировка Хиросимы была величайшим событием в мировой истории после рождения Иисуса Христа"[544]. А в ноябре 1947 года генерал ВВС Х. Ванденберг задавался вопросом, что уничтожить в случае войны: русский народ, промышленность, коммунистическую партию или всех вместе[545].

23 ноября 1948 года принимается меморандум СНБ-20/4, где подтверждались основные положения директивы СНБ-20/1 и обосновывалось положение, согласно которому СССР — это "единственная величайшая угроза для США в обозримом будущем"[546].

Директива СНБ-20/4 послужила основой для составления последующих планов атомных бомбардировок СССР. К концу года (21 декабря) главнокомандующий ВВС представил Объединенному комитету начальников штабов оценку планов стратегического наступления в воздухе, где говорилось:

"2. Война начнется до 1 апреля 1949 года.

3. Атомные бомбы будут применены в таком масштабе, в каком это будет возможно и желательно<...>

32а. После тщательного рассмотрения вопросов о числе имеющихся атомных бомб, радиусе действия авиации союзников, ориентировочной точности попадания при бомбардировках, возможных масштабах налета и времени, необходимом для его осуществления, очень важно наметить районы, где расположены наиболее значительные советские промышленные центры...

...в. Карты с обозначенными целями и маршрутами полетов для осуществления операций, затрагивающих первые 70 городов, будут готовы к 1 февраля 1949 года"[547]. Масштабы атомного разбоя варьировались в зависимости от накопления атомных бомб.

В середине 1948 года появился план "Чариотер". Война должна была начаться "концентрированными налетами с баз в западном полушарии и Англии с применением атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных центров и отдельных предприятий нефтяной промышленности"[548]. Намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. (Эти цифры были подтверждены планом операции "Троуджэн", одобренным в декабре 1948 года.) Из них восемь — на Москву и семь — на Ленинград. Затем планировалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 000 тонн обычных бомб. На смену "Чариотеру" пришел комплексный план "Хафмун", позднее переименованный во "Флитвуд", а затем в "Даблстар"[549].

Для анализа возможных последствий атомного нападения на СССР в начале 1949 года был создан специальный комитет во главе с генералом Х. Хармоном. 11 мая того же года комитет представил свой сверхсекретный доклад "Оценка последствий стратегического воздушного наступления для боеспособности СССР". Комитет пришел к выводу, что такое наступление — "единственное средство причинить внезапный и серьезный ущерб жизненно важным элементам советского военного потенциала... Его целесообразно было бы предпринять на начальном этапе, так как это дало бы весьма значительные и непреходящие преимущества"[550]. По оценкам комитета, первый атомный удар привел бы к гибели 2 миллионов 700 тысяч человек, а 4 миллиона было бы ранено.

В целом выводы комитета Хармона подстегивали гонку вооружений. В докладе говорилось, что, "даже если бы все 133 бомбы были детонированы точно в тех точках, на которые они были нацелены", этого было бы недостаточно, чтобы "обеспечить капитуляцию, уничтожить корни коммунизма или критически ослабить власть советского руководства"[551]. Атомные бомбардировки приведут к тому, что СССР прибегнет к максимальным ответным мерам.

Исходя из этих посылок, комитет пришел к выводу, что превыше всего стоят "преимущества раннего применения атомного оружия". Осенью 1949 года Трумэн одобрил значительное увеличение производства ядерного оружия, запрошенное комитетом начальников штабов в ответ на доклад комитета Хармона. Уже в следующем году по плану "Оффтэкл" предусматривалось нанесение ударов по 104 городам с применением 220 атомных бомб, 72 бомбы держались в резерве для второго удара. Генерал К. Лимей, возглавивший стратегическую авиацию, заявил, что уроки американской истории учат тому, что первый удар надо наносить не задумываясь. Он рассматривал стратегическую авиацию как инструмент первого удара — по гражданскому населению, удара, который, кроме массового уничтожения людей, должен устранить оставшихся в живых. При этом генерал ссылался на опыт Муссолини в Эфиопии в 1935 году, японцев в Китае в 1937 году, немецкой атаки на испанскую Гернику. Вершиной такого подхода он считал уничтожение Хиросимы и Нагасаки. Цель послевоенного мира, по Лимею, "сделать существование цивилизации зависящим от доброй воли и здравого смысла людей, контролирующей использование воздушной мощи". (По-иному оценил этот акт вандализма Пол Брегман, бывший штурман американского самолета В-29, который принимал участие в атомной бомбардировке Нагасаки. Накануне 40-й годовщины этой акции он покончил жизнь самоубийством.) Американская военщина лихорадочно готовила войну. Мир приближался к катастрофе. Планы нападения на СССР разрабатывались один за другим. Экономика США

переводилась на военные рельсы. Милитаристские идеи полным ходом внедрялись в сознание и психологию людей. Цели пропагандистской политики сводились к возбуждению ненависти к Советскому Союзу. Генералы грезили об очищении от людей целых пространств Земли. Предпринимались настойчивые усилия, чтобы пристегнуть к подготовке атомной войны западноевропейские государства. Создается ударная сила агрессии — НАТО. Это было весной 1949 года.

Но осенью того же года американским правящим силам пришлось пережить удар, который невозможно переоценить. Произошло событие, положившее конец американской неуязвимости и военному превосходству. 3 сентября 1949 года бомбардировщик В-29, пролетавший в северной части Тихого океана, обнаружил повышенную радиоактивность. Стало ясно: в Советском Союзе испытана атомная бомба. ТАСС сообщил: "Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия"[552].

Надежды на завоевание мирового господства были порушены. Монополия на атомную бомбу исчезла, что заставляло по-новому взглянуть на стратегическую ситуацию. Начинал играть свою роль и фактор ядерного возмездия. Кроме того, и сил для победного удара явно не хватало. И все же, несмотря на пережитый шок, военная лихорадка трепала американских милитаристов, теперь они вынашивают планы превентивного удара. Определяется новая дата войны — 1 января 1950 года. Планировалось сбросить 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на 100 советских городов. Новому плану дали название "Троян". Но анализ вновь показал, что потери будут слишком велики, молниеносность и внезапность не будут обеспечены. Американскому министру авиации было доложено 11 апреля 1950 года: "ВВС США не могут:

- а) полностью осуществить авиационное наступление по плану "Троян";
- б) обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски"[553].

Лишь арифметика спасла мир от войны.

На какое-то время превентивный удар по СССР откладывался из-за страха перед возмездием и возможности проиграть войну в целом. Но это вовсе не означало, что американская правящая клика смирилась с мыслью о недостижимости мирового господства через атомное уничтожение Советского Союза. 15 августа 1950 года комитет начальников штабов определил "уничтожение известных объектов, от которых зависит способность Советского Союза применять атомные бомбы"[554], в качестве первоочередной задачи. На второе место была выдвинута задача замедления наступления советских войск. На третье — нанесение ударов по предприятиям, производящим жидкое топливо, обычным и атомным электростанциям. Эти три категории получили кодовые названия "Браво", "Ромео" и "Дельта".

Нагнетание военной истерии продолжалось полным ходом. Особой авантюристичностью отличалась директива СНБ-68. Ее составлением руководит тот самый П. Нитце, которому Р. Рейган впоследствии поручил вести переговоры о ядерном разоружении. Директива была утверждена Г. Трумэном 30 сентября 1950 года, она полностью подтверждала цели, выдвинутые в директиве СНБ-20/4, но в то же время П. Нитце

использовал появление ядерного оружия в Советского Союза для того, чтобы придать новой директиве еще более агрессивный характер, возбудить новые страхи и панические настроения и тем самым подыграть милитаристскому психозу правящих сил США.

Авторы меморандума, который лег в основу директивы СНБ-68, писали: "Советская угроза безопасности США резко возросла. Она носит тот же характер, что указан в директиве СНБ-20/4, утвержденной президентом 24 ноября 1948 года, однако она значительно ближе, чем считали раньше. Республика и ее граждане в зените своей мощи подвергаются самой страшной опасности. Речь идет о жизни или смерти не только республики, но и всей цивилизации"[555]. Как видим, американские политики являются большими мастерами по части демагогии не только в работе непосредственно на публику, но и в закрытых документах. Возможно, и с расчетом на последующие публикации.

В директиве СНБ-68 четко отражены интересы военно-промышленного комплекса. Рекомендовалось значительное повышение военных расходов, вплоть до 50 процентов валового национального продукта страны. Кроме чисто милитаристских целей, выражалась надежда втянуть СССР в новую гонку вооружений и на этом пути обескровить его. Директива содержала и такие примечательные слова: "Нам предлагают заявить, что мы не станем применять атомное оружие иначе как в ответ на применение этого оружия агрессором... Если мы не собираемся отказаться от наших целей, мы не можем искренне выступить с таким заявлением, пока не убедимся, что в состоянии достигнуть наших целей без войны или в случае войны, не применяя атомное оружие в стратегических и тактических целях"[556].

Директива была программной. Она предусматривала не только рост вооружений и готовности к самой войне, но и требовала "сеять семена разрушения внутри советской системы", ведения "открытой психологической войны", осуществления "мер и операций тайными средствами в области экономической, политической и психологической войн". Политика "сдерживания" характеризовалась как политика "постепенного принуждения". Конечные цели директивы сформулированы так:

1. Мы должны стать сильными как в утверждении наших принципов в национальной жизни, так и в развитии нашей военной и экономической мощи.
2. Мы должны быть первыми в строительстве успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира.
3. Но, помимо утверждения наших принципов, наша политика и действия должны вызвать коренные изменения в характере советской системы... Если эти изменения явятся в основном результатом действия внутренних сил советского общества, то они будут эффективнее и обойдутся нам дешевле"[557].

Как видно из приведенных документов, нынешняя американская администрация заимствует не только идеи "холодной войны", концепции прошлого, но даже слова, аргументы, если таковые встречаются. Сравнение текстов официальных директив первого послевоенного десятилетия с тем, что говорят политические лидеры США сегодня, иллюстрирует последовательность американского курса на атомную войну. Сменялись президенты, министры и партии у власти, а директивы оставались теми же. В последний год правления Г. Трумэна мир был особенно близок к атомной войне. Развязав корейскую авантюру, американские правящие круги перед лицом поражения не знали, как ее закончить. И вновь атомный шантаж, угрозы. Американский президент

писал 27 января 1952 года: "Мне кажется, что правильным решением теперь был бы ультиматум с десятидневным сроком, извещающий Москву, что мы намерены заблокировать китайское побережье от корейской границы до Индокитая и что мы намерены разрушить все военные базы в Маньчжурии... Мы уничтожим все порты или города для того, чтобы достичь наших мирных целей... Это означает общую войну. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург и Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса и Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут стерты с лица земли. Это — последний шанс для Советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы существовать, или нет!"[558] Вот это язык! Вот это мораль! Для такой прыти и самоуверенности надо было действительно застыть на уровне "здорового миссурийского провинциала".

Общественно-политический климат, сложившийся в то время в США, рельефно отражает специальный выпуск журнала "Кольерс", разошедшийся тиражом в 3,9 миллиона экземпляров. Сочинили его известные публицисты и политические деятели Р. Шервуд, Х. Болдуин, У. Рейтер и другие.

Третья мировая война изображается как благо для человечества, избавление от угрозы "советского порабощения". На первом этапе войны, в 1952 году, США, к которым присоединяются важнейшие государства, представленные в ООН, осуществляют атомную бомбардировку СССР. Советская Армия вторгается на территорию Западной Германии, Среднего Востока, высаживает десант на Аляске и одерживает победу. Атомные бомбы сброшены на Детройт, Нью-Йорк и завод по производству атомного оружия в Ханфорде (штат Вашингтон). Но атомная артиллерия союзников отражает наступление Советской Армии в Европе, и на этом, по мнению авторов, первый этап войны завершен.

На втором этапе территория США подвергается еще одному атомному налету. Авиация союзников в порядке возмездия уничтожает Москву и завоевывает господство в воздухе. Затем в Советский Союз забрасывают на парашютах русских эмигрантов. На всех фронтах начинается наступление союзников, и инициатива полностью переходит к Западу. К 1955 году военные действия прекращаются. Войска союзников берут на себя оккупационные функции на территориях стран — союзников СССР. В Москве учреждается временное командование оккупационных войск, а власть на местах переходит в руки "русских монархистов", "украинских националистов", "церковников". Весь этот бред являлся выдумкой лишь в том отношении, что в действительности война не состоялась. В остальном это лишь "беллетризованное" изложение стратегических разработок американских военных штабов и Совета национальной безопасности, возглавляемого президентом США.

Заканчивая свое бесславное президентство, Г. Трумэн оставил преемнику концепцию стратегического планирования, в которой первому ядерному удару отводилась решающая роль.

В первых директивах по вопросам войны после вступления в должность Д. Эйзенхауэра упоминания о первом ядерном ударе были убраны, но вскоре Пентагон взял свое. Уже 7 октября 1953 года на заседании Совета национальной безопасности было определено, что "в случае военных действий Соединенные Штаты будут рассматривать возможность применения ядерного оружия на такой же основе, как и других боеприпасов". Первый испуг перед возможностью возмездия стал проходить. Американская военщина вновь схватилась за старую идею первого ядерного удара, но теперь уже прикрываясь более

активными разговорами об обороне, запугивая советской ядерной атакой и т. д. Начались надуманные рассуждения о том, что "советская угроза ставит США перед необходимостью „начать войну ради обеспечения собственной обороны“. По плану „Соляриум“, Советскому Союзу предполагалось предъявить ультиматум с требованием согласиться на американские условия. Отказ означал войну. Этот вариант всерьез обсуждался Д. Эйзенхауэром и Дж. Даллесом. В новой директиве СНБ-5410/1 цель сформулирована так: „Достижение победы, которая гарантирует выживание США“[559]. Возникло множество военно-политических проектов превентивной войны. Например, группа перспективных исследований при комитете начальников штабов предложила рассмотреть возможность "преднамеренного ускорения войны с СССР в ближайшем будущем", прежде чем советский термоядерный потенциал превратится в реальную угрозу[560]. Хотя планы превентивного удара не получили официального одобрения, вопрос о нападении на СССР не был снят. Теперь начали говорить об "упреждающем ударе". Командующий ВВС Лимэй заявил, что мы "не поколеблемся нанести удар первыми". Генерал понимал, что пропагандистской машине США сфабриковать причины для "упреждающего удара" было делом легче легкого. Стратегия превентивного удара прожила в словесной опале недолго. В марте 1954 года президент Эйзенхауэр поручил научной консультативной комиссии провести изучение проблемы внезапного удара в термоядерный век. Комиссия сочла необходимым ускорить разработку баллистических ракет[561].

А пока шли бесплодные споры о приоритетных объектах для нападения, американские военные вновь и вновь разными путями продвигали идею о внезапном обезоруживающем ударе. Например, "группа по оценке систем вооружений-12" утверждала, что реализация сценария атомного наступления, изложенного в едином плане использования стратегических средств, могла бы обеспечить достижение конечной цели — прекращения всеобщей войны одним ударом. Такой удар уничтожил бы практически весь советский потенциал производства атомного оружия, разрушил бы 118 из 134 крупных городов, вызвал бы гибель 60 миллионов человек и "практически уничтожил бы промышленный потенциал советского блока". Но в том же докладе содержалось и предупреждение, что, даже если бы стратегическая авиация уничтожила все 645 аэродромов, выделенных ей в качестве целей, осталось бы как минимум 240 аэродромов, на которые могли быть сосредоточены советские бомбардировщики и где они уцелели бы при нападении. Это считалось достаточным для ответного удара по США и их союзникам.

Замаячила новая дата нападения на СССР — 1 января 1957 года. Кодовое название плана — "Дропшот". Предусматривалось участие всех стран НАТО. Готовясь к нему, американцы активизировали работу по сбору разведывательной информации. По инициативе ЦРУ была проведена операция "Моби Дик", в ходе которой на территорию Советского Союза, от Западной Европы до Японии, запускались большие воздушные шары, на которых были установлены камеры ВВС. Была осуществлена (с 1949 по 1953 год) программа "Рингер". В ее проведении участвовали 1300 военных и гражданских служащих в Западной Германии, Австрии и Японии, которые опрашивали бывших советских граждан для выявления перечня объектов для атомного поражения[562]. Одновременно с этим командование ВВС, стараясь до предела накалить военную истерию, создало в 1952 году "из запуганных русской угрозой обывателей добровольный корпус по наблюдению за воздушным пространством. В разгар этой кампании по

обнаружению „низколетящих советских бомбардировщиков“ на 19 тысячах наблюдательных пунктов дежурило свыше 500 тысяч одуроченных американцев"[563]. Срок претворения в жизнь плана "Дропшот", несомненно, связывался с завершением ремилитаризации ФРГ и был рассчитан на максимальное использование западногерманского и японского "пушечного мяса". Территория и население этих стран обрекались на уничтожение.

На первом этапе войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожить до 85 процентов промышленности. На втором этапе продолжаются наступательные операции и готовятся наземные силы НАТО — 164 дивизии, включая 69 американских. На третьем этапе с запада в наступление переходят 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на побережье Черного моря) — 50 дивизий. Все это, по замыслам, принуждает СССР к капитуляции. В целом по плану "Дропшот" предполагалось задействовать объединенную армию в 20 миллионов человек.

Расправившись таким образом с Советским Союзом, американские милитаристы, жмурясь от удовольствия, начинают "творить" будущее советского народа. Во-первых, СССР оккупируется. Наземные оккупационные войска насчитывают 1 миллион человек в составе 38 дивизий. Территория Советского Союза делится на 4 зоны: западная часть СССР; Кавказ — Украина; Урал — Западная Сибирь — Туркестан; Восточная Сибирь — Забайкалье — Приморье. Зоны разделены на 22 подрайона. В Москве — две дивизии оккупантов, по одной — в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. В обязанности оккупационных войск вменяются и карательные функции. Главной задачей оккупационных войск являлось "уничтожение организационной структуры, посредством которой руководители коммунистической партии способны оказывать политическое, моральное и воспитательное влияние на отдельных граждан или группы граждан..."[564].

Когда читаешь эти мерзкие документы, вновь и вновь возвращаешься к мысли о том, что все это уже было, и не так давно. Гитлеровская преступная клика уже сочиняла подобные планы, и не только сочиняла, но и совершила попытку осуществить их. И все кончилось крахом, позором, а также виселицей для составителей подобных планов. Возможно, последнее в какой-то мере охлаждает слишком разгоряченные головы некоторых американских поджигателей войны. Кто знает!

А. Браун, анализируя план "Дропшот", задается вопросом: "Разве не глупость разглашать „Дропшот“?" И отвечает: "Я много размышлял над этим и вынужден заключить: да, предание гласности этого документа — глупость. Его нужно было сжечь, закопать или хранить в самом тайном сейфе, ибо он отнюдь не придает Америке привлекательности в глазах России. „Дропшот“ был не только планом атомного разгрома России, но предусматривал оккупацию громадной страны американскими войсками[565].

А. Браун беспокоится за репутацию своей страны, жалеет о факте рассекречивания документов, хотя это мало что меняло по существу. Уже с первых мирных дней правящие круги США вели активный интервенционистский курс с прицелом на мировое господство посредством ядерной войны. Документы только подтвердили это. И их опубликование лишней раз свидетельствовало о воинственном и циничном пренебрежении США к морали и элементарным нормам международной жизни. Они

даже не сомневаются в своем праве определять, что "хорошо, а что плохо в мире". От США, по словам Р. Рейгана, зависит человечество со всеми своими страхами и надеждами[566]. Считает же, например, Миз, принадлежащий к узкому кругу доверенных лиц президента, что все, с чем он, Миз, не согласен, является преступным. Сочинили планы атомной атаки против СССР, а затем опубликовали их, значит, так надо, и никому не дано права ставить под сомнение действия людей, отмеченных "божественной" печатью исторической "предназначенности". Пораженный манией мирового господства, Вашингтон не упускает случая для демонстрации своих амбиций.

В начале 1957 года были развернуты первые атомные ракеты класса "воздух — воздух" МБ-1 "Дженни", за ними в 1958 году последовали атомные зенитные ракеты "Ника-Геркулес". Продолжала расти стратегическая авиация: в 1959 году насчитывалось почти 500 бомбардировщиков Б-52, более 2500 бомбардировщиков Б-47 и более 1000 винтовых и реактивных самолетов-заправщиков. Увеличивалось количество бомбардировщиков — росло и число целей в Советском Союзе. Если в 1956 году их было 2997, то в начале 1957 года — уже 3261, в мае 1959 года штаб ВВС одобрил будущие ориентиры для ведения боевых действий против СССР, подсчитав, что к 1963 году будет 8400 целей, а к 1970-му — уже 10 400. На все эти каннибальские операции требовались новые сотни самолетов, ракет, подводных лодок, новые миллиарды долларов. В 1960 году Эйзенхауэр одобрил предложение о создании объединенного штаба планирования стратегических целей под командованием начальника штаба ВВС генерала Т. Пауэра для подготовки списка этих целей и единого интегрированного оперативного: плана, который и был принят 2 декабря Объединенным комитетом начальников штабов.

Д. Эйзенхауэр оставил своему преемнику готовый оперативный план ядерной войны на 1962 год[567]. Дж. Кеннеди, которому сегодня создают в США образ "миротворца", шел на президентские выборы с программой, которая звучит сегодня вполне по-рейгановски. Он обвинял республиканцев в "слабости" по отношению к СССР, сокрушался о том, что США, мол, теряют "силовое основание политики — ядерную силу", призывал к ликвидации некоего "ракетного разрыва", пугал "советской угрозой", тем, что СССР воспользуется отставанием американских сил устрашения[568]. Место "массированного возмездия" заняла доктрина "гибкого реагирования", в основе которой осталось использование ядерного оружия. Стратегическая ядерная сила "по-прежнему остается ключевым пунктом национальной безопасности, но дополнения Кеннеди доводят ее точно до требований сегодняшнего дня... Плановики Кеннеди размышляют более четко о ядерном нападении, чем их предшественники. Планируется не только выживание, но и способность точно действовать в кромешном аду послеатаковой атмосферы!"[569]. Дж. Кеннеди не раз говорил о возможности превентивного удара по Советскому Союзу, а его министр обороны Макнамара — об "ограниченной войне", "контрсиле". О готовности администрации Кеннеди применить ядерную бомбу против Лаоса, Вьетнама, КНР и Советского Союза свидетельствует его ближайший соратник Т. Соренсен[570]. И все же у Кеннеди хватило здравого смысла и понимания необходимости тщательно проанализировать возможные катастрофические последствия ядерной войны для самих США. Проявленный реализм способствовал некоторому очищению душной атмосферы в советско-американских отношениях. Но американские правящие круги уже настолько были поражены идеей ядерной войны, что в первые же часы после убийства Дж. Кеннеди его наследник Л. Джонсон немедленно поднял в воздух стратегическую

авиацию, используя эту акцию для нагнетания напряженности[571].

К "восстановлению военного превосходства" США над СССР призывал и Р. Никсон в первый год пребывания в Белом доме. Однако затем реалистическая тенденция на некоторое время возобладала, она помогла заключить бессрочный Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО); временное соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), соглашение о предотвращении ядерной войны и ряд других важных соглашений, Все это вселяло надежды, что человечество, уставшее от американских угроз учинить вселенскую катастрофу, поворачивается к миру и сотрудничеству как единственно разумным формам отношений между государствами.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. По мере того как политика разрядки напряженности пускала все более глубокие корни в международную жизнь, силы реакции и милитаризма объединялись и спланировались для того, чтобы убить ее и вернуться к новой "холодной войне" как прелюдии к войне ядерной. Вновь брали верх имперские амбиции правящих сил Соединенных Штатов Америки.

Горячим поборником идеи "ограниченной" ядерной войны был министр обороны Дж. Шлессинджер. Он упорно противодействовал тем реалистическим тенденциям, которые проявлялись в политике администрации Р. Никсона и Дж. Форда. И упрямо повторял старую идею о "лимитированном" обмене ядерными ударами между СССР и США, о возможности "избирательного" применения ядерного оружия для защиты Западной Европы, а также "первого удара" по СССР. Другие политические и военные лидеры продолжали настаивать на том, чтобы США были готовы пойти на "нанесение выборочных ударов по СССР"[572], а Шлессинджер откровенно признавал, что США разрабатывают различные варианты ядерного нападения.

Администрация Картера, особенно в последние два года пребывания у власти, внесла свою лепту в разрушение политики разрядки. Это при нем на совещании в Оттаве группы ядерного планирования НАТО было принято решение о размещении американских ракет средней дальности в Западной Европе. Это при Картере — Бжезинском были изданы директивы: №41 — о развитии "гражданской обороны" США, № 53 — о мерах совершенствования средств связи; № 58 — о мерах по защите гражданского и военного руководства в случае ядерной войны. А всего Картер — Бжезинский подготовили пять новых директив по ядерной войне: № 18, 41, 53, 58, 59. Они открыли военно-промышленному комплексу новые возможности для военных заказов и дополнительных прибылей. Картер и его помощники, говорится в книге "Секретные американские планы ядерной войны", "подвели две сверхдержавы к порогу войны ближе, чем когда-либо до этого в ядерный век"[573].

Поскольку в конце 70-х годов было создано ядерное оружие следующего поколения, в США стал набирать большую силу военно-ядерный комплекс с точки зрения его влияния на правительство и конгресс. Именно в это время особенно активизировались военщина, супеярстребы, "новые правые", решившие сорвать заключение соглашения по ОСВ-2. "Мы призываем сенат Соединенных Штатов, — писали 1677 отставных генералов и адмиралов, — продумать серьезные последствия ратификации договора, который привяжет нашу страну к продолжению политики разоружения, которая, сколь бы многообещающей ни была, поставила бы под угрозу безопасность США и их союзников"[574].

25 июля 1980 года была подписана директива № 59. Это было официальное

узаконивание "ограниченной" ядерной войны, над чем столь долго трудились и Г. Киссинджер при Р. Никсоне и Дж. Форде, и З. Бжезинский при Дж. Картере. Директива заявляла о намерении США вести ограниченную, но длительную ядерную войну, наносить селективные удары по наиболее важным целям в СССР. Концепция "ограниченной" ядерной войны была очевидной иллюзией, она содержала в себе начало всеобщей катастрофы, ибо контролируемой эскалации в ядерный век быть просто не может. Кроме того, эта концепция навязывала мнение о приемлемости, мысли-мости ядерной войны.

Иными словами, демократ Дж. Картер оставил республиканцу Р. Рейгану "богатое наследство", которое последний и приумножил. Из всех президентов после Г. Трумэна Дж. Картер проявил наибольший интерес к планам ядерной войны и, таким образом, оказался у истоков стратегии Р. Рейгана[575].

Под стать картеровской директиве № 59 директива Совета национальной безопасности № 32, подписанная президентом в мае 1982 года. В ней нашла свое безумное отражение военная программа нынешней администрации, суть которой сводится к концепции ведения ядерной войны и выигрыша ее. По этой директиве применение США первыми ядерного оружия объявляется естественным и исходящим из высокоморальных целей. Особые надежды вашингтонские стратеги "победной" ядерной войны возлагают на первый "обезоруживающий" удар, который согласно иллюзиям апостолов войны избавит США от возмездия. В директиве такой удар получил название "обезглавливание". Нужно гарантированное уничтожение политического и военного руководства, ядерных и неядерных вооруженных сил, систем связи и определяющих военный потенциал отраслей промышленности, гласит директива. Она также ставит задачу быть готовым эффективно вести войну из космоса, разрабатывать модели систем оружия космического базирования, а также ускорить создание систем противоракетной обороны. Упорный отказ американской администрации от обязательства не применять первыми ядерное оружие, к чему призывает Советский Союз, находится в полном соответствии с официальной директивой военно-политического руководства США, нацеливающей на "победную" ядерную войну.

Военная директива — не клочок бумаги. Она работает. Как сообщает в телевизионном репортаже "Нэшнл бродкастинг корпорэйшн" (март 1984 года), на военной базе в Южной Дакоте продолжают репетиции начала третьей мировой войны. Эти репетиции основаны на концепции, согласно которой ядерной войной можно управлять и в ней можно победить. 1 октября 1983 года утверждены конкретные цели, которые подлежат уничтожению в первую очередь. На территории СССР американские маньяки обозначили 40 тысяч таких целей.

В этих чудовищных планах, директивах видны не только мессианские потуги, но и еще одна черта американского общества — техницистский фетишизм, работающий на культ силы. На болезненной вере в "превосходящие" средства массового уничтожения строились и планы "фундаментальных изменений в советской системе"[576], уничтожения СССР.

Еще во времена первых военных директив американский ученый В. Буш писал, что Соединенные Штаты первыми приобретают возможность начать широкомасштабную ядерную войну, нанести "удар, пользуясь преимуществом"[577]. С американской деловитостью подобная война называлась профилактической.

Но профилактического уничтожения человечества не состоялось. Советский Союз,

овладев секретом ядерного оружия, отвел угрозу всеобщей гибели. Это исторический подвиг советского народа. Второй раз за короткий исторический срок Советский Союз взял на себя задачу спасения человечества — сначала от фашизма, а затем от имперских притязаний Вашингтона.

Глава одиннадцатая. Неуправляемая ракета

Внешнюю политику США называют неуправляемой ракетой. Многие говорят в пользу этого броского определения. Пожалуй, за весь послевоенный период ни одна из администраций США не сделала так много для возрождения идеологии и политики американского имперского мессианства, их практической реализации, как нынешняя, рейгановская. В основу внешнеполитического курса заложены наиболее ортодоксальные концепции мирового господства в самой дремучей их интерпретации. И все это происходит в мире, где колоссальный разрушительный потенциал накопленных вооружений вот уже на протяжении нескольких десятилетий должен был бы напоминать всем политикам: любая попытка национального эгоизма, тем паче — националистического экстремизма может обернуться катастрофой для всего человечества.

У Рейгана было много идейно-политических предшественников. По существу, ни одна из навязываемых миру политических категорий, ни одна из положенных в основу политического курса доктрин не была выдвинута этой администрацией. Идет ли речь о концепции "исключительных" жизненных интересов или об идее "крестового похода" против коммунизма, о доктрине "ограниченной ядерной войны" или необходимости наращивать способность США "проецировать их мощь за границу" — все это уже было, и было неоднократно.

Рейганизм в его внешнеполитических проявлениях опирается на вековую традицию идей мессианства, на безотчетную верность финансовой олигархии США политике силы и мирового господства. Но в начале 80-х годов как претензии, так и практическая линия на международной арене приобрели особо угрожающий характер. Небывалых даже для этого государства масштабов достигли шовинизм, демонстрация вседозволенности и самоуверенности, сопровождаемые утратой здравомыслия. В статье, посвященной обстановке в стране в период проведения Олимпиады, Лэнс Морроу писал: "...Люди видели американца, несущего факел, бегущего через всю Америку. Но, возможно, они видели американца, бегущего прочь из долгого шпенглеровского мрака, держащего путь на запад, в Калифорнию, к свету. Бегущего прочь от спада... от нехватки бензина и кризисов вокруг заложников, от чувства бессилия, неудач, ограниченности возможностей и пассивности Америки, от обесчещенных президентов и проигранной войны. Прочь от того, что стало комплексом неполноценности Америки. Прочь от всего этого отрезка истории. Бегущего прочь от прошлого, в будущее. Или даже скорее прочь от страшного прошлого, недавнего, ненужного прошлого, в прошлое лучшее, полное легенд и энергии, в ту Америку, где будущее было полно неограниченных возможностей. В ту Америку, где, по словам Ральфа Уолдо Эмерсона, „единственный грех — ограничение“.

Эта сцена — небольшая иллюстрация американской темы 1984 года: экстравагантности, возрожденной уверенности в себе и гордости нации.

...Некоторые полагали, что это настроение всего лишь самоуспокаивающий уход от реальной действительности, даже оргия самолюбования в масштабе всей страны.

Временами риторика "любви к Америке" граничила с самовлюбленностью"[578].

Как ни парадоксально, но джингоистские настроения явно подогреваются существующим в недрах правящей элиты опасением, что время безжалостно размывает американские позиции в мире и если не попытаться предпринять реванш на всех направлениях — военном, экономическом, политическом, идеологическом — сейчас, то, быть может, этого не удастся сделать уже никогда.

Отсюда — провокационное поведение американского правительства, которое в последние годы резко дестабилизировало международную обстановку, повысило уровень военной опасности, усилило риск ядерной войны. Вашингтон, не удовлетворяясь тем, что мировая политика уже оказалась в результате его действий втянутой в новую "холодную войну", продолжает действовать таким образом, чтобы заставить народы примириться с возможностью, даже неизбежностью ядерного конфликта.

В Вашингтоне явно закусили удила, там верх берет политика безрассудства. И в прошлом бывали, и не раз, всплески великодержавного мессианства, но сегодня идея мирового господства приобрела форму практического курса государства.

Империализм сам по себе несет постоянную угрозу войны, ему внутренне присущи экспансионизм и агрессивность, хищническая эксплуатация сырьевых богатств в целях достижения наивысших прибылей монополий и сохранения определенного жизненного уровня в основных центрах капитализма. Это главная причина нынешних бед человечества.

Что касается Соединенных Штатов, то идея владения миром имманентна общественному укладу этой страны. Американская правящая олигархия выдвинулась на позиции самой разрушительной и авантюристической силы, представляющей реальную угрозу самому существованию человечества. К обстоятельствам, которые формировали эту позицию, можно отнести и реальную мощь и богатство, которые кружат голову правителям государства, и десятилетиями выпестованный культ силы, перед которым отступают любые моральные принципы и соображения, и то, что страна не знала настоящих войн — ни миллионов жертв, ни пепелищ городов и деревень, ничего, что бы отрезвляло, психологически блокировало восприятие войны в любом ее виде. Коль всегда войны несли этому обществу прибыли, почему бы не попробовать еще раз этот путь "процветания на крови". Удаленность Американского континента от Европы и других регионов земного шара с их войнами и конфликтами создала устойчивые иллюзии неуязвимости и безопасности США. Все это, вместе взятое, постепенно взращивало самодовольство, чувство превосходства, порождало обстановку шовинизма, формировало мессианскую концепцию, в которую уверовала не только господствующая элита общества, но и немалая часть тех американцев, которым перепали кусочки от пирогов, испеченных войнами на других континентах. Американцам внушается, что "варвары" в других землях нуждаются в американской опеке, просвещении, политических институтах, одним словом, в американских порядках. Правящие монополистические силы паразитируют на специфике американской ситуации, мобилизуя весь этот психологический багаж чувств, настроений, убеждений и опыта на достижение собственных корыстных целей — как кратковременного, так и долговременного характера.

Разрыв с политикой разрядки, осуществленный Вашингтоном в начале 80-х годов, провокационное поведение правительства США, переход на рельсы конфронтации не

только со странами социалистического содружества, но практически с мировым сообществом, поворот американской правящей олигархии к политике концентрированного милитаризма, массированному использованию военно-силовых способов решения международных конфликтов связываются в мировом общественном мнении с приходом к власти в США в январе 1981 года республиканской администрации. Но правда состоит в том, что нынешний воинствующий милитаризм и шовинизм представляют собой логическое продолжение экспансионизма США, выражение самой стратегии американского империализма.

Международная политика США с первых дней своих отличается наиболее высокой степенью демагогии, лицемерием, шокирующим фарисейством и агрессивной бесцеремонностью. Ее целевая установка на мировое господство настойчиво, систематически и по широкому фронту подпирается воспитанием и воспеванием американского шовинизма, который находит свое выражение в наиболее уродливых формах расового превосходства, особого "права править", "божественного предназначения" в мировом развитии.

То, что произошло с международной политикой США при рейгановской администрации, некоторые политические и общественные деятели с известным благодушием склонны считать случайным эпизодом в истории, моментом иррационального характера. Нет спора, нынешний американский президент играет крайне деструктивную роль в мировых делах. Его личный вклад в дело конфронтации велик, и он несет ответственность за столь быстрое разрушение практики международного сотрудничества, созданной усилиями многих стран, стоящих на платформе защиты и укрепления мира. Однажды газета "Лос-Анджелес таймс" опубликовала статью руководителя программ европейских исследований при Джорджтаунском университете Р. Хантера, в которой отмечается, что, когда Р. Рейган вытаскивает из кармана листки с пометкой "Внешняя политика", прочесть ему нечего. Такой, моя, беспомощной и нерезультативной администрации в послевоенной истории еще не было.

С этим мнением не все согласны. Так, газета "Дейли Калифорниен" придерживается другого мнения. Она пишет, что Р. Рейган больше, чем кто-либо из президентов, наложил отпечаток своей личности на нынешнюю вторую "холодную войну". Такая война — его внешнеполитический курс. Она началась прежде, чем он стал президентом, однако его администрация задала ей особый тон и определила ее цели. Его администрация больше, чем все другие администрации, привержена курсу на обеспечение США глобального военного и политического превосходства. Опасность заключается в крайнем усилении напряженности, в отказе рассматривать проблемы как-то иначе, а не через призму конфронтации, и в намеренном использовании всего, что бы ни случилось в мире, для раскручивания нового витка безумной гонки вооружений.

Р. Рейган, отражая сегодняшние задачи американской правящей олигархии, функционален по сути своей деятельности. Хозяин Белого дома не представляет собой какое-то исключительное явление как в современной жизни США, так и в сравнении со своими предшественниками. Что касается международных отношений, то здесь идеи и действия его администрации не отличаются новизной, они носят по существу своему эпигонский характер. Лишь по форме они более грубы, заносчивы, чем были до сих пор в американской истории.

Курс правящих сил США на развязывание ракетно-ядерной войны вызывает серьезную озабоченность в мире. О степени раздражения политикой Рейгана в Европе говорит

язвительная статья лондонского журнала "Панч", построенная на, мягко говоря, своеобразных выступлениях президента. Приведем эту статью.

"Общий привет! Хочу кое-что объяснить, потому что мне все время задают вопросы, и вообще.

Я знаю, что вы там, в Европе, многие из вас, конечно, никто не притворяется, что это легкий вопрос, ведь к этому делу можно подходить с разных сторон. Но я, мы и Нэнси, сошлись во мнении, что люди в Европе требуют прояснить обстановку. Поэтому я хочу похоронить этот вопрос полностью и окончательно. Не спорю и клянусь моей шляпой — есть один прелестный городок. Но, поверьте, уж я-то знаю этих русских. Городишко называется Гвадалканал[579]или что-то в этом роде.

В общем, такое дело — если у нас есть миллион больших бомб, то и у них тоже есть... А ну-ка пошла отсюда! Я, кажется, уронил стакан с водой на свою собаку, которая крутится под ногами. Она вся мокрая. А я не хочу, чтобы она подохла. Я имею в виду Европу и мою собаку.

Нет, честно, я не хочу этого. Клянусь моей головой. Но что я вижу? Англия — легкомысленные, безвольные люди. Эйфелево аббатство, "бобби" в шлемах. Можем ли мы, откровенно говоря, положиться на них? Или взять Францию — мелкие кузницы, старый добрый яблочный пирог. Я даже знаю, что их премьер-министра зовут Бобби Тэтчер. А может быть, вы думаете, что я не слыхал о Венеции?

...Каспар Хейг[580],мы все считаем, что Европа близка нам, за исключением того, что там едят улиток. И, как говорил Каспар, неужели же мы, располагая там американскими войсками, можем пожертвовать яблочным пирогом? Правда, кое-кого и жалеть-то нечего. Я имею в виду, разве хорошие люди едят улиток? Что? Нет, я никогда не говорил этого... Я, кажется, разбил стакан. Но не беспокойтесь, мои глазные линзы и вставные челюсти целы. Так что, если еще два (президентских. — Ред.) срока обеспечены, мы сумеем сохранить Америку, простите, Европу, и всех нас — Нэнси, собаку, яблочный пирог — свободными. Между прочим, у меня есть личное заверение мистера Гитлера на этот счет.

Мы назвали их "першингами", потому что Джек Першинг[581]— самый, черт возьми, великий генерал, которого мы когда-либо имели, обалдуй... Так что, нас записывают на пленку или передача идет прямо в эфир?

Неужели? Так вот, ни мои детки, ни моя собака Нэнси, ни моя яблочная жена — никто не хочет войны, за исключением этих чудовищ.

Разве что очень ограниченной. Нет, честно, в самом деле, только очень, очень ограниченной. Она даже вряд ли затронет вас в Европе. Ну, может быть, только Венецию. И бог с ней, она и так тонет. Ну кого еще? Дайте мне карту. Что собой представляет, например, этот Манчестер? Точка, всего лишь точка на карте... Когда же наконец мне принесут новый стакан?

Нет, я не говорил ничего подобного. Кто это сказал? Может быть, вы или собачий пирог? Что касается текущего момента, взгляните на Польшу. Именно сейчас у них имеется два миллиона ракет "Нэнси", нацеленных на... гм, и мы должны обладать возможностью ответить на возможность... м-м-м. Я только что был на конюшне. Люди, которые знают лошадей, знают нечто большее. Это люди, которые, как может подтвердить каждый из нас, знают, откуда приходит мудрость. Только долгий день в седле учит этому. Помнится, объезжал я однажды гнедую кобылу. Этот запах, ветер в лицо. Вот суть Америки, Это вам не какие-нибудь улитки.

Долгая и счастливая семейная жизнь, субботний пирог, лошадь, возвращающаяся с газетой в зубах, поджаривающаяся на углях Нэнси — это все то, за что борется Европа. И я никогда не говорил ничего такого. Я просто хотел объясниться до конца.

Европа должна верить нам. Давайте обратимся к истории. Разве мы когда-нибудь оставались в стороне, чтобы все бремя мировой войны легло на Европу, тогда как США выжидали бы, кто победит, перед тем как принять участие? Пожалуй, только в первой и второй мировых войнах. Но тогда обстоятельства были весьма неясными, а условия полностью отсутствовали, да и обстановка в определенной степени не соответствовала. Ну что, есть еще вопросы?"[582].

Пропагандистская машина США пытается выгородить президента, сваливая все на политическую "неопытность", на издержки его бывшей профессии актера. Б. Боярский пишет: "Рейган питает весьма наивное убеждение, что, поскольку он держится очень убедительно на телевидении, он верит в то, что говорит"[583].

Но хотя во многих американских характеристиках Р. Рейгана имеется горькая правда, его нельзя назвать новичком в политике. В молодости он работал в местных организациях демократов, а затем — республиканцев; руководил профсоюзом работников кино; два срока был губернатором крупнейшего, динамично развивающегося (благодаря сверхсовременным предприятиям военно-промышленного комплекса) штата страны; наконец, длительная борьба за "путь наверх", в высшие эшелоны политической иерархии. Иными словами, Рейган как президент страны — отнюдь не та фигура, которая не ведает, что творит. Напротив, ведает, если не во всех деталях, то, безусловно, в принципе, в стратегических аспектах политики. И творит вполне сознательно и целеустремленно, отлично отдавая себе отчет в характере задуманного. Другой разговор, что все его действия замешены на фанатизме, ненависти к социализму, ко всем прогрессивным изменениям. Не отрицая влияния личных мировоззренческих взглядов и представлений Р. Рейгана, надо будет подчеркнуть, что реальные причины нынешнего трагического подъема американского милитаризма и фанатизма в принципе лежат в иной плоскости. Фанатизм — явление социальное, берущее свое начало в страхе буржуазии перед будущим. Хорошо известно, что логика фанатизма предпочитает веру анализу. Фанатизм — вовсе не болезненные галлюцинации, а его представители не сумасшедшие. Образование — тоже не лекарство от этой эпидемии. Фанатики не слышат себя так, как их слышат другие, они не понимают иронии, иначе бы самая мощная бомба в мире не была названа "миротворцем"[584]. Фанатики стопроцентно уверены в своей правоте, поэтому они выглядят порой сумасбродами. Но за всем этим стоит исступленная жажда власти, которую монополистический капитал стремится увековечить. Приход фанатиков к власти в США — явление многозначительное и настораживающее, ибо фанатизм, повенчанный с ядерным оружием, может обернуться непоправимой бедой для всего человечества.

Сердцевина нынешней стратегии правящей олигархии США — ставка на конфронтацию с Советским Союзом по любому поводу, на достижение "победы" в ядерной войне.

Основу военной доктрины на 80-е годы, как это было сформулировано американскими стратегами в 1981 году, составляет "прямое противоборство" между США и СССР. В контексте этой стратегии усилия США направлены и на то, чтобы заставить Западную Европу, Японию и другие страны принять систему международной конфронтации, в которой они будут вновь — как и в первые послевоенные десятилетия — подчинены американской мощи[585]. Другими словами, конфронтация и напряженность в качестве

механизма контролирования собственных союзников.

Размещение американских ядерных ракет в Западной Европе — безответственный шаг к дальнейшему усилению напряженности в мире. Подведение ракетно-ядерной базы под рейгановскую программу "крестового похода" нельзя квалифицировать иначе как авантюризм и безрассудство, могущие иметь непредсказуемые последствия.

Многолетняя массивированная пропагандистская кампания, беззастенчивое политическое и экономическое давление, выкручивание рук на дипломатическом поприще, демагогия и прямой обман не только народов, но и ряда правительств государств-союзников привнесли свои горькие плоды. Соединенным Штатам удалось принудить некоторые западноевропейские страны разместить на своей территории оружие первого удара, нацеленное на СССР и его союзников. Тем самым эти государства в кардинальнейших вопросах безопасности поставили себя в зависимость от произвола вашингтонских "крестоносцев" — произвола, который они не в состоянии контролировать ни сейчас, ни в будущем.

Нельзя не видеть, что руководители американской администрации утратили политические, психологические, поведенческие тормоза в международных делах. В отношениях с другими странами взяли верх воинственность и истеричность. Создается впечатление, что у нынешних планировщиков американской внешней политики отсутствует знание того, что международные реалии носят объективный характер, выражаются в бесстрастных фактах, не прощают действий, приходящих в столкновение с требованиями жизни. Как отмечается в книге "Построение мира", история покрыта обломками политики тех лидеров и стран, которые действовали на основе своих иллюзий, а не реальностей[586]. И ни эмоции, ни словесные заклинания, на которые столь падки нынешние лидеры США, не могут устранить действительности, подчинить ее амбициозному своеволию.

Разумеется, антисоветизм и антикоммунизм Рейгана не являются, как отмечает журнал "Форин афферс", сюрпризом. Нынешний президент США исповедовал эту идеологию долгие годы. Но за всем этим нельзя не видеть принципиальной заряженности правящих кругов США на достижение имперских целей. За политическим курсом, если рассматривать его в совокупности, стоят вполне осознанные классовые — экономические и политические — интересы господствующих сил этой страны.

Милитаризм и воинствующий шовинизм нынешней администрации представляют собой логическое, многими годами подготовленное продолжение стратегии американского империализма. Подходы к мировым делам остаются принципиально неизменными, они варьируются по тактике, но их стратегическая сущность остается прежней — курс на мировую империю через победоносную ядерную войну.

В сущности, обе "холодные войны" развязаны США по причинам, в центре которых маячила идея о создании "американского мира". Об этом без уверток заявил 21 мая 1982 года У. Кларк — помощник Рейгана по национальной безопасности. Определяя стратегическую цель США, он объявил ее сутью содействие "установлению международного порядка, на поддержку которого могут опираться американские институты и принципы". Даже неразборчивая подневольная пресса монополий не особенно рьяно пропагандировала откровения рупора президента. Застеснялась она, разумеется, не по соображениям морали, а в силу понимания, что подобные заявления подрывают американские пропагандистские стереотипы о "благородных демократиях" и "нечестивцах", о чем говорил Рейган в британском парламенте.

Если проследить систему практических действий администрации США, то очевидным образом выстраивается здание политики долговременного характера, которая возвращает "холодную войну", служит идее оживить мессианскую надежду на мировое господство через подъем милитаризма и возможное развязывание ядерной войны. Иными словами, давние концепции "мирового господства" нашли именно теперь наиболее явное практическое подкрепление. Глобальных ковбоев из Белого дома уже начали посещать ночные видения: Пайпс, например, весной 1982 года заявил, что Советскому Союзу "придется выбирать между изменениями своей внутренней системы и войной". В этом же контексте идут и угрозы о возможности первого ядерного удара. Показательно, что болезнь рейганизма охватила внутреннюю жизнь страны, ее внешнюю политику как непосредственная реакция наиболее реакционной части господствующего класса США на разрядку, ее итоги и достижения. Можно в этой связи вспомнить, что и ранее наибольший успех, одержанный крайне правыми (27 миллионов голосов, собранных Б. Голдуотером на выборах в 1964 году), также приходился на период позитивных, хотя и ограниченных, нововведений во внешней политике, предпринятых Дж. Кеннеди в 1962—1963 годах, что и привело правые силы в сильное беспокойство. Период разрядки международной напряженности был результатом многих факторов: активной миролюбивой политики СССР и других социалистических стран; изменившейся не в пользу США расстановки мировых сил, в частности, в результате антиколониальных революций и сплочения "третьего мира" на антиимпериалистической основе; подъема влияния реалистически мыслящих и антивоенных сил в качестве реакции на милитаризацию США. Дальнейший процесс развития тех же факторов вел к сужению американского влияния, к постепенному падению экономического эффекта политики неокOLONIALИЗМА, к расширению сферы неамериканской ориентации, к повышению уровня экономической и политической независимости военных союзников США. Подобный ход событий не мог устроить правящие круги Соединенных Штатов. Не мог устроить, в частности, еще и потому, что разрядка, неуклонно выдвигавшая на передний план мировой политики задачу развития конструктивного, созидательного международного сотрудничества во имя будущего, с предельной отчетливостью обнажала простую истину: империализму нечего предложить народам. Все, что его интересует, — это прибыли любой ценой. Но все, что интересует широчайшие массы людей труда, — мир, достойный человеческой личности уровень жизни, материальные, политические, духовные условия, обеспечивающие развитие и наивысшую самоотдачу всех и каждого, разумное, в интересах всех использование богатств нашей планеты, сохранение ее самой — все это либо безразлично империализму, либо враждебно ему. В этой связи представляется показательным, символическим такое обстоятельство, как все больший упор милитаризма, прежде всего американского, на создание, развертывание и практическое применение оружия массового уничтожения всевозможного рода — ядерного, химического, бактериологического, обычного. Хиросиму и Нагасаки сожгли в атомном пламени. Землю Кореи поливали напалмом, посыпали насекомыми и препаратами — носителями чумы, холеры, других столь же опасных заболеваний эпидемического характера. Во Вьетнаме к напалму и бомбам (а последних за годы американской интервенции было сброшено на землю Вьетнама больше, чем на всю территорию Европы за время второй мировой войны) прибавились новейшие химические средства. Агрессор стремился уничтожить не только народ, но и саму природу страны. В Ливане использовались самые новейшие виды бомб, снарядов,

взрывчатых веществ. Если Япония и Вьетнам стали первыми странами на земном шаре, генетический код населения которых, по мнению многих признанных специалистов из разных стран, серьезно затронут результатами американских атомных и химических бомбардировок, то теперь изобретен новый изуверский способ геноцида — детские игрушки, сделанные из взрывчатки или начиненные ею. Такие игрушки разбрасывались в Ливане и Афганистане.

Поворот в сторону безудержной гонки вооружений и войны стал фактом. Нынешняя американская администрация пытается возродить империалистические идеи 20-х годов об изоляции СССР и окружении его кольцом враждебных государств, а теперь и ядерных баз, вновь ввести в обиход язык шантажа и угроз. На все лады утверждается, что "Советский Союз — причина всех беспорядков на земном шаре"[587], он объявлен "империей зла"[588].

Мы являемся свидетелями того, как в США была принята и начала осуществляться беспрецедентная всеобъемлющая стратегическая программа на 80-е годы, предусматривающая ускоренное развертывание таких новых систем стратегических наступательных вооружений, как межконтинентальные баллистические ракеты "МХ", "Минитмен", атомные подводные ракетноносцы "Трайидент", стратегические бомбардировщики В-1В и "Стелс", многоцелевая космическая система "Шаттл", крылатые ракеты большой дальности всех видов базирования — воздушного, наземного, морского. Только за 1981—1983 годы на военные цели было израсходовано более 640 миллиардов долларов. В 1984 году военные расходы США превысят 260 миллиардов, а в период 1985—1989 годов к этим суммам должны прибавиться еще 2 триллиона долларов, или почти столько же, сколько было истрачено в Америке на эти цели за последние 35 лет. Это выброшенные на ветер колоссальные финансовые средства, это подчинение целям войны сырьевых и энергетических ресурсов, огромных производственных мощностей. Подсчитано, что уже сегодня каждая американская семья отдает Пентагону 250 долларов ежемесячно, а через пять лет эта сумма составит 450 долларов.

Соединенные Штаты, подписав Договор ОСВ-2 еще в июне 1979 года, отказались от его ратификации. Для прикрытия отказа изобретались разного рода предлоги и проводились шумные пропагандистские кампании. Среди них наиболее грубой и многоцелевой была кампания по Афганистану, организованная американскими службами "психологической войны" и другими спецслужбами. Она имела своей реальной основой вовсе не идеалы "демократии и свободы", как это утверждалось. Подобные идеалы никогда не трогали правящую верхушку США. Весь этот "спектакль протеста" разыгрывался исключительно для прикрытия очередных милитаристских действий США, направленных против социалистического мира, всего мирового сообщества и на достижение своего единоличного господства в мире.

Американцам именно в это время надо было:

- а) вырвать у западноевропейцев согласие на размещение на их земле ядерных ракет первого удара, что создавало непосредственную угрозу безопасности Советского Союза и усиливало контроль США над Западной Европой;
- б) прикрыть действия по установлению возможного военного сотрудничества с КНР на антисоветской основе;
- в) отказаться от упомянутого соглашения с СССР по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-2); г) оправдать усиление военной деятельности в Персидском заливе и в Индийском океане, имеющих целью шантажировать страны этого региона; д)

обеспечить увеличение военных расходов внутри страны, чтобы удовлетворить требования военно-промышленной олигархии;

е) отомстить за неудачу, поскольку не удалось переместить военные базы и средства электронного шпионажа из Ирана, откуда американцы были с позором изгнаны, в Афганистан.

Начав размещение в Западной Европе баллистических ракет "Першинг-2" и крылатых ракет большой дальности, США сорвали тем самым советско-американские переговоры по ядерным вооружениям в Женеве.

Естественные сомнения в целях рождает и отношение американской стороны к договорам о подземных испытаниях ядерного оружия (1974 г .) и о ядерных взрывах в мирных целях под землей (1976 г .). Мало того, что Вашингтону не хватило десяти лет, чтобы ратифицировать эти документы. Имели место неоднократные случаи превышения американской стороной установленного предела мощности испытываемых ядерных зарядов. Правда, Вашингтон делал заявления о том, что-де США намерены соблюдать установленное ограничение мощности в 150 килотонн. Сравнение этих заверений с реальной практикой, однако, лишний раз демонстрирует подлинные цели американских правящих сил. Вашингтон уклоняется также и от переговоров с СССР по вопросам запрещения химического оружия и ликвидации его запасов. Именно США блокируют достижение такой договоренности на многосторонней основе. Не желают в Белом доме дать ответ и на предложение государств — членов Варшавского Договора, сделанное в конце 1983 года, о полном освобождении Европы от химического оружия.

Хорошо известно, что на рубеже 70-х и 80-х годов именно Соединенные Штаты отказались от проведения, переговоров или прервали уже начатые переговоры и консультации по широкому кругу вопросов, связанных с ограничением и сокращением вооружений и военной активности. Они не ответили позитивно ни на одну из многочисленных советских инициатив, направленных на достижение этих целей.

Наконец, в полном противоречии с обязательствами, вытекающими для Вашингтона из его подписи под Заключительным актом общеевропейского Совецания, США практически не участвовали в усилиях, направленных на снижение военного противостояния на континенте и на содействие разоружению. Напротив, они сделали поистине все, что могли, дабы резко увеличить военную опасность в Европе, разместив здесь свои ракеты первого удара.

Отдавая полный отчет в крайней опасности милитаристского курса США, их очевидное нежелание прислушаться к голосу разума и требованиям миролюбивой общественности земного шара, Советский Союз настойчиво ищет пути выхода из создавшейся обстановки, выхода из тупика, в котором оказался по вине американской стороны процесс ограничения вооружений, прекращенная их гонки. Советский Союз пошел на такой шаг, как объявление одностороннего моратория на ядерные испытания, а также внес предложение о мирном сотрудничестве и предотвращении гонки вооружений в космосе.

Логика этих предложений и действий проста и понятна каждому непредубежденному человеку, искренне озабоченному судьбами мира. Пока идут переговоры, пока идут поиски ответов на очень непростые вопросы и в достаточно сложной ситуации, при сильном дефиците взаимного доверия — не делать обстановку еще труднее и хуже, чем она есть. Не совершать шагов, последствия которых изменить позднее было бы трудно, а быть может, и невозможно. Не нагнетать эмоции, способные заблокировать путь к

доверию, к трезвому, рациональному и конструктивному диалогу. Но и на этот раз администрация США, как подчеркнул М. С. Горбачев в ответах американскому журналу "Тайм", пошла, увы, по другому пути. Отвечая на наш мораторий, она "демонстративно, как бы назло всем и вся, поспешила произвести очередной ядерный взрыв. А на наши предложения о мирном космосе ответила решением провести первое боевое испытание противоспутникового оружия. И развернула в придачу очередную „кампанию ненависти“ против СССР"[589]. Американские должностные лица отделались обычными для них банальными отговорками, объявив советские предложения пропагандой. Оценивая такой подход, М. С. Горбачев сказал американским журналистам: "Если уже во всем, что мы делаем, и впрямь видят одну пропаганду, почему бы не ответить на нее по принципу: „Око за око, зуб за зуб“? Мы прекратили ядерные взрывы. И вы, американцы, в отместку взяли и сделали бы то же самое. А вдобавок нанесли бы нам еще один пропагандистский удар — приостановили бы, скажем, разработку одной из новых стратегических ракет. А мы ответили бы такой же „пропагандой“. И так далее, и тому подобное. Кому, спрашивается, повредило бы соревнование в такой „пропаганде“? Конечно, оно не смогло бы заменить всеобъемлющего соглашения об ограничении вооружений, но, несомненно, явилось бы важным шагом к такому соглашению". Истоки американского негативизма, конечно же, в другом. И ссылки на пропаганду тут ни при чем.

Сегодня стреляющий от бедра и без разбору американский ковбой — не только "герой" для подражания, но и политический символ. Беда в том, что лидеры США вновь вернулись к "простым решениям сложных проблем", уверовав, что только сила в состоянии обеспечить "национальные интересы". Беда и в том, что властвующая элита этой страны никак не может приспособиться к изменившемуся миру. Она спит и видит блики долгожданного и вождя "века Америки".

Но как это ни горько для любителей сновидений, мечте об "американском веке" не суждено было сбыться. Примириться с этим оказывается мучительно трудным. И если имперские амбиции американского империализма были бесперспективными в прошлом, то тем более беспочвенны они в наше время, когда сложившееся соотношение сил в мире исключает доминирующее положение США. Ставка же на военную силу в качестве средства достижения мировой гегемонии свидетельствует лишь о безрассудстве и близорукости, опасной закоренелости мышления.

Обстановка в США в начале 80-х годов характерна небывалым разгулом шовинизма. Разжигаемый сверху, он застилает глаза многим американцам, сбитым с толку массивной пропагандой. Одурманивает столь сильно, что около 75 процентов из них первоначально аплодировали даже такому злодеянию США, как кровавая оккупация крошечного островного государства Гренада. Примечательно высказывание рупора монополий "Уолл-стрит джорнэл", выступившего с характерным для настроений американских "ястребов" угрозой: "...Интересно, кто посмеет заявить открыто, что это использование американской мощи было ошибочным. Если никто не скажет, что события на Гренаде были ошибкой, то почему же иная мораль должна действовать во всей остальной Латинской Америке и во всем остальном мире?"

Итак, на очереди вся "остальная" Латинская Америка, а затем "остальной" мир. По существу, США бросили вызов всем народам и государствам планеты, заявили своими действиями о том, что не принимают и не намерены принимать выработанные на протяжении многих веков традиции международного общения, нормы

международного права, даже те конкретные политические и юридические обязательства, что вытекают из договоров и соглашений, подписанных США.

Но этот курс не блещет новизной, у него своя, достаточно длительная история, глубокие идейно-политические, социально-экономические, психологические корни. Еще в ходе второй мировой войны начался постепенный и все ускоряющийся отход США от согласованных в начале войны принципов сотрудничества участников антигитлеровской коалиции. Позднее эти принципы были полностью отброшены правящей элитой США и заменены "холодной войной". Всякий раз, когда Соединенные Штаты оказывались перед искушением и практической возможностью осуществить к своей выгоде государственный переворот в чужой стране, развязать экономическую, а то и военную агрессию против победившего в освободительной борьбе народа, организовать те или иные подрывные действия, их никогда не сдерживали соображения морального или правового характера. Примеров тому более чем достаточно.

Но кое-кому в Соединенных Штатах и это начинает представляться недостаточным. Например, журнал "Нэшнл дефенс", в составе директоров которого сидят крупнейшие фабриканты смерти, в номере за июль — август 1983 года^[590] опубликовал статью бывших сотрудников военной разведки В. Кеннеди и С. де Гайрки под заголовком "Альтернативная стратегия на 80-е годы". В ней подробно излагаются планы вторжения в Сибирь с баз на Аляске, в Японии, Южной Корее и на Филиппинах. Войну согласно плану США начинают нанесением ядерного удара. Авторы статьи пишут: "Преимущество первого удара явно было продемонстрировано результатами использования ядерного оружия против Японии... Никакие слова не в силах изменить того обстоятельства, что использование первыми ядерного оружия создает возможность если не уничтожить, то парализовать противника, в то время как „взаимное самоубийство“ остается и, хочется надеяться, останется недоказанным предположением". В связи с этим журнал ратует за производство и размещение "МХ", "Трайдент-Д-5" и других видов оружия первого удара. Авторы статьи подтверждают, что США уже взяли на вооружение некоторые составные части такой стратегии, объявив о планах размещения на севере Японии эскадрильи истребителей-бомбардировщиков F-16, а в портах тихоокеанского побережья США — авианосной боевой группы.

Но этого мало. Кеннеди и де Гайрки настаивают на ускоренном наращивании вооруженных сил США в северной части Тихого океана, нацеленных против Сибири, с участием большинства из 600 кораблей военно-морского флота (такой флот хочет создать министр Леман), 6—8 авианосцев, тяжелых бомбардировщиков на Аляске и большей части корпуса морской пехоты. Они предлагают разместить на северо-западе США и Аляске ракеты "Першинг-2" и крылатые ракеты, чтобы "привнести ядерный аспект в планы нападения на Советский Союз". Обращает на себя внимание и то, что указанный план включает использование японских подразделений на Хоккайдо. Журнал иллюстрирует статью картой возможных целей в восточной части СССР, На первом плане находятся районы, над которыми летел в сентябре 1983 года южнокорейский шпионский самолет, выполнявший задание американских разведывательных органов. Приводится список военной техники, которая понадобится американским силам вторжения. Авторы статьи в восторге от своего плана и циничны до предела. Огромные просторы Сибири, где находятся колоссальные природные ресурсы СССР, пишут они, наводят на мысль об использовании тактического ядерного оружия.

1 марта 1982 года при соблюдении полной секретности начались самые большие

командные учения за последние тридцать лет. Они получили название "Айви Лиг". По тревоге были подняты вооруженные силы США по всему миру. Роль президента исполнял бывший госсекретарь У. Роджерс, а вице-президента — бывший директор ЦРУ Р. Хелмс.

Сценарий "Айви Лиг" живо напоминает упражнения американских пропагандистов в уже упоминавшемся журнале "Кольерс". Пентагон исходил из "агрессии Советского Союза и его союзников в Азии и Европе, первоначальных успехов, достигнутых ими на поле боя, эскалации ядерных ударов, завершившихся главным стратегическим ударом", после чего США сохранили способность к ведению войны и нанесению новых ударов[591]. Комментируя итоги "Айви Лиг", президент Рейган сказал, что ядерную войну можно "выиграть". Подобный вывод вызвал оправданные опасения, что, если администрация Рейгана считает возможным победить в ядерной войне, она попытается это сделать[592].

Генералы, играя в "Айви Лиг", пришли к заключению, что необходимо форсировать программу под кодовым названием "Си3 Ай" стоимостью свыше 30 миллиардов долларов и представляющую собой огромную разнородную систему спутников раннего оповещения, радаров, компьютеров, подземных и воздушных центров связи. О степени засекреченности этой программы говорит отчет госдепартамента США конгрессу за 1981 год, когда законодатели получили документ, изобилующий купюрами: "(Пропуск) в настоящее время состоит (пропуск) из спутника; двух (пропуск) спутников; (пропуск) для (пропуск) и (пропуск); и (пропуск), который обеспечивает (пропуск) для (пропуск)[593].

У приверженцев нынешней политики все это вызвало удовлетворение, граничащее с восторгом. Оценки сводились примерно к следующему. Наконец-то в США правительство "не боится сказать всему миру холодные тяжелые факты о своей политике ядерной войны". Оно говорит о том, что скрывалось десятки лет. А вот сейчас "не должно быть лживых заверений, что у США нет плана стереть Советский Союз с лица земли"; нет больше элегантных, либеральных, интеллектуальных анализов устрашения, разработанных "умеренными" и "разумными" людьми, пытающимися превратить концепцию ядерного устрашения во что-то для всех приемлемое, даже "человечное"; нет больше разговоров о нетронутых городах и поражении лишь боевых средств противника. Нынешняя администрация обходится без подобных ядерных приятностей; разрушение всего, что было намечено ранее, и более того — именно это необходимо для устрашения русских. "Мы не должны бояться войны, ее необходимо вести на территории противника"[594], — сказал Дж. Уэйд, помощник министра обороны. Но не только Советский Союз является объектом американского шантажа и угроз. Достаточно бесцеремонно ведут себя США даже со своими союзниками. Непристойно их поведение выглядит и в отношении международных организаций, когда последние отказываются идти на поводу у американских властей. Особенно ярко это проявляется в отношении США к Организации Объединенных Наций — этому наиболее представительному интернациональному форуму современности.

ООН, созданная сразу после разгрома фашизма, была призвана, как зафиксировано в ее Уставе, "избавить грядущие поколения от бедствий войны". Ныне она по праву считается центральной в системе современных международных организаций. В ряде случаев она обнаружила свою эффективность, и это вселяет в народы планеты надежду на то, что ООН в состоянии играть немаловажную роль в деле избавления человечества от кошмара ядерной войны.

Если бросить ретроспективный взгляд на те, теперь уже далекие дни, когда создавалась Организация Объединенных Наций, нельзя не вспомнить о напряженной борьбе, которая велась вокруг основополагающих принципов Устава. Практически истоки двух кардинально противоположных политических линий, столь выпукло очерченных в современной ситуации, четко обозначились еще в тот период. Уже тогда США пытались превратить ООН в организацию, которая служила бы далеко идущим глобалистским целям американского империализма. Страницы документов, стенограммы переговоров свидетельствуют о продолжительной, подчас изнурительной и сложной работе, проделанной советской дипломатией на различных международных конференциях по подготовке Устава ООН, в частности на конференции в Сан-Франциско.

В результате напряженнейших усилий удалось заложить фундамент новой международной организации — 26 июня 1945 года был принят Устав ООН. В нем впервые в истории были зафиксированы подлинно демократические принципы равноправного международного сотрудничества. К их числу относятся принципы суверенного равенства всех членов ООН, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и самоопределения народов, уважения прав человека. Устав также провозгласил в качестве важной задачи осуществление широкого международного сотрудничества в решении актуальных проблем экономического и социального характера.

Благородное стремление сотрудничать в целях сохранения мира и безопасности, заявил тогда А. А. Громыко, подписавший этот документ от имени СССР, не может не найти поддержки у "Объединенных наций, больших и малых, которые будут участницами международной организации безопасности, организации, которая будет основана на принципе суверенного равенства всех освободившихся стран и нести общую ответственность за сохранение мира"[595]. Устав ООН, бесспорно, представляет собой один из выдающихся международных документов. Он стал хартией мирного сосуществования. Содержащиеся в нем положения и принципы составляют фундамент всей системы современного международного права.

Что касается США, то можно со всей очевидностью констатировать, что на протяжении послевоенных лет они грубо попирали как взятые на себя международные обязательства, так и основополагающие принципы ООН. Весь мир видит сегодня, что подобная политика достигла своего апогея. Нынешние творцы американской внешней политики игнорируют тот факт, что на протяжении долгой истории человечества было уже достаточно авантюристов и демагогов, которые при проведении внешнеполитического курса руководствовались не реальными обстоятельствами, а собственными предрасположенностями и иллюзиями. Кончали они бесславно. Понятно, что и сегодня ни искусственные эмоции, ни демагогические заклинания, на которые столь падки в Вашингтоне, не помогут американской администрации переделать мир по собственному произволу.

Политика США является циничным попранием целей поддержания мира, провозглашенных Уставом ООН, и обязательства, взятого на себя членами Организации, "проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности". Грубо нарушая цели и принципы ООН, США развернули небывалую по своим масштабам гонку вооружений. Они бесцеремонно объявили зоной своих имперских интересов огромные районы земного шара, где находятся десятки суверенных государств, они добиваются

создания новых военных баз на чужих территориях, осуществляют грубое вмешательство в дела других стран и народов, нагнетают атмосферу вражды и конфронтации.

Что касается деятельности ООН, то США стремятся перечеркнуть хотя и скромный, но тем не менее полезный опыт этой организации в области сдерживания гонки вооружений, накопленный в период разрядки, бойкотировать любые конструктивные инициативы в данной сфере. Достаточно вспомнить, что на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи американские представители проголосовали против восемнадцати резолюций по вопросам разоружения, принятых подавляющим большинством голосов, в частности, против резолюций, призывающих безотлагательно начать переговоры о неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в настоящее время, заморозить ядерные вооружения, запретить нейтронное оружие, начать переговоры о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия и в качестве первого шага объявить мораторий на проведение ядерных взрывов, запретить химическое оружие, провести в рамках всемирной кампании за разоружение под эгидой ООН сбор подписей в поддержку мер по предотвращению ядерной войны и т. д.

С враждебностью и нервозностью встретили США советские инициативы и на XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи. Исходя из трезвого анализа сложившейся в мире обстановки, СССР предложил, чтобы эта сессия специальной декларацией "Осуждение ядерной войны" безоговорочно и навсегда осудила ядерную войну как самое чудовищное из преступлений, как попрание первейшего права человека — права на жизнь; чтобы государства — члены ООН объявили преступными актами разработку, выдвижение, распространение и пропаганду политических и военных доктрин и концепций, призванных обосновать "правомерность" применения ядерного оружия первыми и вообще "допустимость" развязывания ядерной войны. Подавляющим большинством голосов сессия одобрила советскую инициативу.

Теми же целями — снизить опасность ядерной войны — было продиктовано и другое советское предложение на XXXVIII сессии: о замораживании ядерных вооружений. За него проголосовали представители подавляющего большинства государств. Кроме того, Советский Союз поставил на повестку дня этой сессии вопрос о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли и внес на ее рассмотрение проект соответствующего договора. СССР взял на себя обязательство не выводить первым в космическое пространство противоспутниковое оружие до тех пор, пока другие государства, в том числе и США, будут воздерживаться от подобных запусков.

Эти предложения — лишь часть комплекса инициатив, внесенных СССР в ООН в начале 80-х годов. В выдвинутом Советским Союзом "пакете" — и принятая по инициативе СССР декларация о предотвращении ядерной катастрофы, и взятое Советским Союзом в одностороннем порядке обязательство не применять первым ядерное оружие, и предложения о предотвращении гонки вооружений в космосе, "прекращении испытаний ядерного оружия, неприменении силы в международных отношениях.

При этом советские инициативы, нацеленные на кардинальное оздоровление климата в мире, неизменно получали и получают широчайший международный резонанс, поддержку подавляющего большинства государств — членов ООН, мировой общественности. И столь же неизменно наталкивались и наталкиваются на открытое и скрытое противодействие официального Вашингтона.

Самовольно взяв на себя роль вершителей судеб мира, нынешние творцы американской внешней политики, не смущаясь, попирают и свои собственные международные обязательства, обязательства страны, на территории которой расположена штаб-квартира ООН. Естественно, возникает вопрос: подходят ли вообще Соединенные Штаты для того, чтобы здесь находилась штаб-квартира столь важной организации? Пора бы американским руководителям понять, что ООН не бедный родственник Нью-Йорка, а международная организация равноправных государств, в которую входят и США, но не в качестве полицейского, а как рядовой член — наряду с другими 157 суверенными нациями.

В последние годы за океаном все чаще и настойчивее ведутся разговоры о том, что роль ООН в мировой политике пошла на убыль, высказывается разочарование относительно "нарушения баланса" и т. д. Конечно, ООН не реализовала всех своих возможностей, но американские политики озабочены не этим. Их раздражает утрата своих доминирующих позиций, крах "машины голосования" — одного из орудий американской дипломатии времен "холодной войны", а также возникновение в рядах государств — членов ООН влиятельного антиимпериалистического, антиколониального ядра.

Воля и решимость международного сообщества не раз сдерживали агрессивные устремления американского империализма. Мир сейчас был бы в еще более опасном положении, если бы наряду с усилиями миролюбивых сил ООН не играла позитивной роли. Этим и объясняются бесцеремонные попытки руководства США шантажировать эту организацию международного сообщества, менторски наставлять ее. Но политические камлания против ООН — это, по сути дела, свидетельство бессилия. В наше время трудно долго находиться в разладе с чаяниями народов. И если нынешние американские апостолы войны ставят свои узкие интересы выше общечеловеческих, то тем самым они противопоставляют себя всему международному сообществу.

И не Объединенным Нациям надо приспосабливаться к эгоистическим установкам США, а правящей верхушке этой страны следовало бы призадуматься над тем, к какой морально-политической изоляции может привести в конечном счете их авантюристический курс. Это убедительно продемонстрировала XXXVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН, "а которой Соединенные Штаты оказались, по сути, в полной изоляции. Их политику осудили даже представители ряда ведущих стран Запада — союзников США по блоку НАТО, которые высказали решительное возмущение в связи с преступной агрессией Соединенных Штатов против Гренады.

В нынешнем столетии человечество уже не впервые ищет спасения от войн на пути объединения мирового сообщества в международную организацию, цель которой — обеспечить мир и безопасность народов. Лига Наций не смогла выполнить возложенной на нее миссии — нацистская Германия вместе со своими союзниками по блоку развязала вторую мировую войну. Этому в немалой степени способствовали другие ведущие империалистические державы, которые надеялись, что милитаристская машина Гитлера обрушится только на Советский Союз. Просчет оказался очевидным и роковым: те, кто потворствовал нацистам, сами оказались жертвами кровавой агрессии. Таков исторический урок, урок жестокий, незабываемый, такова расплата за иллюзии и самообман в политике.

Но реакционным силам не дано остановить ход истории. 24 октября 1945 года, когда вступил в силу Устав ООН, под ним стояли подписи представителей 50 государств. С того времени мир пережил кардинальные изменения социально-экономического и

политического характера. Сформировалось и окрепло содружество стран социализма, развалилась колониальная система. Даже в странах НАТО многие государственные и общественные деятели отвергают войну как средство осуществления внешней политики, решения международных споров. Флаги 158 государств — членов Организации развеваются сегодня на флагштоках у здания штаб-квартиры ООН на Ист-Ривер в Нью-Йорке. У международного сообщества есть возможности отвести угрозу ядерного апокалипсиса.

Острота этой задачи предопределяется сегодня опасным милитаристским курсом, который проводит администрация США на международной арене. Смотреть правде в глаза куда полезнее, чем тешить себя иллюзией, думая, что все и так обойдется. События могут принять и катастрофический оборот, если объединенная воля миролюбивых народов не воспрепятствует угрожающему развитию международной обстановки. Смердная атмосфера американских военных приготовлений мешает людям жить, свободно дышать, строить свое будущее. Никто не хочет умирать — это самое естественное желание каждого человека. Так было всегда, так это и теперь. Но чтобы избавить человечество от ядерного уничтожения, необходимо реально оценивать масштабы и степень американской военной угрозы.

Сегодня фокус борьбы за сохранение мира сосредоточен в Европе. Здесь, в Европе, вспыхнули две мировых войны. Именно Западную Европу нынешние правители США сделали своим ядерным заложником и намереваются сделать первой жертвой новой мировой войны. Поэтому советская политика, прежде всего нацеленная на освобождение Европы от ядерного оружия, встречает столь яростное сопротивление со стороны американских апостолов ядерной войны. Поиск взаимоприемлемых решений не входит в планы Вашингтонской администрации. Мировую общественность все более тревожит то, что американские авантюристы активизировали действия по достижению своих милитаристских целей всюду — в Европе, Азии и Латинской Америке, на Ближнем Востоке, используя для этого все возможные средства. Они лгут, нагнетают страх, маневрируют, сегодня воркуют голубями перед союзниками, а завтра их же шантажируют, выдвигают заведомо неприемлемые предложения, иными словами, пускаются на любые, уловки и ухищрения, чтобы уйти от серьезных переговоров по вопросам разоружения.

Ситуация, сложившаяся в мире, опасна, но человечество не может не верить в лучшее будущее. Мы, дети XX века, располагаем большим опытом, развитым научным мышлением, имеются у нас и реальные возможности для решения самых сложных глобальных проблем.

Люди на Земле все глубже понимают, что сегодня мир — не театр одного актера, а ядерная война —

не ковбойский фильм. Сегодня все в ответе за свое будущее. Борьба за мир на Земле — самое благородное в настоящий момент дело, освященное гуманнейшей идеей. Нашу Землю нельзя разделить на две планеты, а коль тек, то только мир, мир без войн и страха ядерного уничтожения обеспечит продолжение рода человеческого, его процветание.

Мировая общественность вправе требовать от США поворота к реальностям мирового развития, уважения мирового сообщества и его мнения, принятых в нем международных законов и норм поведения. Сегодня нельзя не услышать страстный призыв, прозвучавший в книге "Не допустить ядерной войны". Автор предисловия Х. Калдикот

пишет: "Мы должны неистово трудиться ради того, чтобы обеспечить жизнь всем детям мира. Не имеет значения, чистят ли наши дети зубы и хорошо ли они питаются, если существует возможность, что они не переживут следующие 20 лет"[596].

В нынешнем смраде шовинизма и милитаризма в США не просто прорваться трезвым голосам. Да и сила их влияния пока невелика. Но одно неоспоримо: критические выступления в адрес администрации Рейгана и ее курса становятся все более резкими. Например, американский публицист Р. Стил пишет о милитаристском характере правительства, "опьяненного идеей укрепления своей мощи и готового по малейшему поводу и без него пустить эту мощь в ход". И далее: "Одержимый идеей военной силы, Рональд Рейган так и не уяснил себе, что статус великой державы влечет за собой определенную ответственность. Это не просто возможность выкручивать руки другим. Это значит понимать, что сила имеет свои пределы, что национальный престиж можно подорвать, если поддерживать недостойные цели, что не все интересы являются „жизненно важными“. Наше правительство так и не стало — и теперь уже, видимо, не станет — зрелым"[597].

Газета "Вашингтон пост" пишет, что "администрация настолько часто демонстрировала свою силу, что ее притязания уже не вызывают уважения ни у врагов, ни у друзей". Автор статьи Дж. Крафт называет политику правительства безответственной и считает, что нынешняя "администрация безнадежно зарвалась". Он требует коренного пересмотра стратегии в глобальном масштабе, но выражает сомнение в том, что президенту достанет проницательности для осуществления такого пересмотра[598].

О пробуждении, хотя и медленном, тех сил в США, которые, стряхивая оцепенение последних лет, начинают поворачиваться к трезвым оценкам, говорит и статья редактора "Нью-Йорк таймс": администрация США усиленно культивирует милитаристскую психологию. У конгресса есть власть спасти страну от сопряженного с рейганизмом упорного скольжения к войне. Вопрос стоит так: хватит ли у него для этого мужества? Добавим — и желания. Нынешний милитаристский и шовинистический курс США требует повышенной бдительности. Кошельку с прибылями, помешательству на долларах и бреду о мировом владычестве не должно быть дано учинить "пляску смерти", взять верх над жизнью человечества.

Закономерен вопрос: почему же в США, при всех многочисленных доказательствах опасности нынешней политики для самого же американского народа, есть еще немало таких, кто столь равнодушно относится к милитаризации страны, к созданию кошмара всеобщего страха, угрозам своих лидеров разрушить другие страны, призывам руководящих маньяков к ядерной войне? Ответ кроется в глубокой аморальности системы, построенной на обмане, судорожном карабкание к успеху, наживе одних и страданиях тех, кто обречен на неудачу. И нет дела до того, что творится вокруг, — люди поглощены заботами, общее имя которым "доллар", заботами, которые занимают в иерархии ценностей куда более высокое место, чем мир, всеобщее, а не только американское, благосостояние, непреходящие общечеловеческие ценности и надежды. Недооценивать опасность внешнеполитического курса нынешней администрации США, разумеется, нельзя. Но и переоценивать нет оснований. Есть силы — и в самой Америке, и за ее пределами, — которые понимают историческую бесперспективность политики милитаризма, войны и фашизма, полны решимости противостоять этому курсу, располагают для этого достаточными материальными и политическими возможностями.

Глава двенадцатая. Сила и бессилие

Американский писатель Джек Лондон известен своими проникновенными лирическими рассказами, восхитительными строками, воспевающими мужество человека, его гордость и любовь к жизни, ненависть к любой несправедливости. Времена "золотой лихорадки", Клондайк, суровый Юкон как бы оживают в его книгах, показывая не только трагические переплетения человеческих судеб, но и массовое умопомешательство от блеска золота, судорожное стремление к богатству и власти. Возможно, именно это личное ощущение процесса деградации человеческой морали, сутью которой становился доллар, и дало писателю возможность провидеть всю опасность общественного развития, основанного на культе денег и культе силы. Полвека назад это пронзительное предвидение Джека Лондона нашло свое отражение на страницах его фантастического романа "Железная пята". В нем он нарисовал картину захвата власти в США тайным союзом миллиардеров. Установление тоталитарного режима, деспотии кучки богатых сопровождалось террором, провокациями, кровавыми побоищами. Действительность превзошла догадки, оказалась богаче фантазии писателя. В Европе "железная пята" уже уничтожила около 50 миллионов человек, группа правящих олигархов в США готовит ныне уничтожение всего человечества. Страдая неизлечимой болезнью исторической слепоты, правящие силы современного империализма упорно и целенаправленно ведут дело к гальванизации фашизма, прежде всего в США, стараются объединить все правые силы вокруг лозунгов крайней реакции. Лихорадочное возбуждение шовинизма и взлет милитаризма в США — этом прибежище реакции — создали в мире предельную напряженность, чреватую ядерной катастрофой. На службе зловещей программы американского империализма состояли все послевоенные годы буржуазные средства массовой информации, политология, общественные науки в целом. По мере того как сдвигалась вправо вся жизнь в США, их экономические и политические институты, становились все более реакционными и средства идеологической борьбы, включая политологию. Политическая наука выбросила, как уже говорилось, на "рынок идей" десятки доктрин, обслуживающих конкретные военно-стратегические установки правящих кругов и их исполнительного комитета — правительства.

Но процесс политического поправления, вытолкнувший к власти президента, "жизненной мудростью" которого, по словам канадской "Ситизн", являются пошлости пивной в гольф-клубе, все же не был однозначным. Правым и ультраправым силам приходилось и приходится преодолевать сопротивление и тех сил, которые предпочитают реалистические оценки происходящего в мире, считают, что не война и конфронтация, а мир и сотрудничество соответствуют "национальным интересам" США. Подобные настроения находят свое отражение и в политологии. Их влияние в американском тоталитарном государстве не следует преувеличивать, но и при этой оговорке они представляют интерес по существу их критических линий, по методам воздействия на общественное мнение, по проблемам, которые служили объектами наиболее острых столкновений между двумя главными — относительно реалистической и ультравоиственней — тенденциями в политике.

Как уже говорилось, постоянным генератором напряженности в послевоенном мире является американский империализм. Правящим кругам США послевоенная международная обстановка казалась как нельзя более подходящей для установления

"нового мирового порядка". Но, памятуя, что политика войны требует нагнетания шовинизма дома, пропагандистская машина монополий прилагала все усилия, чтобы создать в стране обстановку истерии и политической инквизиции. М. Гордон и К. Вайнс замечают: "Газеты обсуждают превентивную войну, американские летчики открыто говорят об атомной бомбардировке России, а один генерал записал в своем дневнике: „Война! Как можно скорее! Сейчас!“[599]

Участие США в совместной с Советским Союзом борьбе против нацистской Германии оставило заметный след в умах и настроениях американского народа. Чтобы изменить идеологический климат, понадобился Джозеф Маккарти с его фашистскими методами "охоты за ведьмами". Инквизиция Маккарти навела нужным монополиям "порядок" в стране. Резко снизилась общественная активность. Критика внешней политики стала глуше. Ярые антисоветчики, временно приунывшие, воспрянули духом и развернули широкую антикоммунистическую пропаганду, активно взялись за фашизацию страны. Период маккартизма во многом изменил и характер политической науки: ее реакционные черты обострились, а критические мотивы были приглушены. Повысился спрос и на апологетику. Все больше появлялось книг, в которых безудержное восхваление внешнеполитического курса теснило разум на задворки. Где-то в конце активного маккартизма бывший министр юстиции США Ф. Бидл заметил: "Шаг за шагом мы создали благоприятные условия для прихода новой тирании" и позволили "зажать нам рты, закрыть глаза, заткнуть уши"[600]. А еще позднее личный друг и советник Маккарти Рой Кон признает, что путем создания удушливой политической атмосферы, методами шантажа, угроз, лжесвидетельств, фальшивок и тому подобного ставилась задача "отлучения от общества не только индивидуумов, но и идей, которые они поддерживают"[601]. Дело шло в конечном счете к диктатуре "своего рода фашизма"[602].

Как ни бесновалась реакция, американскому народу удалось в то время преодолеть фашизм в его маккартистской форме. Но победа была далеко не полной, ибо реакция сумела за эти годы отобрать многие позиции у трудящихся масс, усечь некоторые принципы демократии даже в их буржуазном выражении. Обстановка в США резко изменилась, она стала гораздо податливее к усилению в стране тоталитарной власти крупнейших корпораций, для деятельности фашистских группировок. Маккартизм создал условия для роста и укрепления ультраправых, прихода их к власти в 1980 году. О том, как глубоко маккартизм пустил корни в жизни США, как вошел в плоть и кровь "стражей демократии и свободы", свидетельствует доклад ЦРУ, содержащий данные о том, что американская охранка в борьбе с прогрессивными организациями черпала "вдохновение и практические рекомендации" в речах Гитлера. ЦРУ тщательно изучало также "технику" допросов, применения наркотиков и другие стороны опыта гестапо.

Устранение Маккарти отразилось на общественной жизни. Критика республиканской администрации Эйзенхауэра со стороны демократов усилилась. Разумеется, она в значительной мере диктовалась интересами борьбы за власть. Но эта критика отражала и реальное беспокойство наиболее дальновидных политиков страны за международные позиции США. Возрастало понимание, что так называемый жесткий курс, таящий постоянную опасность войны, ведет к падению престижа и влияния США.

С. Барр в работе "Граждане мира"[603], в целом апологетической, все же критикует внешний курс за то, что он основан на ложных предположениях. По его мнению, международная политика США исходит из следующих штампов-стереотипов: только

Россия мешает установить прочный мир; только США могут обеспечить свободу в любой части мира, поддерживая при этом антикоммунистов, реакционеров и даже фашистов; только свободное предпринимательство, американские методы и доллары в состоянии обеспечить необходимый порядок на земле. Надежды эти ложны, признает С. Барр. Мир настолько сложен и противоречив, устремления людей настолько различны, что развитие событий не может быть подчинено воле одного государства. Как заметили позднее Э. Стиллмен и У. Пфафф, не может быть серьезных изменений в американской внешней политике до тех пор, пока она не откажется от убеждения в своем "праве" вмешиваться в чужие дела. В противном случае последствия для Америки могут оказаться еще более тяжелыми, чем просто бессилие и изоляция"[604].

В сборнике "Политическая экономия американской внешней политики" признается, что США нуждаются в разумном понимании проблем XX столетия, соответствующих целей политики, эффективных и морально полноценных средств для достижения этих целей. И чем скорее они прекратят попытки "экспортировать американский образ жизни или американскую систему частного предпринимательства, тем действеннее будет внешняя политика"[605].

Особенно остро внешняя политика критиковалась, во-первых, за стремление к диктату в международных делах, а во-вторых, за неподвижность позиций, их несоответствие реальной обстановке на мировой арене и неспособность приноровиться к этой обстановке.

Лозунги диктата и войны всегда пропагандировались наиболее реакционными силами. "Определенно нельзя так быстро забыть, что концепция всеобщей войны была впервые провозглашена имперской Германией в первую мировую войну и затем нацистской Германией во вторую мировую войну"[606].

Среди буржуазно-либеральных критиков конца 50-х годов росло число авторов, которые выражали свое беспокойство не только грубой упаковкой внешнеполитического авантюризма, но и самой сутью политики. Обнаруживая возрастающее несоответствие между политическими амбициями и новой расстановкой сил в мире, определенная часть политологов пыталась устранить это несоответствие и овладеть, как говаривал в свое время Бисмарк, искусством возможного.

Относительно острая реакция "либералов" на поведение США на международной арене объяснялась пониманием и того факта, что атомное оружие не может конструктивно ответить ни на один вопрос международной жизни, что любая политика в современном мире обязана исходить из реальностей, а не из ложного представления, будто солдаты, оружие, угрозы, деньги, окрик или даже война в любом ее варианте могут принести успех и славу стране, отвечать ее подлинным национальным интересам.

В многочисленных писаниях либеральных критиков, оживившихся после Маккарти, много невероятных словесных ухищрений, политических пируэтов, противоречий, завуалированной апологетики. Но в них отражены и реальности настроений, существовавших в то время в США. Их анализ полезен для понимания событий и процессов, происходящих в Соединенных Штатах середины 80-х годов.

Сравнительно более последовательным критиком внешней политики США того времени можно назвать Дж. Уорберга. Особенность его в том, что Уорберг критикует обе партии. В работе "Программа действий" он пишет, что "ни республиканцы, ни демократы не могут сказать, что американская послевоенная политика была успешной"[607].

Аналогичные позиции он отстаивает и в книге "Кризис Запада". Политику военных

блоков Уорберг считает ошибочной. Сколачивание военных союзов сделало страну основным защитником статус-кво и подорвало американское влияние на массы человечества, которые хотят аграрных реформ, лучших жизненных условий и освобождения от иностранного влияния. Вместо того чтобы сосредоточить внимание на Азии, США связались с "бесперспективной Европой". Поставив в центр европейской политики Западную Германию, США восстановили против себя другие народы Европы, считающие Германию источником европейских бедствий. Связав себя тесными узами с Англией и Францией, США потеряли влияние в Азии и Африке, так как любая поддержка колониальных держав питает "ненависть к Америке по всему Ближнему, Среднему и Дальнему Востоку"[608].

Правоверность буржуа не дает Уорбергу возможности увидеть движущие пружины политики — интересы монополий. Причины неудач и провалов он ищет в несовершенстве политического руководства страной. (К этому же приему политологи прибегают и в отношении Р. Рейгана, возлагая ответственность за провалы американского внешнеполитического курса на некомпетентность, необразованность и легкомыслие президента.) Дж. Уорберг пишет, что негибкая и лишенная воображения внешняя политика явилась результатом в большой мере "нежелания популярных лидеров рискнуть своей популярностью ради защиты или осуществления непопулярных дел". Поскольку руководители страны не заботятся о "гуманных и созидательных импульсах", народ США живет в состоянии невежества, равнодушия и самодовольной самоудовлетворенности, как если бы в мире не было ничего более важного, чем новые автомобили, новые дома, новая одежда, новые предметы и понижение налогов. Спорить трудно. И негибкая политика, и самодовольство, и многое другое — все это верно. Но при внимательном чтении Уорберга позиция его проясняется — он пытается взвалить все беды на плечи политиков, идеологов, неудачи объяснить несовершенством механизма принятия решений, то есть изобразить дело таким образом, что политическая жизнь имеет своим источником и законодателем человеческое сознание. Экономические интересы упоминаются вскользь, глухо, остаются в стороне. В своих предложениях Уорберг идет дальше многих своих собратьев. Он пишет, например, что "наступило время искать взаимопонимание с Советским Союзом"[609]. Обстановка в мире такова, что формирование единого атлантического "фронта против остального мира" бессмысленно. Значительно более достойный выход — скромно жить в мире, "который навсегда ушел из-под нашего господства и контроля". Неприятие курса на "мировое господство" очевидно. И все же автор сожалеет, что надежды США на создание "мировой империи" оказались иллюзорными. В новых условиях он зовет к проведению "новой" политики, главным содержанием которой должно быть завоевание дружбы с незападными народами. Уорберг считает, что для США необходимо перевести борьбу из военной области в политико-экономическую сферу, результатом чего будет "сосуществование". Оно определяется как "конкурентное ухаживание за умами людей всего мира"[610].

Достаточно остро чувствует авантюризм политики США и другой политолог, Л. Бромфилд. Он высмеивает попытки свалить на Советский Союз вину за создание международной напряженности. "Предположите, — пишет он, — что армии Советской России находятся на канадской границе и нас окружает кольцо аэродромов, что русские имеют армии в Мексике, как мы имеем в Корее, аэродромы в Центральной Америке и в Карибском бассейне, снабжают оружием пограничные с нами государства и даже

поставляют солдат. Ну как?"[611]— спрашивает Бромфилд.

Вашингтон стремится оправдать вооружение Западной Европы необходимостью "обороны против России", но почему-то игнорирует факт, что европейские народы не испытывают тех ужасов и тревог, которые так заботливо создаются в США Пентагоном и определенными газетами и политическими деятелями. Автор иронизирует, что американцы по загадочным причинам больше заботятся о безопасности Европы, чем сами европейцы.

Бромфилд пытается нащупать и внутренние причины, оказавшие, по его мнению, влияние на провалы во внешней политике. Во-первых, "американский народ и даже его представители в конгрессе все больше отстраняются от действительного участия в управлении и во внешней политике". Проведение политики "перешло в руки назначаемых бюрократов, не имеющих прямой ответственности перед народом"[612]. (В конце 70-х годов Дж. Янг, известный в США специалист в области этики, придет к следующему выводу: "Если ранее считалось, что проблемы можно решить с помощью центральной власти в Белом доме, то теперь в ней видят лишь источник проблем для общества"[613].)

Во-вторых, продолжает Бромфилд, многие американцы думают о других народах, оценивают их поведение, культуру, политику, исходя из собственных привычных представлений об американском образе жизни, определяют ценности или недостатки политического или государственного устройства в других странах применительно к порядкам, заведенным в США. И это верно. Немало американцев убеждены в своем национальном превосходстве и непогрешимости. Один из старейших профессоров Массачусетского технологического института, Г. Фримэн, подчеркивает, что в Америке культивируется такой "образ Советской России", который должен вызывать "ненависть к самому понятию социализма"[614]. На этой базе уже легче убедить американцев в необходимости уничтожения социалистических стран любыми методами, включая ядерную войну, и установления в мире американских порядков.

Л. Бромфилд пишет, что в США создана обстановка интриг, безответственности, лжи и обмана граждан, в результате чего они уже не могут отличать черное от белого. Простые люди отданы на милость безнравственности и беспринципности. Нынешнее поколение "не знало ничего, кроме извращений пропаганды"[615].

Бромфилд верно замечает, что в США создана обстановка страха, цинизма, равнодушия. Но, по его рассуждениям, в плену тенденциозной пропаганды оказались не только массы американцев, но и те силы, которые определяют политику. По Бромфилду, это правительство и общественное мнение, но не социально-экономические силы, которые формируют и правительства, и общественное мнение. Он не в силах понять, что обстановка страха создается сознательно и в корыстных целях, ибо она наилучшим образом способствует политике реакции внутри страны и агрессии за рубежом, что народные массы не имеют доступа к средствам создания общественного мнения, а то "общественное мнение", которое выдается в США за доминирующее, формируется средствами массовой информации, являющимися собственностью корпораций.

О Честере Боулсе уже говорилось, когда рассматривались его позиции относительно американской политики в "третьем мире". Но в своих работах он затрагивает и более общие проблемы международной жизни. В книге "Американская политика в революционном мире" Боулс признает полное банкротство курса во внешних делах. Он отмечает, что лидеры страны не сумели оценить нового соотношения сил на мировой

арене, которое заметили все, кроме политиков. Вместо трезвых выводов руководители ударились в риторику: "Безболезненное освобождение", "массированное возмездие", "искусство хождения по кромке". Фразы оказались бессмысленными. Они "дорого стоили США, значительно дороже, чем это можно было позволить"[616], поскольку отражали иллюзии, а не реальные задачи.

Но, обругав политиков за иллюзии, Ч. Боулс оказался не в состоянии предложить ничего, кроме новых иллюзий. Америка должна выступать не только как "партнер", но и как "архитектор" мировых порядков. "Без такого взгляда люди погибнут"[617]. Сумасбродная идея "американской империи" и потом не покидала Боулса. В статье, опубликованной в журнале "Форин афферс" в июле 1962 года, Боулс грезит о том времени, когда американская "преданность демократии" будет руководить в мире будущего. Если этому суждено сбыться, пишет он, американский народ возьмет на себя роль, которую еще ни одна преуспевающая и могучая нация не брала на себя за всю историю цивилизации. В провалах на международной арене не виноваты, как пишет Боулс, ни капиталистический класс, ни американская "демократия". Они объясняются плохим руководством и неспособностью лидеров "признать новые требования быстро изменяющегося мира"[618]. Вспомним, что и Бромфилд и Уорберг говорили то же самое. Никто не хочет говорить об экономических властителях США, в интересах которых осуществляется агрессивная политика США. Но охотно атакуют ставленника монополий — правительство.

Уже перед запуском первого спутника Земли появились работы, содержащие попытки критически оценить некоторые важные аспекты американской внешней политики. Тому много причин. Политика "холодной войны" потерпела жестокие провалы. Народы мира все нагляднее убеждались, что эта страна выступает в качестве реакционной силы, отстаивающей политику колониализма, агрессии и вражды между народами. Особую тревогу вызывали притязания американского империализма на мировое господство. Но крушение этих планов оказалось настолько явным, что даже наиболее видные запевалы экспансии начали отрещиваться от идей "мировой гегемонии". Например, Д. Перкинс пишет, что США не могут контролировать события на всем земном шаре и приказывать остальному миру. У. Липпман бросает внешней политике США обвинение, что она "прошла мимо потрясающих сдвигов в общественном мышлении, сравнимых с переходом от теории мироздания Птолемея к астрономии Коперника".

После спутника подобные мотивы стали звучать гораздо резче, хотя к ним добавились в изрядной доле испуг и растерянность. Эра самоуверенности кончилась, писали позднее американские газеты. Советский спутник Земли властно вмешался в международные отношения.

Время принудило некоторых политологов и к пересмотру собственных взглядов.

Липпман, например, сделал вывод о полном банкротстве политики силы. Он с тревогой констатирует, что политика "с позиции силы" не имеет общенациональной цели, которая бы объединяла и двигала общество вперед, в том числе и на мировой арене.

Другой пример. В начале пребывания Эйзенхауэра у власти Э. Хьюз сочинял речи для президента. В них он вкладывал и свои личные взгляды, показав себя активным защитником политики "холодной войны". Насколько большой сдвиг произошел в мышлении Хьюза, говорит его книга "Америка уязвима". В ней он констатирует, что США "повсюду потеряли истинную перспективу политической реальности"[619]. Он пишет, что оказались опрокинутыми не только теории "холодной войны", различные воинственные

доктрины, но и понятия американцев о свободе, законе и т. д. Что же касается внешней политики последних лет, то она была, по признанию Хьюза, ошибочна по своим предпосылкам и бесполезна по результатам.

В такой постановке вопроса — ключ к пониманию складывающихся настроений. Раньше даже "либеральные" критики атаковали внешнюю политику с позиций глубокой убежденности, что США держат в своих руках судьбы мира. Иными словами, и в подобного рода критике звучали высокомерные ноты: ничто, мол, не может поколебать "американское лидерство". Отсюда, собственно, проистекали разглагольствования об "американском веке", о США как наследниках империй прошлого и даже всей мировой цивилизации. Но вдруг мираж исчезает.

Показательна в этом плане статья Б. Келлерман под характерным названием "Два Кеннана"[620].

В статье, посвященной историческому наследию доктрины Монро, опубликованной в сентябрьском выпуске "Нью-Йорк таймс мэгэзин", историк Гэддис Смит привел цитату из объемного доклада, который Джордж Фрост Кеннан представил государственному секретарю Дину Ачесону в 1950 году: "Мы не можем быть слишком принципиальными в отношении методов обращения с местными коммунистами... Если идеи и традиции демократического правления оказываются слишком слабыми для успешной амортизации коммунистического наступления, то мы должны признать, что жесткие репрессивные меры правительства, возможно, являются единственным решением". Такие методы, продолжал Кеннан, могут быть "предпочтительными и на деле единственными возможностями остановить дальнейшие успехи коммунистов". Назвав это "кеннановским заключением 1950 года", Смит заметил, что оно красной нитью прошло через более чем треть века американской политики.

Всего через две недели после появления очерка Смита журнал "Нью-Йоркер" напечатал "Размышления" самого Кеннана: два письма, написанных им неназванным другом, одно — русскому, другое — американцу. Контраст между этими недавними письмами и "кеннановским заключением 1950 года" разителен. Теперь, на 80-м году жизни, Кеннан обратился с призывом дать национальный самоотчет, с тем чтобы помочь двум сверхдержавам "избежать катастрофы". Он призывает своего русского друга быть осторожным с "психологией осажденных в крепости", которая, по Кеннану, всегда извращала советское восприятие действительности и оказывала дурное влияние на советскую внутреннюю и внешнюю политику. Американца он убеждает пересмотреть свой взгляд на СССР как на "врага" и с подозрением отнестись к американским средствам массовой информации в связи с тем, что они изображают СССР с его "наиболее страшных, безрассудных и антигуманных сторон".

Как показывают эти письма и статья Смита, Кеннан после пяти десятилетий службы до сих пор пользуется весом, по крайней мере в определенных кругах. Эти две вещи, невероятно далекие друг от друга по своим позициям, также напоминают нам о противоречии, преследовавшем Кеннана на протяжении значительной части его карьеры. Проблема, как указывает Бартон Геллман в предисловии к своей книге "Споря с Кеннаном", в том, что существуют два Джорджа Ф. Кеннана. В 40-е и 50-е годы существовал Кеннан из статьи Смита — дипломат-практик и боец "холодной войны", который, говоря словами Геллмана, "трубил тревогу против русских и разрабатывал стратегию „сдерживания“. Ближе к настоящему, с конца 70-х годов, появился Кеннан „Нью-Йоркера“ — миролюбивый историк дипломатии, чьи труды состоят главным

образом из старых рассказов, преподнесенных как современные уроки, и проповедей против ядерного оружия.

"...Этот последний из предостерегающих рассказов Кеннана о губительных результатах бездумных военных игр заставляет вспомнить „загадку Кеннана“: почему получилось так, что труды раннего Кеннана, сторонника „холодной войны“, продолжали пользоваться влиянием в Вашингтоне на протяжении 40 лет, тогда как поздний Кеннан, мыслящий миролюбец, почти напрочь был исключен из процесса выработки политики? Конечно, потому что Кеннан... неоднозначен в своих симпатиях; творцы нашей политики убеждены в своей правоте. Он скорее озабочен сохранением мира; они — тем, как выиграть войну".

Перед политической наукой возникает много незнакомых доселе проблем. Надо было объяснить суть происшедшего. Надо было привыкать, приспосабливаться к "глобальной иронии" и растущему недоверию, охватившим даже правителей "дружественных" государств. Надо было вырабатывать новые линии поведения по отношению к Советскому Союзу, да и к другим странам.

Если взглянуть на работы Ч. Боулса, изданные после 1957 года, то в них можно отчетливо увидеть не только реакцию на важнейшее событие современности, но и понимание необходимости сформулировать новые доктрины, соответствующие новым реальностям. Боулс признает, что достижения СССР развенчали так настойчиво пропагандируемые "преимущества" капитализма американского образца в глазах народов мира и особенно развивающихся стран. Он пишет, что политика США не смогла ни приобрести уважение народов мира, ни создать непреступную военную оборону, ни обеспечить справедливый и прочный мир. Поэтому США остро нуждаются, по его мнению, в новом подходе, в откровенном и честном анализе "отношений с миром". Что же он предлагает? Он по-прежнему отрицает войну как средство решения спорных вопросов. Выступает за устранение жесткости "холодной войны" и создание "шаг за шагом основ для прочного мира". Вроде бы все правильно. И все же Боулс продолжает гипнотизировать политика силы. Он пишет, что успехи Советского Союза не должны вести к "безоговорочной капитуляции" США, а поэтому необходимо иметь мощные вооруженные силы. Иначе, запугивает Боулс, мы окажемся "рано или поздно живущими в мире, где будут господствовать Советы"[621]. Честного анализа отношений с миром не получилось.

В работе "Программа на 1961 год" Боулс как бы суммирует свои взгляды на политику США. Не без основания ее можно отнести к тем работам, которые начали идеологическую подготовку "курса Кеннеди". Боулс признает, что американский народ устал и больше чего бы то ни было другого он хочет мира и спокойствия. Народ США не желает, чтобы его дети маршировали на войну, а города были разрушены. Политика, которую проводит правительство, "бесцельна и противоречива". Коммунисты говорили о мире и дружбе, мы же настоятельно повторяли уставшему миру избитые лозунги "холодной войны". В результате "русские завоевали всеобщее признание за свое стремление покончить с „холодной войной“[622]. Автор критикует "узкое понимание" успехов Советского Союза лишь как военных или экономических. Это вызов нашей вере, нашему образованию, нашим ценностям, нашей технологии, нашей экономической системе, нашей жизнеспособности и нашей способности общаться не только друг с другом, но и со всем человечеством.

Новая обстановка требовала новых аргументов. Устав от критики, пометавшись из

стороны в сторону в поисках доктрин, учитывающих реальности мировой обстановки, многие политологи вернулись к старому, уже обкатанному тезису: Советский Союз ждет случая, чтобы напасть на США. Все вернулось на круги своя. После второй мировой войны, оказывается, только американская атомная бомба удержала Советский Союз от нападения на США. А вот, мол, после 1957 года, пишет У. Росту, Советы предприняли новое наступление на "свободный мир", начали "ядерный шантаж", с тем чтобы понудить Запад к отступлению. При этом Росту заявляет, что коммунисты ради достижения "мирового господства" готовы на все, вплоть "до прямого нападения" на США[623]. Какой же отсюда вывод? Его дает другой апостол войны, С. Поссоли. Такая позиция Советского Союза может "навязать американцам стратегию превентивного, или упреждающего, удара"[624]. Поэтому остается хотя и чреватый войной, но единственный путь — милитаризация и гонка вооружений. О чем бы ни говорили американские идеологи, вывод один: милитаризация. Хоть война, хоть мир, а вооружаться нужно беспрерывно.

Много доктрин выдвинули американские идеологи после 1957 года. Проникнутых страхом и раздражением. Аналитических и воинственно-крикливых. Но, пожалуй, всем им присуща озабоченность за положение США в мире в условиях, сложившихся после запуска первого спутника Земли. Вильямс, например, в книге "Трагедия американской дипломатии" признает "глубокий кризис" политики США. Автор обвиняет послевоенные правительства в том, что их действиями была создана гнетущая обстановка страха и ожидания военной катастрофы. Базируя свою политику на идее "крестового похода против коммунизма", внешняя политика США "закрывает дверь любым результатам, кроме „холодной войны“"[625]. А. Этzioni в работе "Трудный путь к миру" рассказывает о том, как однажды американский летчик-истребитель, выпустив снаряды, развил такую скорость самолета, что обогнал собственные снаряды и был сбит ими. "Часто кажется, что мы (американцы) следуем по стопам этого летчика"[626].

Некоторые авторы выражают обоснованное беспокойство относительно того, что американцы имеют явно превратное представление о политике правительства. В книге "Государство войны" отмечается, например, что действительная картина агрессивного милитаризма резко расходится с мнением среднего американца о своей стране, которая кажется ему жаждущей только мира. А факты говорят об иллюзорности подобного представления, они показывают, что государство войны должно найти свое окончательное выражение в войне. Всему миру известно, продолжает автор этой книги, что американский империализм стремится переделать мир "по своему образу и подобию"[627]. Все это, с тревогой отмечается в книге У. Ледерера "Нация баранов", может привести к печальному финалу национальной драмы: американцы превратятся в баранов, не знающих, что их ведут на убой. Но может произойти и другое. Как писал последний оставшийся в живых из братьев Кеннеди — Эдвард, многие из американцев, потеряв веру в собственную систему, придут к заключению, что она "не стоит того, чтобы ее спасти"[628].

Дж. Ньюмэн в книге "Правление безумия" предостерегает против "тенденции, находящей выражение в многочисленных попытках заставить американский народ принять идею ядерной войны и убедить его в том, что убежища дадут возможность уцелеть большинству из нас"[629]. Кстати, об убежищах, упомянутых Ньюмэном. Их строительство в то время превратилось в национальный психоз. Для разжигания его проводились всеобщие тревоги. На сооружении частных и коллективных убежищ, на

визгливой пропаганде вокруг этой национальной аферы наживались строительные компании, но не только. Авантюра с убежищами поддерживала страх американцев перед войной, взвинчивала нервы нации. Предполагалось, что после воя сирены и торопливой рыси в подземный склеп американец будет не так критичен к росту налогов и восприимчивее к пропаганде войны.

Но не всегда все идет, как хотелось бы. Так и с убежищами. В книге "Прячущаяся Америка" рассказывается следующее. В июне 1961 года президент Кеннеди призвал строить противоатомные убежища. Появились специальные компании, предлагавшие все, что потребуется человеку под землей во время атомной войны. Мошенничество разрасталось. В продажу поступила даже консервированная вода. Началось микрофильмирование наиболее важных документов. В штате Небраска, проявляя трогательную заботу о сохранении коровьего рода после ядерной войны, правительство построило убежище на 77 коров, 2 быка и 3 пастухов. Общенациональная паника, однако, дала совсем не те результаты, которые ожидались. Подземные убежища подействовали, "словно бульдозер, разворотивший скалы апатии в американской жизни"[630]. Многие "впервые осознали, что холодная война — штука чрезвычайно серьезная. Эти люди поняли, наконец, что если не найти выхода, произойдет катастрофа"[631].

Как верно заметил К. Казинс, "если ту энергию, деньги и ресурсы, которые сейчас тратятся на убежища, направить не создание лучшего мира, то мы надежнее обеспечим американское будущее, чем все подземелья, которые можно выстроить за тысячу лет"[632]. Дж. Горовиц подчеркивает, что пропагандисты стратегии "атомных игр" социально опасны. И дело вовсе не в том, каков моральный облик их авторов — он стоит за пределами элементарных понятий о морали. Особую тревогу вызывает то, что концепция "игр в войну" постепенно приучает общественность рассматривать войну "как обычное явление"[633]. Он показывает беспочвенность иллюзии и об ограниченной войне, скажем, в Европе. Это не что иное, как "мизантропическое выражение изоляционизма, предполагающее, что европейцы снова будут сражаться за интересы Соединенных Штатов", а американцы — "наслаждаться зрелищем того, как Европа разорвет себя на куски"[634]. Понимая нелепость стратегии, рассчитанной на атомную войну, Горовиц призывает перейти от политики, основывающейся на морали антикоммунизма, к политике, базирующейся на общем выживании и на праве народов самим выбирать социальную систему.

Много критики выпало в это время на долю военных. Отмечают, что их роль в делах государства не имеет прецедента в истории страны. Если учесть "наследственный" аморализм американской военщины, то опасность провокаций возрастает многократно. У профессиональных стратегов, отмечает автор работы "Стратегия и совесть", профессиональная глухота к голосу совести. "Для стратега цели — всегда лишь кружки на карте. Многократное убийство — соответствующий коэффициент. Ядерный потенциал — понятие, аналогичное теплоемкости, электрическому потенциалу или кредитоспособности концерна"[635]. Пропаганда войны падает на весьма благодатную почву равнодушия. Американцы, как отмечает Раппопорт, не имеют позитивной национальной цели, что делает их восприимчивыми к ложной и губительной пропаганде крестового антикоммунистического похода. В американском обществе господствует самодовольство, совесть его спит. Американцы любят звуки военных труб и парады, ибо они и понятия не имеют об ужасах войны, которая всегда обходила их стороной. Не

встречая сопротивления, пропаганда, на которую монополии тратят огромные деньги, ведет преступную проповедь войны, а правящие круги страны — "глупую, грязную и опасную игру интриг и подрывных действий"[636].

Реалистически мыслящие ученые пытались и пытаются доказать пагубность термоядерной войны. Например, Т. Стониер в работе "Атомное бедствие" рассматривает гибельные последствия для всего живого на земле ударной волны, светового излучения, проникающей радиации, радиоактивного заражения местности. Он пытается нарисовать трагическую ситуацию, которая неизбежно возникнет после войны. Говорит о неотвратимости массовых психических заболеваний, эпидемий, о нарушении биологического равновесия в природе (птицы гибнут от малых доз радиации, насекомые малочувствительны и быстро размножатся; леса, особенно сосновые, погибнут, что приведет к эрозии почвы и т. д.). Как отмечает автор книги, такая перспектива должна убедить людей, что "забота о мире является не только чрезвычайно разумной и уважаемой, но для нашего поколения стала обязательной"[637].

Видный американский психолог Ч. Осгуд пишет, что трудно дать людям убедительное представление об опасности ядерной войны, когда они незнакомы даже с обыкновенными бомбардировками. Нелегко это говорить, но, может быть, для нас (то есть американцев. — А. Я.) было бы лучше всего, если бы около какого-либо большого города случайно взорвалась ядерная боеголовка и взрыв показывали бы по телевидению. Возможно, после этого американцы взяли бы в толк, что "решать политические вопросы посредством ядерных бомб — все равно что пользоваться динамитом, чтобы избавиться от мышей в доме"[638]. Эту же точку зрения высказывает и профессор С. Хьюз. Касаясь воображаемого ядерного взрыва над США, он пишет, что "иной раз меня так и подмывает желание, чтобы такая ужасная вещь произошла"[639]. (Заметим в скобках, что в конце 1983 года в США был снят и показан по телевидению фильм "На следующий день", основанный на сценарии, близком к приведенным высказываниям Осгуда и Хьюза. Фильм потряс многих простых американцев. На политике Белого дома это не сказалось, да и не могло сказаться.)

Аргументация, конечно, крайне острая. Но не ради сенсации она приводится. Печально то, что отсутствие трагического опыта оборачивается плохо и для самих американцев, и для народов, уже познавших ужасы войны. Конечно, подобные "если бы" абстрактны, и никто не желает, чтобы термоядерные взрывы случились над США и передавались по телевидению. Больше того, саму эту аргументацию, хотя она и понуждает к мыслям о судьбах мира, вряд ли можно считать допустимой.

По разным причинам критика международного курса США разворачивалась по широкому фронту. Она отчетливо отражала новые реальности мировой обстановки, изменения в соотношении сил, растущее недовольство агрессивной политикой правящих сил США внутри страны и за рубежом. Так или иначе, но Соединенным Штатам пришлось пойти на определенные модификации в своей внешней политике с акцентом на международное сотрудничество, переговоры и договоренности. Но с приходом к власти демократа Дж. Картера и республиканца Р. Рейгана над человечеством вновь нависла угроза ядерной войны и катастрофы.

Внешнеполитический курс США претерпел эволюцию, амплитуда которой необычна даже для этой отличающейся бурным политическим темпераментом страны. От содействия разрядке международной напряженности, нормализации советско-американских отношений в начале десятилетия (70-е годы) США перешли к

противоположной линии на его исходе.

Каковы же причины и сам механизм этой эволюции? Речь идет, в сущности, о том, чтобы понять, что же является эпизодом в американской политике — разрядка напряженности или конфронтация и курс на войну? Ответы на эти вопросы во многом помогают увидеть в правильной перспективе внешнеполитическую деятельность рейгановской администрации, позволяют составить более точное представление о развитии международной обстановки в целом, на которую — нужно ли говорить — США накладывают столь негативный отпечаток. Понятно, что участие США в оздоровлении международных отношений определялось комплексом причин разной глубины, длительности и силы воздействия. Наиболее фундаментальная — прогрессирующая ликвидация разрыва в общей мощи между СССР и США, между социализмом и капитализмом, если говорить в более широком плане. Советский Союз достиг военно-стратегического паритета с США, который обесмысливал курс на конфронтацию с СССР. На этот главный фактор наложились, усиливая его, некоторые другие, относительно частные. Страна была охвачена "вьетнамским синдромом", ставшим серьезным препятствием на пути продолжения агрессивной, или, как ее называли в США, "глобалистской", политики. Обострилась необходимость усилить внимание к внутренним, в первую очередь социальным проблемам, что дополнительно ограничивало "глобализм", требующий гигантских затрат.

Преобразование всех этих импульсов в разрядку выпало на долю республиканской администрации, политический профиль которой ослаблял противодействие тех, кому разрядка была не по душе. Ф. Холлидей считает, что перед администрацией Р. Никсона, пришедшей к власти в 1968 году, стояли следующие задачи: достичь соглашения с СССР по ограничению стратегического ядерного оружия и в то же время расширить существующие преимущества США в областях, не охваченных соглашением; использовать соглашение по стратегическому оружию и советско-американской торговле для того, чтобы СССР прекратил помогать своим союзникам в "третьем мире", особенно Вьетнаму; вести переговоры с СССР по проблемам Европы таким образом, чтобы усилить давление на политическое единство советского и восточноевропейских обществ[640].

Вынужденные в силу сложившихся обстоятельств сесть за стол переговоров, США в лице Никсона — Киссинджера остались верны себе. Приведем лишь несколько фактов из исследования Сеймура Херша "Цена власти". 6 февраля 1969 года Никсон на пресс-конференции заявил, что ратификация Договора о нераспространении ядерного оружия всеми правительствами, как обладающими, так и не обладающими им, — в интересах мира, и выразил уверенность, что большинство друзей США в Западной Европе присоединятся к ним в этом вопросе. Однако сотрудники Совета национальной безопасности знали, что Никсон и Киссинджер относятся к договору враждебно, а за день до публично выраженной поддержки Договору Никсон подписал Меморандум № 6, в котором, в частности, говорилось: США не будут оказывать какого-либо давления на другие страны, прежде всего ФРГ, с целью их присоединения к Договору[641]. В конце 60-х — начале 70-х годов американской общественности постоянно внушали, что новое поколение ракет с кассетными боеголовками создается в ответ на развертывание аналогичных систем в СССР. Однако, как объяснил тогдашний министр обороны М. Лейрд в сенатском комитете, США начали подготовку к этому до того, как узнали о соответствующих планах СССР[642].

Наиболее красноречивым примером односторонней интерпретации разрядки являются, как пишет Холидей, действия Никсона и Киссинджера, которые после подписания ОСВ-1 незамедлительно отбыли в Тегеран и заключили секретное соглашение с шахом Ирана о мерах дестабилизации обстановки в регионе и ослабления уз сотрудничества между Ираком и Советским Союзом[643]. Сеймур Херш саркастически пишет по этому поводу, что американского стремления к "миру и безопасности" хватило ровно на двадцать четыре часа[644].

И все же, несмотря на политиканское маневрирование Никсона и Киссинджера, общая обстановка оздоравливалась. Советский Союз и Соединенные Штаты заметно разгрузились от бремени и опасностей конфронтации, закрепили этот процесс такими вехами, как Договор ОСВ-1 и соглашение "Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки". Поднялось на порядок выше политическое, экономическое, научно-техническое, культурное общение между странами с различным социальным строем.

В то самое время, когда росли ожидания дальнейших перемен к лучшему, в Соединенных Штатах начала быстро активизироваться и все сильнее влиять на политику коалиция сил, либо открыто выступавших против разрядки напряженности и нормализации в советско-американских отношениях, либо добивавшихся ограничения и того и другого. Ситуация менялась на глазах. Все это выглядело неожиданным, нелогичным, чуть ли не парадоксальным. Как раз тогда, когда разрядка напряженности начала приносить неоспоримые блага всем странам, включая США, в последних пришел в действие механизм, толкающий страну в сторону конфронтации и войны.

Что же вызвало прилив энергии у противников разрядки в Соединенных Штатах? И что обеспечило ему ту политическую действенность, которая привела к победе Р. Рейгана? Возникновение кампании против разрядки понять несложно. Прежде всего заговорили те многочисленные противники советско-американского сближения, которые на старте безмолвствовали. Для них переход к действиям определился тем, что нормализация отношений оказалась вопреки их расчетам делом реальным. Других активизировало то, что разрядка не стала заметным инструментом продолжения борьбы против Советского Союза иными средствами. И наконец, бросил в бой против политики разрядки свои огромные ресурсы военно-промышленный комплекс США, убедившись, что потепление международного климата сопряжено для него с реальной угрозой ослабления политического влияния и снижения прибылей.

В середине 70-х годов в США произошли события, которые помогли правящим силам взять курс на отход от разрядки, усилили антиразрядочный потенциал, и без того всегда обладавший в этой стране большой силой.

Во-первых, выявилась неудача попыток добиться социально-политической стабилизации внутри страны посредством некоторых реформ в социальной, экономической, гражданско-правовой сферах. Широковещательные программы строительства "государства всеобщего благосостояния" не привели к социальной гармонизации общества. В результате в экономической и политической элите ослабло стремление к перераспределению бюджетных средств в пользу внутренних нужд. Лозунг "пересмотра национальных приоритетов", столь популярный в начале десятилетия и в известной мере толкавший к сдерживанию военных расходов и милитаризма, был отодвинут в сторону.

Во-вторых, произошел один из крупнейших в истории США экономических кризисов

1974—1975 годов, открывший собой длительную полосу хозяйственных расстройств, усугубленных необычным и неуправляемым переплетением трудностей (стагфляция, энергетический кризис, огромная безработица). Несомненно, эти осложнения, как это часто бывало и в прошлом, побудили правящие круги США искать во внешнеполитических обострениях средство отвлечения внимания американцев от внутренних проблем. Не является случайным совпадением и то, что политический натиск правых, требовавших возрождения "жесткого курса", обозначился как раз тогда (попытка Рейгана добиться номинации от республиканцев в 1976 году), когда страна прочно погрузилась в экономические сумерки.

В-третьих, на протяжении 70-х годов с нарастающей силой развивалось то явление, которое получило наименование консервативного сдвига, в результате чего в стране сложился определенный консенсус сторонников новой "холодной войны" на базе роста военных расходов, подчеркивания "советской угрозы", восстановления американской мощи[645].

Активную роль в консервативном сдвиге сыграли "новые правые". Их истоки уходят в глубь американской истории. Известна их враждебность к восточному побережью, неприязнь по отношению к Европе, ненависть к внутренним диссидентам, ура-патриотизм. "Новые правые" черпали свое вдохновение у "героев" первой "холодной войны". Уже упоминавшийся Р. Вигери говорит о двух "Маках", достойных подражания, — это Дж. Маккарти и Д. Маккартур, требовавший сбросить на "красных желтых" атомную бомбу[646]. Он же подчеркивает, что для него главным является достижение американского военного превосходства. Ф. Шлафли, инициатор кампании против конституционной поправки о равных правах для женщин, является соавтором пяти книг, в которых доказывается необходимость нанесения первого ядерного удара по СССР. Интересно, что Ф. Шлафли начала свою карьеру как противник союза с СССР против нацистской Германии. Дж. Фалуэлл — глава организации "Моральное большинство" — призывает провести регистрацию всех коммунистов, поставить им на лоб печать и отправить обратно (!) в Россию. Дж. Фалуэлл — священник. По его просвещенному мнению, "Христос не был пацифистом. Он не был маменькиным сыночком"[647]. Вторая "холодная война" была подготовлена кампанией за увеличение военных расходов, которую длительное время вел треугольник — конгресс, Пентагон и военная промышленность. Уже к 1975—1976 годам был подготовлен проект нового этапа военного производства. Утверждение о том, что после Вьетнама США год от года слабели в военном отношении, является одним из самых злостных мифов второй "холодной войны". На самом деле стратегическая модернизация, осуществляемая нынешней администрацией, была разработана еще в 1972 году, а военные расходы стали резко увеличиваться с 1977 года[648].

Центральным пунктом своей аргументации противники разрядки сделали недобросовестное утверждение, что Советский Союз стремился использовать разрядку для "наступления" на Запад. Разрядка, мол, затрудняла противостояние "советской угрозе", оказалась выгодной только Советскому Союзу. С этой позиции выступали среди прочих Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер, С. Поссоны, Т. Дрейпер, З. Бжезинский, Р. Пайпс, Р. Конкуэст. Словом, та же компания, которая подвизалась на поприще идеологической подготовки к ядерному нападению на СССР в 50-е годы. Их рассуждения, как и прежде, напичканы откровенной ложью в адрес СССР и его политики, воинственными призывами к антикоммунистическому "крестовому походу". Разрядка объективно содействует

разоружению, НАТО и ослаблению единства Запада[649]. В книге утверждается, что между СССР и США будет происходить не сближение, а затяжной конфликт, в результате которого "силы разума и свободы очистят земли, находящиеся под господством коммунистов, вернут их народы в лагерь свободы и плюрализма"[650], — вещает Р. Страус-Хюпе. Т. Дрейпер объявляет разрядку просчетом Никсона и Киссинджера. Р. Пайпс, выступая в качестве самозванного интерпретатора советской внешней политики, утверждает, что "советское руководство расценивает разрядку как исключительно временное средство"[651]. По словам Р. Конкуэста, "политика разрядки в ее нынешнем виде, не будучи тщательно продуманной на Западе, может в конце концов разрушить сплоченность и способность западного мира сохранить свои ценности и свой образ жизни"[652].

Но все эти фантазии не могут скрыть того факта, что шельмование разрядки строилось на подлогах. Некоторые договорились до того, что видят суть разрядки в противоборстве и конфронтации между СССР и США. Например, политолог Г. Гроссман считал нужным устроить из разрядки некую сделку, в ходе которой Соединенные Штаты получали бы от Советского Союза какие-то "политические выгоды", как и для Запада в целом[653]. Но это еще сравнительно скромный запрос. В одном из сборников находим и такую интерпретацию разрядки: она должна стать формой "ограниченного конфликта", в рамках которого США будут бороться против СССР с "позиции силы"[654]. Но и этот вариант, как оказывается, не является пределом для фантазии. В том же сборнике высказывается мысль, что целью разрядки для США является следующее: добиваться "внутренней неустойчивости" в социалистических странах, вследствие которой Советский Союз перестал бы быть мощной державой[655].

По мнению С. Гайберта, в США есть "три школы разрядки": ортодоксальная, представители которой Р. Никсон, Г. Киссинджер, Дж. Форд и другие утверждали, что Советский Союз якобы превратился в "державу, охраняющую статус-кво"[656], "ревизионистская", сторонники которой считают, что разрядка наступила в результате "отказа" США от своей прежней агрессивной политики, и "реалистическая" (Г. Джексон, Дж. Шлессинджер и их единомышленники), кредо которой сводится к отрицанию разрядки вообще. Анализируя различные аспекты взаимоотношений СССР и США, сам Гайберт приходит к выводу, что их еще более антагонистический характер представляется почти неизбежным на длительную перспективу, он предсказывает новую длительную "холодную войну"[657].

Среди ослабевшего, но еще заметного течения сторонников разрядки велик удельный вес либералов. Они выступали за необходимое в этой связи ограничение военных затрат и, следовательно, за ограничение гонки вооружений, за договоренности на этот счет с Советским Союзом[658]. Сторонникам разрядки было ясно, что возврат к "жесткому курсу" и милитаризму еще более затруднит попытки властей справиться, в частности, с внутренними проблемами. Но им не удалось эффективно противостоять "щедро финансируемым шовинистам", которые уже в 1977 году стали задавать тон в определении политики США в области безопасности[659].

На первом плане у сторонников разрядки оставался ее центральный императив — предотвращение угрозы термоядерного катаклизма. Подчеркивается, что СССР готов к сотрудничеству, что создает почву для улучшения отношений между двумя государствами, причем по большому спектру проблем, ибо "сотрудничество в области безопасности неотделимо от более широких форм прочных отношений между двумя

странами". М. Шульман призывал совместными усилиями двух сторон "уменьшить опасность войны и одновременно расширить области сотрудничества там, где интересы не сталкиваются"[660]. Дж. Лиска отстаивал оптимистический взгляд на перспективы советско-американских отношений, считая не только возможным, но и вероятным постепенное сближение этих двух стран в будущем"[661].

Как видим, представители этого направления говорят американскому обществу, что в трудностях, постигших разрядку, повинны США. Критический подход к курсу Вашингтона выступает не только средством полемики со слепыми антисоветчиками, но и способом известного "политического просвещения" собственной страны. Политолог Р. Леви писал, что у противников возврата к "жесткому" курсу ощутима "обеспокоенность неспособностью американских государственных деятелей понять, что большинство опасностей и возникающих проблем, требующих их внимания, появились, главным образом, в результате их собственной деятельности"[662]. С. Хоффман прямо возлагает на Соединенные Штаты вину за срыв советско-американской разрядки во второй половине 70-х годов. Он, в частности, отмечает, что этому в немалой степени способствовала та упрощенность взглядов и оценок, которая присуща многим в Соединенных Штатах — как среди политиков, так и общественности. По словам Хоффмана, в США широко распространена вера, что Соединенные Штаты могут и должны силой навязать миру свои порядки, свою систему ценностей. Реальности сегодняшнего мира отвергают эти иллюзии. Однако реакция на это большинства американцев "напоминает поведение пациента, который при взгляде на термометр, показывающий слишком высокую температуру, предпочитает разбить его"[663].

Дж. Чейс указывает на гигантские издержки возобновления конфронтационной политики. "Антисоветизм как база для политики приведет к разобщению нас и наших союзников, а глобальная политика сдерживания истощит нас, пока мы будем добиваться военного превосходства над Советским Союзом, что является единственным способом осуществления такой политики. Поддержание военного паритета с Советами уже будет достаточно дорогим делом, а ставка на военное превосходство потребует такого огромного отвлечения наших ресурсов на военные нужды, что наш жизненный уровень, вне всяких сомнений, будет падать по мере того, как станет увядать невоенный сектор нашей экономики"[664].

В конечном же итоге расстановка сил в США по вопросам разрядки напряженности, советско-американских отношений, достаточно четкая и благоприятная в начале семидесятых годов, к середине десятилетия стала весьма сложной. Страна погрузилась в сумбурные дебаты о разрядке, в которых, помимо ее сторонников и противников, подвизалось и немало прожектеров, запутывавших дискуссию своим невежеством. Обзор этой полемики иллюстрирует происшедший политический регресс. Но в любом случае дискуссия о международных проблемах в контексте разрядки рождала многочисленные теоретические конструкции, рассчитанные на какой-то новый вариант советско-американского взаимодействия. Отметим лишь два основных противоречивых элемента этих конструкций.

С одной стороны, всеми признается необходимость нормализации, "коммуникабельных" советско-американских отношений, важность постоянного и позитивного диалога между двумя странами. Р. Барнет, например, говорит о настоятельной необходимости ликвидации военного соперничества между США и СССР[665]. Р. Роузкранс подчеркивает, что мировая политическая ситуация характеризовалась бы еще большей

неопределенностью и неустойчивостью, если бы США и СССР не пытались координировать и согласовывать свои действия[666].

С другой, нормализованные отношения предлагается дополнить такими подходами, которые скорее всего подорвали бы их. Почти у всех авторов в более или менее явном виде присутствует рекомендация для США опереться в диалоге с СССР на "позицию силы". М. Каплан, например, даже не исключает применения силы в советско-американских отношениях[667]. А. Джордж советует не делать и попыток договориться с СССР об ограничении форм соперничества. "Идея о том, что две державы могут избежать опасных форм соперничества в третьих районах, если они только примут ряд общих правил и принципов взаимной сдержанности, является обманчивой"[668].

Характерной представляется работа К. Бартлетта "Подъем и падение „Pax Americana“", в которой автор прослеживает основные этапы развития этой концепции, ее применение сменяющимися друг друга администрациями. Автор обвиняет американскую внешнюю политику в проповедничестве, в увлечении звонкими заявлениями и бессмысленными доктринами. Где-то в середине 70-х годов очевидные сбои во внешней политике продемонстрировали окончание эры „Pax Americana“. Конечно, пишет он, „потребность в сырье, давление большого бизнеса, ориентированного на экспорт, военных, получивших в США вкус или, лучше сказать, болезненную страсть к глобальной стратегии, будут обуславливать активную внешнюю политику. Однако огромные изменения как внешней, так и внутренней ситуации сделали бессмысленными рассуждения в духе Pax Americana“. А вера в превосходство американских ценностей уже оказала опасное и искажающее влияние на американские представления о мире[669].

Даже краткий обзор противоречивых взглядов и концептуальных построений показывает, насколько сложную картину представляли собой расстановка сил и борьба мнений в США по проблемам разрядки. Но с неоправданной быстротой достаточно широкий фундамент разрядки стал рыхлым, ненадежным. Комплексу антиразрядочных сил такая ситуация послужила удобной стартовой площадкой для новой фазы политического наступления.

Вехами натиска стали сначала отречение президента Форда от термина "разрядка", затем попытки администрации Дж. Картера взять ультимативный тон в переговорах с СССР по проблемам ограничения гонки вооружений. К концу своего пребывания у власти Дж. Картер резко свернул с пути поддержания и укрепления советско-американского сотрудничества.

В качестве прикрытия перехода к конфронтации была предложена тема борьбы за "права человека" за пределами Соединенных Штатов. Одновременно указанная кампания выступала и средством отвлечения внимания от деградации самого американского общества, особенно зримо проявившейся в уотергейтском скандале и в жестокостях армии США во Вьетнаме. Под флагом "защиты прав человека" разрабатывался и механизм вмешательства во внутренние дела социалистических стран. После достаточно интенсивной пропагандистской кампании, фабрикация "фактов" и "аргументов" тезис о "правах человека" стал официальным жупелом "психологической войны".

Цинизм этой кампании очевиден, но и расчет ее инициаторов ясен: прикрыть грубейшие издевательства над человеком и его правами в самих США; постепенно создать климат враждебности и недоверия в отношениях с Советским Союзом и отравить атмосферу

разрядки, которая, как оказалось, не отвечала интересам правящей олигархии США. Показательно, что Рейган скорректировал направленность кампании о "правах человека", заявив, что эта тема не интересует его, если речь идет о странах, "дружески" настроенных к США, то есть о государствах, где у власти стоят проамериканские диктатуры и хунты.

Анализируя внешнюю политику Картера, Ч. Кегли и Э. Уитткопф считают ее содержанием глобализм, антикоммунизм, военную мощь. Эта триада будто сошла с политической сцены времен Трумэна, а кампания "в защиту прав человека" всего лишь является "новой вариацией старого глобализма"[670].

Еще более резкие оценки деятельности Дж. Картера содержатся в книге Л. Шоупа. Картер сделал акцент на внешней угрозе Западу со стороны Советского Союза, пишет он, и это кризисное мышление использовалось для преодоления внутреннего экономического кризиса в стране, поскольку люди легче мирятся со снижением своего жизненного уровня и гонениями против оппозиции, если они убеждены в существовании сильной внешней угрозы[671]. В целом, говорится в книге, обещания Картера о соблюдении прав человека, о сокращении продажи оружия за рубежом, об уменьшении военных расходов и уважении малых государств были фальшивыми. Геополитические и геоэкономические расчеты взяли верх над предвыборными обещаниями, которые полезны только для того, чтобы добиться избрания.

Ныне в США модно говорить о том, что осложнения в мире, заставившие эту страну вступить на путь гонки вооружений, начались с Афганистана. Грубая ложь.

Разыгрывается очередная стандартная операция по обману людей, как если бы до декабря 1979 года американские правители находились в состоянии романтического пацифизма.

Возьмем тот же 1979 год. В феврале главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Хейг, ставший при Рейгане государственным секретарем, уже предрекал изменения в политике США, требовал развертывания странами НАТО новых систем оружия против Варшавского Договора. Хейг заявлял, что такая политика предполагает "борьбу до конца". В том же феврале на секретном совещании глав четырех держав (США, Англии, ФРГ, Франции) на Гваделупе было принято решение о развертывании ракет средней дальности в Европе. В марте объявлено о предстоящих учениях "Глоубл шилд", имитирующих ядерную войну. Одновременно началась обработка общественного мнения для доказательства "необходимости" строительства в США новых ударных атомных подводных лодок. В мае средства массовой информации обсуждали вопрос об использовании космического пространства в целях нанесения первого ядерного удара по СССР. В это же время руководители НАТО приняли решение о значительном увеличении военных расходов.

В летние месяцы 1979 года началась массированная атака на Договор ОСВ-2, который и был затем, к восторгу воротил военно-промышленного комплекса, похоронен. Осенью "внезапно" обнаружили советскую "боевую бригаду" на Кубе. Дальше — больше. В сентябре 1979 года президент Картер заявил на пресс-конференции, что принял решение о развертывании системы новых мобильных межконтинентальных баллистических ракет "МХ". Он обратился к конгрессу с просьбой увеличить военный бюджет еще на 5 процентов. Были полностью проигнорированы предложения СССР о переговорах по сокращению ракетно-ядерных средств средней дальности в Европе. Странам НАТО стал активно навязываться план размещения на Европейском

континенте новых американских ракетно-ядерных средств. Официальное решение об этом было принято в середине декабря 1979 года.

В течение всего года наращивалась американская военная мощь в Персидском заливе и Индийском океане. Несколько раз ядерные силы США приводились в боевую готовность для удара по СССР из-за "ошибок" компьютеров, сигнализировавших о "приближении" советских ракет. Наконец, 12 декабря 1979 года американский президент призвал довести в ближайшие пять лет расходы на оборону до 200 миллиардов долларов и создать поколение новых видов оружия[672]. Но еще в 1978 году З. Бжезинский в интервью газете "Нью-Йоркер" заявил: "Было бы неправильно считать, что использование ядерного оружия будет означать конец человеческой расы. Это эгоцентрическая мысль... Даже если США используют весь свой арсенал против СССР, а СССР — против США, это не будет концом человечества" 75 . Так вновь создавалась атмосфера конфронтации, ядерной угрозы. Важно подчеркнуть, что и в период разрядки напряженности многие рассуждения на тему о войне и мире исходили из посылки конфликта, а не мирного решения возникающих проблем. Р. Хилсмен пишет, что "война — часть будущего"[673]. Р. Уэссон признает, что США никогда не обещали не применять ядерное оружие[674].

Таким образом, программно-концептуальная база для политических решений Рейгана была практически готова. Тому лишь оставалось взять на вооружение выработанные рекомендации, "обогадив" их идеей "первого ядерного удара" и "победы США" в ядерном конфликте, взвинтив тем самым милитаристский психоз до зловещих пределов. "Мир — продукт силы", — сказал Рейган на пресс-конференции 11 ноября 1982 года. "Сегодня мир ждет от Америки руководства. Америка же обращает взоры на свои вооруженные силы"[675], — заявил он через год. За этот промежуток времени в мире было пролито немало крови — американцев, ливанцев, палестинцев, гренадцев, никарагуанцев. Дело дошло до того, что тревогу забил даже такой крайний реакционер, как Б. Голдуотер, выразивший беспокойство по поводу "на удивление опасного состояния" его друга Рональда Рейгана, которое заключается в том, что "он не станет искать альтернативу военному решению сложных вопросов внешней политики"[676].

Но начинает вновь нарастать и поток публикаций, в которых политика правительства получает крайне негативную оценку за свои действия как внутри страны, так и на международной арене. Происходящая "реанимация" критического направления в буржуазной политологии связана с серьезными опасениями значительной части правящего класса за будущее США.

Определенный интерес представляет точка зрения С. Вэнса, бывшего госсекретаря при Дж. Картере. С. Вэнс в последние годы активно выступает с негативными оценками политики республиканской администрации, призывает к ратификации уже достигнутых с СССР соглашений, выработке долгосрочной реалистической программы внешней политики, не зависящей от смены администраций[677]. В работе "Трудный выбор" С. Вэнс отвергает какие-либо "привязки" к вопросу об ограничении ядерных вооружений[678]. Автор выражает надежду на то, что силы "прагматизма" заставят президента Рейгана перейти от "увлечения идеологией и конфронтацией" на позиции "умеренности". Как только мы отходим от центра, мы "теряем поддержку и дома, и за границей"[679].

В сборнике "Устанавливая национальные приоритеты. Повестка дня на 80-е годы" подчеркивается, что раздувание мифа о "советской угрозе" не только мешает трезвой

оценке реального соотношения военных сил США и СССР, но и способствует его "преднамеренному искажению"[680]. Старейший сотрудник института, бывший консультант министра обороны Р. Макнамары У. Кауфман пишет, что "проблемы 80-х годов не будут поддаваться военным решениям... Военная сила уже не может быть достаточным условием для поддержания международной стабильности"[681]. Аналогичные взгляды можно найти и в книге "Тенденции мирового развития и внешняя политика США в 80-е годы". Ее автор утверждает, что "слишком самоуверенное поведение США в послевоенные десятилетия привело страну в конце 70-х годов к политической неопределенности, неуверенности и расстройству". Союзники США "все меньше верят в возможность для Америки сохранить себе роль лидера свободного мира"[682]. По мнению Р. Клайна, США следует "отказаться от идеи силового сдерживания коммунизма" во всех частях земного шара, ибо невыполнимость этой задачи была доказана во времена Трумэна, Эйзенхауэра и Кеннеди[683]. Добавим, и Картера, а теперь — и Рейгана.

Многообразие развернувшейся критики рейгановской администрации в какой-то мере отражает статья С. Биалера и Дж. Афферика "Рейган и Россия", опубликованная в журнале "Форин афферс". Авторы подчеркивают, что внешняя политика США носит характер идеологического "крестового похода". Она базируется на нескольких фундаментальных принципах. Среди них: гонка вооружений; экономическая война против СССР; обеспечение господства в общественном мнении США и Западной Европы настроений "холодной войны"; принципиальное изменение подхода к переговорам; ставка на силовой подход; оценка событий в "третьем мире" только через призму американо-советских отношений[684]. Для одних в рейгановском окружении главной долгосрочной целью является разрушение советской системы, для других — создание максимальных трудностей для экономики СССР путем гонки военных расходов. Авторы статьи считают, что сторонники первой точки зрения основываются на фальшивых и нереалистических предпосылках. Тот, кто стоит на второй точке зрения, недооценивает экономические и политические возможности Советского Союза[685]. Словом, критика внешнеполитического курса правительства приобретает все более широкий характер. В том числе и в странах — союзниках США, в развивающихся государствах. Иначе и быть не может. Претензии на мировое господство, аморальность, государственный терроризм, политика силы, замешенные на великодержавном высокомерии и самодовольстве власть имущих, полном пренебрежении к судьбам народов, включая и народ американский, — эти качества официального Вашингтона и не могут вызывать в мире иной реакции, иного к себе отношения.

Происходящий критический разворот диктуется многими соображениями: как сдвигами в умонастроениях различных слоев общества, так и конкретными политическими задачами. Он отражает недовольство народа и некоторой части буржуазии воинственным курсом правительства, разгулом милитаризма и шовинизма. Наиболее догадливая часть буржуазии понимает, что это недовольство необходимо направить в наименее опасное для капиталистического строя русло. Вместе с тем неоднократное банкротство воинственных программ империализма, а заодно и ведущих доктрин, базировавшихся на шовинистически толкуемых "национальных интересах", вынуждает идеологов искать новые теории, нащупывать более убедительные пути идейного, морального и психологического воздействия на людей как внутри страны, так и за рубежом.

Следует обратить внимание еще на одну особенность либерально-буржуазной критики. Прием, когда, критикуя, защищают, не нов. Он широко применяется в американской политической науке. Разные авторы делают это по-разному. Критика может быть более острой или мягкой, глубокой или поверхностной, но она всегда строго дозирована в отношении главной цели, которую ставят перед собой авторы. Иначе говоря, критика порядков у себя дома чаще всего представляет собой лишь иллюстративный фон, на котором сооружается защита буржуазного строя в целом.

Есть авторы, которые критикуют правительство практически за все его действия: авантюризм за рубежом и обман народа внутри страны. Но для многих из подобного рода авторов критика — это лишь прием для создания у читателя "эмоциональной атмосферы доверия". Главное — убедить, что правительство должно быть более изворотливым, последовательным и умным перед лицом "вызова социализма". Нагромождение обвинений, нагнетание эмоций вокруг ошибок, недостатков и промахов правительства приобретает искусственный характер и служит одной цели — усилить страх перед вымышленным врагом. В итоге у читателя меньше всего остается впечатлений от критики, а больше — от тщательно сооружаемого комплекса идей, вызывающих чувства опасности, недоверия к чему-то чуждому, хотя и неизвестному. Но как бы ни разворачивалась критика внешнеполитических действий нынешней администрации, доктрины войны и гонки вооружений занимают пока главенствующие позиции. Но достойные сожаления, а вернее сказать, трагические успехи напористой коалиции врагов разрядки, сумевших навязать свою волю стране, не должны заслонить тот факт, что в Соединенных Штатах живут не только политические "ястребы". Мирлюбивые силы всегда были активны в американском обществе. Иное дело, что многие его представители изрядно сбиты с толку, дезорганизованы. Немало американцев доброй воли запугано или отравлено сейчас ядом антисоветизма, от которого сдало их здравомыслие.

Но обманутые — еще не убежденные. И нет сомнения, что правящие круги США почувствуют эту разницу. Да и сейчас, когда авансцена страны заполнена всяческими "ястребами", а милитаризм работает на максимальных оборотах, сопротивление курсу нагнетания напряженности дает себя знать. Спорадическими, но сильными импульсами оно вторгается в политическую жизнь и не остается бесследным.

Заключение

"Отмщением веры в исключительность" назвали победу Р. Рейгана на президентских выборах[686]. А его незадачливый государственный секретарь А. Хейг, торопясь высказаться, объявил американцев "нацией опекунов над ценностями свободы и справедливости"[687].

Эти и многие другие высказывания американских лидеров не являются просто риторикой, они отражают реальную обстановку в стране и реальные цели правящих сил США на международной арене. Администрация до предела сократила расстояние от "холодной войны" до "горячей".

В стране создана удушливая атмосфера шовинизма, разгула крайней реакции. Лучше всего об этом говорит призыв одного из главарей ку-клукс-клана "голосовать на выборах за Рейгана", поскольку между президентом и ку-клукс-кланом "много общего".

Деградация культуры, хаос в духовной жизни, обстановка индивидуализма, насилия и

цинизма служат укреплению диктатуры буржуазии, облегчают правящим кругам подготовку к войне за мировое господство.

С самого основания США богачи поставили правительство на службу частной собственности. Быстрое развитие страны вселило в американцев глубокую веру в личный успех, ассоциируемый с богатством, умением "делать деньги". Доллар и стал национальной моралью. Любая неудача ведет к всплеску злости, взрыву негативных эмоций. Культ доллара и культ насилия ходят в обнимку. Они производят извращенную этику поведения, лицемерие, беспринципность и равнодушие. Любые неудачи в личных делах или удары по национальному тщеславию создают благодатную почву возбуждения ультрапатриотизма, шовинизма. Подобные психологические переломы активно учитываются в корыстной политике господствующего класса.

Нынешняя администрация активно спекулирует на невротическом сознании индивидуума, преклоняющегося перед традициями, каковы бы они ни были, запуганного пропагандой и несовершенностью социальных ожиданий, обиженного и рассерженного провалами во внешней политике и постыдными событиями внутри страны, обеспокоенного падением морали. Уязвленная Вьетнамом и Уотергейтом, "национальная гордость" требовала удовлетворения, возврата к временам самоуверенного оптимизма. В кампании по "правам человека" Дж. Картер пытался наряду с чисто политическими спекуляциями найти выход "моральному самоутверждению", столь подточенному полосой провалившихся авантур за рубежом и внутренними скандалами. Чувства "национальной уязвленности" Белый дом сегодня трансформировал в шовинистический угар, который дает простор политике "военно-силового самоутверждения", преследующего сугубо имперские цели. Американские монополистические владыки считают свое "мировое господство" наилучшим решением всех вопросов международной политики. Средством достижения такой цели они считают войну в качестве "повивальной бабки", не имеющей себе конкурентов. Ради самой большой идеи, какую только порождала жизнь, идеи "мирового господства", фабриканты оружия и медные каски создали уродливую унию смерти. Они готовы похоронить под развалинами городов сотни миллионов людей, лишь бы поставить мир на колени.

Послевоенные американские лидеры, в сущности, всегда вели себя как "задиристые петухи" с ядерными шипами, готовые сразиться с коммунизмом, Советским Союзом, демонстрируя тем самым свою "надежность", "мускулистую силу", "храбрость". Эти водевили рассчитаны на удовлетворение вкусов почти всех: и заказчиков политики, то есть "большой бизнес", и носителей полуфашистской идеологии, и шовинистически настроенной части населения. Фактор ответственности перед международной общественностью, интересы всеобщего мира и безопасности вообще не принимаются в расчет, игнорируются. Как подчеркивалось в журнале "Ньюсуик", американцев приучили, что кампании "ненависти в отношении русских" должны составлять неизбежную часть в нескончаемых политических представлениях. В результате послевоенное время характерно "перемежающимися оргиями ненависти" в отношении Советского Союза. В эти периоды подлинные дискуссии отодвигаются в— сторону, печать фанатично поддерживает официальную линию, а любых инакомыслящих зачисляют в ранг предателей.

Идеологические "ястребы" отвергают "размягченные" варианты политических доктрин, опасаясь, что туманная терминология может увести военную мысль "в чрезвычайно

опасную и оторванную от действительности сторону, превратить ее в словесную шахматную игру"[688]. Поскольку, мол, различий между миром и войной больше не существует, то разоружение — это утопия, всякая экономия на обороне — преступление, любые переговоры с Советским Союзом — предательство, а мирное сосуществование всего лишь "затянувшееся перемирие" в "холодной войне"[689]. "Равновесие" страха уступает свое место "перманентному страху". Чтобы избавиться от него, нужна еще одна мировая война, в которой победят США, после чего и возможен всеобщий мир.

Но, как пишут более реалистически мыслящие представители американской общественности, те, кто рассуждает "о выигрыше" в ядерной войне, витают в облаках. Они "живут в прошлом, которое навсегда отменено ядерными вооружениями"[690]. В наше время силы смерти столь мощны, что могут уничтожить плоды эволюции всего живого мира. Будет уничтожена и смерть, ибо не станет жизни. К сожалению, убийцы человечества, если такое случится, избегнут наказания, ибо не останется ни субъекта преступления, ни его объекта. Американские лидеры любят разглагольствовать о "национальных интересах", средствах их достижения, но это в нынешних условиях всего лишь отжившие свой век стереотипы, поскольку в ядерном конфликте сгорят нации, их интересы и цели. Американские лидеры носятся сегодня и со стратегией "устрашения", будто не ведая, что в ядерном пожаре сгорят и устрашители.

Идеологической основой милитаристской истерии служит изрядно потрепанный миф о "советской угрозе". У "голубей" и "ястребов" здесь всегда было трогательное единство. Об этой "угрозе" американские лидеры говорят без конца с надоедливой назойливостью, понимая, что если они допустят слабину в пропаганде тезиса о "советской угрозе", то будет все труднее взимать с налогоплательщиков деньги на вооружения и обеспечивать сверхприбыли для монополий, а также убеждать союзников поддерживать американские военные авантюры. Поражает здесь лишь необъяснимое легкоеверие значительной части американцев.

Как отмечают Р. Барнет и М. Рэскин, "в течение почти 20 лет американская внешняя политика основывалась на кошмарах и фантазиях. Кошмаром была советская угроза Западной Европе — предположение о том, что путем угроз вторжения или просто за счет ловкой политики Кремль будет распространять свою власть и идеологию на континенте. Это „великое противоборство“ в Европе было источником и основной сферой „холодной войны“, в которую были вовлечены великие державы. Фантазией было Атлантическое сообщество, союз, как предполагалось, одинаково мыслящих людей, объединенных не только их оппозиционным отношением к коммунизму, но и решимостью строить экономическое и политическое сообщество Запада под руководством США"[691]. Через 10 лет после этого вывода сенатор Бамперс заявил, что "в течение многих лет после второй мировой войны наша внешняя политика определялась воинствующим антикоммунизмом... Эта основа нашей внешней политики начала давать трещины во время вьетнамской войны, когда мы постепенно пришли к осознанию того, что догма антикоммунизма, которую мы столь слепо и некритически обожествляли, может быть, совсем не то божество, которое нам нужно, а в некоторых случаях она может вообще оказаться противоречащей нашим важнейшим интересам"[692].

Обстоятельства и реальности мировой обстановки понудили американскую правящую элиту пойти на разрядку напряженности. Ее представители стали выговаривать слово "разрядка". Но не моральное прозрение заставляло американских лидеров сменить риторику и в чем-то тактику: они уже не могли безнаказанно "повышать ставки" угроз.

Временами увядало мессианство, утрачивая статус однозначности, не допускающей альтернативы. Реальность возмездия за ядерную агрессию против СССР и его союзников снижала энтузиазм авантюристов. В конечном итоге американцы обрели новый опыт, теперь уже в условиях потери стратегической неуязвимости.

Но и в период разрядки напряженности, которая принесла народам мира облегчение и надежду, правящие силы США не хотели расставаться с положением "превосходящей силы", с политикой великодержавности и мессианства. Они не переставали наращивать военный потенциал, вели активную "психологическую войну" по воспитанию ненависти к социалистическим странам, пренебрежения ко всему неамериканскому.

Реальное представление о мире, в котором бы США перестали доминировать, господствовать, казалось невыносимым для правящей элиты США. Поэтому она бросила все силы на обеспечение победы ультраправых во главе с Р. Рейганом, который взялся за возрождение "престижа США"[693] посредством атавистического набора силовых приемов, самоубийственной, по словам Э. Кеннеди, стратегии, ведущей "к утверждению в международных отношениях закона джунглей".

Ныне пропаганда стала особенно крикливой. Выходят десятки книг, на разные лады обсуждающих перспективы ядерной войны, ее подготовки. Они внедряют в сознание американцев страх и подозрительность, ввергают людей в интеллектуальное рабство путем навязывания им готовых штампов-ответов на любые вопросы.

Голоса, которые призывают к "крестовому походу" против коммунизма, звучат отвратительно визгливо и громко. Буржуазные идеологи активно обсуждают проблему самоубийства как общечеловеческую. По этому поводу сказано немало пошлых и безответственных слов. Много пессимистических пророчеств поставляет буржуазная культура, но за всем этим скрывается циничная и варварская сущность тех, кто проповедует конец мира и человека, сеет вражду и страх, предпочитая идеи разрушения идеям созидания, а смерть — жизни.

Отживающие идеи, взявшие верх в современной американской жизни и политике, еще не скоро умрут естественной смертью, поскольку за ними стоит монополистическая буржуазия, пока способная обновлять и укреплять свои материальные основы, свою военную мощь. Этот класс располагает огромным идеологическим аппаратом, еще могущим держать в идейном рабстве миллионы людей. Глубоки корни и тяжел груз идейных, политических и психологических предрассудков, которые буржуазия старается не только сохранить, но и закрепить в качестве выгодного ей образа мыслей и жизни. На полных оборотах продолжает работать маховик пропаганды, раскрученный миллиардами долларов.

Все это так. Но столь же верно и другое. Нынешнее крайне неустойчивое психологическое состояние правящей клики США, ее политическая и военная агрессивность говорят и о том, что почва, казавшаяся столь твердой еще десятки лет назад, уплывает из-под ног американского монополистического капитала.

Если ретроспективно взглянуть на политику правящих сил США, то и в прошлом они с трудом привыкали к реальностям, нередко были склонны к мифологическому восприятию обстановки вместо их действительной оценки.

Для того чтобы примириться с существованием Советского Союза и признать его, США потребовалось полтора десятка лет, да еще опыт жестокого экономического и политического кризиса. Для осознания необходимости борьбы с гитлеризмом — нападение на Пирл-Харбор и угроза самому существованию США. Для заключения

первого соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах — Карибский кризис, поставивший человечество в результате воинственной политики Белого дома на грань мировой войны. Для подписания договоров об ограничении стратегических вооружений — поражение во Вьетнаме.

Такова природа этого государства, пропитанного шовинизмом и мессианством. За это народы планеты платят дорого, непомерно дорого. Видимо, еще не скоро Вашингтон освободится от исторической слепоты и будет вынужден признать реальности ядерного века. В наше время пребывать в грезах мессианства — занятие бесполезное. Химера "Рах Americana" все явственнее становится не политикой, диктуемой здравомыслием, а тяжким заболеванием, способным принести человечеству большую беду.

Ныне, когда метрополия мирового империализма стала предельно авантюристична, нужна и предельная бдительность всех, кому дорог мир на планете. Общественная летаргия, присущая еще многим людям в западном мире, их неинформированность и предрассудки должны быть преодолены.

Реальность жизни такова, что приходится иметь дело со страной, где подавляются свободы и процветает насилие над личностью, преследуются профсоюзы, где печать является служанкой крупнейших корпораций, где попираются фундаментальные права человека: право на труд, право на жизнь, право на объективную информацию, на материально обеспеченный доступ к подлинной культуре, право на личную безопасность. Это государство, в котором милитаризм и война являются основными средствами достижения внешнеполитических целей.

"Тяжелую ответственность перед человечеством берет на себя администрация США своей милитаристской политикой"[694], — отмечает М. С. Горбачев. Но надо трезво смотреть на вещи. Другого разумного выхода, как жить вместе, в мире нет. Главное — "это налаживание активного сотрудничества всех государств в интересах общего мирного будущего, это создание, использование и развитие таких интернациональных механизмов и институтов, которые позволяли бы находить оптимальные соотношения интересов национальных, государственных с интересами общечеловеческими"[695].

Советский Союз выступает за равноправные отношения и взаимовыгодное сотрудничество, за мирное решение всех возникающих проблем и споров, за свободный выбор всеми народами Земли своего образа жизни без навязывания его кем-либо со стороны.

Подобная политика противоречит намерениям и целям правящих сил США, но что поделаешь. Рано или поздно, но господствующей элите этой страны придется смириться с реальностями мирового развития.

Советский Союз и впредь останется твердым приверженцем политики мира, сделает все от него зависящее, чтобы остановить сползание человечества к ядерной бездне.